

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume eighteen

THE TURING OPTION

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга восемнадцатая

ВЫБОР ПО ТЬЮРИНГУ

**Издательская фирма «Полярис»
1995**

The Turing Option

Copyright © 1992 by Harry Harrison and
Marvin Minsky

© 1995 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-201-0

ВЫБОР ПО ТЮРИНГУ

*Джулии, Маргарет и Генри, Мойре
и Тодду — этот рассказ о вашем
завтра*

Тест Тьюринга

В 1950 году Алан М. Тьюринг, один из основоположников компьютерной технологии, задался вопросом, сможет ли когда-нибудь машина мыслить. Однако очень трудно определить, что мы понимаем под словом «мыслить». Поэтому он предложил начать с обычной цифровой вычислительной машины и поставил вопрос так: можно ли, увеличив объем ее памяти и быстродействие, а также снабдив ее нужной программой, добиться того, чтобы она могла выступать в роли человека? Вот его ответ:

«Я полагаю, что вопрос "Могут ли машины мыслить?" лишен смысла и поэтому не заслуживает обсуждения. Тем не менее я уверен, что к концу нынешнего столетия и в значениях тех слов, которыми мы пользуемся, и в мировоззрении образованного человека произойдут такие перемены, что можно будет говорить о думающих машинах, не встречая возражений» (Алан Тьюринг, 1950).

Глава 1

*Окотильо-Уэллс, штат Калифорния
8 февраля 2023 года*

Дж.-Дж. Бэкуорт, председатель правления компании «Мегалоуб индастриз», был озабочен, хотя воспитанная за многие годы выдержка не позволяла ему проявить беспокойство. Это была еще не тревога, не страх — всего лишь озабоченность. Он повернул свое вращающееся кресло к окну, за которым открывалась живописная панорама заката в пустыне. Багряное небо на западе, над хребтом Сан-Исидро, бросало красноватый отсвет на горы Санта-Роза, тянувшиеся вдоль северного горизонта. От тощих кустиков фукерии и кактусов тянулись по серому песку пустыни длинные вечерние тени. Обычно суровая красота этих мест оказывала на него успокаивающее действие, но сегодня этого не случилось. Тихий звонок переговорного устройства прервал его мысли.

— Ну что там? — произнес он.

Узнав его голос, аппарат включился, и секретарша сообщила:

— Здесь доктор Мак-Крори, он хотел бы поговорить с вами.

Дж.-Дж. Бэкуорт заколебался. Он знал, чего хочет от него Мак-Крори, и предпочел бы, чтобы тот еще немно-

го потомился в ожидании. Но нет, лучше сразу сказать ему, в чем дело.

— Пусть войдет.

Зажужжал моторчик двери, и вошел доктор Мак-Крори. Большими шагами он бесшумно пересек просторный кабинет — толстый ворсистый ковер поглощал все звуки. Это был сухопарый, угловатый человек, казавшийся тощим как палка рядом с коренастой, плотной фигурой председателя. Он был без пиджака, галстук свободно болтался у него на шее — руководство компании «Мегалоуб» не придавало большого значения формальностям. Но на нем был жилет с карманами, из которых торчало множество ручек и карандашей, без которых не может обходиться ни один инженер.

— Извините, что побеспокоил вас, Джей-Джей, — он нервно стиснул переплетенные пальцы, не желая, чтобы его слова прозвучали упреком председателю компании, — но к демонстрации все давно готово.

— Знаю, Билл, извините, что вам приходится ждать. Но тут возникли кое-какие дела, я сейчас не могу оторваться.

— Если будет задержка, нам придется объясняться с охраной.

— Я это прекрасно понимаю.

Дж.-Дж. Бэкуорт никак не проявил своего раздражения — он никогда не делал этого в разговорах с подчиненными. Может быть, Мак-Крори просто не отдает себе отчета в том, что председатель лично руководил проектированием и установкой всех охранных систем компании. Он молча погладил свой шелковый галстук — холодное молчание само по себе равносильно выговору.

— Придется немного подождать. На нью-йоркской бирже только что были сделаны неожиданные и очень обширные закупки акций. Перед самым закрытием.

— Наших акций?

— Да. В Токио биржа еще открыта, она теперь работает круглые сутки, и там как будто происходит то же самое. С финансовой точки зрения это лишено всякого смысла. Нашу компанию основали пять самых крупных и самых влиятельных электронных корпораций страны. Они полностью контролируют «Мегалоуб». Закон требует, чтобы определенная часть акций поступала в открытую продажу, но о попытке перекупить компанию не может быть и речи.

— Тогда что это может означать?

— Я и сам хотел бы знать. Вот-вот поступят доклады от наших брокеров. После этого мы сможем отправиться к вам в лабораторию. А что вы собираетесь мне показать?

Билл Мак-Крори нервно улыбнулся:

— Я думаю, пусть лучше Брайан вам это объяснит. Он говорит, что это тот самый решающий прорыв, которого он ждал. Боюсь, я сам не совсем понимаю, в чем дело. Я ведь не так уж хорошо разбираюсь во всем, что касается искусственного интеллекта. Мое дело — коммуникации.

Дж.-Дж. Бэкуорт понимающе кивнул. В последнее время в их исследовательском центре делалось немало такого, что не было предусмотрено первоначальным планом. Компания «Мегалоуб» была основана с единственной целью: догнать и, если удастся, перегнать японцев в области ТВВЧ — телевидения высокой четкости. Оно началось с широкого экрана и развертки более чем на тысячу строк. На этот поезд Соединенные Штаты чуть было не опоздали. Только потом, убедившись, что ведущие позиции на мировом телевизионном рынке уже захватили иностранные производители, основатели «Мегалоуб» объединили свои усилия и привлекли к делу Пентагон — да и это удалось лишь благодаря снисходительности Генерального прокурора США, пока конгресс принимал поправки, смягчившие антitrustовские законы и сделавшие возможным создание такого промышленного консорциума нового типа. Уже в 80-х годах Министерство обороны, или, точнее говоря, одно из немногих его управлений, занимавшихся новой техникой, — Агентство по новым оборонным проектам (АНОП), — признало ТВВЧ не только важным оружием в войнах будущего, но и перспективной технологией, необходимой для индустриального прогресса. Поэтому, даже несмотря на то что бюджетные ассигнования в последние годы сильно сократились, АНОП сумело добыть деньги, нужные для исследований.

Как только проблемы финансирования были решены, в безлюдной калифорнийской пустыне поспешно собрали лучших специалистов в разных областях технических наук. Там, где раньше среди бесплодных песков стояло лишь несколько крохотных ферм, пользовав-

шихся для орошения своих садов подземными водами, вырос обширный современный исследовательский центр. Дж.-Дж. Бэкуорт знал, что здесь разрабатывается много новых перспективных научных программ, но суть некоторых из них представлял себе довольно туманно. В качестве председателя он имел более важные обязанности — нес ответственность за работу центра перед шестью разными ведомствами. Его мысли прервал красный огонек, загоревшийся на телефонном аппарате.

— Да?

— На проводе мистер Мура, наш брокер в Японии.

— Соедините его со мной.

Он повернулся к видеоэкрану:

— Добрый вечер, Мура-сан.

— Вам тоже, мистер Джей-Джей Бэкуорт. Извините, что беспокою вас в такое позднее время.

— Я всегда рад вас слышать. — Бэкуорт с трудом сдерживал нетерпение. Но иначе с японцами нельзя: церемонии для них — прежде всего. — И вы, конечно, не стали бы мне сейчас звонить, если бы у вас не было важных новостей.

— Насколько они важны, я предоставляю вашему авторитетному суждению. Я всего лишь скромный слушающий и могу только сообщить следующее. Волна закупок акций «Мегалоуб» спала. Сейчас я должен получить последние данные — жду их с минуты на минуту.

На какое-то мгновение изображение на экране застыло, губы брокера перестали шевелиться. Это было первое напоминание о том, что на самом деле Мура говорит по-японски и его слова автоматически переводятся на английский, а мимику и движения губ компьютер подгоняет под звучание английских слов. Кто-то протянул брокеру листок бумаги, он взял его, прочитал то, что там было написано, и улыбнулся:

— Новости очень хорошие. Цена акций упала до прежнего уровня.

Дж.-Дж. Бэкуорт задумчиво потер подбородок:

— Как вы думаете, в чем дело?

— Должен с сожалением сообщить, что не имею ни малейшего представления. Могу сказать одно: тот или те, кто этим занимался, потеряли что-то около миллиона долларов.

— Интересно. Ну, спасибо за помощь. Жду от вас подробного доклада.

Дж.-Дж. Бэкуорт дотронулся до кнопки, изображение на экране погасло, и тут же послышалось тихое гудение стоявшего позади него воксфакса — из машины поползла лента с распечаткой только что состоявшегося разговора. Слова Бэкуорта были напечатаны на ней черным цветом, Муры — красным, чтобы легче было разобраться. Программа-переводчик была неплохая: просмотрев ленту, Бэкуорт заметил не так уж много ошибок. Теперь секретарша подошьет эту распечатку к делу, а потом штатный переводчик компании проверит правильность перевода, сделанного машиной.

— В чем же дело? — спросил в недоумении Билл Мак-Крори. Он прекрасно разбирался в электронике, но тонкости работы фондового рынка оставались для него полной тайной.

Дж.-Дж. Бэкуорт пожал плечами:

— Этого мы пока не знаем. А может быть, и никогда не узнаем. Возможно, какой-нибудь предприимчивый брокер решил быстро заработать. А может, это какой-нибудь крупный банк, который почему-то изменил свое решение. Во всяком случае, теперь это неважно. Я думаю, мы можем посмотреть, что там придумал ваш гений. Как, вы сказали, его зовут? Брайан?

— Брайан Дилени, сэр. Но я должен сначала позвонить, уже поздно.

За окном стемнело. На небе показались первые звезды, и в кабинете автоматически зажглись лампы.

Бэкуорт кивнул и указал на телефон, стоявший на столе в другом конце кабинета. Пока инженер звонил, Джей-Джей вызвал на экран свой календарь на сегодняшней день, убедился, что дел больше не осталось, и проверил, что предстоит завтра. День обещал быть нелегким — как и любой другой. Он поднес к терминалу свои часы с электронной памятью, на экране появилось слово «ЖДИТЕ», через секунду его сменило слово «ОКОНЧЕНО»: все встречи, намеченные на следующий день, были переписаны в память часов. Вот и все.

Каждый вечер в эту пору, прежде чем уходить, он обычно выпивал рюмку шотландского ячменного виски «Гленморанджи» пятнадцатилетней выдержки. Он взглянул туда, где находился потайной бар, и слегка улыбнулся. Пока еще не время. Подождет.

Билл Мак-Крори нажал кнопку отключения микрофона и сказал ему:

— Извините, сэр, но лаборатории уже закрыты. Чтобы нам туда пройти, придется подождать несколько минут.

— Прекрасно, — отозвался Бэкуорт, поняв, о чем идет речь. Существовало множество причин, почему исследовательский центр решили построить здесь, в пустыне. Сыграли свою роль и чистый воздух, и низкая влажность, но гораздо важнее был сам факт, что здесь пустыня. Первостепенное значение имели соображения безопасности. Еще в 40-х годах, когда промышленный шпионаж только делал свои первые шаги, некоторые не слишком щепетильные корпорации обнаружили, что куда легче выкрасть чужие секреты, чем тратить время, энергию и деньги на собственные разработки. С развитием компьютерных технологий и электронного подслушивания промышленный шпионаж превратился в одну из самых быстрорастущих отраслей. Первая и главная проблема, с которой столкнулась компания «Мегалоб», состояла в том, как обеспечить безопасность своего нового исследовательского центра. Как только были выкуплены фермы и окружавшая их пустыня, вокруг всей территории центра возвели глухой, непроницаемый забор. На самом деле не совсем забор и не вполне непроницаемый — непроницаемых заборов не бывает: это была целая система изгородей и стен, оплетенных колючей проволокой, увешанных датчиками (немало датчиков было скрыто и под землей) и просматриваемых голографическими мониторами. Поверхность забора была усеяна чувствительными элементами, которые реагировали на давление и сотрясение, и разными другими устройствами. Проникнуть за эту черту было почти невозможно — а если бы это и удалось кому-нибудь, человеку или автомату, то его поджидали прожектора, телекамеры, собаки и вооруженные охранники.

Но даже после того как все это вступило в строй, строительство здания центра не начиналось до тех пор, пока не были выкопаны, проверены и выброшены на свалку все до единого провода, кабеля и канализационные трубы, которые здесь находились. При этом была сделана одна неожиданная находка: на стройплощадке обнаружилось доисторическое индейское кладбище. Стройку пришлось приостановить, пока археологи со

всей возможной тщательностью не раскопали захоронения и не передали найденные предметы в музей индейской культуры в Сан-Диего. Только после этого, под пристальным надзором, началось строительство. Почти все сооружения заранее собирали на хорошо охраняемых площадках, опечатывали, проверяли и снова опечатывали. После того как их доставляли на место в запломбированных контейнерах, всю процедуру проверки повторяли. Этой стороной строительства Дж.-Дж. Бэкуорт руководил лично. Без абсолютно надежной системы безопасности вся затея лишилась бы смысла.

Билл Мак-Крори нервно поднял голову от телефона.

— Прошу прощения, Джей-Джей, но часовые механизмы замков уже запущены. Теперь придется ждать полчаса, не меньше, прежде чем можно будет туда войти. Не отложить ли все на завтра?

— Ни в коем случае. — Бэкуорт нажал несколько кнопок на своих часах и сверился с расписанием дел на следующий день. — У меня целый день занят, включая деловой обед в моем кабинете, а в четыре я улетаю. Или сейчас, или никогда. Вызовите Тотта, пусть все устроит.

— Он, наверное, уже ушел.

— Ну, нет. Он приходит первым, а уходит последним.

Арпад Тотт возглавлял службу безопасности. Больше того, он присматривал за сооружением всех охраняемых систем — казалось, больше ничто в жизни его не интересовало. Пока Мак-Крори звонил ему, Бэкуорт решил, что уже пора. Он открыл шкафчик с бутылками и плеснул себе на три пальца ячменного виски. Потом добавил столько же минеральной воды — никакого льда, разумеется! — пригубил и с наслаждением перевел дух.

— Налейте себе, Билл. Тотт был у себя, ведь верно?

— Спасибо, я только немного минеральной. Не просто у себя — он лично будет нас сопровождать.

— Ему ничего больше не остается. Дело в том, что в нерабочее время мы с ним оба должны набрать кодовый пароль, чтобы войти. А если кто-то из нас, по ошибке или намеренно, наберет не тот номер, тут такое начнется!

— Я не знал, что меры безопасности у нас такие строгие.

— Вот и хорошо. Вам о них знать незачем. Каждого, кто входит в лаборатории, не упускают из виду ни на

секунду. Ровно в пять двери запираются надежнее, чем кладовые государственного казначейства. После этого еще можно выйти — ведь ученые любят работать допоздна, иногда даже всю ночь. Вам тоже, наверное, приходилось. А теперь вы увидите, что войти в это время почти невозможно. Вы все поймете, когда за нами явится Тотт.

Было самое время посмотреть новости. Джей-Джей нажал кнопку на столе. Обои, покрывавшие дальнюю стену, и висевшая на ней картина исчезли, и вместо них появилась заставка программы новостей. Телевизионные экраны с разрешением в шестнадцать тысяч линий, разработанные здесь, в лабораториях центра, давали такое правдоподобное изображение, что уже завоевали львиную долю телевизионного, телеигрового и компьютерного рынка. Экран в кабинете Бэкуорта состоял из десятков миллионов микроскопических ячеек, созданных благодаря успехам нанотехнологии. Его разрешающая способность и качество цветопередачи были потрясающими: до сих пор никто не мог догадаться, что обои и картина представляют собой электронное изображение, пока Бэкуорт их не выключал.

Прихлебывая виски, он смотрел новости. Кроме них — и притом только тех, что его интересовали, — он никогда ничего не смотрел. Ни спортивных передач, ни рекламы, ни рассказов о зверюшках или скандальных историй про эстрадных звезд. Компьютер, встроенный в телевизор, выискивал и записывал, в порядке их важности, только те сообщения, которые были ему нужны. Международные финансы, состояние фондового рынка, котировка акций компаний по производству телевизоров, курс валют, — а из новостей только те, которые имели отношение к коммерции. За всем этим компьютер следил круглые сутки, непрерывно обновляя информацию.

Когда вошел начальник службы безопасности, на стене снова появились обои и картина. Серо-стальные волосы Арпада Тотта были так же коротко острижены, как и в те времена, когда он служил в морской пехоте инструктором строевой подготовки. В тот печально памятный для него день, когда ему предложили уйти в отставку по возрасту, он сразу же перешел в ЦРУ, где его приняли с распростертыми объятиями. С тех пор прошло немало лет и было проведено немало тайных

операций, прежде чем он разругался со своим новым начальством. Джей-Джею пришлось нажать на все рычаги и воспользоваться связями компании в военном ведомстве, чтобы узнать, из-за чего произошел скандал. Секретный доклад об этом он уничтожил сразу после того, как прочел, но запомнил одно: ЦРУ сочло, что некий план, предложенный Тоттом, потребует слишком больших жертв. Это случилось незадолго до того, как оперативная служба ЦРУ была ликвидирована и многие ее тогдашние операции были продиктованы отчаянием. Компания «Мегалоуб» сразу же сделала Тотту весьма выгодное предложение — возглавить службу безопасности запроектированного исследовательского центра, и с тех пор он работал у них. Лицо его избороздили морщины, стальные волосы поредели, но на его мускулистом теле не было ни грамма лишнего жира. Никому не пришло бы в голову спросить, сколько ему лет, или предложить ему выйти на пенсию.

Тотт бесшумно вошел в кабинет и встал по стойке «смирно». На лице его застыла вечная утрюмая гримаса — никто никогда не видел, чтобы он улыбался.

— Я готов, как только вы будете готовы, сэр.

— Хорошо. Пошли. Я не собираюсь тратить на это всю ночь.

Дж.-Дж. Бэкуорт повернулся спиной — им было незачем знать, что он носит этот ключ в специальном кармашке на поясе, — потом пересек кабинет и подошел к стальной пластине, вделанной в стену. Когда он повернул ключ, она откинулась, и в открывшейся нише замигала красная лампочка. В его распоряжении было пять секунд, чтобы набрать свой код. Только когда загорелась зеленая лампочка, он сделал Тотту знак подойти и спрятал ключ. Начальник службы безопасности сунул руку в нишу и, стараясь двигать пальцами так, чтобы это был незаметно, набрал свой код. Как только он закончил и закрыл нишу, зазвонил телефон.

Бэкуорт устно подтвердил дежурному на центральном посту охраны, что идет в лабораторию, положил трубку и направился к двери.

— Сейчас компьютер обрабатывает нашу заявку, — сказал Джей-Джей, обращаясь к Мак-Крори. — Через десять минут откроется доступ к кодовым замкам на входе в лабораторный корпус. После этого в нашем

распоряжении будет минута на то, чтобы войти, иначе вся операция будет автоматически отменена. Пошли.

Если днем система охраны была незаметна, то теперь, ночью, она бросалась в глаза. Чтобы дойти от административного корпуса до лабораторного, достаточно было нескольких минут, но за это время им повстречались два патрулировавших двор охранника, каждый со злой собакой, рвавшейся с поводка. Всю территорию заливал свет прожекторов, телекамеры автоматически разворачивались в их сторону, куда бы они ни шли. У дверей лабораторного корпуса их поджидал еще один охранник, держа наготове автомат «узи». Несмотря на то что охранник знал их всех в лицо и на присутствие его непосредственного начальника, он потребовал предъявить удостоверения личности и только после этого отпер коробку, где находился кодовый замок. Джей-Джей подождал, пока там не загорится зеленая лампочка, набрал нужный код и прижал большой палец к специальной пластинке, чтобы компьютер мог сверить отпечатки. То же самое сделал и Тотт, а потом, отвечая на вопрос компьютера, набрал цифру, означавшую число посетителей.

— Компьютеру нужен и ваш отпечаток пальца, доктор Мак-Крори.

Только когда было сделано все, что полагается, в дверной коробке послышалось гудение мотора и замок, щелкнув, открылся.

— Я провожу вас до лаборатории, — сказал Тотт, — но входить туда в такое время я не имею права. Позвоните мне по красному телефону, когда соберетесь уходить.

Лаборатория была ярко освещена. За дверью из толстого пуленепробиваемого стекла появился худой, нервный на вид юноша лет двадцати с небольшим. Поджидая их, он в волнении то и дело проводил рукой по растрепанным рыжим волосам.

— Слишком молодо он выглядит для такой ответственной работы, — заметил Дж.-Дж. Бэкуорт.

— А он в самом деле молод — но имейте в виду, что он закончил колледж в шестнадцать лет, — сказал Билл Мак-Крори. — А диссертацию защитил в девятнадцать. Если вы еще ни разу не видели живого гения, пользуйтесь случаем. Наши вербовщики давно уже к нему присматривались, но он по характеру одиночка, не

хотел связываться ни с какой организацией и отвергал все наши предложения.

— Тогда как же получилось, что теперь он работает у нас?

— Он переоценил свои возможности. Такие исследования недешево обходятся и требуют много времени. Когда у него стали кончаться деньги, мы предложили ему контракт, который удовлетворил бы обе стороны. Сначала он отказался, но в конце концов у него не осталось выбора.

Прежде чем открылась последняя дверь, обоим посетителям пришлось удостоверить свою личность еще на одном посту охраны. Тотт отступил в сторону, а они вошли в лабораторию. Компьютер пересчитал вошедших, дверь за ними закрылась, и они услышали, как щелкнул замок.

Дж.-Дж. Бэкуорт взял инициативу на себя, понимая, что чем более непринужденной окажется атмосфера, тем быстрее он узнает все, что нужно. Он протянул руку и обменялся с Брайаном крепким рукопожатием.

— Очень рад, Брайан. Жаль, что мы не могли познакомиться раньше. Я слышал много хорошего о твоей работе. Прими мои поздравления — и спасибо, что нашел время показать мне, что у тебя получилось.

Лицо Брайана, бледное, как у всех ирландцев, залилось краской от таких неожиданных похвал: он к этому еще не привык. К тому же он был слишком плохо знаком с нравами делового мира и не сообразил, что председатель сознательно пустил в ход все свое обаяние. Так или иначе, это возымело нужное действие: Брайан стал держаться не так напряженно и был готов отвечать на вопросы. Джей-Джей с улыбкой кивнул.

— Мне сказали, что у тебя тут наметился важный прорыв. Это правда?

— Безусловно! Можете считать, что дело в шляпе — десятилетняя работа закончена. Или, точнее, виден конец: еще много чего остается сделать.

— Насколько я понимаю, все это имеет какое-то отношение к искусственному интеллекту?

— Да, имеет. Я бы сказал, что искусственный интеллект наконец-то у нас в руках.

— Полегче, полегче, молодой человек! Я считал, что искусственный интеллект создан уже несколько десятилетий назад.

— Разумеется. Уже существуют и используются несколько довольно-таки умных программ, которые называют искусственным интеллектом. Но то, что мы имеем здесь, куда серьезнее. Речь идет о возможностях, сравнимых с возможностями человеческого мозга. — Он запнулся. — Простите, сэр, если это похоже на лекцию. Но насколько вы знакомы с этой областью исследований?

— Откровенно говоря, ничего о ней не знаю. И пожалуйста, называй меня Джей-Джей.

— Хорошо, сэр... то есть Джей-Джей. Тогда я вам кое-что объясню, если вы пройдете со мной.

Он подвел гостей к лабораторному столу, сплошь заставленному внушительной на вид аппаратурой.

— Это не моя работа, это то, чем занимается доктор Голдблум. Но как раз с этого хорошо начать, если мы будем говорить об искусственном интеллекте. Железо здесь не ахти какое, это старый «Макинтош» SE/60 с процессором «Моторола 68050» и сопроцессором, который увеличивает его быстродействие примерно в сто раз. А за основу начинки взята последняя версия классической самообучающейся экспертной системы для диагностики заболеваний почек.

— Стоп, стоп, сынок! Об экспертных системах я кое-что знаю, но что такое «самообучающаяся»? Если ты хочешь, чтобы я хоть что-то понял, тебе придется вернуться к самому началу и отправиться из точки А.

Брайан невольно улыбнулся:

— Простите, вы, конечно, правы. Начнем сначала. Вы знаете, что экспертные системы — это компьютерные программы, которые включают в себя базы данных. То, что мы называем железом, — просто аппаратура вроде вот этой. Пока ток не включен, она годится только на то, чтобы служить пресс-папье, правда, довольно дорогим. А если включить ток, то в таком компьютере защиты кое-какие программки — они проверяют, правильно ли работает сам компьютер, и готовят его к загрузке инструкций. Такие инструкции для компьютера и называются начинкой. Это программы, которые вы в него вводите, чтобы сообщить железу, что оно должно делать и как. Если загрузите текстовый редактор, то сможете с помощью компьютера написать книгу. А если введете бухгалтерскую программу, тот же

самый компьютер будет с огромной скоростью вести вашу бухгалтерию.

Джей-Джей кивнул:

— Это я пока понимаю.

— Прежние экспертные системы первого поколения могли делать только что-нибудь одно — например, играть в шахматы, или диагностировать заболевания почек, или конструировать компьютерные схемы. Но каждая такая программа делала одно и то же снова и снова, даже если результаты получались никуда не годные. Экспертные системы были первым шагом к искусственному интеллекту, потому что они думают, пусть даже незамысловато и стандартно. Следующим шагом стали самообучающиеся программы. А моя новая самообучающаяся обучению программа будет, как я считаю, еще одним огромным шагом, потому что она способна делать куда больше, не выходя из строя и не путаясь.

— Приведи какой-нибудь пример.

— У вас в кабинете есть лингвофон и воксфакс?

— Конечно.

— Тогда вот два прекрасных примера того, о чем я говорю. Вам часто звонят из других стран?

— Да, частенько. Только что я говорил с Японией.

— Вы не заметили, что человек, с которым вы говорили, время от времени как будто запинаясь?

— Да, пожалуй. Был такой момент, когда лицо у него словно застыло.

— Это потому, что лингвофон работает в реальном времени. Иногда невозможно мгновенно перевести какое-нибудь слово, потому что нельзя сказать, что оно означает, пока не увидишь следующего слова — ну, например, «кот» и «код». То же самое и с прилагательными — например «бедный» может означать или «несчастный», или «небогатый». Иногда приходится дожидаться конца фразы или даже того, что за ней последует. Поэтому лингвофон, который воспроизводит мимику, иногда вынужден ждать окончания фразы, прежде чем перевести японские слова на английский и изменить изображение, чтобы движения губ соответствовали английским словам. Программа перевода работает невероятно быстро, но все же иногда приходится останавливать изображение, пока она не проанализирует звуки и порядок слов в поступающем сигнале и не выдаст

английского перевода. Только после этого воксфакс может начать распечатку переведенного разговора. Обычный факс просто выдает копию того, что вложено в аппарат на другом конце линии. Он принимает электронные сигналы от того факса и в точности повторяет оригинал. Но ваш воксфакс — совсем другое дело. Его нельзя назвать разумным, но он пользуется аналитической программой, слушая перевод или английские слова, которые произносит ваш собеседник. Он анализирует каждое слово, сравнивает со словами, заложенными в его память, и устанавливает, какому из них оно соответствует. А потом печатает это слово.

— Ну, это как будто несложно.

Брайан рассмеялся:

— Это одна из самых сложных задач, решению которых нам удалось научить компьютеры. Система должна выделять каждый элемент японской речи и сравнивать его с введенной в нее информацией о том, как употребляется каждое английское слово, фраза или выражение. Понадобились тысячи человеко-часов программирования, чтобы воспроизвести то, что наш мозг делает мгновенно. Когда я говорю «хорошо», вы мгновенно понимаете, что я хочу сказать, верно?

— Конечно.

— А вы знаете, каким образом вам это удастся?

— Да нет, просто понимаю, и все тут.

— Вот это «и все тут» и есть первая проблема, с которой пришлось столкнуться на пути к искусственному интеллекту. Теперь смотрите, что делает компьютер, когда слышит слово «хорошо». Не забудьте, что существуют местные говоры и акценты. Это слово можно произнести «харашо», или «храшо», или как угодно еще. Компьютер разбивает слово на отдельные фонемы, или звуки, потом смотрит, какие еще слова вы перед этим сказали. Он сравнивает их со звуками, взаимосвязями и значениями, заложенными в его память, потом с помощью специальных схем проверяет, годится ли тот вариант, который первым пришел ему в голову, и если не годится, то начинает все сначала. Правильные решения он запоминает и возвращается к ним, когда возникают новые проблемы. К счастью, он работает очень-очень быстро. Прежде чем напечатать «хорошо», ему может понадобиться проделать миллиарды арифметических действий.

— Это все мне пока понятно. Но я не понимаю, какое отношение имеет мой воксфакс к экспертным системам. Ведь он как будто ничем не отличается от текстового редактора.

— Нет, отличается — и вы попали как раз в самую точку. Когда я ввожу в обычный текстовый редактор буквы «Х-О-Р-О-Ш-О», он просто записывает их у себя в памяти. Он может передвигать их из строчки в строчку, растягивать, чтобы выровнять край текста, или распечатать, если получит такую команду, — но он, по существу, постоянно следует жестким инструкциям. А ваши лингвофон и воксфакс сами себя обучают. Стоит им сделать ошибку, как они ее исправляют, пробуют новый вариант и при этом запоминают, что сделали. Это первый шаг в нужном направлении — самокорректирующаяся обучаемая программа.

— Значит, это и есть твой новый искусственный интеллект?

— Нет, это только маленький шаг, который был сделан несколько лет назад. Чтобы создать настоящий искусственный интеллект, нужно совсем другое.

— Что же?

Брайан улыбнулся:

— Это не так просто объяснить, но я покажу вам, что сделал. Моя лаборатория вон там, подальше.

Он провел их в соседнюю лабораторию. Бэкуорт не увидел ничего особенного — все те же компьютеры и терминалы. Уже не в первый раз он порадовался, что занимается только коммерческой стороной деятельности компании. Многие установки были включены и работали без всякого присмотра. Когда они проходили мимо стола, на котором стоял большой телеэкран, Бэкуорт застыл на месте.

— Боже! Это что — объемное телевидение?

— Да, — сказал Мак-Крори, недовольно поворачиваясь спиной к экрану. — Только я не советовал бы вам долго разглядывать картинку.

— Почему? Это же перевернет вверх ногами весь телевизионный бизнес, выведет нас на первое место в мире...

Он потер рукой лоб: кажется, начиналась головная боль, что случалось с ним очень редко.

— Да, если бы оно работало идеально, так бы и случилось. На первый взгляд оно и работает замечатель-

но. Только стоит посмотреть его одну-две минуты, как начинает болеть голова. Впрочем, мы надеемся устранить это в следующей модели.

Джей-Джей отвернулся и вздохнул:

— Как там раньше говорили — придется начинать от печки? Но если вы сумеете его усовершенствовать, мы овладеем всем миром!

Джей-Джей покачал головой и снова повернулся к Брайану.

— Надеюсь, то, что ты собираешься нам показать, работает лучше?

— Да, сэр. Я хочу показать вам робота, в котором устранены все недостатки прежних систем искусственного интеллекта.

— Это тот самый, который может научиться новым способам обучаться?

— Именно так. Вон он стоит. Робин-1 — робот, наделенный интеллектом, номер первый.

Джей-Джей взглянул в ту сторону, куда показывал Брайан, и постарался скрыть разочарование.

— Где?

Он видел только рабочий стол, уставленный аппаратурой, и монитор с большим экраном. Стол ничем особенным не отличался от других столов, стоявших в лаборатории. Брайан указал на стойку с электронными приборами размером со шкаф.

— Там находится большая часть управляющих схем и памяти Робина-1. Они обмениваются сигналами в инфракрасном диапазоне с механическим исполнительным устройством — вон тем телеуправляемым роботом.

Ничего подобного Джей-Джей еще не видел. На полу стояло что-то вроде дерева, перевернутого вверх корнями, ростом не выше пояса. Сверху торчали две руки, которые заканчивались металлическими шарами. Две нижние ветви разветвлялись и разветвлялись снова и снова, становясь на конце не толще спагетти. Однако особенно большого впечатления на Джей-Джея это не произвело.

— Две металлические палки с парой веников вместо ног. Не понимаю.

— Это не веники. Перед вами последнее достижение микротехнологии. Здесь преодолены почти все механические ограничения, свойственные прежним поко-

лениям роботов. Каждая ветвь — это манипулятор с обратной связью, который позволяет управляющей программе принимать сигнал и...

— А что он может делать? — сердито спросил Джей-Джей. — У меня очень мало времени.

Брайан стиснул кулаки, так что у него даже побелели костяшки пальцев, и постарался сдержать раздражение.

— Прежде всего, он умеет говорить.

— Давай послушаем, — и Джей-Джей демонстративно взглянул на часы.

— Робин, кто я? — спросил Брайан.

На поверхности обоих металлических шаров открылось по отверстию, которые до этого были закрыты диафрагмами. Послышалось гудение моторчиков, и шары повернулись к Брайану. Потом диафрагмы снова закрылись.

— Ты Брайан, — послышался жужжащий голос из динамиков, установленных в тех же шарах.

У Джей-Джея сердито раздулись ноздри.

— А кто я? — спросил он. Ответа не было.

— Он отвечает только тогда, когда его называют по имени — Робин, — поспешно пояснил Брайан. — К тому же он вряд ли воспримет ваш голос, ведь до сих пор с ним разговаривал только я. Дайте я попробую. Робин, кто это? Человек, который стоит рядом со мной?

Диафрагмы раскрылись, шары повернулись. Послышался слабый шорох — бесчисленные металлические щетинки зашевелились, и машина двинулась в сторону Бэкуорта. Тот отступил на шаг назад, робот последовал за ним.

— Можно не двигаться, и бояться нечего, — сказал Брайан. — У оптических рецепторов, которые сейчас на нем стоят, короткое фокусное расстояние. Вот видите — он остановился.

— Объект незнаком. С вероятностью девяносто семь процентов это человек. Фамилия?

— Верно. Фамилия — Бэкуорт. Инициалы — Дж.-Дж.

— Дж. Дж. Бэкуорт, возраст шестьдесят два года. Группа крови — нулевая. Карточка социального страхования номер 130-18-4523. Место рождения — Чикаго, штат Иллинойс. Женат. Двое детей. Родители...

— Робин, остановись, — приказал Брайан, и жужжащий голос оборвался, а диафрагмы закрылись. —

Простите, сэр. Но я тут занимался кое-какими экспериментами по идентификации людей и получил доступ к личным делам в отделе кадров.

— Все это игрушки. И я не вижу в этом большого смысла. Что еще может делать эта штука? Она может двигаться?

— Во многих отношениях лучше, чем мы с вами, — ответил Брайан. — Робин, лови!

Он взял со стола коробку со скрепками, высыпал их на ладонь и швырнул в робота. Все части машины мгновенно пришли в такое быстрое движение, что зарябило в глазах. Тонкие щупальца, плавно развернувшись, превратились в сотни крючочков, похожих на изогнутые когти. Они протянулись в разные стороны, поймали одновременно все до единой скрепки и сложили их в аккуратную кучку.

Это Джей-Джею понравилось.

— Хорошо. Думаю, что это может найти коммерческое применение. Но что там насчет его интеллекта? Он думает лучше, чем мы? Может решать задачи, которые мы решить не можем?

— И да и нет. Он совсем новый и еще мало чему научился. Обучить роботов опознавать предметы и обращаться с ними пытались почти пятьдесят лет, и только теперь мы имеем машину, которая способна этому обучиться. Прежде всего надо было вообще научить ее думать. А теперь она очень быстро совершенствуется. Больше того, мне кажется, что ее способность к самообучению растет экспоненциально. Дайте я вам покажу.

Джей-Джей бросил на него заинтересованный, но недоверчивый взгляд и хотел что-то сказать, но тут громко, требовательно зазвонил телефон.

— Красный телефон! — вздрогнув, сказал МакКрири.

— Я буду говорить, — отозвался Бэкуорт, взял трубку и услышал незнакомый голос:

— Мистер Бэкуорт, случилось кое-что непредвиденное. Вы должны немедленно прийти сюда.

— В чем дело?

— Эта линия не защищена от подслушивания.

Джей-Джей положил трубку и с досадой нахмурился:

— Там что-то случилось, не знаю что. Вы оба ждите здесь. Я постараюсь разобраться как можно скорее. Если окажется, что мне придется задержаться, я позвоню.

Его шаги замерли в коридоре. Брайан сердито молчал, не сводя глаз со стоявшего перед ним робота.

— Он ничего не понял, — сказал Мак-Крори. — Он слишком мало знает, чтобы понять, как важно то, что ты сделал.

Его прервал какой-то странный звук, похожий на кашель. Звук повторился трижды, потом послышался громкий стон и грохот аппаратуры, падающей на пол.

— Что там такое? — воскликнул Мак-Крори, повернулся и сделал шаг в сторону двери, которая вела в соседнюю лабораторию. Снова раздался звук, похожий на кашель, и Мак-Крори вдруг повернулся вокруг своей оси. Лицо его превратилось в залитую кровью маску. Он зашатался и упал.

Брайан пустился бежать. Он ни о чем не думал, не рассуждал — он хотел только скрыться, спрятаться куда-нибудь, как привык за многие годы издевательств и преследований, которые терпел от мальчишек постарше. Он выбежал в дверь за мгновение до того, как пуля ударилась в косяк как раз на уровне его головы.

Прямо перед ним оказался большой сейф для хранения пленок с запасными копиями всех расчетов. Их складывали туда каждый вечер. Сейчас сейф был пуст. Пуленепробиваемый, несгораемый, герметически закрывающийся сейф. Чулан, где мальчик может укрыться от преследования, темное место, где он может найти убежище. Брайан распахнул дверцу сейфа, и в этот момент слепящая боль разорвала ему спину и швырнула его вперед, развернув в воздухе. От того, что он увидел, у него перехватило дыхание. Он поднял руку, пытаясь прикрыть голову, потянул к себе ручку сейфа и начал падать на спину. Но пуля догнала его. Выпущенная в упор, она пробила ему руку, а потом голову. Дверца сейфа захлопнулась.

— Вынь его оттуда! — выкрикнул чей-то хриплый голос.

— Замок защелкнулся. Но он готов, я видел, как пуля попала ему в голову.

Рохарт только что поставил автомобиль к обочине у своего дома, вылез и собрался закрыть дверцу, как в машине загудел телефон. Он взял трубку и нажал

кнопку. В трубке послышался чей-то голос, но Рохарт не смог расслышать ни единого слова — все заглушил рев вертолета. Он удивленно поднял голову и зажмурился от яркого света прожектора. Вертолет садился прямо на его газон. Когда пилот сбросил обороты, Рохарт смог разобрать кое-что из того, что неслось из трубки:

— Немедленно... Невероятно... Катастрофа...

— Я не слышу — тут только что сел какой-то чертов вертолет и покорежил мне весь газон!

— Это за вами! Садитесь, летите сюда немедленно!

Прожектор погас, и Рохарт увидел на борту вертолета черно-белую полицейскую эмблему. Дверца распахнулась, кто-то махнул ему рукой, приглашая садиться. Рохарт никогда не отличался тугодумием или замедленной реакцией, иначе он не стал бы директором-распорядителем компании «Мегалоуб». Он швырнул телефонную трубку в машину, подбежал к вертолету, шагнул на ступеньку трапа, споткнулся, и несколько сильных рук втащили его в кабину. Дверца еще не успела захлопнуться, как они уже были в воздухе.

— Что за дьявольщина?

— Не знаю, — сказал полицейский, помогая ему пристегнуться. — Я знаю только одно: у вас там все вверх ногами. Тревога объявлена на территории трех штатов, вызваны агенты ФБР. Сейчас туда направляются все свободные патрули и вертолеты.

— А что там случилось — взрыв, пожар?

— Никаких подробностей. Мы с пилотом патрулировали над шоссе номер восемь около Пайн-Велли, когда пришел приказ забрать вас и доставить в «Мегалоуб».

— А вы не можете позвонить и выяснить, что произошло?

— Нет. Все линии заняты. Но мы сейчас будем там, вон уже огни видны. Через шестьдесят секунд будете на земле.

Пока они шли на посадку, Рохарт всматривался в контуры зданий, пытаясь разглядеть разрушения, но ничего не заметил. Зато на территории, обычно почти безлюдной, люди кишели, как муравьи. Повсюду виднелись полицейские автомобили и вертолеты, другие вертолеты кружили над головой с зажженными прожекторами, освещавшими все как днем. Около главного лабораторного корпуса стояла пожарная машина, но пламени

нигде видно не было. Рядом с посадочной площадкой ждала кучка людей; как только вертолет коснулся земли, Рохарт распахнул дверцу, прыгнул вниз и, пригнувшись, побежал к ним. Вихрь от вращающегося винта трепал его одежду.

Часть поджидавших его была в полицейской форме, часть в штатском, но с полицейскими значками на груди. Только одного из них он узнал — это был Джизус Кордоба, ночной дежурный.

— Это невероятно, непостижимо! — крикнул ему Кордоба, стараясь перекричать удаляющийся рев вертолета.

— Что там такое?

— Сейчас покажу. Никто пока еще не знает, что на самом деле случилось и каким образом. Сейчас покажу.

Следующее потрясение Рохарт испытал, когда они бегом поднимались по лестнице лабораторного корпуса. Свет нигде не горел, телекамеры охраны не работали, двери, которые должны были быть опечатаны, стояли открытые настежь. Полицейский с ручным аккумуляторным фонарем махнул рукой вперед и повел их по коридору.

— Все так и было, когда мы тут появились, — сказал Кордоба. — Пока здесь ничего не трогали. Я... я просто не могу понять, как это могло случиться. Все было тихо и спокойно, ничего необычного — во всяком случае с центрального поста я ничего не заметил. Доклады с постов поступали вовремя. Я следил за лабораторным корпусом, потому что знал, что там держались посетители: мистер Бэкуорт, кто-то еще. Вот и все — ничего необычного. А потом началось.

По лицу Кордобы стекали капли пота. Он утирал их рукавом, сам того не замечая.

— Все случилось сразу. Похоже, что все сигналы тревоги сработали одновременно. Охранники куда-то делись, и собаки тоже. Сигналы шли не отовсюду — только с ограды и из лабораторного корпуса. Только что все было тихо — а через секунду началось. Не понимаю.

— Ты говорил с Беникофом?

— Он позвонил мне, когда узнал о тревоге. Сейчас он в самолете, летит сюда из Вашингтона.

Рохарт быстро шел по коридору, через двери, которым полагалось быть запертыми.

— Вот так это и выглядело, когда мы сюда вошли, — сказал один из полицейских. — Света не было, все двери открыты, внутри никого. Видимо, кое-что тут поломано. А тут как будто еще больше — и компьютеры, кажется, тоже: очень много кабелей болтается. И похоже, что отсюда тащили какие-то тяжести — довольно много и в большой спешке.

Директор-распорядитель окинул взглядом почти пустую комнату и вспомнил, как она выглядела, когда он был здесь в последний раз.

— Брайан Дилени! Это его лаборатория. Его оборудование, аппаратура — все исчезло! Скорее, где у вас радио? Пошлите несколько полицейских к нему домой. Только смотрите, чтобы были как следует вооружены, и пусть держат ухо востро. Те, кто это сделал, побывают и там.

— Сержант! Сюда! — крикнул один из полицейских. — Я кое-что нашел! Вот, — сказал он, указывая на пол. — Свежая кровь на кафеле, у самой двери.

— И на ручке тоже, — добавил сержант и повернулся к Рохарту:

— А что это такое? Какой-то сейф?

— Вроде того. Здесь хранятся копии записей. — Рохарт вынул бумажник. — У меня здесь записан шифр.

Трясущимися пальцами он набрал комбинацию цифр, повернул ручки, потянул на себя, и дверца распахнулась. Из сейфа выпало окровавленное тело Брайана и осело на пол у его ног.

— Врачей сюда! — заревел сержант, приложив пальцы к залитой кровью шее, чтобы проверить, есть ли пульс, и стараясь не смотреть на разmozженный череп.

— Не могу понять... Да! Он еще жив! Где «скорая»?

Рохарт отступил в сторону, чтобы пропустить врачей, и, удивленно моргая, смотрел, как на первый взгляд суетливо, толкаясь и покрикивая друг на друга, но четко и организованно они работают. Перед глазами у него мелькали капельницы, наборы инструментов для экстренной помощи, что-то еще. Он молча ждал, пока Брайана не унесли бегом в стоящую наготове машину. Врач принялся укладывать инструменты в сумку.

— Он будет... Вы можете что-нибудь мне сказать?

Врач мрачно мотнул головой, защелкнул сумку и поднялся на ноги.

— Он едва-едва жив. Пулевое ранение в спину, рикошет от ребер, ничего серьезного. А вот вторая пуля... Она прошла навывлет через руку, а потом... В общем, обширные повреждения мозга, сотрясение, костные осколки в мозговой ткани. Я мог сделать только одно — ввел внутривенно паравин. Он уменьшает повреждения при мозговых травмах — снижает уровень обменных процессов в мозговой ткани, чтобы клетки не так быстро погибали от кислородного голодания. Если он и выживет, то, вполне возможно, никогда больше не придет в сознание. Ничего кроме этого пока еще сказать невозможно. Его доставят вертолетом в Сан-Диего, в больницу.

— Я ищу мистера Рохарта, — сказал вошедший полицейский.

— Я здесь.

— Мне велено передать вам, что ваша догадка подтвердилась. Только слишком поздно. Это я о доме, про который вы говорили. Где живет мистер Дилени. Дом полностью обчистили пару часов назад. На месте видели мебельный фургон. Сейчас мы пытаемся его выследить. Следователь просил передать вам, что забрали все компьютеры, бумаги и записи.

— Спасибо. Спасибо, что сказали.

Рохарт стиснул зубы, почувствовав, что голос его дрожит. Кордоба все еще стоял рядом и слушал.

— Дилени занимался искусственным интеллектом, — сказал он.

— Да, проектом «ИИ». И он решил проблему — все было у нас в кармане. Машина с почти такими же возможностями, как и человек.

— А теперь?

— Теперь она в кармане у кого-то другого. У каких-то безжалостных людей. Хитрых и безжалостных. Это надо же — придумать такой план и суметь его осуществить! Теперь все попало к ним.

— Но их найдут. Не может быть, чтобы это сошло им с рук.

— Вполне может быть. Они сделают так, чтобы публика ничего не знала о краже. Они не собираются завтра же объявить, что располагают искусственным интеллектом. Рано или поздно это произойдет, но не сразу. Не забудьте, что искусственным интеллектом занимаются многие исследователи. Вот увидите, в один

прекрасный день это случится, вполне закономерно и логично, и никак не будет связано с тем, что произошло здесь сегодня, так что ничего нельзя будет доказать. Просто у какой-нибудь компании появится искусственный интеллект. И это так же верно, как то, что это будет не «Мегалоуб». А что до Брайана, то все будут знать только то, что он умер и его работа умерла вместе с ним.

Страшная мысль пришла в голову Кордобе.

— А почему это должна быть просто какая-то другая компания? Кто еще интересуется искусственным интеллектом?

— Кто еще? Да всего-навсего полмира. Разве японцы не хотели бы заполучить настоящий, действующий искусственный интеллект? А немцы, иранцы — да все, кто угодно?

— А русские? Или кто-нибудь еще, кто не прочь побряцать оружием? Я вряд ли приду в восторг при виде наступающей танковой армии, которой управляет механический интеллект, не знающий ни страха, ни усталости, ни потребности в сне. Или услышу о торпедах и минах с глазами и мозгом, которые плавают себе в океане, пока поблизости не появятся наши суда.

Рохарт покачал головой:

— В наши дни об этом тревожиться уже не приходится. Танки и торпеды сейчас никто всерьез не принимает. Производительность труда — вот как называется игра, в которую мы все играем. Страна, которая располагает искусственным интеллектом, обгонит нас, как спринтер обгоняет стоящего на месте, и превратит в нищих. — Он грустно окинул взглядом разоренную лабораторию. — Кто бы они ни были, теперь у них это есть.

Глава 2

9 февраля 2023 года

Реактивный пассажирский самолет летел на высоте 14 000 метров, намного выше громоздившихся внизу кучевых облаков. Даже на этой высоте на его пути время от времени попадались участки с повышенной турбулентностью — напоминание о буре, которая бушевала под облаками. В салоне находился всего один пассажир — мужчина плотного сложения, лет под пятьдесят, целиком погруженный в какие-то бумаги.

На секунду Беникоф оторвался от работы, чтобы прихлебнуть пива. Он увидел, что на его факсе мигает красная лампочка: все новые и новые сообщения шли по телефонному каналу и записывались в память аппарата. Он вызвал их на экран и просматривал одно за другим, пока не смог ясно — слишком ясно! — представить себе подлинные масштабы катастрофы в лабораториях компании «Мегалоуб». Лампочка продолжала мигать — сообщения шли и шли, но теперь они его уже больше не интересовали. Это была какая-то жуткая, невероятная фантастика — и он ничего не мог сделать, пока не прибудет в Калифорнию. Поэтому он решил вздремнуть.

Любой другой на его месте лишился бы сна на всю ночь и сидел бы, изнывая от тревоги и перебирая в уме возможные варианты действий. Но Альфред Дж. Бени-

коф был не из таких. Он всегда отличался невероятной практичностью. Тревожиться сейчас — значит попусту терять время. Больше того, нельзя упускать возможность выспаться: там, на месте, времени на это может не остаться. Он поправил подушку под головой, опустил спинку кресла, прикрыл глаза и сразу же заснул. На его загорелом лице появилось выражение спокойствия, нахмуренный лоб разгладился — теперь он выглядел даже моложе своих пятидесяти: высокий, крепкий человек с едва намечающейся полнотой, от которой не помогала никакая диета. В студенческие годы, в Йельском университете, он играл в футбол, в нападениях, и с тех пор умудрился сохранить форму. Он был как будто создан для своей работы, при которой часто приходилось не выспаться.

Официально должность Беникофа называлась «помощник специального уполномоченного АНОП», однако это был скорее почетный титул, лишенный реального смысла, — в сущности, лишь прикрытие для его подлинной деятельности. На самом деле он был главным специалистом по расследованию всевозможных деликатных историй в области науки и подчинялся непосредственно президенту США.

Беникофа привлекали к делу, когда с какой-нибудь исследовательской программой начинались нелады. Чтобы всегда быть готовым к самому худшему, он старался по возможности держаться в курсе всех разработок, какие только шли в стране. В «Мегалоуб» он наведывался так часто, как только мог: столь обширны и разнообразны были исследования, которые там велись. Однако это был отчасти только повод для его визитов. Больше всего его интересовали работы Брайана — он близко познакомился с молодым ученым, который ему очень нравился. Вот почему его так потряс этот налет.

Он проснулся от воя выпускаемого шасси. Только начинало светать, и восходящее солнце бросало красные полосы света сквозь иллюминаторы, когда они заходили на посадку в аэропорту компании «Мегалоуб». Беникоф поспешно вызвал на экран и просмотрел сообщения, которые пришли, пока он спал. Некоторые из них содержали уточнения предыдущих, но никакой действительно новой информации не было.

У трапа его встретил Рохарт, изможденный и небритый: этой ночью ему крепко досталось. Беникоф с улыбкой пожал ему руку.

— Ну и вид у тебя, Кайл.

— А самочувствие еще хуже. Ты же знаешь, что у нас нет ни одной ниточки, что все материалы по проекту «ИИ» исчезли, что...

— А как Брайан?

— Жив — больше мне ничего неизвестно. Как только состояние стабилизировалось и его подключили к аппаратуре реанимации, медицинский вертолет доставил его в Сан-Диего. Операция шла всю ночь.

— Пойдем выпьем кофе, и ты мне все расскажешь.

Они прошли в столовую для руководящего персонала и налили себе черного мексиканского кофе. Рохарт сделал большой глоток и продолжал:

— В больнице пришли в ужас, когда увидели, какие обширные у него повреждения. Они даже послали вертолет за главным хирургом — каким-то Снэрсбруком.

— Это доктор Эрин Снэрсбрук. В последний раз, когда мы виделись, она работала в институте Скриппса, в Ла-Хойе. Ты не сможешь передать ей, чтобы она связалась со мной, когда кончится операция?

Рохарт вынул из кармана радифон и дал поручение своей секретарше.

— Боюсь, что я о ней никогда не слышал.

— А надо бы. Она лауреат премии Ласкера по медицине в области нейрофизиологии и, вполне возможно, лучший нейрохирург в стране. А если ты поднимешь архивы, то увидишь, что Брайан одно время работал вместе с ней по своей тематике. Я не знаю подробностей, но только что увидел это в последнем докладе, который ко мне поступил.

— Если она такой хороший хирург, то, может быть...

— Если кто-нибудь и способен спасти Брайана, так это она. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Брайан — очевидец всего, что здесь случилось. Если он выживет, если придет в себя, он может оказаться единственной нашей путеводной нитью. Потому что до сих пор нет ни малейшего намека на то, как был устроен этот невероятный налет

— Мы знаем часть того, что произошло. Я не хотел передавать тебе подробности по факсу, линия для этого

недостаточно защищена. — Рохарт протянул ему фотографию. — Вот кое-какие остатки — вероятно, это был компьютер. Сожжен термитом.

— Где это нашли?

— Было закопано в землю позади корпуса охраны. Инженеры говорят, что компьютер был подключен к системе тревожной сигнализации. Нет никакого сомнения, что это устройство было запрограммировано на то, чтобы сообщать на центральный пост охраны ложную информацию.

Беникоф мрачно кивнул:

— Чистая работа. Операторы на центральном посту знают только то, что показывают их экраны и циферблаты. Снаружи может наступить конец света, но пока на экране видны луна и звезды, а по звуковому каналу транслируется лай койотов, дежурный ничего не узнает. Но как же патрули, собаки?

— Ни малейшего намека. Исчезли.

— Как и все оборудование вместе с людьми — кроме Брайана, который остался в лаборатории? Тут у вас были грубо нарушены все правила безопасности. В этом мы тоже еще разберемся, но не сейчас. Конюшня настежь, а ваш ИИ увели...

Зажужжал телефон, и он взял трубку.

— Беникоф слушает. Говорите. — Некоторое время он молча слушал. — Ладно. Перезванивайте туда каждые двадцать минут или около того. Нужно, чтобы она обязательно переговорила со мной прежде, чем оттуда уедет. Это неотложное дело. — Он сунул аппарат в карман. — Доктор Снэрсбрук все еще в операционной. Я хочу, чтобы ты сейчас провел меня в лабораторию. Мне надо увидеть все своими глазами. Но сначала расскажи об этой скупке акций в Японии. Какое отношение она имеет к похищению?

— Время совпадает. Скупка могла быть устроена для того, чтобы задержать Джей-Джея у себя до тех пор, пока лаборатории не закроются на ночь.

— Мало вероятно, но я проверю. Идем туда. Но прежде всего я хочу точно выяснить, кто сейчас тут главный.

Рохарт удивленно поднял брови:

— Боюсь, я не понимаю...

— А ты подумай. Ваш председатель, ваш ведущий ученый и ваш начальник службы безопасности исчезли.

Либо перешли на сторону противника — кто бы он ни был, — либо их нет в живых.

— Уж не думаешь ли ты...

— Думаю, да и тебе советую подумать. Ваша компания и все ее исследовательские разработки серьезно скомпрометированы. Мы знаем, что похищем искусственный интеллект — а что еще? Я намерен предпринять тщательную проверку всех секретных дел и бумаг. Но прежде я хочу снова задать вопрос — кто сейчас у вас главный?

— Боюсь, что мне спихнуть не на кого, — ответил Рохарт без малейшего удовольствия. — Как директор-распорядитель я, видимо, остался старшим по должности.

— Верно. Так вот, считаешь ли ты, что способен обеспечить продолжение деятельности компании, в одиночку заниматься всеми делами и в то же время вести тщательное расследование, какое здесь необходимо?

Прежде чем ответить, Рохарт прихлебнул кофе и взглянул в лицо Беникофа, пытаясь понять, куда тот клонит, но прочитать на нем ничего не смог.

— Ты хочешь, чтобы я сам это сказал, да? Что я могу обеспечить работу «Мегалоуб», но у меня нет опыта в таких расследованиях, какое здесь нужно, и оно мне не по зубам?

— Я не хочу, чтобы ты сказал что-нибудь такое, чего сам не думаешь. — Голос Беникофа был ровен и бесстрастен. Рохарт утрюмо усмехнулся:

— Вас понял. Ты, конечно, сукин сын, но ты прав. Ты согласен взять расследование на себя? Считай, что это официальная просьба.

— Хорошо. Я просто хотел, чтобы была полная ясность, кто чем занимается.

— Значит, берешься — договорились? Тогда что мне теперь делать?

— Руководить компанией. И точка. А я займусь всем остальным.

Рохарт тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Я рад, что ты здесь. Нет, правда.

— Ладно. Теперь пошли в лабораторию.

Дверь в лабораторный корпус теперь была закрыта, и ее охранял рослый, утрюмый человек. На нем был пиджак, хотя утро выдалось теплое и сухое.

— Документы, — произнес он, неподвижно стоя перед дверью. Бегло взглянув на удостоверение Рохар-

та, он подозрительно уставился на Беникофа, когда тот полез в карман за своим. Увидев голографическую фотографию и прочитав, кто такой Беникоф, он неохотно буркнул:

— Проходите, сэр. Вторая дверь по коридору. Он ждет вас. Одного.

— Кто?

— Это все, что я уполномочен вам сообщить, сэр, — невозмутимо ответил охранник.

— Да я тебе и не нужен, — сказал Рохарт. — А у меня прорва дел в конторе.

— Хорошо.

Беникоф быстро прошел к указанной двери, постучал, потом открыл ее и вошел.

— Имен не называть, пока дверь открыта. Заходите и закройте за собой дверь, — сказал человек, сидевший за столом.

Беникоф повиновался, потом снова повернулся к столу и с трудом преодолел невольное желание вытянуться по стойке «смирно».

— Мне никто не говорил, что вы собираетесь сюда, генерал Шоркт.

Если у Шоркта и было какое-нибудь имя, его никто не знал. Очень может быть, что и окрестили-то его тоже Генералом.

— Вам необязательно было это знать, Беникоф. Все правильно.

Беникофу уже приходилось работать с генералом, и он знал, что это человек жесткий, неприятный — но энергичный и деловой. Лицо у него было морщинистое, как морда старой морской черепахи, да и лет ему было, вероятно, не меньше. Когда-то в далеком, туманном прошлом он служил офицером в кавалерии и лишился в бою правой руки. Говорили, что это случилось в Корее, хотя кое-кто называл и сражение на Марне или битву под Геттисбергом*. Когда Беникоф с ним познакомился, он уже работал в военной разведке на какой-то очень высокой и очень секретной должности. У него

* Сражение на Марне между англо-французскими и германскими войсками произошло в 1914 г., битва при Геттисберге между армиями Севера и Юга — во время Гражданской войны в США, в 1863 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

было множество подчиненных, а сам он не подчинялся никому.

— Вы будете докладывать мне раз в день. Если появится что-то важное, то чаще. Мой прямой телефон вы знаете. А все данные вводите в компьютер. Понятно?

— Понятно. Вы уже знаете, что тут дело скверное?

— Знаю, Бен. — Генерал позволил себе на секунду расслабиться и стал почти похож на человека. На очень усталого человека. Потом на лице у него снова появилось официальное выражение. — Можете идти.

— Могу я спросить, в каком качестве вы принимаете участие в этой истории?

— Нет. — Генералу ничего не стоило восстановить против себя кого угодно. — Сейчас же явитесь к агенту Дэйву Мэньясу. Он руководит группой расследования из ФБР.

— Хорошо. Я сообщу вам, что они обнаружили.

Мэньяс лихорадочно барабанил по клавиатуре своего портативного компьютера. Он сидел без пиджака и, хотя кондиционер поддерживал в комнате приятную прохладу, был весь в поту: его постоянно сжигал какой-то внутренний огонь. Когда вошел Беникоф, он поднял голову, вытер руку о штанину и обменялся с ним крепким рукопожатием.

— Рад, что вы здесь. Мне велели подождать с докладом, пока вы не явитесь.

— Что вы выяснили?

— Это предварительный доклад, учтите. Только то, что мы знаем на данный момент. Сведения еще поступают. — Беникоф кивнул, и агент нажал клавишу. — Начнем с этой комнаты. Мы все еще изучаем отпечатки пальцев, которые тут нашли. Но девяносто девять шансов из ста, что никаких посторонних отпечатков тут не окажется. Только здешние служащие. Профессионалы всегда работают в перчатках. Теперь смотрите. Множество царапин и вмятин на линолеуме. Следы от ручной тележки. По документам можно приблизительно прикинуть, что отсюда вывезено. Не меньше полутора тонн оборудования. Чтобы перетаскать это за час, должно было понадобиться пять-шесть человек.

— Откуда вы взяли эту цифру — час?

— Из документов. Входную дверь отперли Тотт и Бэкуорт. С помощью личных шифров. С этого момента

до того, как все полетело вверх тормашками, прошел один час двенадцать минут и одиннадцать секунд. Пошли наружу.

Мэньяс вывел Беникофа к парадному входу и указал на черные отметины на белой бетонной мостовой.

— Следы от покрышек. Грузовик. Видите, вон там он немного заехал на траву и оставил отпечаток протектора.

— Идентифицировали машину?

— Нет. Но мы над этим работаем. А самописец у въезда на территорию показывает, что ворота были дважды открыты и закрыты.

Беникоф огляделся вокруг.

— Дайте-ка я попробую подытожить все, что мы знаем. Сразу после того как в корпус вошли посетители, сигнализация была отключена больше чем на час. Охранники на центральном посту оказались слепыми и глухими — они видели только то, что им показывали, и слушали магнитофонную запись. Все это время охрана вообще не функционировала — значит, можно считать, что все охранники участвовали в операции. Или были убиты.

— Согласен.

Компьютер загудел, и Мэньяс взглянул на экран.

— Только что идентифицирована капля крови, найденная в трещине пола. Лаборатория срочно проделала анализ ДНК и получила надежный результат. Джей-Джей Бэкуорт.

— Мы с ним были хорошими друзьями, — тихо произнес Беникоф после секундной паузы. — Ну, давайте искать тех, кто его убил. Тех, кого, как мы теперь знаем, впустили в этот корпус один или несколько сообщников, которые находились внутри. Они вошли в лабораторию и, судя по состоянию Брайана, расстреляли всех, кто там был, а потом вывезли все, что имело отношение к проекту «ИИ». Погрузили на грузовик и уехали. Куда?

— Никуда. — Мэньяс утер потное лицо мокрым насквозь платком и быстро описал пальцем в воздухе круг. — После наступления темноты здесь, кроме охранников, обычно никого не бывает. Территорию со всех сторон окружает голая пустыня — ни жилья, ни ферм поблизости нет. Значит, нет и очевидцев. Из этой долины ведут только четыре дороги. Все они были перекрыты полицией, как только началась тревога. Ничего. По

ту сторону оцепления патрулировали вертолеты. Задержали множество туристов и грузовиков с фруктами. Больше никого. Как только рассвело, мы начали прочесывать местность в радиусе полутора ста километров. Пока никаких результатов.

Беникоф оставался спокоен, но в голосе его прозвучали сердитые ноты:

— Вы хотите сказать, что большой грузовик с тяжелым грузом и не меньше чем пятью пассажирами вот так взял и исчез? В безлюдной долине, которая одним концом упирается в пустыню, а другим поднимается в горы так круто, что на перевал надо ползти на первой передаче?

— Именно так, сэр. Если узнаем что-нибудь еще, сообщим вам первому.

— Буду очень благодарен.

Радиотелефон на поясе у Беникофа зажужжал, он отцепил его и поднес к губам.

— Это Беникоф. Говорите.

— Вам звонила доктор Снэрсбрук, сэр...

— Соедините меня с ней.

— Простите, сэр, но она повесила трубку. Просила передать, чтобы вы увиделись с ней как можно скорее в больнице Сан-Диего.

Беникоф снова повесил телефон на пояс и оглянулся на лабораторный корпус.

— Мне нужны фотокопии всего, что вы обнаружите, — повторяю, всего. Сообщайте мне свои выводы, но я хочу видеть и все вещественные доказательства.

— Будет сделано, сэр.

— Как быстрее всего попасть в больницу Сан-Диего?

— Полицейским вертолетом. Я сейчас вызову.

Вертолет уже ждал на посадочной площадке, когда подошел Беникоф, и взлетел, как только он пристегнулся.

— Сколько лететь до Сан-Диего? — спросил он.

— Минут пятнадцать.

— Сделайте круг над Боррего-Спрингс, прежде чем ложиться на курс. Покажите мне дороги, которые отсюда ведут.

— Проще простого. Вон там прямо на восток вдоль долины, через каменные россыпи, идет дорога на Солтон-Си и Броули. Вон в той стороне, на севере, по предгорьям проходит магистральное шоссе на Солтон-Си, оно тоже идет на восток. До Солтон-Си отсюда шестьдесят

пять километров. Потом шоссе номер пять, оно идет на юг, там множество подъемов и серпантинов до самого Элпайна. На нем не разгонишься. Поэтому отсюда все обычно ездят вон там, через перевал Монтезума. Мы сейчас пролетим прямо над ним.

Пустыня под ними внезапно оборвалась — дальше вставали горы. Проложенная в них узкая дорога, извиваясь, поднималась все выше и выше к лесистому плато. Вертолет начал набирать высоту. Беникоф взглянул назад и покачал головой. Никакой грузовик просто не мог выбраться из этой долины, минуя заграждения и посты на дорогах.

И все-таки они отсюда выбрались. Он заставил себя не раздумывать над этой загадкой и принялся размышлять о раненом ученом. Достав сообщения врачей, он просмотрел их. Положение казалось удручающим — повреждения были такими тяжелыми, что уже сейчас, возможно, Брайана нет в живых.

Вертолет швырнуло в сторону — он попал в восходящие потоки воздуха, которые поднимались над скалистыми ущельями у самого перевала. Дальше лежало плоское плато, покрытое пастбищами и лесами, его пересекала белая ленточка шоссе. А вдали виднелись города, поселки и большая автострада — там грузовик исчезнет бесследно. Если только он уже преодолел эти двадцать километров крутого подъема. «Нет, не надо об этом думать! Буду думать о Брайане».

Доктора Снэрсбрук Беникоф нашел в ее кабинете. Единственной данью возрасту у нее был серо-стальной цвет волос. Эта сильная, энергичная женщина лет пятидесяти с небольшим излучала чувство уверенности в себе. Слегка нахмурившись, она разглядывала разноцветное трехмерное изображение, висевшее перед ней в воздухе. Руками, вложенными в перчатки-манипуляторы, она поворачивала и перемещала изображение, время от времени срезая с него верхний слой, чтобы увидеть, что находится под ним. Вероятно, она только что вышла из операционной: на ней еще был голубой хирургический костюм и бахилы. Когда она обернулась, Беникоф увидел на груди и рукавах костюма брызги и пятна крови.

— Эрин Снэрсбрук, — представилась она, пожимая ему руку. — Мы с вами пока незнакомы, но я про вас слышала. Альфред Дж. Беникоф. Это вы переубе-

дили тех, кто выступал против использования для пересадки эмбриональных тканей человека. Благодаря чему, между прочим, я здесь и могу кое-что сделать.

— Спасибо, но это было давно. Сейчас я служу в правительстве, а значит, большую часть времени только смотрю, как работают другие исследователи.

— Жаль, что такие таланты пропадают впустую.

— А вы предпочли бы, чтобы моей теперешней работой занимался какой-нибудь юрист?

— Боже сохрани. Пожалуй, вы правы. Теперь давайте я расскажу вам про Брайана. У меня очень мало времени. У него раскроен череп, и он на искусственном кровообращении. Сейчас я жду следующей объемограммы.

— Объемограммы?

— Это куда лучше, чем разглядывать рентгеновские снимки или любое другое изображение, полученное каким-то одним способом. Объемограмма совмещает результаты всех возможных методов исследования, начиная с обычной и ЯМР-томографии* и кончая самой последней новинкой — восьмиполусной иммунофлуоресценцией. Все это перерабатывает процессор для трехмерной обработки сигнала — ИКАР-5367. Он не только выводит на дисплей изображение, но и выделяет или помечает различия между данным больным и средним человеком или же изменения в состоянии больного со времени предыдущего обследования. Так вот, как только новая объемограмма будет готова, я должна буду уйти. До сих пор мы занимались самыми неотложными делами — спасали Брайану жизнь, и только. Сначала тотальная гипотермия, потом охлаждение мозга, чтобы снизить потребление кислорода и замедлить все процессы обмена. Ввели препараты для остановки кровотечения и противовоспалительные гормоны. Я расчистила рану, удалила очаги некроза и костные обломки. Чтобы восстановить желудочки мозга, пришлось частично рассечь мозолистое тело.

— Это часть структуры, которая соединяет оба полушария?

* ЯМР-томография — получение послойных снимков внутренних органов с использованием ядерного магнитного резонанса.

— Да. Шаг серьезный и, возможно, рискованный. Но выбора у меня не было. Так что сейчас наш больной на самом деле представляет собой две личности, у каждой из которых осталось по полмозга. Если бы он был в сознании, это была бы катастрофа. Но я рассекла мозолистое тело довольно чисто и надеюсь, что смогу снова соединить обе половинки. Скажите, что вы вообще знаете о человеческом мозге?

— Очень мало. Только то, что помню со студенческих лет, да и это, наверное, давно устарело.

— Да, это полностью устарело. Сейчас мы стоим на пороге новой эпохи и скоро сможем делать операции уже не на мозге, а на сознании. Сознание — функция мозга, и мы начинаем понимать, как оно работает.

— А конкретно о Брайане — насколько серьезные у него повреждения и можно ли будет его вылечить?

— Вот, посмотрите на эти первые объемограммы, и вы все поймете.

Она указала на цветные голографические изображения, которые словно плавали в воздухе. Стереозффект был поразительным — впечатление было такое, как будто глядишь сквозь череп. Снэрсбрук коснулась пальцем какого-то белого пятнышка, потом другого.

— Вот здесь пуля прошла сквозь череп, а вышла вот здесь, справа. Она прошла через всю кору. К счастью, кора переднего мозга и центральные органы среднего мозга остались почти целы. Боковые доли мозжечка — вот они — как будто не затронуты, и, главное, гиппокамп тоже — вот этот, похожий на морского конька. Он — одна из самых важных структур, которые участвуют в формировании памяти. Это главный энергетический центр сознания, и он остался невредим.

— Пока это все хорошие новости. А плохие?

— Немного повреждена кора, правда, не настолько, чтобы была серьезная опасность. Но пуля разорвала множество пучков нервных волокон — белого вещества, которое составляет большую часть мозга. Они связывают между собой разные отделы коры и соединяют их с другими структурами среднего мозга. Это значит, что некоторые части мозга Брайана утратили связь с базами данных и с другими структурами, которые им нужны для работы. Другими словами, в данный момент Брайан совершенно лишен памяти.

— Вы хотите сказать, что его память разрушена, больше не существует?

— Нет, не совсем так. Смотрите — обширные участки новой коры остались невредимыми. Но большая часть их связей разрушена — вот здесь и здесь. Для остального мозга эти части не существуют. Сами структуры — системы нервов, образующие память, — все еще находятся на своем месте. Но они недоступны для других частей мозга, а сами по себе лишены всякого смысла. Как коробка, полная дискет, когда нет компьютера. Это катастрофа, потому что человек — это его память. Сейчас Брайан практически лишен сознания.

— Значит, он... превратился в растение?

— Да, в том смысле, что мыслить он неспособен. Можно сказать, что содержимое его памяти в значительной мере разъединено с процессором, который у него в мозгу, так что эту память нельзя вызвать и использовать. Он не в состоянии узнавать ни предметы, ни слова, ни лица, ни друзей — ничего. Короче, насколько я понимаю, он больше вообще не в состоянии мыслить. Вспомните — если не считать размеров, то большая часть человеческого мозга почти ничем не отличается от мозга мыши — кроме этой удивительной структуры, которую мы называем новой корой: она появилась только у предшественников приматов. В нынешнем виде бедный Брайан, мой друг и сотрудник, — всего лишь лишенная индивидуальности оболочка, животное, стоящее ниже любого млекопитающего.

— И это все? Конец?

— Необязательно. Хотя мыслить Брайан и не может, его мозг не мертв в том смысле, как это слово употребляют юристы. Еще несколько лет назад ничего поделать было бы нельзя. Сейчас положение иное. Вы, конечно, знаете, что Брайан помогал мне применить на практике его теорию искусственного интеллекта — разрабатывать экспериментальную методику, которая позволяет вновь соединять поврежденные связи в мозгу. Я добилась кое-каких успехов, правда, пока только на животных.

— Если есть хоть какой-нибудь шанс, вы должны им воспользоваться. Вы можете это сделать? Можете спасти Брайана?

— Пока слишком рано говорить что-то определенное. Повреждения очень обширны, и я не знаю, многое ли мне удастся восстановить. Главная трудность в том,

что пуля разорвала миллионы нервных волокон. Восстановить их все невысказано. Но я надеюсь идентифицировать хотя бы несколько сотен тысяч и вновь их соединить.

Беникоф покачал головой:

— Что-то я перестал понимать, доктор. Вы что, собираетесь вскрыть ему череп и идентифицировать каждое из чуть ли не миллиона порванных нервных волокон? На это уйдут многие годы!

— Верно, если заниматься каждым нервом в отдельности. Но теперь существует компьютерная микрохирургия — она позволяет вести операцию сразу во многих точках. Наш компьютер способен за секунду идентифицировать по несколько волокон — а в сутках 86 400 секунд. Если все пойдет по плану, понадобится всего несколько дней, чтобы, зондируя память, идентифицировать и пометить нервные волокна, которые надо будет соединить.

— И это возможно?

— Ну, не так легко. Когда нервное волокно теряет связь со своей материнской клеткой, оно отмирает. К счастью, пустая оболочка отмершего волокна остается на месте, и благодаря этому возможна регенерация нерва. Я воспользуюсь имплантатами, которые разработала сама, чтобы управлять такой регенерацией.

Снэрсбрук вздохнула.

— А потом... Боюсь, потом выяснится, что это было только начало. Ведь дело не только в том, чтобы снова соединить все разорванные нервы, какие мы сможем обнаружить.

— А почему этого будет недостаточно?

— Потому что нужно будет восстановить именно их первоначальные соединения. А все нервные волокна выглядят одинаково, да они и на самом деле одинаковы. Различить их невозможно. Но мы должны соединить их правильно, чтобы восстановить нужные связи. Понимаете, память — это не клетки мозга и не нервные волокна. Это в основном структура связей между ними. Чтобы восстановить все как было, после того как мы сегодня покончим со вторым этапом, понадобится еще и третий. Нам нужно будет найти способ добраться до его памяти, проанализировать ее и в соответствии с этим установить новые соединения. Этого никто еще не

делал, и я не уверена, что справлюсь. А, вот и объемограмма.

Вошел запыхавшийся лаборант с кассетой и вставил ее в проектор. В воздухе появилась трехмерная голограмма. Снэрсбрук внимательно вгляделась в нее, недовольно качая головой.

— Теперь, когда я вижу все повреждения, я могу закончить расчистку и подготовиться ко второму, самому ответственному этапу операции — восстановлению соединений.

— А что именно вы намерены сделать?

— Хочу применить несколько новых методик. Я надеюсь определить, какую роль раньше играло каждое нервное волокно в разных видах деятельности его мозга, прослеживая, где оно подключается к его семантическим нервным сетям. Эти сети, похожие на паутину, состоят из мозговых связей, определяющих все наши знания и процессы мышления. Кроме того, мне придется сделать еще один радикальный шаг — окончательно рассечь его мозолистое тело. Только после этого можно будет соединять друг с другом буквально все участки его коры. Это опасно, но это самый лучший способ полностью восстановить связи между полушариями.

— Я должен знать об этом как можно больше, — сказал Беникоф. — У меня есть какой-нибудь шанс присутствовать на операции?

— Сколько угодно. Только что в операционной мне дышали в затылок не меньше пяти здешних хирургов. Я ничего не имею против, лишь бы не мешали. А откуда у вас такой интерес?

— Не из чрезмерного любопытства, уверяю вас. Вы говорили о машинах, которыми пользуетесь, и о том, что они могут делать. Я хотел бы увидеть их в действии. Я должен в них разобраться, если хочу что-нибудь понять в проблеме искусственного интеллекта.

— Понятно. Тогда пошли.

Глава 3

10 февраля 2023 года

Беникоф, в халате, маске и эластичных бахилах поверх туфель, стоял, прижимаясь спиной к зеленым кафельным плиткам, которыми были облицованы стены операционной, и стараясь быть незаметным. Одна из медсестер передвигала по рельсам, укрепленным под потолком, два больших хирургических светильника, поворачивая их по указаниям больничного хирурга. На операционном столе лежало неподвижное тело Брайана, укрытое стерильными голубыми простынями. Из-под них была видна только голова, выступавшая за край стола и закрепленная острыми стальными спицами головодержателя. Спиц было три — они были прочно ввинчены сквозь кожу в кости черепа. Ослепительно белые повязки на ранах от пуль резко выделялись на оранжевой коже, гладко выбритой и смазанной йодом.

Доктор Снэрсбрук, спокойная и деловитая, перегаривалась о предстоящей операции с анестезиологом и сестрами, присматривая за установкой проектора.

— Вот где я буду работать, — сказала она, постучав пальцем по голографической пластинке. — А вот где вы должны сделать разрез.

Она дотронулась до участка, который обвела на пластинке чернилами, и еще раз проверила, достаточно ли большим будет окно, чтобы можно было добраться

до всех поврежденных структур и свободно работать в полости черепа. Удовлетворенно кивнув, она спроецировала голограмму на голову Брайана и стала смотреть, как хирург рисует на коже линии разрезов, в точности соответствующие разметке на голограмме. Когда он закончил, кожу вокруг будущего окна тоже закрыли простынями, оставив открытым только операционное поле. Снэрсбрук пошла мыться, а хирург приступил к вскрытию черепа, которое должно было занять около часа.

К счастью, Беникофу уже доводилось видеть немало хирургических операций, и вид крови его не смущал. Но его, как всегда, поразило, какие приходится прикладывать усилия, чтобы проникнуть сквозь кожу, мышцы и кости, надежно защищающие мозг. Сначала скальпелем прорезали кожу до черепа, отогнули скальп и прикрепили его к простыне, укрывавшей голову. После того как электрокаутером перекрыли кровоточащие артерии, настало время вскрывать череп.

Отполированным до блеска ручным сверлом хирург проделал в нем несколько отверстий. Сестра убрала костные опилки, очень похожие на обычные древесные. Работа была нелегкая, на лице хирурга выступили капли пота, и ему пришлось откинуть голову назад, чтобы сестра могла стереть их салфеткой. Проделав отверстия, хирург расширил их специальным инструментом. Теперь нужно было с помощью краниотома с электромоторчиком прорезать свод черепа, соединив просверленные отверстия между собой. Когда это было сделано, хирург осторожно просунул между черепной костью и мозгом плоский металлический элеватор, медленно приподнял кусок кости и отделил его. Сестра завернула кость в салфетку и положила в раствор антибиотика.

Теперь настала очередь доктора Снэрсбрук. Она вошла в операционную, держа перед лицом отмытые кисти рук, вошла в подставленный ей стерильный халат и натянула резиновые перчатки. Сестра подкатила поближе столик, на котором были аккуратно разложены скальпели, растяжки, иглы, крючки, десятки разных ножниц и пинцетов — целая батарея инструментов, необходимых для того, чтобы проникнуть в глубь мозга.

— Ножницы, — скомандовала доктор Снэрсбрук, протянув руку, склонилась над столом и прорезала внешнюю оболочку мозга. Как только мозг оказался на

воздухе, заработали автоматические опрыскиватели, увлажняющие его поверхность.

От стены, где стоял Беникоф, не видно было больше никаких подробностей операции, да они его и не интересовали. Самое главное должно было произойти на заключительном этапе, когда к операционному столу подкатят необычного вида машину, которая пока стояла у стены. Вот эту металлическую коробку с экраном, рукоятками управления, клавиатурой и с двумя сверкающими лапами сверху. Лапы переходили в многократно разветвляющиеся пальцы, которые становились все тоньше и тоньше, превращаясь на концах в блестящие туманные пятна: шестнадцать тысяч микроскопических щупалец, которыми заканчивались пальцы, были слишком малы, чтобы разглядеть их невооруженным глазом. Этот многоступенчатый манипулятор был изобретен всего лет десять назад. Сейчас он стоял обесточенный, и пальцы вялыми гроздьями свисали вниз, напоминая плачущую иву из металла.

На протяжении двух часов доктор Снэрсбрук с помощью микроскопа, скальпелей и каутеров медленно и тщательно расчищала места, поврежденные пулей.

— Теперь начинаем ремонт, — сказала она наконец, распрямившись и показав на манипулятор. Как и все остальное оборудование операционной, он был на колесиках, его быстро подкатили на место и подключили к сети. Пальцы встрепенулись и поднялись вверх, а потом снова опустились, повинаясь хирургу, и погрузились в мозг того, кто их изобрел.

Лицо доктора Снэрсбрук посерело от усталости, под глазами легли темные круги. Прихлебнув кофе, она вздохнула.

— Завидую вашей выносливости, доктор, — сказал Беникоф. — У меня и то ноги заболели, а ведь я только стоял и смотрел. Неужели все операции на мозге продолжаются столько времени?

— Большая часть. Но эта была особенно трудной, потому что мне надо было установить на место и закрепить все эти микрочипы. Пришлось не просто оперировать, но одновременно и решать головоломку: у каждо-

го своя форма, ведь они должны в точности прилегать к поверхности мозга.

— Я заметил. А для чего они?

— Это пленочные ПНЭКи — программируемые нейроэлектронные контакты. Я закрепила их на всех поврежденных участках мозга. Они соединятся с концами перерезанных нервных волокон, которые выходят на эти участки, и будут управлять регенерацией нервов Брайана. Такие ПНЭКи разрабатывают уже много лет, они прошли тщательные испытания на животных. Поразительный эффект они дали и при лечении поврежденного спинного мозга у человека. Но в операциях внутри головного мозга их еще никогда не применяли, если не считать нескольких экспериментов. Да и я предпочла бы обойтись без них, если бы могла выбирать.

— А что будет дальше?

— ПНЭКи покрыты живой тканью — нервными клетками человеческих эмбрионов. Клетки должны прорасти и обеспечить контакт между концом каждого из разорванных нервов и по меньшей мере одним квантовым полупроводниковым вентилем на поверхности ПНЭКа. Прорастание, наверное, уже началось и будет продолжаться несколько дней. Как только эти новые волокна вступят в прежние, я займусь программированием ПНЭКов. Каждый из них устроен так, что может направить любой сигнал, приходящий из любого участка мозга, в соответствующее нервное волокно, идущее в другой участок.

— Но как вы можете узнать, куда его направить?

— В этом-то вся трудность. Мы будем иметь дело с сотнями миллионов отдельных нервов, не зная, куда каждый из них посылает свои сигналы. На первом этапе нам поможет анатомическое устройство мозга Брайана: руководствуясь им, мы сможем составить очень приблизительную карту — куда должно идти большинство нервных волокон. Этого будет мало, чтобы обеспечить тонкое мышление, но я надеюсь, что это позволит восстановить минимальный уровень функционирования мозга, несмотря на все неизбежные ошибки при подключении. Например, если двигательная зона мозга пошлет сигнал произвести движение, то какая-нибудь мышца должна будет на него откликнуться, пусть даже не та, какая нужна. Мы получим реакцию, которую впоследствии можно будет скорректировать обучением

или тренировкой. На коже Брайана, примерно вот здесь, — она дотронулась пальцем до своего затылка, — я установила контактную плату. Компьютер подключит к ней микроскопические кончики оптических волокон, через которые сможет общаться с каждым из ПНЭКов, находящихся внутри мозга. И тогда этот внешний компьютер можно будет использовать для поиска — он станет разыскивать соответствующие друг другу участки мозга, где запечатлены одни и те же воспоминания или понятия. Когда они будут найдены, компьютер даст команду установить там, внутри, электронный контакт между соответствующими ПНЭКа́ми. Каждый микрочип в отдельности — это что-то вроде телефонного коммутатора, какие были в старину: через него абонент мог соединиться с любым другим. Вот и я с помощью нейронного коммутатора в мозгу Брайана начну восстанавливать оборванные связи.

Бен перевел дух.

— Так вот оно что! Вы восстановите всю его память!

— Вряд ли. Часть памяти, навыков и способностей будет утрачена навсегда. На самом деле я надеюсь восстановить лишь столько, чтобы Брайан смог заново обучиться тому, что утрачено. Для этого потребуются огромная работа. Не забывайте, насколько сложен мозг, — ведь за развитие его структуры отвечает во много раз больше генов, чем за развитие любого другого органа.

— Это я понимаю. А как вы считаете, личность, тот человек, которого мы знаем как Брайана, еще жив?

— Думаю, что да. Во время операции я видела, как его руки и ноги двигались под простынями — точь-в-точь как у человека, который видит сон. Хотела бы я знать, что может видеть во сне этот наполовину разрушенный мозг!

Тьма...

Не знающая времени тьма. Теплая тьма.

Ощущение. Воспоминание.

Воспоминание. Осознание. Присутствие. Кружение, кружение, кружение. Без цели, в пустоте, по бесконечному замкнутому кругу.

Тьма. Где? Чулан. В темном чулане безопасно. Убежище ребенка. Никакого света. Только звуки. Воспоминание возвращается снова и снова.

Звуки? Голоса. Голоса, которые он знает. Голоса, которые он ненавидит. И один новый. Незнакомый. Выговор, как по телевизору. Не ирландский. Американский, сразу можно сказать. Американцы. Они как-то приезжали в деревню. Обедали в пабе. Фотографировали. Один сфотографировал его. Дал ему монетку. Золотую. Двадцать пенсов. Накупил сладостей. Все съел. Американцы.

Здесь? В этом доме. Любопытство заставило его подойти к двери чулана, взяться за ручку. Он повернул ее, осторожно приоткрыл дверь. Голоса стали громче, яснее. Кто-то кричал. Наверное, дядя Симус.

— Наглость какая — явиться сюда! Да как у тебя духу хватило, мерзавец? Явиться сюда, в тот самый дом, где она умерла и все такое! Как ты только осмелился...

— Почему вы кричите, мистер Райан? Я сказал вам, почему я сюда приехал. Вот из-за этого.

Это и был новый голос. Американский выговор. На самом деле не американский, такой же ирландский, как и у всех остальных, но все-таки временами американский. Такой редкий случай невозможно было упустить. Брайан совсем забыл про свою обиду из-за того, что его так рано отправили в свою комнату, забыл, какой закатил скандал и как в конце концов оказался в чулане, в темноте, где можно кусать кулаки и плакать, не боясь, что кто-нибудь увидит или услышит.

На цыпочках он пересек маленькую комнату, ощущая босыми ногами сначала холод пола, потом тепло коврика у двери. Ему было уже пять лет, и теперь он мог смотреть в замочную скважину, не подкладывая под ноги толстую книгу. Он прижался глазом к скважине.

— Это письмо я получил несколько недель назад. — У человека с американским акцентом были рыжие волосы и лицо в веснушках. Он сердито взмахнул какой-то бумажкой. — На конверте почтовый штемпель, поставленный здесь. В Таре, в этой деревне. Хотите знать, что там написано?

— Убирайся отсюда! — раскатисто прозвучал низкий, хриплый голос, перешедший в приступ кашля. Дед. Все еще курит по двадцать сигарет в день. — Ты что, слов не понимаешь? Тебя здесь не хотят видеть.

Приезжий понурился, вздохнул:

— Я это знаю, мистер Райан, и не хочу с вами спорить. Я только хочу знать, правда ли все это. Этот человек, кто бы он ни был, пишет, что Эйлин умерла...

— Это правда, клянусь Богом, — и убил ее ты! — Дядя Симус все больше выходил из себя. «Наверное, сейчас ударит этого человека, как меня ударил», — подумал Брайан.

— Мне это было бы трудно, ведь я не виделся с Эйлин больше пяти лет.

— Но ты виделся с ней на один раз больше, чем надо, и нечего изворачиваться. Сделал ей ребенка, мерзавец, сбежал и оставил ее на позор. Вместе с ее ублюдком.

— Это не совсем так, да и какое отношение это имеет...

— Убирайся отсюда вместе со своими красивыми словами!

— Я не уйду, пока не увижу мальчика.

— Черта с два ты его увидишь!

Послышался шум борьбы, грохот упавшего стула. Брайан изо всех сил вцепился в дверную ручку. Это слово он хорошо знал. Ублюдок. Это он, так его звали все мальчишки. Но при чем здесь тот человек в гостиной? Брайан не мог этого понять и должен был выяснить. Его, конечно, побьют, но это неважно. Он повернул ручку и толкнул дверь.

Дверь распахнулась и с шумом ударилась в стену. Все замерло. На диване — дед в рваном сером свитере, с сигаретой во рту, от которой струйка дыма поднималась ему прямо в прищуренный левый глаз. Дядя Симус, со стиснутыми кулаками и побагровевшим лицом, рядом с ним на полу упавший стул.

И приезжий. Высокий, хорошо одетый, в костюме с галстуком. Черные, начищенные до блеска туфли. Он смотрел на мальчика, и по лицу его было видно, как он взволнован.

— Привет, Брайан, — произнес он тихо-тихо.

— Берегись! — крикнул Брайан. Но было уже поздно. Дядин кулак, загрубелый за годы работы в шахте, обрушился на лицо человека, сшиб его с ног. В первый момент Брайан подумал, что сейчас они начнут драться, как дерутся у кабачка по субботним вечерам, но на этот

раз все было иначе. Приезжий потрогал щеку, взглянул на свою окровавленную руку и поднялся на ноги.

— Ладно, Симус, может, я это и заслужил. Но не больше, так что хватит. Послушай, убери свои кулаки и хоть немного пошевели мозгами. Я видел мальчика, и он меня видел. Что сделано — то сделано. Я думаю о его будущем, а не о прошлом.

— Глянь-ка на них, — проворчал дед, сдерживая кашель. — Как две капли воды, и рыжие оба, и все такое. — Настроение его внезапно переменилось, и он махнул рукой, так что от сигареты посыпались искры. — Иди-ка назад в комнату, малец! Нечего тебе тут смотреть, и слушать нечего. Быстро к себе, пока не попало!

Обрывки, разрозненные, проплывающие вне времени. Давно забытые, бессвязные картины. Окруженные тьмой, перемежающиеся тьмой. Почему все еще темно? Пэдди Дилени. Его отец.

Как кадры из кинофильма, которые мелькают на экране так быстро, что не успеваешь разглядеть. Тьма. Снова кинокадры, опять четкие и ясные.

Оглушительный рев моторов, окно перед ним — таких больших окон он никогда еще не видел, даже в магазинах. Он крепко вцепился в отцовскую руку. Немудрено испугаться — все это было так ново.

— Вон наш самолет, — сказал Патрик Дилени. — Большой, зеленый, с такой нашлапкой сверху.

— 747-8100. Я видел картинку в газете. Мы прямо сейчас в него сядем?

— Очень скоро — как только объявят посадку. Мы сядем первыми.

— И больше я не буду жить в Таре?

— Только если захочешь.

— Нет. Я их ненавижу. — Он засопел, утер нос рукой и взглянул на высокого человека, стоявшего рядом. — А ты знал мою мать?

— Очень хорошо знал. Я хотел на ней жениться, но... Ничего не получилось, были на то причины. Ты поймешь, когда подрастешь.

— Но... Ты мой отец?

— Да, Брайан, я твой отец.

Он уже много раз задавал этот вопрос, но каждый раз не очень ожидал получить откровенный ответ. Теперь, в аэропорту, глядя на огромный зеленый самолет, он наконец поверил. Что-то словно набухло и прорвалось у него внутри, и по лицу его покатились слезы.

— Я не хочу туда возвращаться. Никогда, никогда!

Отец опустился на колени и прижал его к себе так крепко, что ему стало трудно дышать, — но это ничего, теперь все в порядке. Брайан улыбнулся и ощутил во рту соленый вкус слез. Он улыбался и плакал в одно и то же время, потому что не мог остановиться.

Глава 4

12 февраля 2023 года

Входя в операционную на следующий день, Эрин Снэрсбрук все еще чувствовала усталость. Однако когда она увидела Брайана, усталость как рукой сняло. Столько было уже сделано, столько еще оставалось сделать! Поврежденные ткани мозга, большей частью белое вещество, были уже удалены.

— Собираюсь приступить к имплантации, — сказала она тихо, почти шепотом. Ее слова предназначались не для просвещения тех, кто находился в операционной, а для автоматической записи. Чувствительные микрофоны уловят их, как бы тихо она ни говорила, и запишут все, что происходит.

— Все отмершие ткани уже удалены. Передо мной поверхность разреза в белом веществе. Это участок, где перерезаны аксоны множества нейронов. Проксимальный конец каждого из перерезанных нервов еще жив, потому что по эту сторону разреза расположено тело клетки. Но дистальный конец, остальная часть аксона, синаптически соединяющаяся с другими клетками, уже мертва. Она отрезана от источника питания и энергии. Это означает, что обе части требуют различных подходов. Я сделала оттиски чистых поверхностей разрезов в белом веществе. По этим оттискам изготовлены гибкие микроплазменные чипы — ПНЭКи. Компь-

ютер запомнил топографию разрезов и знает, какому их участку соответствует каждый ПНЭК. На месте их будут удерживать клетки соединительной ткани. Сначала я буду расчищать проксимальные концы нервных волокон и присоединять их к чипам, устанавливая каждый на свое место. Торцы аксонов будут обработаны белком, стимулирующим рост. На пленку, из которой состоит чип, нанесены капельки химических соединений, которые, высвобождаясь под действием электрического поля, будут стимулировать рост аксонов, заставляя их тянуться к ближайшей контактной панели. Начинаю.

С этими словами она включила манипулятор, дала ему команду приблизиться к открытому мозгу и опуститься. Крохотные разветвленные пальчики медленно, плавно растопырились и потянулись к поверхности мозга. Манипулятор был снабжен мощным компьютером, способным управлять каждым микроскопическим пальчиком по отдельности. Оконечности пальчиков были слишком малы по сравнению с длиной световых волн, и поэтому объективы системы распознавания размещались на несколько разветвлений выше. Изображение от каждого объектива передавалось в компьютер, который сопоставлял его с другими изображениями, создавая внутри себя трехмерную модель поврежденного мозга.

Все ниже и ниже опускались щупальца машины, одни быстрее, другие медленнее, пока все они не приблизились вплотную к поверхности мозга и не расплзлись по ней, заслонив ее от глаз хирурга.

Доктор Снэрсбрук повернулась к экрану монитора и командовала:

— Ниже. Стоп. Еще ниже. Немного назад. Стоп.

Теперь она видела то же самое, что видел компьютер, — увеличенное изображение поверхностей разреза. Если надо, она могла выделить наплывом любой их участок или, наоборот, увидеть всю поверхность общим планом.

— Начинайте орошение, — сказала она.

Каждое десятое щупальце было полым — оно представляло собой, в сущности, тоненькую трубочку с электронным клапаном на конце. Поверхность разреза в мозгу начала покрываться мельчайшими капельками — микроскопически мелкими, настолько крохотными бы-

ли отверстия в щупальцах. Скоро вся поверхность была покрыта невидимым слоем электрофлуоресцентной жидкости.

— Уменьшите свет в операционной, — скомандовала она, и светильники померкли.

Орошение прекратилось — машина-контактор решила, что этого достаточно. Доктор Снэрсбрук выбрала самый нижний участок раны и послала туда по тонким, как волос, оптическим волокнам крохотные лучики ультрафиолетового света. На экране поверхность мозга загорелась множеством светящихся точек.

— Электрофлуоресцентное покрытие нанесено на все нервные окончания. При облучении ультрафиолетом оно излучает достаточно фотонов, чтобы их можно было зарегистрировать. Реакция, вызываемая ультрафиолетовым облучением, происходит только в тех нервных окончаниях, которые еще живы. Теперь начинаю установку имплантатов.

Имплантаты, тщательно подогнанные по форме поверхностей разрезов в мозгу Брайана, лежали на лотке, погруженные в нейтральный раствор. Лоток поставили рядом с головой Брайана и сняли крышку. Щупальца манипулятора с бесконечной осторожностью опустились на них.

— Каждый из этих ПНЭКов-имплантатов изготовлен индивидуально. Они состоят из нескольких слоев гибкой полимерной пленки, в которой находятся полупроводниковые элементы. Пленка должна быть гибкой и эластичной, потому что поверхности разреза уже немного изменились с тех пор, как с них снимали оттиски, по которым изготовлены эти чипы. Дальше будет происходить вот что. На вид чипы кажутся одинаковыми, но на самом деле они, разумеется, все разные. Компьютер рассчитал их размеры так, чтобы каждый в точности соответствовал тому или иному участку поверхности разреза. Теперь он может рассортировать их и установить каждый на нужное место. От каждого чипа отходят несколько световодов, которыми он будет соединен с соседними чипами, так что образуется сеть перекрестных связей между разными участками мозга. Если посмотреть на верхнюю поверхность чипов, то видно, что там на каждом из них торчит еще по паре проволочек. Зачем они нужны, станет понятно на следующем этапе операции. А этот этап закончится, когда

будут установлены на место все десять тысяч имплантатов. К чему мы сейчас и приступаем.

Хотя доктор Снэрсбрук и присматривала за общим ходом операции, на самом деле установкой имплантатов управлял компьютер. Щупальца манипулятора двигались так быстро, что расплывались в туманные пятна, и уследить за ними было невозможно. Один за другим крохотные кусочки пленки, сверкнув на мгновение, ложились на место. Наконец был установлен и закреплен последний. Щупальца снова поднялись, и доктор Снэрсбрук почувствовала, что охватывавшее ее напряжение немного ослабло. Она выпрямилась и ощутила острую, режущую боль в пояснице, но заставила себя забыть о ней.

— Теперь начался следующий этап — установление контактов. Поверхность пленок обработана примерно так же, как при изготовлении дисплеев с активной матрицей. Задача каждого полупроводникового элемента состоит в том, чтобы, ориентируясь по люминесценции, найти живой нерв и вступить с ним в физический контакт. Пленка покрыта гормонами роста, которые заставят подходящие к ней нервы образовать с входами полупроводников синаптические соединения. Назначение таких соединений станет очевидным на следующем этапе. А каждое отмершее дистальное волокно будет заменено эмбриональной клеткой, подвергнутой генноинженерным манипуляциям, — внутри оболочки нервной клетки, которую она заменила, из нее вырастет новый аксон, и вместо старых, отмерших дистальных синапсов возникнут новые. Одновременно с этим будут расти новые дендриты, которые соединят нервную клетку с выходной панелью пленочного чипа.

Операция заняла почти десять часов. Все это время доктор Снэрсбрук не отходила от операционного стола. Когда был установлен последний контакт, усталость обрушилась на нее как лавина. Выходя из комнаты, она пошатнулась и оперлась на дверной косяк, чтобы не упасть. Конечно, и после операции нужно непрерывно следить за состоянием Брайана и ухаживать за ним, но с этим могут справиться и сестры.

Восстановление мозга Брайана отнимало очень много времени и сил. Но у нее были и другие больные, нужно было делать другие плановые операции. Она перекроила свое расписание, запросила и получила помощь са-

мых лучших хирургов и оставила себе только самые неотложные случаи. И все же ей приходилось работать по двадцать четыре часа в сутки — и так уже на протяжении многих дней. Дрожащим голосом она продиктовала в микрофон отчет о только что проделанных процедурах — компьютер запишет и распечатает его. Теперь несколько таблеток декседрина — не слишком это полезно, но поможет дотянуть до конца дня.

Она зевнула и потянулась.

— Конец отчета. Включить переговорное устройство. Мадден!

Компьютер принял команду и дал сигнал секретарше.

— Да, доктор.

— Пригласите сюда миссис Дилени.

Она потеряла руки и выпрямилась.

— Включить запись, открыть файл на Долли Дилени, — произнесла она и взглянула, загорелся ли маленький красный огонек на подставке настольной лампы. Дверь отворилась, в кабинет неуверенно вошла маленькая худая женщина с беспокойным взглядом.

— Очень хорошо, что вы смогли прийти, — сказала доктор Снэрсбрук с улыбкой, вставая из-за стола и указывая на стул для посетителей. — Прошу вас, устраивайтесь поудобнее, миссис Дилени.

Женщина судорожно сжимала в руках сумочку, держа ее на коленях так, словно пыталась, как барьером, отгородиться ею от всего окружающего.

— Пожалуйста, доктор, называйте меня Долли. Вы можете сказать мне, как он?

В голосе ее слышалось напряжение, хотя она изо всех сил старалась его скрыть.

— Абсолютно никаких изменений, Долли, с тех пор, как мы вчера с вами говорили. Он жив, и мы должны быть за это благодарны. Но у него очень серьезные повреждения, и пройдут недели, а возможно, и месяцы, прежде чем мы сможем узнать результаты лечения. Вот почему мне нужна ваша помощь.

— Но я не медсестра, доктор, не понимаю, чем я могу помочь.

Она поправила на коленях сумочку, по-прежнему напоминавшую барьер. Женщина была недурна собой и выглядела бы еще лучше, если бы не ее поджатые губы. Похоже, жизнь была к ней не слишком милосердна и не доставляла ей особой радости.

— Вы говорите, что вам нужна помощь, но я ведь до сих пор вообще не знаю, что случилось с Брайаном. Мне просто кто-то позвонил и сказал, что в лаборатории произошел несчастный случай. Я надеялась, что вы скажете мне больше. Когда я смогу его увидеть?

— Сразу, как только это будет возможно. Но вы должны знать, что у Брайана обширные мозговые травмы. Серьезно повреждено белое вещество мозга. Нарушена память. Но этому можно будет помочь, если я сумею пробудить у него достаточно много ранних воспоминаний. Вот почему мне нужно как можно больше информации о вашем сыне...

— Приемном сыне, — спокойно вставила она. — Мы с Патриком усыновили его.

— Я не знала. Простите.

— Не надо извиняться, доктор, тут нет ничего такого. Это все знают. Брайан — незаконный сын Патрика. До того как мы познакомились, когда он еще жил в Ирландии, у него была... связь с одной местной девушкой. Она и стала матерью Брайана.

Долли вытащила из сумки кружевной платок, вытерла ладони, снова сунула платок в сумку и громко щелкнула замком.

— Я хотела бы услышать об этом более подробно, миссис Дилени.

— Зачем? Это давнее дело, сейчас оно никого не касается. Моего мужа нет в живых, он умер девять лет назад. К тому времени мы... разошлись. Развелись. Я жила с родителями в Миннесоте. Мы с ним не общались. Я даже не знала, что Пэдди заболел, мне никто ничего не сообщал. Вы понимаете, что я не могла не испытывать некоторую обиду. Я узнала о его болезни только тогда, когда Брайан позвонил мне по поводу похорон. Как вы можете видеть, все это уже в прошлом.

— Я очень вам сочувствую. Но как бы это ни было трагично, подробностей прежней жизни Брайана это никак не меняет. Вот о чем вы должны мне рассказать. Я хочу понять, как шло развитие Брайана. Теперь, когда вашего мужа нет в живых, вы единственный человек, кто может предоставить мне эту информацию. У Брайана серьезно поврежден мозг, уничтожены обширные его участки. Ваша помощь нужна, чтобы восстановить его память. Должна признаться: почти все то, что я

делаю, — всего лишь эксперимент. Но это его единственный шанс. Чтобы добиться успеха, я должна знать, где и что искать в его прошлом. Дело в том, что для реконструкции его памяти мне придется воспроизвести все развитие его сознания, начиная с раннего детства. Эту сложнейшую структуру можно восстановить, только начиная с самого нижнего этажа. Нельзя оживить понятия и представления более высоких уровней, пока не заработают более ранние элементы. Нам придется восстанавливать его сознание, весь комплекс его представлений, во многом так же, как оно развивалось изначально, в детские годы Брайана. И тут только вы можете мной руководить. Согласны вы помочь мне вернуть ему его прошлое в надежде, что тогда у него снова появится и будущее?

Губы Долли побелели — так плотно она их сжала. Ее била дрожь. Эрин Снэрсбрук молча, терпеливо ждала.

— Это было очень давно. С тех пор мы с Брайаном стали чужими друг другу. Но я вырастила его, я старалась, как могла, делала все возможное. Я не видела его с самых похорон...

Она снова достала платок, приложила его к уголкам глаз, убрала в сумку и выпрямилась.

— Я знаю, что для вас это очень трудно. Но мне необходимо располагать этими фактами, абсолютно необходимо. Могу я спросить вас, где вы впервые встретились с вашим мужем?

Долли вздохнула, потом нехотя кивнула:

— Это было в Канзасском университете. Пэдди приехал туда из Ирландии, это вы знаете. Он преподавал в университете. На педагогическом факультете. Я тоже. Планирование семьи. Как вы, конечно, прекрасно знаете, сейчас становится все очевиднее, что наши нынешние проблемы с окружающей средой вызваны, в сущности, перенаселением, так что этот предмет уже перестал быть запретным. Пэдди был математик, очень хороший, даже слишком хороший для нашего факультета. Дело в том, что его пригласил на работу один новый университет в Техасе, и у нас он должен был преподавать, пока тот не откроется. Так они договорились. Они хотели, чтобы он подписал с ними контракт и был им связан. В их интересах, не в его. Он был очень одинокий человек, у него не было друзей. Я знаю, что он тосковал по Дублину, ужасно тосковал. Он так и

говорил, когда мы с ним об этом разговаривали: «Ужасная тоска». Не то чтобы он очень любил говорить о себе. Он читал лекции студентам, которым нужно было только отбыть время, его предмет их совершенно не интересовал. Ему это очень не нравилось. Вот примерно тогда мы и начали встречаться. Он делился со мной своими горестями, и я знаю, что общение со мной приносило ему утешение.

Она ненадолго умолкла, потом продолжала:

— Не знаю, почему я вам все это рассказываю. Наверное, потому что вы доктор. До сих пор я держала это про себя, ни с кем об этом не говорила. Теперь, когда его уже нет, я могу наконец произнести это вслух. Я... я не думаю, чтобы он когда-нибудь меня любил. Со мной ему было просто удобно. Демография довольно широко пользуется математикой, так что я могла кое-как следить за его мыслями, когда он говорил о своей работе. Правда, очень скоро я переставала его понимать, но он этого, по-моему, не замечал. Мне кажется, я просто создавала ему уют своим присутствием. Меня это не слишком огорчало, во всяком случае на первых порах. Когда он сделал мне предложение, я с радостью ухватилась за этот шанс. Мне тогда было уже тридцать два, и моложе я не становилась. Вы знаете — говорят, если девушка не выйдет замуж до тридцати, то для нее все кончено. Так что я согласилась. Старалась забыть все девичьи фантазии о романтической любви. В конце концов, и браки по расчету бывают удачными. В тридцать два девушке нелегко жить одинокой. А он — если он кого-нибудь и любил, то только ее. Она умерла, но это не имело никакого значения.

— Значит, он говорил с вами об этой девушке из Ирландии?

— Конечно. Трудно рассчитывать на то, чтобы человек в его возрасте оставался девственником. Даже в Канзасе. Он был очень честный, прямолинейный человек. Я знаю, что та девушка была ему очень, очень близка, но все это давно осталось позади. О мальчике он на первых порах не говорил ничего. Но прежде чем сделать мне предложение, он рассказал, что произошло там, в Ирландии. Все рассказал. Не скажу, чтобы я была рада, но я решила, что это дело прошлое, и все тут.

— И что вы узнали о Брайане?

— Все, что знал Пэдди, но это было очень мало. Только как его зовут и что он живет с матерью в какой-то деревне. Она ни за что не желала ничего слышать о Пэдди, и я знала, что это его очень огорчало. Его письма возвращались нераспечатанными. Когда он пробовал посылать деньги для мальчика, их отказывались получать. Он даже посылал деньги тамошнему священнику, чтобы тот отдавал их мальчику, но и из этого ничего не вышло. Пэдди не брал их обратно, а жертвовал на церковь. Священник помнил об этом и, когда девушка умерла, написал Пэдди. Он очень переживал, хотя и старался не показывать. А потом попытался заставить себя выбросить все это из головы. Тогда-то он и сделал мне предложение. Я вам уже говорила — мне было более или менее ясно, почему он так поступил. Но даже если мне это и не совсем нравилось, я не подала виду. Ее нет в живых, а мы муж и жена, и все тут. Мы даже больше об этом не говорили. Вот почему я была так потрясена, когда пришло то гнусное письмо. Он сказал, что должен выяснить, что происходит, и я не стала возражать. А когда он вернулся из той первой поездки в Ирландию... Я никогда еще не видела, чтобы что-нибудь могло так подействовать на человека. Теперь речь шла только о мальчике — кроме него, все осталось в прошлом. Когда Пэдди сказал мне, что намерен его усыновить, я сразу же согласилась. Своих детей у нас не было, не могло быть, у меня было бесплодие. Я подумала об этом маленьком мальчике-сироте, который растет в какой-то грязной дыре на краю света... Вы понимаете, что у меня на самом деле не было выбора.

— А вы сами бывали в Ирландии?

— Мне незачем было туда ездить. Я и так все знала. Мы провели медовый месяц в Акапулько. Сплошная грязь. Почему-то мало кто понимает, что Соединенные Штаты — вполне приличная страна, намного лучше, чем все эти заграницы. А к тому времени уже состоялось новое назначение, Пэдди теперь преподавал в Университете свободного предпринимательства и получал вдвое больше денег, чем в Канзасе. Это пришлось очень кстати — нам пришлось очень много заплатить этим ирландским родственникам. Но дело того стоило: нужно было спасти мальчика от этой ужасной жизни. Пэдди все там устроил, хотя это было не так легко. Ему

пришлось три раза побывать в Ирландии, прежде чем все уладилось. Пока Пэдди в последний раз был там, я приготовила комнату для мальчика. У Пэдди был там приятель, какой-то Шон, не помню фамилии, они вместе учились в школе. Он стал адвокатом — солиситором, так это там называется. Пэдди пришлось передать дело в суд и предстать перед судьей. Первое, о чем они спросили, — венчались ли мы по католическому обряду. Если нет, то никаких шансов на усыновление не было. Потом экспертиза для установления отцовства — унижительная процедура. Но дело того стоило. Самолет опаздывал на четыре часа, но я так и сидела в аэропорту. Мне показалось, что они вышли самыми последними. Я никогда не забуду эту минуту. Пэдди выглядел таким усталым, а мальчик... Бледный, как бумага, — наверное, за всю свою жизнь никогда не бывал на солнце. Тощий, руки торчат из этой грязной куртки, как палки. Помню, я даже оглянулась по сторонам — мне на секунду стало стыдно, что меня увидят с мальчиком, который так одет.

Доктор Снэрсбрук сделала ей знак остановиться и еще раз взглянула, горит ли красный огонек.

— Вы хорошо помните этот момент, Долли?

— Я никогда не смогу его забыть.

— Тогда вы должны все мне рассказать, в мельчайших подробностях. Ради Брайана. Его память... ну, скажем, повреждена. Все воспоминания остались на месте, но мы должны, так сказать, напомнить ему о них.

— Я не понимаю.

— Согласны ли вы помочь мне, даже если не все понимаете?

— Да, если вы хотите, доктор. Если вы говорите, что это так важно. Я привыкла верить на слово. В нашей семье головой был Пэдди. Ну, и Брайан, конечно. Я думаю, они оба смотрели на меня сверху вниз, хоть и никогда в этом не признавались. Но это всегда чувствуется.

— Долли, даю вам честное слово, что вы единственный человек на свете, кто может сейчас помочь Брайану. Больше никто не будет смотреть на вас сверху вниз. Вы должны восстановить эти воспоминания. Вы должны описать все в точности, как вы запомнили. До мельчайших подробностей.

— Хорошо, если это так важно, как вы говорите, и если это поможет. Я сделаю все, что смогу. — Она с решительным видом села прямо. — В то время, совсем маленьким, мальчик был мне очень дорог. Он отдалился от меня только потом, когда стал старше. Но я думаю.. Нет, я знаю, что тогда я ему была нужна.

Пэдди и Брайан подошли к ней. Оба выглядели ужасно усталыми. Пэдди держал мальчика за руку. Отец и сын — эти рыжие волосы с золотистым оттенком, тут ошибиться было невозможно.

— Я должен получить багаж, — сказал Пэдди. Он поцеловал ее, оцарапав ей лицо своей щетиной. — Присмотри за ним.

— Как ты себя чувствуешь, Брайан? Я Долли.

Мальчик опустил голову и молча смотрел в сторону. Слишком маленький для восьми лет. Больше шести ему не дашь. Костлявый и грязноватый. Питание, разумеется, скверное, привычки еще хуже. Придется им заняться как следует.

— Я приготовила тебе комнату — она тебе понравится.

Не подумав, она протянула руку и обняла его за плечи, но почувствовала, как он вздрогнул, и убрала руку. Нелегко с ним придется. Она заставила себя улыбнуться, стараясь не показать, как неловко себя чувствует. Слава Богу, вот и Пэдди с чемоданами.

Почти сразу же, как только автомобиль тронулся, мальчик заснул на заднем сиденье. Пэдди широко зевнул и извинился.

— Ничего. Тяжелый был перелет?

— Просто очень долгий и утомительный. И, ты знаешь, — он оглянулся через плечо на Брайана, — во многих отношениях не такой уж простой. Вечером расскажу.

— А что там за история с паспортом, о которой ты говорил по телефону?

— Чиновничьи придирки. Что-то о том, что я родился в Ирландии и получил американское гражданство, а Брайан все еще ирландец, хотя это должно было быть оговорено в бумагах по усыновлению. Американский консул в Дублине ничего такого не говорил. Нам дали

заполнить какие-то анкеты, и в конце концов оказалось проще оформить Брайану ирландский паспорт, чтобы потом разобраться с этим здесь.

— Мы сразу же это сделаем. Теперь он американский мальчик, ему не нужен какой-то там иностранный паспорт. А когда мы приедем, увидишь — я приготовила свободную комнату, как мы договорились. Койка, маленький письменный стол, несколько симпатичных картинок. Ему понравится.

Брайану это новое место сразу пришлось не по душе. Сначала он был слишком измучен, чтобы думать об этом. Он проснулся, когда отец внес его в дом, проглотил несколько ложек какого-то странного на вкус супа и, видимо, снова заснул прямо за столом. А когда проснулся утром, расплакался — так все вокруг было незнакомо и страшно. Его спальня оказалась просторнее, чем гостиная там, дома. Весь привычный ему мир исчез — даже его одежда. Шорты, рубашка, куртка — все куда-то делось, пока он спал. Вместо них появилась новая одежда, разноцветная и яркая вместо прежней черно-серой. Длинные брюки. Дверь отворилась, и он, вздрогнув от испуга, нырнул под простыню. Но это был его отец с едва заметной улыбкой на лице.

— Хорошо спал?

Брайан кивнул.

— Прекрасно. Прими душ — вон там, он устроен точно так же, как в Дублине, в отеле. И одевайся. После завтрака я покажу тебе твой новый дом.

К душе предстояло еще привыкнуть, и Брайан пока еще не мог понять, нравится ему эта штука или нет. Дома, в Таре, он вполне довольствовался большой чугунной ванной.

Когда они вышли на улицу, он почувствовал, что все вокруг слишком незнакомо, слишком ново, чтобы сложиться в цельную картину. Солнце слишком жаркое, воздух слишком влажный. Дома все какие-то неправильные, автомобили чересчур большие и едут не по той стороне дороги. Не так просто будет здесь освоиться. Тротуар уж очень гладкий. И кругом вода, ни холмов, ни деревьев, один только плоский океан с грязной водой, и из нее со всех сторон торчат какие-то черные

металлические штуки. Что это такое? Почему они не на суше? Прилетев в большой аэропорт, они пересели в другой самолет и пересекли весь Техас — так сказал отец, — чтобы попасть сюда, в какое-то пустое место без конца и края. Приехали из аэропорта и поставили машину на стоянку.

— Мне здесь не нравится, — сказал он, не задумываясь, тихо, про себя, но Пэдди услышал.

— Придется привыкать.

— Посреди океана?

— Ну, не совсем. — Пэдди показал на тонкую бурю полоску на далеком горизонте, которая дрожала и переливалась в потоках горячего воздуха. — Вон там берег.

— И деревьев тут нет, — сказал Брайан, оглядывая это странное место.

— Деревья есть перед торговым центром, — сказал отец, но Брайан отмахнулся.

— Настоящих деревьев, а не таких, которые в бочках. Тут все не так. Почему не построили это место как полагается, на земле?

Они дошли до конца металлической платформы, на которой располагался университетский городок и жилые кварталы, и уселись отдохнуть в тени, на скамейке над морем. Прежде чем ответить, Пэдди медленно набил трубку и закурил.

— Это не так просто объяснить, пока ты еще мало что знаешь про эту страну и про то, как тут делаются дела. В общем, все сводится к политике. У нас, в Соединенных Штатах, есть законы, которые касаются денег на исследования, на научную работу в университетах, и там написано, кто может и кто не может вкладывать в них деньги. Некоторые наши крупные корпорации считают, что мы отстаем от Японии, где правительство и промышленные компании финансируют исследования вместе. Изменить наши законы они не могли, поэтому отыскивали в них лазейку. Здесь, в пяти с лишним километрах от берега, за пределами территориальных вод, федеральные законы и законы штата теоретически теряют силу. Наш университет построен на старых нефтяных платформах и намытой земле. А занимается он исключительно разработкой новых продуктов и технологий. Когда для него подбирали преподавателей и студентов, на охоту за головами денег не жалели.

— Охотники за головами живут на Новой Гвинее. Они убивают людей, отрезают им головы и коптят на огне, так что головы становятся совсем маленькими. У вас тут такие тоже есть?

Пэдди улыбнулся, увидев замешательство мальчика, и взъерошил ему волосы рукой. Брайан увернулся.

— Это не такая охота за головами. Это значит предложить кому-нибудь много денег, чтобы он ушел со своей прежней работы. Или предоставить большие стипендии, чтобы заполучить самых лучших студентов.

Брайан переваривал эту новую информацию, щурясь на солнечные блики, игравшие на воде.

— Значит, если за твоей головой тоже охотились, ты какой-то особенный?

Пэдди улыбнулся — ему понравилось, как мальчишка соображает.

— Ну, пожалуй. Наверное, раз я тут

— А что ты делаешь?

— Я математик.

— Двенадцать плюс семь равно девятнадцати, как в школе?

— Начинается все с этого, а дальше становится гораздо сложнее и интереснее.

— Например, как?

— Например, после арифметики идет геометрия. А потом начинается алгебра, а потом дифференциальное исчисление. Есть еще теория чисел, но она немного в стороне от главной линии развития математики.

— А что такое теория чисел?

Лицо мальчика было так серьезно, что Пэдди улыбнулся и хотел перевести разговор на другую тему, но передумал. Брайан постоянно удивлял его какими-то неожиданными высказываниями. Похоже, он был способный парнишка и верил, что понять можно все, надо только правильно задать вопрос. Но как объяснить восьмилетнему мальчику хотя бы основы высшей математики? Впрочем, можно начать с малого.

— Ты знаешь, что такое умножение?

— Знаю. Это здорово — вроде как 14 умножить на 15, и получается 210, потому что это значит — 6 раз по 35 или 5 раз по 42.

— Ты уверен?

— Точно. Потому что это все равно что умножить 2 на 3, потом на 5 и на 7. Мне нравится цифра 210

потому что она сложена из четырех разных крепких чисел.

— Крепких чисел? В Ирландии есть такой термин?

— Нет. Я это сам выдумал, — гордо сказал мальчик. — Крепкие — это такие числа, у которых нет никаких частей. Как 5 или 7. Есть и большие — 821 или 823. Или 1721 и 1723. Из тех, что побольше, многие идут парами вроде этих.

Только теперь Пэдди сообразил, что крепкими Брайан называет простые числа. Откуда восьмилетний мальчик мог узнать о простых числах? Разве в таком возрасте их этому учат? Он не мог припомнить.

Был уже двенадцатый час, когда Долли выключила телевизор. Она обнаружила Пэдди на кухне — он сидел с потухшей трубкой, глядя невидящими глазами в темноту.

— Я иду спать, — сказала она.

— Ты знаешь, что как будто сделал Брайан? Сам, без посторонней помощи. В восемь лет. Он открыл простые числа. И не только — он, похоже, придумал несколько довольно удобных способов их отыскивать.

— Он очень серьезный мальчик. Никогда не улыбается.

— Ты меня не слушаешь. Он очень умен. Больше того — у него врожденные способности к математике, каких нет у большинства моих студентов.

— Если ты так считаешь, скажи в школе, пусть ему устроят тесты и определяют коэффициент интеллектуальности. Я устала. Утром поговорим.

— Эти тесты слишком ориентированы на определенное культурное окружение. Может быть, позже, когда он проживет здесь некоторое время. Я поговорю с его учителями, когда поведу в школу.

— Только не смей это делать в самый первый день! Ему надо сначала привыкнуть, освоиться. А тебе пора подумать о своих собственных студентах. Завтра в школу поведу его я. Вот увидишь, все будет прекрасно.

Школу Брайан сразу возненавидел. С самой первой минуты. И толстого чернокожего директора — его тут называли принципалом. Все здесь было не так. Непри-

вычно. И все смеялись над ним, с самой первой минуты. А начала учительница.

— Вот здесь будет твое место, — сказала она, неопределенно махнув рукой в сторону ряда столов.

— Третее?

— Да, третье. Только произнеси правильно — «третье». — Она с деланной улыбкой подождала его ответа, но он молчал. — Скажи «третье», Брайан.

— Третее.

— Не «третее», а «третье». У тебя получается «третье». Треть кого?

И тут все дети разразились ехидным хохотом. «Треть кого?» — шептали они ему в спину, как только учительница отворачивалась. Когда зазвонил звонок и урок кончился, Брайан вышел в коридор вместе со всеми, но не остался там, а пошел прочь от школы, прочь от них всех. Он шел и шел не оглядываясь.

— Так кончился его первый день в школе, — сказала Долли. — Убежал после первого же урока. Принципал позвонил мне, и я ужасно перепугалась. Уже стемнело, когда полицейские отыскиали его и привели домой.

— А он сказал вам, почему это сделал? — спросила доктор Снэрсбрук.

— Ну нет, он был не такой. Или молчит как рыба, или проходу не дает со всякими вопросами, только так. И никакой общительности. Можно сказать, что у него был один-единственный друг — его компьютер. Кажется бы, этого ему должно по горло хватать за время занятий в школе — там же теперь везде компьютеры, вы знаете. Но нет. Придет домой — и опять за свое. И не то чтобы играть в какие-нибудь игры: нет, он сочинял программы на «лого» — это язык, которому их учили в школе. И очень хорошие программы, так говорил Пэджи. Обучающиеся программы, которые сами писали программы для себя. У Брайана всегда была какая-то особая тяга к компьютерам.

Глава 5

18 февраля 2023 года

Выйдя из операционной, доктор Снэрсбрук увидела, что ее ждет Беникоф.

— У вас есть свободная минута, доктор?

— Да, конечно. Можете рассказать мне, что там у вас происходит.

— Мы можем поговорить об этом у вас в кабинете?

— Хорошая мысль. Я завела себе новую кофеварку и хочу ее опробовать. Ее только утром привезли и установили.

Беникоф закрыл за собой дверь кабинета, повернулся и удивленно поднял брови при виде машины, сверкавшей бронзовыми частями.

— Вы как будто сказали, что она новая.

— Новая для меня. Этому фантастическому сооружению не меньше чем девяносто лет. Таких теперь больше не делают.

— Еще бы!

Кофеварка была высотой почти в два метра — внушительный набор сверкающих кранов, трубок, болтов, цилиндров, и все это венчал сидящий наверху бронзовый орел с распростертыми крыльями. Доктор Снэрсбрук повернула кран, и раздалось громкое шипение пара.

— Вам черный или с молоком? — спросила она, насыпая ароматный молотый кофе в сетку с черной ручкой.

— Черный, и капельку лимонного сока.

— Вижу, вы в этом кое-что понимаете. Только так его и надо пить. Слышно что-нибудь о похитителях?

— Нет, но сложа руки мы не сидели. ФБР, полиция и еще десяток разных служб занимаются расследованием круглые сутки. Прослежены все возможные нити, тщательно изучены малейшие подробности событий той ночи. И несмотря на это со времени нашего последнего разговора не обнаружено ничего такого, о чем стоило бы рассказать. Прекрасный кофе. — Он сделал еще глоток и подождал, пока она не нальет себе. — К сожалению, это все, что я вам могу сообщить. Надеюсь, что у вас с Брайаном новости получше.

Эрин Снэрсбрук поглядела на дымящуюся черную жидкость и положила еще ложку сахара.

— В сущности, то, что он еще жив, — уже хорошая новость. Но порванные нервы с каждым днем все больше разрушаются. Я пытаюсь обогнать время — и до сих пор не знаю, удастся это мне или нет. Вы знаете, что когда нервное волокно отмирает, остается что-то вроде полый трубочки. Вот почему я имплантировала мозговые клетки эмбрионов — чтобы они проросли и заменили эти волокна. Кроме того, машина-манипулятор вводит в трубочки малые дозы стимулятора роста нервных клеток — гамма-НГФ, чтобы стимулировать рост аксонов эмбриональных клеток. Этот метод разработали в 1990-х годах, когда искали способ лечить повреждения спинного мозга, — до того они всегда приводили к неизлечимому параличу. А теперь мы пользуемся им для лечения повреждений головного мозга. И еще один препарат — СРС, он ингибирует тенденцию зрелых клеток мозга противостоять вторжению новых нервных волокон, пытающихся установить новые связи.

Беникоф нахмурился:

— А зачем мозг это делает, если это мешает ему самому исправлять повреждения в нем?

— Интересный вопрос. Большая часть других тканей организма прекрасно умеет устранять повреждения самостоятельно или же позволяет это делать другим клеткам. Но задумайтесь на минуту о том, в чем сущность памяти. Она основана на определенной структуре сети

невероятно крохотных контактов между клетками. Однажды возникнув, эти контакты должны сохраняться почти неизменными двадцать, или пятьдесят, или даже девяносто лет! Вот почему мозг изобрел множество специфических, свойственных только ему и не встречающихся в других тканях способов самозащиты, которые предотвращают многие естественные изменения. По-видимому, иметь лучшую память для него важнее, чем уметь устранять повреждения. Так вот, выздоровление Брайана займет довольно долгое время. Самая медленная его часть — восстановление разорванных нервных волокон. На это уйдет по меньшей мере несколько месяцев, даже при использовании НГФ, потому что мы боимся применять его в больших дозах. НГФ стимулирует рост и неповрежденных клеток мозга, и если мы не будем за этим тщательно следить, он может нарушить деятельность тех частей мозга, которые еще способны работать. Не говоря уж о том, что есть риск дать толчок к злокачественному росту. Поэтому состояние Брайана будет улучшаться очень медленно.

— А что вы будете делать дальше?

— Ну, до этого еще далеко, сначала нужно, чтобы проросли новые нервные волокна. Когда это произойдет, нам придется выяснить, чем занимаются нервные клетки, расположенные по обе стороны разрезов. А когда мы в этом разберемся, можно будет подумать о том, чтобы соединить нужные пары.

— Но их должны быть миллионы!

— Их и есть миллионы, но мне не нужно будет распутывать все. Я начну с самых легких. С пучков нервных волокон, которые соответствуют самым элементарным представлениям, какие есть у всякого ребенка. Мы будем показывать ему изображения собак, кошек, стульев, окон — тысяч подобных предметов. И смотреть, какие волокна будут на них реагировать.

Впервые за все это время она, увлекшись, забыла про усталость.

— Потом мы перейдем к словам. Средний образованный человек обычно пользуется примерно двадцатью тысячами слов. Это на самом деле не так уж много, если подумать. Мы можем прокрутить пленку, на которой записаны они все, меньше чем за день — а после этого перейти к словосочетаниям, группам слов, целым фразам.

— Простите мою тупость, доктор, но я не вижу в этом смысла. Вы уже много дней пытаетесь говорить с Брайаном, и нет ни малейшего признака, что он на это реагирует. Похоже, что он ничего не слышит.

— Да, похоже, только Брайан сейчас — не «он». Это просто разбитый вдребезги мозг, набор не соединенных между собой частей. Нам предстоит разобраться в том, что это за части, и заново их соединить. В этом весь смысл того, что мы делаем. Если мы хотим заново выстроить его сознание, мы должны сначала вернуться к самому началу и восстановить его части, чтобы потом соединить их и связать воедино его воспоминания. Что касается ввода информации, то сегодня был удачный день. Мы много узнали о первых годах учебы Брайана — о том важнейшем периоде, который определил его дальнейшую жизнь. Нам очень повезло, что ваши люди сумели разыскать психиатра, работавшего в его школе, — он сейчас преподает в Орегоне, его привезли сюда. Некий Рене Джимел. Он познакомился с Брайаном в первый же день, когда мальчик появился в школе, и после этого регулярно с ним встречался. К тому же он много беседовал с отцом мальчика. Он дал нам кое-какую отличную информацию для ввода.

— Что-нибудь неладно, доктор Джимел? — спросил Пэдди, тщето стараясь, чтобы в его голосе не звучала тревога. — Я приехал, как только получил вашу записку.

Джимел улыбнулся и покачал головой:

— Наоборот, очень хорошая новость. Я помню, что когда мы в прошлый раз говорили с вами и вашей женой, я предупреждал, что вам придется проявить терпение, что Брайану понадобится время на то, чтобы освоиться в этой совершенно новой обстановке. Всякому ребенку из маленького городка, которого забирают оттуда и привозят на другой конец света, нужно время, чтобы привыкнуть к переменам. Я с самого начала знал, что у Брайана будут с этим трудности, и был готов к самому худшему. Очень скоро выяснилось, что его ровесники в Ирландии преследовали и отвергали его, смеялись над ним за то, что он внебрачный ребенок. Хуже того, он чувствовал, что после смерти матери его

отвергают и все его близкие родственники. Я виделся с ним раз в неделю и делал, что мог, чтобы помочь ему это пережить. И хорошая новость состоит в том, что в помощи он нуждается, кажется, все меньше и меньше. Правда, он не слишком общителен с одноклассниками, но это со временем пройдет. Что касается учебы, то тут лучшего и желать не приходится. От преподавателей потребовалась лишь некоторая настойчивость, чтобы он с неудовлетворительных оценок вышел на круглые пятерки по всем предметам.

— «Настойчивость» — это звучит немного злое. Что вы имели в виду?

— Может быть, это слово здесь и не годится. Вероятно, лучше говорить о поощрении за старательность. Вы прекрасно знаете — опытный учитель всегда стремится отмечать и поощрять хорошее поведение и успешную учебу. Это попросту закрепление положительного условного рефлекса, неизменно эффективный метод. Если поступать наоборот — тыкать носом в ошибки, это почти ничего не дает, кроме одного: появляется чувство вины, что почти всегда приводит к обратным результатам. Для Брайана все учебные проблемы решил компьютер. Я видел записи его действий — да вы и сами можете их посмотреть, если захотите, — и знаю, чего он достиг всего за несколько недель.

— Записи действий? Боюсь, я не совсем понимаю.

Джимел в смущении принялся перекладывать бумаги на столе.

— В этом нет ничего необычного или незаконного. Это практикуется в большинстве школ, а здесь, в Университете свободного предпринимательства, это обязательное требование. Вы должны были это видеть, когда подписывали контракт о приеме на работу.

— Не помню. Там было пятьдесят с лишним страниц мелкого шрифта.

— А что сказал по этому поводу ваш адвокат?

— Ничего, я с ним не советовался. В то время жизнь у меня была... ну, скажем, довольно бурная. Так вы хотите сказать, что работа на компьютере всех учеников вашей школы находится под контролем и все, что они туда вводят, записывается?

— Обычная, общепринятая практика, очень полезный инструмент диагностики и воспитания. В конце концов, когда еще существовали тетради для выполне-

ния письменных заданий, их тоже представляли на просмотр и проверку. Можно считать, что контроль за работой ученика на компьютере — это почти то же самое.

— Не думаю. Мы проверяем тетради, но не личные дневники. Но все это не имеет отношения к делу. О моральной стороне этих сомнительных действий мы поговорим как-нибудь в другой раз. Сейчас речь о Брайане. Что же видно из этих тайных записей?

— Что у него крайне оригинальное и необычное мышление. Вы знаете, что «лого» — не просто первый компьютерный язык, которому обучают детей. При искусном применении он очень гибок. Я пришел в восторг, когда увидел, что Брайан не только решал предлагавшиеся ему задачи, но после этого пытался писать метапрограммы, которые охватывали бы все возможные решения. Он создал свои базы данных и изобрел собственные правила программирования. Например, если требовалось получить промежуточный ответ, он вставлял вместо него несколько строк кодовой записи, а редактировал решение потом. Это очень легко делать в «лого», если знать как, потому что все инструменты для этого там заложены. Например, пока другие учились с помощью «лого» рисовать изображения и графики, Брайан их намного опередил. Каждый полезный фрагмент рисунка он сохранял и записывал как отдельную функцию, вводя при этом геометрические ограничения — где этот фрагмент разместить. И теперь его программы рисуют очень похожие карикатуры на других учеников, и на меня тоже. У них даже бывает разное выражение лица. Это было на прошлой неделе — а с тех пор он уже усовершенствовал программу. Теперь эти фигурки могут ходить и решать простые задачи прямо на экране.

Когда Пэдди в тот вечер возвращался домой, ему было о чем подумать.

Беникоф и доктор Снэрсбрук, вздрогнув, обернулись. С шумом распахнув дверь, в кабинет шагнул генерал Шоркт. Правый рукав его мундира, пришпиленный к поясу, мотнулся в воздухе, когда он ткнул пальцем левой руки в доктора Снэрсбрук.

— Вы! Если вы доктор Снэрсбрук, следуйте за мной.

Она медленно откинулась на спинку кресла, чтобы встретить взгляд возвышавшегося над ней генерала. Лицо ее оставалось невозмутимым.

— Кто вы такой? — спросила она ледяным тоном.

— Объясните ей, — бросил генерал Беникофу.

— Это генерал Шоркт, который...

— Достаточно. Положение критическое, и требуется ваше содействие. Здесь, в палате интенсивной терапии, находится один больной по имени Брайан Дилени. Ему угрожает крайняя опасность.

— Мне это прекрасно известно.

— Нет, речь не о его здоровье. Опасность физического нападения. — Беникоф хотел что-то сказать, но генерал повелительным жестом остановил его: — Позже. У нас очень мало времени. Руководство госпиталя сообщило мне, что больной в очень плохом состоянии и пока нетранспортабелен.

— Это верно.

— Тогда нужно подправить регистрационные документы. Вы пройдете со мной и сделаете это.

Снэрсбрук побелела как мел: она не привыкла, чтобы с ней разговаривали в таком тоне. Но прежде чем она успела выразить возмущение, вмешался Беникоф:

— Доктор, позвольте, я вкратце введу вас в курс дела. У нас есть все основания полагать, что, когда Брайан был ранен, еще нескольких человек убили. Это затрагивает национальную безопасность, иначе бы генерала здесь не было. Я не сомневаюсь, что впоследствии вы получите все нужные разъяснения, а сейчас прошу вас оказать содействие.

Нейрохирургам часто приходится принимать мгновенные решения, от которых зависит жизнь или смерть. Доктор Снэрсбрук поставила на стол чашку с кофе, быстро встала и направилась к двери.

— Хорошо. Пройдите со мной на сестринский пост.

Было ясно, что генерал не приобрел себе друзей в больнице с тех пор, как здесь появился. Снэрсбрук пришлось долго успокаивать разъяренную старшую сестру. В конце концов ее удалось убедить, что дело действительно срочное. Она велела остальным сестрам отправляться на свои места, а Снэрсбрук в это время избавилась от дежурного врача. Только после того как они скрылись за дверью, генерал повернулся к седовла-

сой старшей сестре, которая без тени испуга встретила его сердитый взгляд.

— Где сейчас этот больной? — спросил он.

Сестра повернулась к пульту и нажала на кнопку.

— Здесь. Интенсивная терапия, палата 314.

— На этом этаже есть свободные палаты?

— Только 330-я. Но там два места...

— Это не имеет значения. Теперь поменяйте информацию на пульте и в документах — там должно быть записано, что Дилени находится в 330-й, а 314-я свободна.

— Но это создаст путаницу...

— Выполняйте.

Сестра с большой неохотой сделала то, что ей приказали. Когда она нажимала на кнопки, вбежала еще одна сестра, наспех прищипливая на грудь больничную эмблему. Шоркт утрюмо кивнул:

— Наконец-то, лейтенант. Займите свой пост. Мы уходим. Если кто-нибудь спросит, то больной Брайан Дилени находится в 330-й палате. — Быстрым движением руки он остановил старшую сестру, которая хотела что-то сказать. — Лейтенант Дрейк находится на военной службе. Она медсестра с большим опытом работы в госпитале. Никаких трудностей с ней не возникнет. — Рация у него на поясе загудела, он поднес ее к уху и несколько секунд слушал. — Понял. — Он снова повесил рацию на пояс и огляделся.

— В нашем распоряжении, вероятно, около двух минут. Слушайте и не задавайте вопросов. Мы все сейчас уйдем отсюда — вообще с этого этажа. Лейтенант Дрейк знает, что делать. Мы только что узнали, что вот-вот произойдет покушение на жизнь этого больного. Я хочу не только предотвратить преступление, но и получить сведения о тех, кто попытается его совершить. От вас требуется только сейчас же покинуть этот этаж. Понятно?

Все, даже не пытаясь возражать, последовали за генералом. Сестра Дрейк, вытянувшись по стойке «смирно», смотрела, как они спешат по коридору к лестнице и покидают третий этаж. Только когда они скрылись из виду, она глубоко вздохнула и почувствовала себя немного свободнее. Одернув халат, она подошла к зеркалу на стене, чтобы поправить белую шапочку. Снова повернувшись к столу, она чуть не вздрогнула от неожиданности, увидев стоящего у стола молодого человека.

— Я могу вам чем-нибудь помочь... доктор? — спросила она. На молодом человеке был белый халат, из кармана торчал электронный стетоскоп.

— Да нет, ничего. Я просто проходил мимо. Там, внизу, несколько посетителей в большом волнении спрашивают про какого-то Брайана Дилени. Это что, новенький? — Он перегнулся через пульт и нажал на кнопку. — Вот этот?

— Да, доктор. Интенсивная терапия, палата 330. Состояние критическое, но стабильное.

— Спасибо. Я передам им, когда пойду назад.

Сестра улыбнулась ему. Приятная внешность, ровный загар, возраст — лет под тридцать, в руках черный чемоданчик. Все еще улыбаясь, она положила руку на талию и, как только он повернулся к ней спиной, дважды нажала на кнопку, выглядевшую как обыкновенная пуговица.

Молодой человек шел по коридору, что-то тихо напевая. Он повернул за угол и миновал 330-ю палату, не взглянув в ее сторону. Дойдя до следующего поворота, он остановился, бросил взгляд в оба конца поперечного коридора, а потом быстро и бесшумно вернулся к двери палаты. Коридор был пуст. Сунув руку в свой чемоданчик, молодой человек распахнул дверь и увидел две пустые кровати. Прежде чем он успел шевельнуться, два человека, прятавшиеся по обе стороны двери, уперлись ему в спину стволами своих пистолетов.

— А ну отставить, что ты там собирался сделать! — сказал тот, что был повыше.

— Ну, привет, — отозвался молодой человек и, бросив чемоданчик, поднял руку с револьвером.

Оба выстрелили в него, стараясь не убить, а только ранить. Одна пуля попала ему в правое плечо, другая в левую руку. Все еще улыбаясь, молодой человек ничком упал на пол. Прежде чем они успели схватить его и перевернуть, послышался приглушенный хлопок выстрела.

У обоих был очень смущенный вид, когда в палату быстро вошел генерал Шоркт.

— Он сам это сделал, сэр, мы не успели его остановить. Один выстрел в грудь разрывной пулей. Проделал в себе громадную дыру, ее уж не залатать, даром что мы тут прямо в больнице.

Ноздри у генерала раздулись, а разъяренный взгляд, который он переводил с одного на другого, словно вода стволом скорострельной пушки, был куда страшнее любых слов. В нем явственно читались выговор, раздражение, конец карьеры. Генерал повернулся на каблуках и вышел из палаты к ожидавшему снаружи Беникофу

— Вызовите ФБР, пусть займутся телом. Выясните все, что возможно. Все, что только возможно!

— Будет сделано. А вы мне не скажете, в чем вообще дело?

— Нет. Знать должны только те, кому это необходимо. Вам незачем знать больше. Скажу только одно. Эта история в «Мегалоуб» — оказывается, часть гораздо более серьезного дела, о чем мы узнали только недавно. И нельзя допустить, чтобы такое покушение повторилось. Здесь будет выставлена круглосуточная охрана до тех пор, пока больного нельзя будет перевезти в другое место. А как только это станет возможно, его немедленно доставят вон туда, на тот берег залива, на «Остров идиотов». На военно-морскую базу Коронадо. Я не люблю флотских, но они по крайней мере тоже военные. Надеюсь, они смогут обеспечить безопасность одного-единственного человека в своем госпитале на территории самой большой в мире военно-морской базы. Надеюсь.

— Конечно, смогут. Но вы должны сообщить мне информацию об этом покушении. Иначе это затруднит мое расследование.

— Информацию получите, когда придет время, — ледяным тоном ответил генерал. Но Беникофа это не остановило. Таким же ледяным тоном он произнес:

— Меня это не устраивает. Если это организовали те же, кто стрелял в Брайана, я должен все знать.

Наступила пауза, потом генерал неохотно принял решение.

— Могу сообщить вам абсолютно необходимый минимум. У нас есть информатор в одной преступной организации. Он узнал о подготовке этого покушения и связался с нами, как только смог это сделать. Он знает только, что убийца был наемный, но пока не знает, кто его нанял. Когда он получит эти сведения — если получит, — они будут переданы вам. Это вас устраивает?

— Устраивает. Только не забудьте.

На злобный взгляд генерала Беникоф ответил любезной улыбкой, повернулся и пошел прочь.

Доктора Снэрсбрук он нашел в ее кабинете. Закрыв и заперев за собой дверь, он рассказал ей, что произошло.

— И до сих пор неизвестно, кто стоит за покушением и зачем это им понадобилось? — спросила она.

— Зачем — это довольно очевидно. Те, кто похитил оборудование и материалы по искусственному интеллекту, хотят быть монополистами — и чтобы не осталось очевидцев. Они хотят, чтобы Брайан никогда не заговорил.

— В таком случае давайте подумаем, что мы можем сделать, чтобы помешать их планам. Что касается перевода в Коронадо, это будет не так просто и не так скоро. Сейчас Брайан не в таком состоянии, чтобы его можно было перевозить, а кроме того, я не хочу прерывать процесс заживления. Я же говорила — мы пытаемся опередить время. Так что вам с вашим противным генералом придется придумать какой-нибудь способ, чтобы обеспечить безопасность Брайана в этой больнице.

— Генерал будет в восторге. Я должен выпить еще чашку кофе, прежде чем пойду и обрадую его.

— Наливайте. А мне пора в операционную.

— Я пойду с вами. Не уйду отсюда, пока не увижу, как именно генерал намерен обеспечивать безопасность.

Глава 6

19 февраля 2023 года

На следующее утро Беникоф вошел в кабинет доктора Снэрсбрук, как раз когда она собиралась отправляться в операционную.

— Есть у вас свободная минута?

— Только минута, не больше. День сегодня трудный.

— Я думаю, вам будет интересно узнать про убийцу. Как и ожидалось, никаких документов, никаких ярлыков на одежде, ничего. Но кровь его кое-что дала. В рапорте говорится, что, судя по группе крови, он из Южной Америки. Точнее, из Колумбии. Я не знал, что они могут с такой точностью это определять.

— Группы крови теперь определяют все детальнее. Не исключено, что через некоторое время по ним можно будет точно указать место рождения. Это все?

— Не совсем. У него далеко зашедший СПИД и тяжелая героиновая наркомания. На дело он пошел в момент просветления, но в чемоданчике у него был наготове шприц с дозой, которой можно убить лошадь. Значит, это наемный убийца, готовый на все, чтобы заработать на удовлетворение своей дорогостоящей страсти. На этом нить обрывается, но следователи пытаются выйти на людей, которые его наняли. Мне еще не сказали, кто они и как эта информация до нас дошла. Можете быть уверены, что это было нелегкое дело.

— Понимаю. Теперь прошу извинить, мне надо приступить к работе. Пойдемте.

Они молча вымылись, переоделись и вошли в операционную. Простыни, прикрывавшие открытый мозг Брайана, были уже убраны.

— Надеюсь, что эта операция окажется последней, — сказала Эрин Снэрсбрук. — Вот компьютер, который будет вживлен ему в мозг.

На ладони у нее лежал какой-то предмет причудливой формы из черного пластика. Она поднесла его поближе к телекамере, которая фиксировала все подробности операции.

— Это компьютер-коммутатор СМ-10, в нем миллион процессоров. Тактовая частота 1000 мегагерц, оперативная память 1000 мегабайт. Он с легкостью выполняет 100 триллионов операций в секунду. Даже после того как мы вживили пленочные микроконтакты, в мозгу после удаления отмерших тканей осталось достаточно места, чтобы его туда поместить.

Она положила суперкомпьютер на стерильный лоток. Щупальца возвышавшейся над ним машины опустились вниз, обследовали компьютер, обхватили его и повернули в нужное положение. Потом машина подняла компьютер и поднесла его к отверстию, прорезанному в черепе Брайана.

— Прежде чем окончательно поставить его куда нужно, он должен быть соединен с каждым из пленочных микрочипов. Вот — все соединения сделаны, компьютер устанавливается на свое постоянное место. Как только подключимся к его выходу, начнем закрывать операционное поле. Он уже сейчас должен работать. В него заложена распознающая и самообучающаяся программа — она узнает похожие или связанные друг с другом сигналы и перераспределяет их между микрочипами. Надеюсь, что теперь мы получим доступ к его воспоминаниям.

— Это какой-то странный подарок к окончанию школы, — сказала Долли. — Мальчику нужен костюм и новая куртка.

— Ну так купи их, пройдишь с ним по магазинам после занятий, — сказал Пэдди с усмешкой, наклоня-

ясь, чтобы завязать шнурки. — Тряпки, тряпки — что за подарок для парня? Особенно по такому случаю. Он прошел курс старших классов меньше чем за год и теперь собирается поступать в университет. А ему всего двенадцать.

— Тебе не приходило в голову, что мы слишком его торопим?

— Долли, ты же прекрасно знаешь, что это не так. Никто его не торопит. Если уж на то пошло, нам приходится сдерживать мальчишку. Это была его идея — поскорее покончить со школой, потому что он хочет заняться такими предметами, которых среднее образование не предусматривает. Вот почему он хочет посмотреть, где я работаю. До сих пор по правилам безопасности это Брайану было запрещено. Так что наступил очень волнующий момент в его жизни — теперь он получил достаточное образование, чтобы двигаться дальше. Университет представляется ему каким-то рогом изобилия, из которого посыплются всевозможные заманчивые яства.

— Ну, это верно. Надо бы ему побольше есть. Стоит ему засесть за компьютер, как он обо всем забывает.

— Это образное выражение! — рассмеялся Пэдди. — Пища для интеллекта, чтобы насытить его любознательность.

Долли была задета, хотя и постаралась этого не показать.

— Ну вот, ты надо мной смеешься, а я всего-навсего забочусь о его здоровье.

— Я над тобой не смеюсь — а со здоровьем у него все в порядке. Вес нормальный, тянется вверх на глазах, плавает и тренируется, как любой другой мальчишка. А вот его интеллектуальная любознательность — совсем другое дело. Ты пойдешь с нами? Сегодня у него большой праздник.

Она покачала головой:

— Это не для меня. Развлекайтесь сами, только возвращайтесь не позже шести. Я готовлю индейку со всем, что к ней полагается, а позже придут Милли и Джордж. К их приходу мне еще надо прибраться...

Дверь с грохотом распахнулась, и влетел Брайан.

— Ты уже готов, пап? Пора.

— Готов.

Брайан был уже за дверью, когда Пэдди крикнул ему вслед:

— Не забудь попрощаться с Долли!

— Пока! — и он исчез.

— Сегодня для него очень важный день, — сказал Пэдди.

— Конечно, очень важный, — тихо повторила про себя Долли, когда дверь за ним закрылась. — А я тут всего-навсего вместо прислуги.

Искусственный остров и примыкавшие к нему нефтяные платформы уже стали для Брайана домом, он больше не воспринимал их как что-то необычное. На первых же порах он облазил здесь все закоулки, тайком спускался по трапам вниз, на уровень моря, где волны разбивались о стальные колонны опор, забирался на вертолетные площадки наверху, однажды даже перелез через загородку и по лестнице поднялся на вышку с антеннами, которая венчала административный корпус, — это была самая высокая точка на территории УСП. Однако его интерес к этим механическим конструкциям оказался очень скоро удовлетворен, и теперь, когда они шли по мостику на лабораторную платформу, у него было достаточно других, куда более важных и интересных тем для размышлений.

— На этой платформе все наши электронные лаборатории, — объяснял Пэдди. — Вон там, под куполом, генератор — мы должны иметь надежное и стабильное энергоснабжение.

— Водо-водяной реактор с подводной лодки «Рыбпарусник». Списан в лом в 1994 году, когда было заключено соглашение о всемирном разоружении.

— Он самый. Теперь пойдем ко мне, на второй этаж.

Брайан молча озибался по сторонам, охваченный волнением. Была суббота, и в корпусе кроме них никого не было. Однако раздававшееся время от времени гудение дисководов и светящийся экран свидетельствовали о том, что по меньшей мере одна программа работает.

— Вот мое рабочее место, — сказал Пэдди, указывая на один из терминалов. На клавиатуре лежала прокуренная вересковая трубка, он отложил ее в сторону и подвинул Брайану стул.

— Садись и нажми любую клавишу, он включится. Должен тебе сказать, что я горжусь этой железякой — «Z-77», совсем новый. Можешь себе представить, чем

мы тут занимаемся, если они не скупились на такие штуки. Рядом с ним «Крэй» выглядит таким же старьем, как поломанный «Макинтош».

— Правда? — широко раскрыв глаза от восхищения, Брайан провел пальцем по краю клавиатуры.

— Ну, не совсем, — улыбнулся Пэдди и полез в карман за табаком. — Но некоторые расчеты он делает быстрее, а мне это нужно для работы над «ламой». «Лама» — это новый язык, который мы тут разрабатываем.

— А для чего он?

— Это новая, быстроразвивающаяся и специальная область применения. Ведь ты пишешь свои программы на «лого»?

— Конечно. И на «бэйсике», и на «фортране», и еще кое-что пробовал учить по руководствам. Учительница мне немного рассказывала об экспертных системах.

— Тогда ты уже знаешь, что разные компьютерные языки создаются для разных целей. «Бэйсик» — хороший элементарный язык, чтобы познакомиться с кое-какими самыми простыми вещами, которые может делать компьютер, — чтобы описывать процедуры шаг за шагом. «Фортраном» пользовались последние лет пятьдесят, потому что он особенно хорош для повседневных научных расчетов, хотя сейчас его заменили системы манипуляции символами, которые умеют разбираться в формулах. «Лого» — это для начинающих, особенно для детей, он очень графичен, легко позволяет рисовать на экране.

— И еще на нем можно писать программы, которые пишут и запускают другие программы. На других языках это не удастся. Они отказывают, когда пытаешься это сделать.

— Ты увидишь, что «лама» тоже дает такую возможность. Потому что в основе ее, как и «лого», лежит старый язык «лисп». Один из самых старых и все еще один из самых лучших, потому что он несложен и при этом может отслеживать собственные ошибки. Когда исследования по искусственному интеллекту только начинались, почти все первые экспертные программы были основаны на языке «лисп». Но для новых параллельных процессоров, которыми пользуются в этой области сейчас, нужен другой подход — и другой язык,

чтобы делать все то же самое и еще многое сверх того. Для этого и создана «лама».

— А почему ее называли по имени животного?

— Да нет, это значит «логический анализ метафор». В ней частично использована программа «цик», которая появилась в 1980-х годах. Чтобы создать искусственный интеллект, нужно сначала понять, как работает наш собственный.

— Но если мозг — просто компьютер, то что такое интеллект, сознание? Как они связаны?

Пэдди улыбнулся:

— Это пока полная тайна почти для всех, включая некоторых самых лучших ученых. Но на самом деле, насколько я понимаю, здесь вообще нет никакой проблемы — просто вопрос поставлен неправильно. Не нужно представлять себе мозг и сознание как разные вещи, которые нужно как-то связать между собой, — это просто два способа описывать одно и то же. Сознание — всего лишь то, что делает мозг.

— А как компьютер в нашем мозгу рассчитывает мысли?

— В точности этого никто не знает, но некоторое общее представление есть. Это не просто один большой компьютер. Он состоит из миллионов отдельных пучков связанных между собой нервных клеток. Как человеческое общество. Каждый такой пучок — самостоятельный элемент, который либо сам по себе умеет выполнять какую-то небольшую задачу, либо знает, как привлечь на помощь другие элементы. Мышление — это совместная работа всех таких элементов, соединенных между собой так, что они могут помогать друг другу или же не мешать, если помочь не могут. Так что, хотя каждый элемент способен на очень немного, он все же может нести маленький кусочек знания, которое делит с другими.

— Ну и как «лама» помогает им делиться знаниями?

Брайан слушал сосредоточенно, впивая каждое слово, вдумываясь и пытаясь понять.

— Она комбинирует оболочку экспертной системы с гигантской базой данных, которая называется «цик» — от слова «энциклопедия». В основе всех прежних экспертных систем лежали крайне специализированные области знания, а «цик» дает «ламе» миллионы фрагментов общеизвестных знаний — того, что известно всем.

— Но если в ней так много фрагментов, то откуда «лама» узнает, какие ей нужны?

— Для этого используются специальные соединительные элементы — немы. Они связывают каждый фрагмент знаний с определенными другими фрагментами. Так, что если ты сообщишь «ламе», что вон тот стакан сделан из стекла, немы автоматически заставляют ее сделать вывод, что он хрупок и прозрачен, если только нет данных, которые указывали бы на обратное. Другими словами, «цик» снабжает «ламу» миллионами ассоциаций между понятиями, которые необходимы, чтобы мыслить.

Пэдди остановился и стал раскуривать трубку. С минуту мальчик сидел молча.

— Это непросто, — сказал Пэдди. — Особенно с первого раза.

Но он неверно истолковал молчание Брайана. Совершенно неверно, потому что мальчик за это время успел довести его рассуждения до логического конца.

— Если этот язык так работает, то почему нельзя на его основе сделать настоящий искусственный интеллект? Чтобы он мог думать сам, как человек?

— Почему нельзя? Можно. Именно это мы и надеемся сделать.

Глава 7

22 февраля 2023 года

Эрин Снэрсбрук чувствовала себя слегка ошалелой спросонья, хотя проспала всего пять часов. Да и это она себе позволила против собственного желания, только потому, что вообще не ложилась в постель почти трое суток. У нее уже начинались галлюцинации, и в операционной она несколько раз ловила себя на том, что глаза у нее закрываются сами собой. Больше она так не могла. Найдя свободную ординаторскую, она мгновенно провалилась в черную дыру и с трудом очнулась, как ей показалось, в следующее мгновение от звона будильника.

Холодный душ вернул ее к жизни. Она увидела в зеркале свои покрасневшие глаза и принялась подкрашивать губы.

— Должна тебе сказать, Эрин, вид у тебя — хуже не бывает, — пробормотала она, разглядывая свой обложенный язык. — Прописываю тебе, доктор, крепкого кофе. Лучше внутривенно.

Войдя в свою приемную, он увидела, что Долли уже сидит там, листая затрепанный журнал «Тайм». Она посмотрела на часы.

— Свежие журналы постоянно воруют больные, можете себе представить? Состоятельные больные,

иначе они бы здесь не оказались. Даже туалетную бумагу и мыло таскают. Извините, что опоздала.

— Нет, ничего, доктор, все в порядке.

— Мы с вами выпьем кофе, а потом возьмемся за работу. Заходите, я сейчас.

Мадден уже приготовила почту, и Эрин принялась быстро просматривать ее, но подняла глаза, когда дверь с шумом распахнулась, и заставила себя улыбнуться рассерженному чем-то генералу.

— Почему вы и ваш больной все еще здесь, в больнице? Почему не выполнен мой приказ о переезде?

Слова у генерала вылетали как снаряды. Эрин Снэрсбрук мысленно перебрала несколько ответов, по большей части очень обидных, но она была слишком утомлена, чтобы с утра затевать перепалку.

— Сейчас все вам покажу, генерал. Тогда вы, может быть, перестанете меня доносить.

Она швырнула почту на стол, протиснулась мимо генерала, вышла в коридор и направилась к блоку интенсивной терапии, где лежал Брайан. Позади слышались тяжелые шаги генерала.

— Наденьте, — приказала она, бросив генералу стерильную маску — Ах, прошу прощения. — Она взяла маску и сама надела на него, сообразив, что одной рукой это сделать трудно. Потом она надела свою маску и приоткрыла дверь блока, чтобы можно было туда заглянуть. — Смотрите как следует.

Тело, лежавшее на столе, было едва видно под переплетением труб, трубочек, проводов и приборов. Над ним были простерты руки манипулятора, разветвляющиеся щупальца которого уходили под простыню. Из-под нее змеей выползал гибкий шланг кислородной маски, к рукам, ногам и чуть ли не ко всем отверстиям неподвижного тела тянулись капельницы и еще какие-то трубки. На пульте одного из замысловатых приборов, стоявших у стены, замигали огоньки; сестра, взглянув на экран, подошла к пульту и повернула какую-то ручку. Снэрсбрук снова закрыла дверь и стянула маску с лица генерала.

— Вы хотите переместить все это? Вместе с машинной-контактором, не отключая ее ни на секунду? Сейчас она работает со вживленным компьютером — перераспределяет нервные сигналы.

Она повернулась на каблуках и вышла: молчание генерала было достаточно красноречивым ответом.

Весело напевая про себя, она вошла в свой кабинет и включила кофеварку. Долли сидела на краешке стула, и Эрин ткнула в ее сторону ложечкой.

— Как насчет хорошего, крепкого черного кофе?

— Я не пью кофе.

— Напрасно. Оно не так вредно для обмена веществ, как алкоголь.

— Я не могу спать, тут дело в кофеине. А алкоголя я тоже не употребляю.

Доктор Снэрсбрук сочувственно кивнула — что тут можно сказать? — уселась за стол и вызвала на экран расшифровку их предыдущего разговора.

— В прошлый раз вы, Долли, рассказали мне множество очень важных вещей. У вас не только прекрасная память, — вы понимаете, что меня интересует. Вы были для Брайана хорошей, любящей матерью, это сразу видно по тому, как вы о нем говорите.

Она подняла глаза и увидела, что та слегка порозовела от этой небрежно брошенной похвалы. Жизнь у Долли была нелегкая, и выслушивать комплименты ей доводилось не так уж часто.

— Вы помните, когда у Брайана началось половое созревание? — спросила она, и румянец смущения на лице Долли стал гуще.

— Ну, вы же знаете, у них это не так явно, как у девочек. Но по-моему, довольно рано, около тринадцати лет.

— Это в высшей степени важно. До сих пор мы проследили его эмоциональное развитие в раннем детстве, потом выяснили, как шла у него учеба и развивался интеллект. Все это очень хорошо. Но при наступлении половой зрелости происходят решающие эмоциональные и физиологические изменения. Этот период мы должны исследовать как можно глубже и обстоятельнее. Вы не помните, назначал он кому-нибудь свидания, были у него девушки?

— Нет, ничего подобного не было. Ну, была одна девушка, с которой он некоторое время встречался, она иногда приходила к нам, чтобы поработать на его компьютере. Но это, кажется, продолжалось очень недолго. А больше у него никого не было. Конечно, тут сыграла роль разница в возрасте — она была намного

старше его. Поэтому отношения у них могли быть только платонические. Я ее помню — хорошенькая такая. Ее звали Ким.

— Ким, смотрите внимательно на ваш экран, — сказал доктор Бетсер. — У вас уже были с этим трудностями на прошлой неделе, и пока вы не разберетесь как следует, что тут получается, вы не сможете двигаться дальше. Смотрите.

Преподаватель набрал уравнения на своем компьютере, который вывел их на большой экран для всеобщего обозрения, и в то же мгновение они появились на экранах настольных терминалов, стоявших перед каждым студентом.

— Покажите нам, как это решается, — сказал он и переключил управление на нее. Ким нерешительно дотронулась до клавишей. Все посмотрели на большой экран.

Все, кроме Брайана: он решил задачу через минуту после того, как ее задали. В колледже ему уже становилось так же скучно, как и в школе. На занятиях почти все время приходилось ждать, пока остальные его догонят. Эти жалкие тупицы смотрели на него сверху вниз, словно на какого-то уродца. Все они были на четыре-пять лет старше его и большинство — на голову выше, временами он чувствовал себя карликом. И это была не просто чрезмерная мнительность — они действительно его недолюбливали, он в этом не сомневался. Считали, что таким маленьким здесь не место. Ну, и завидовали тоже: он выполнял задания намного лучше и быстрее их. Интересно, каково было учиться тем, кто действительно умел думать: Тьюрингу, Эйнштейну, Фейнману?

Он взглянул на экран и едва не застонал: девчонка опять запуталась. Смотреть противно. Он незаметно придвинул к своему терминалу карманный калькулятор и быстро набрал зашифрованную команду. В окне на экране появилась колонка итальянских глаголов, и он принялся просматривать их, запоминая те, которые еще не знал.

Брайан уже давно догадался, что в школе все компьютеры прослушиваются и все вводимые в них данные

записываются. Это стало ему очевидно по вопросам, которые задавали учителя: некоторые вещи они могли узнать только таким тайным способом. Обнаружив это, он взял за правило использовать школьный компьютер только для решения школьных задач.

Позже, в колледже, он заметил, что все преподаватели, особенно доктор Бетсер, совершенно убеждены, что каждое их слово — золото, и очень огорчаются, когда замечают, что во время их лекций он играет в компьютерные игры или работает с какими-нибудь базами данных вместо того, чтобы уделять им все свое внимание. Но всегда можно что-нибудь придумать. Если бы все компьютеры в аудитории были соединены кабелями, изменять направление потоков информации было бы труднее — а может быть, и легче. Но здесь использовали узкополосные инфракрасные линии связи, и всю комнату заполняли невидимые сигналы. Каждый терминал был снабжен СИДом — светоизлучающим диодом с цифровым управлением, который передавал информацию по каналу с низким уровнем помех. А фотодетектор принимал сигналы, на которые был настроен. Брайан вышел из положения, соорудив перехватывающее устройство, которое замаскировал под карманный калькулятор. Лежа рядом с компьютером, оно перехватывало поступающий сигнал и снова транслировало его. Таким образом Брайан получил возможность делать все, что хотел, и никто об этом не знал. То, что было на его экране, предназначалось только для его глаз! Allattare — накормить, кормить грудью... Allenare — тренироваться...

Прислушиваясь вполуха к тому, что происходило в аудитории, он смутно уловил в голосе доктора Бетсера хорошо знакомые ему усталость и раздражение.

— ...Вы плохо представляете себе, как производятся последовательные приближения. Если вы не поймете эту важнейшую вещь, потом вам станет еще труднее. Брайан, покажите, пожалуйста, как это делать правильно, чтобы мы могли двигаться дальше. А с вами, Ким, я хотел бы поговорить после занятий.

Брайан отложил калькулятор в сторону, и итальянские глаголы исчезли. Он взглянул на экран и сразу увидел, где она ошиблась в первый раз.

— Вот отсюда неправильно, — сказал он, передвигая курсор и выделяя уравнение. — После того как найден корень первого порядка, нужно вычесть его из первоначального уравнения, и только после этого можно будет таким же способом получить следующий член. Если забыть это сделать, будешь снова и снова получать тот же самый член. Потом нужно разделить на независимую переменную, иначе в следующий раз получишь нуль. А в конце надо сделать все сначала, снова прибавляя корни и умножая на переменную. По-моему, дело тут вот в чем. Здесь все думают, что это разные вещи: производные, приближения, приближения второго порядка и так далее. Но на самом деле это всего один прием, который повторяется снова и снова. Не могу понять, почему это так бестолково объясняют...

Час спустя Брайан только успел вгрызться в свой бутерброд с сыром и томатным соусом и углубиться в чтение «Галактических воинов с Проризона», как кто-то плюхнулся на скамейку рядом с ним. Это было необычно: остальные студенты старались не иметь с ним дела. Еще необычнее было то, что чьи-то загорелые пальцы вытащили книгу у него из рук и бросили на стол.

— Опять какая-то космическая чушь для маленьких! — сердито сказала Ким.

Он не раз уже спорил с ней по этому поводу.

— Словарь, которым пользуется научная фантастика, вдвое обширнее, чем в любом другом виде массовой литературы. А любители фантастики находятся в самой верхней группе распределения...

— Чушь и ерунда! Ты меня сегодня совсем душой выставил.

— Да ведь ты и была... Извини.

Увидев виноватое выражение на лице Брайана, она смягчилась, да и вообще не в ее привычках было подолгу дуться. Она рассмеялась и сунула ему книжку обратно, попав в лужицу томатного соуса. Он улыбнулся и вытер обложку салфеткой.

— На самом деле ты тут вообще не виновата, — сказал он. — Старик Бетсер, может, и гениальный программист, но объяснять он ни капельки не умеет.

— Что ты хочешь сказать? — в голосе у нее прозвучал интерес. Она протянула руку и отломала кусок от его бутерброда. Он заметил, что зубы у нее очень

белые и ровные, а губы ярко-красные, и притом без всякой помады. Он придвинул ей остатки бутерброда.

— Он постоянно отвлекается и начинает растолковывать вещи, которые не имеют никакого отношения к тому, о чем идет речь. Я всегда заранее читаю следующую главу в учебнике, чтобы он меня не сбивал с толку, когда начинает свои объяснения.

— Потрясающе! — не выдержала Ким при мысли о том, что кто-то может читать в учебнике то, чего пока еще не задавали, когда вместо этого можно найти столько интересных занятий. — Ты можешь объяснить лучше, умник?

— Намного, тупица. Воспользуйтесь совершенно секретной до этой минуты системой молниеносного обучения Брайана Дилени — и вам все станет ясно! Прежде всего, на самом деле совсем не так важно точно знать, как нужно решать каждую задачу.

— Это какая-то глупость. Как же можно решить задачу, если не знаешь, как ее решать?

— Как раз с другого конца. Можно найти много способов, как ее не решить. Много неверных путей, которые не стоит пробовать. А потом, когда ты будешь знать все самые обычные ошибки, тебе больше ничего не останется, как взять и сделать то, что надо.

Брайан точно помнил, где она ошиблась, и сразу сообразил, чего она не понимает. Он терпеливо объяснил ей это двумя-тремя способами, пока до нее наконец не дошло.

— Так вот в чем было дело! Почему же Бестия Бетсер сразу так не сказал? Это же очевидно.

— Все очевидно, когда поймешь. Может, пройдемся по остальным задачам, пока ты все это помнишь?

— Завтра. У меня дела, надо бежать.

И она убежала — во всяком случае, вприпрыжку выбежала из столовой. Глядя ей вслед, он покачал головой. Странная порода эти девчонки. Он раскрыл книгу и поморщился при виде красных пятен от томатного соуса. Неряшливость. И думает неряшливо — ей бы сейчас и разобраться во всем, пока это свежо у нее в голове. Два против одного, что к завтрашнему дню она все забудет.

И она, конечно, забыла.

— Ты был прав! Все вылетело — р-р-раз, и ничего нет. Я думала, запомню, но ничего не осталось.

Он трагически вздохнул и возвел глаза к небу. Ким хихикнула.

— Послушай, — сказал он. — Нет смысла тратить время на то, чтобы что-то учить, если потом не потратить еще немного времени на то, чтобы это запомнить. Во-первых, ничего нельзя понять, если понимаешь только одним способом. Когда встречаешь что-то новое, надо немного подумать — что из старого это напоминает, а от чего отличается. Если не связать новое с чем-то еще, оно исчезнет, как только что-нибудь изменится в условиях. Вот о чем я говорил вчера — что само по себе решение не так важно, все дело в различиях и сходствах. — Он видел, что это до нее не доходит, и решил разыграть козырную карту. — В общем, я тут придумал программу самообучения, которая очень упрощает всю тему последовательных приближений. Я дам тебе копию. Ты сможешь запускать ее, когда почувствуешь, что у тебя в голове начинается затмение, и все мгновенно станет ясно. Во всяком случае, с этой частью курса ты сможешь справиться.

— У тебя правда есть такая программа?

— Что я, врать тебе буду?

— Не знаю. Ведь я про тебя вообще ничего не знаю, мистер Гений-младенец.

— Почему ты меня так называешь? — Брайан почувствовал гнев и обиду. Он слышал, как другие студенты называют его так за его спиной. И смеются.

— Прости... Я не хотела тебя обидеть. Я просто не подумала. Всякий кретин, который так тебя назовет, наверное, действительно кретин. Я попросила прощения, так что не сердись.

— Я не сержусь, — сказал он и понял, что на самом деле не сердится. — Скажи мне свой личный номер, и я скопирую эту программу на твой модем.

— Я никогда не помню свой личный номер, но он у меня где-то записан.

Брайан издал стон:

— Да как же можно забывать свой личный номер? Это то же самое, что забыть свою группу крови.

— Да я и не знаю, какая у меня группа крови!

Оба расхохотались, и он нашел единственный выход из положения.

— Тогда зайди ко мне, я дам тебе копию.

— Правда дашь? Ты замечательный парень, Брайан Дилени.

Она с благодарностью потрясла его руку. Пальцы у нее были теплые, почти горячие.

Глава 8

25 марта 2023 года

Люди в очереди недовольно переговаривались вполголоса, но Беникоф стоял молча. Не то чтобы ему было все равно — ему даже нравились все эти меры безопасности. Когда он наконец подошел к двоим военным полицейским, они ледяным тоном попросили его предъявить документы, хотя прекрасно знали его в лицо. Только тщательно изучив его удостоверение, а потом пропуск в больницу, они позволили ему пройти к входной двери. Ее отпер еще один военный полицейский, стоявший внутри.

— Все нормально, сержант?

— В общем да, если не считать этого, сами знаете кого.

Беникоф понимающе кивнул. Он присутствовал при том, как генерал Шоркт распекал этого сержанта-сверхсрочника с нашивками на рукаве чуть ли не до самого плеча, но генералу на это было наплевать.

— У меня тоже с ним вечные неприятности, потому я сейчас и здесь.

— Плохо ваше дело, — сказал сержант без особого сочувствия. Беникоф разыскал внутренний телефон, позвонил секретарше доктора Снэрсбрук, узнал, что та в библиотеке, и выяснил, как туда пройти.

Все стены библиотеки были заняты шкафами, полными медицинских книг в кожаных переплетах. Однако они давно устарели и служили всего лишь украшением. Библиотека была полностью компьютеризирована: вся специальная литература теперь публиковалась исключительно в цифровой записи. Это стало возможно после того, как были подписаны международные соглашения и приняты стандарты, касающиеся иллюстраций и графиков, которые теперь были по большей части движущимися. Любая медицинская книга или журнал попадали в базу данных библиотеки в то же мгновение, как выходили в свет. Эрин Снэрсбрук сидела перед терминалом, диктуя ему команды.

— Не помешаю? — спросил Беникоф.

— Еще две секунды. Я хочу скопировать это в мой компьютер. Вот. — Она нажала на клавишу, и файл был мгновенно переписан в память ее личного компьютера, стоявшего наверху. Она кивнула и повернулась в кресле. — Сегодня утром я говорила с одним приятелем из России, он мне рассказал про эту работу. Ее сделал в Санкт-Петербурге один из учеников Лурии. Очень оригинальная работа по регенерации нервов. Чем могу быть вам полезна?

— Генерал Шоркт ко мне пристаёт — требует более подробных отчетов. А я поэтому пристаю к вам.

— «Ноу проблем», как говорят наши русские друзья. А у вас-то как дела? Что-нибудь удалось выяснить?

— Полный тупик. Если и есть нить, в чем я сомневаюсь, то она с каждым днем становится все тоньше. Никаких следов, никаких улик, ни малейшего представления о том, кто и как это сделал. Мне не положено этого знать, но ФБР ухитрилось тайно подключиться к базам данных всех лабораторий, университетов и исследовательских центров страны, которые занимаются искусственным интеллектом, чтобы обнаружить, не произойдут ли там какие-нибудь внезапные изменения и не будет ли введена новая информация. Они ищут материалы по проекту «ИИ», украденные у Брайана. Конечно, тут есть одна заковыка — они не знают, что именно искать.

— Сдается мне, это не совсем законно.

— Верно. Но я намерен некоторое время терпеть, прежде чем выведу их на чистую воду. Меня не это беспокоит. На самом деле вопрос в том, хватит ли

службам безопасности специалистов, которые могли бы интерпретировать такие данные. Нам нужна хоть какая-то нить. Вот почему генерал ко мне пристаёт.

— Потому что наша единственная надежда — на то, что Брайан когда-нибудь сможет что-то вспомнить, придет в себя, начнет хоть как-то реагировать? Очень интересно. Я помню, в скверных романах часто попадается выражение: «Он мрачно кивнул». Теперь я знаю, как это выглядит, — вы только что это сделали.

— Мрачно, в отчаянии, безнадежно — можете выбирать. А как Брайан?

— Довольно успешно, но у нас осталось очень мало времени.

— Ему становится хуже?

— Нет, вы меня не так поняли. Современная медицина может без всякого участия мозга стабилизировать состояние организма и поддерживать его годами. Если говорить о физическом состоянии, то я могла бы держать Брайана в послеоперационной палате, пока он не умрет от старости. Но ведь это не то, что нам нужно. Я проследила и заново соединила около миллиона нервных волокон. Я отыскала и нашла доступ к самым ранним воспоминаниям Брайана — начиная от рождения и примерно до двенадцати лет. Пленочные чипы и компьютер на месте, и можно надеяться, что очень скоро они восстановят все связи, какие только возможно. Я выжала из этой аппаратуры почти все.

— А почему вы занимаетесь его ранним детством — ведь он нужен нам взрослый, чтобы ответить на наши вопросы?

— Потому что есть такое совершенно правильное изречение: ребенок — отец взрослого человека. Невозможно восстановить мозговые связи высших уровней, пока не заработают низшие. Это значит, что всю гигантскую структуру человеческого сознания можно отстроить заново только начиная с самых нижних этажей — во многом так же, как она была выстроена первоначально...

— Вы говорите — сознание было выстроено. Но из чего?

— Сознание состоит из множества небольших частей, каждая из которых сознанием не обладает. Мы называем эти части элементами. Каждый элемент сам

по себе способен делать лишь очень простые вещи, которые не требуют ни осознания, ни обдумывания. Но когда элементы соединены между собой, — это в чем-то очень похоже на человеческое общество, — они начинают работать вместе как единое сообщество, и тогда возникает разум. К счастью, почти все элементы сами по себе у Брайана в полном порядке, потому что соответствующие им клетки мозга расположены в сером веществе, которое осталось невредимым. Однако большая часть связей между элементами проходит через белое вещество — и очень многие из этих связей разорваны. Вот этим я сейчас и занимаюсь — локализирую и заново соединяю огромное количество простейших элементов на уровне ощущений и моторики. Если я смогу реконструировать достаточно много тех сообществ элементов, которые складывались на каждом этапе развития Брайана, это даст мне основу для восстановления структур, формировавшихся на следующем этапе. И так — этап за этапом, слой за слоем. Включая перекрестные связи между слоями. А одновременно приходится восстанавливать обратные связи между элементами каждого уровня и структурами, ответственными за мышление и обучение. Эти обратные и кольцевые связи важнее всего — на них основывается мыслительная деятельность, которая отличает сознание человека от сознания животного. Первый этап восстановления уже подходит к концу. Через несколько дней я узнаю, удалось мне достигнуть цели или нет.

Беникоф озадаченно потряс головой:

— Вы уже почти приучили меня воспринимать совершенно немыслимые вещи как что-то обыденное. То, что вы делаете, настолько ново и необычно, что для меня это, к моему большому сожалению, остается непостижимым. Подумать только — проникнуть в мозг Брайана, подслушать его мысли и исправить причиненные повреждения! Не хотел бы я оказаться на вашем месте. А он что-нибудь чувствует, когда вы это делаете?

Эрин пожала плечами:

— Об этом мы ничего не знаем. Думаю, что такие ощущения невозможно описать словами, потому что все это происходит в сознании, которое еще не стало человеческим. Лично я, правда, считаю, что, пока идет реконструкция его мозга, его сознание, возможно, про-

слеживает и заново переживает все важные события его предшествующей жизни.

Выйдя в холл, Долли услышала, как кто-то стучит по клавишам компьютера, и улыбнулась. Брайан так много времени проводит в одиночестве — хорошо, что сейчас у него эта приятельница.

— Кому свеженьких шоколадных кексов? — спросила она, протягивая блюдо. Ким взвизгнула от радости.

— Я хочу, миссис Дилени. Спасибо!

— А ты, Брайан?

— Сначала кончим с этим, — буркнул он. — Давай-ка, Ким. Куда лучше будет, если ты все сделаешь до перерыва. Ты только начинаешь кое-что понимать.

— Потом кончим. Бери кекс.

Брайан вздохнул и запихнул в рот еще теплый кекс.

— Вкусно, — едва выговорил он, чуть не поперхнувшись.

— Сейчас принесу вам холодного молока запивать.

Когда Долли внесла поднос с полными стаканами молока, на руке у нее болталась сумочка.

— Мне надо идти на рынок, а там будет множество народу. Значит, я там застряну, а отец будет недоволен, если придет, а меня еще не будет. Скажи ему, что обед в шесть, как всегда, его только осталось поставить в СВЧ-печку. Не забудешь?

Брайан мотнул головой и залпом выпил стакан молока. Долли вышла. Он поставил стакан и снова повернулся к компьютеру.

— Теперь вернемся к тому, на чем мы остановились.

— Нет! — заявила Ким. — Ты что, забыл? У нас перерыв. — Она оттолкнула в сторону книги и плюхнулась на кровать, потом взбила его подушку и подложила себе под спину. — Перерыв есть перерыв — пора тебе это усвоить.

— А работа есть работа, и это пора усвоить тебе. Только посмотри на свою контрольную! — Он повернул вращающееся кресло и нажал на клавишу просмотра. По экрану поплыли страницы из тетради, почти сплошь выделенные красным фоном. — Видишь, там все красное? Знаешь, что это значит?

— Должно быть, у тебя кровь из носа шла?

— Ты бы лучше отнеслась к этому серьезно, Ким. Ты ведь знаешь, что я помогал тебе писать эту контрольную для Бестии Бетсера — добавил кое-что и поправил, где у тебя было неверно. Смеха ради мне захотелось посмотреть, что я вводил, и я начал метить красным те куски, которые делал сам, все свои поправки и изменения. Смотри — тут больше красного, чем белого!

— В мире есть вещи поинтереснее искусственного интеллекта. Раз уж ты ничего не делаешь, принеси мне кекс.

— Ты провалишься на экзамене.

Он встал и передал ей поднос.

— Ну и подумай. Может, я вообще брошу учебу, выйду замуж за миллионера и буду путешествовать по всему свету на собственной яхте.

— Эх, куда хватила. Не забудь, что ты всего-навсего недоучка с платформ. Спорим, ты даже на берегу ни разу не была.

— Была, была, я много где была, мистер. — Она облизала пальцы, вымазанные в шоколаде, полузакрывает глаза и заговорила нараспев, изображая французский акцент: — Я повидала весь мир, я заставляла принцев млесть от страсти...

— От скуки они с тобой млели, а не от страсти. У тебя же прекрасная голова, Ким. Ты просто ею не пользуешься.

— Опять голова! Не хочу больше слышать про голову. А как насчет других частей тела?

Она оттянула ворот блузки, демонстрируя ложбинку между грудей. Оттянула слишком сильно — блузка расстегнулась и обнажила белую грудь с нежным розовым соском. Хихикнув, Ким застегнула блузку.

— Мужчины млеют от страсти...

Она умолкла, увидев, какое впечатление это произвело на Брайана. Он побледнел, глаза его широко раскрылись.

— Успокойся, — сказала она. — Небось уже посмотрелся на голое тело на пляже для натуралистов, где околачиваются все психи.

— Я там никогда не был, — произнес он внезапно охрипшим голосом.

— Ну, и ничего не потерял. На этих натуралистов смотреть противно — что на мужиков, что на баб. —

Она пристально взгляделась в него и подняла бровь. — Погоди, сколько тебе лет?

— Тринадцать.

Она подпрыгнула, встала на колени и посмотрела ему в глаза.

— Ты ростом с меня и недурен собой. Когда-нибудь целовался с девочкой?

— Давай работать, — сказал он неловко, отворачиваясь. Она взяла его за плечо и повернула лицом к себе.

— Это не ответ. И я знаю, что ты знаешь про девочек. Я нашла у тебя под кроватью старые номера «Плейбоя», и там страницы, где голенькие девочки, даже обуглились — так ты их разглядывал. Может, ты и знаешь, как они выглядят, но спорю на что уютно, что ты еще ни разу не целовался. И пора тебе научиться.

Брайан не сопротивлялся, когда она нежно охватила его голову руками и протянула к его губам свои. С тихим мурлыканьем она запустила язычок ему в рот, почувствовала, как напряглись его руки, лежавшие у нее на спине. Ее рука скользнула ниже, и она ощутила, что у него напряглись не только руки.

Она сама расстегнула ему ремень.

Брайан не мог понять одного — неужели при первом же взгляде на него всякому не видно, что произошло? Случившееся было слишком потрясающе и невероятно, чтобы не отражаться на его лице. Стоило ему об этом подумать, и он чувствовал, как кровь бросается ему в голову. Когда вернулась Долли, Ким уже ушла; он слышал, как через несколько минут пришел отец, но оставался у себя в комнате, сколько мог, и спустился обедать только после того, как Долли несколько раз его позвала.

Но никто из них ничего не заметил. Брайан ел молча, уткнувшись в тарелку. Родители разговаривали о предстоявшем в следующую субботу пикнике, куда их пригласили и куда оба идти не хотели. Однако идти было нужно — не ради удовольствия, а ради дела, и в конце концов они, конечно, решили пойти. Никто из них не обратил внимания, когда Брайан вышел из-за стола и пошел к себе.

Больше всего Брайана заботило то, что случившееся как будто ничуть не подействовало на Ким. На следующее утро, встретившись с ним в коридоре, она бросила: «Привет», и ничего больше. Во время занятий он ни о чем другом не думал, отвечая на вопросы невпопад к большому удивлению преподавателей, а после большой перемены улизнул и отправился на платформы, где долго сидел в одиночестве над морем.

Почему он так сильно переживает то, что произошло, а она нет? Ответ стал ему очевиден, как только он поставил вопрос именно так. Потому что она делала это и раньше. Ей уже восемнадцать, на пять лет больше, чем ему, и за эти пять лет она вполне могла удовлетворить свой интерес к парням. Он ревновал к ним — но кто они были? Спросить ее он не осмеливался. В конце концов он сказал себе: «Ну и черт с ними!» и попытался выбросить все из головы. И в то же время начал изобретать повод, чтобы снова повидаться с ней наедине.

На следующее утро, перед началом занятий, Брайан подкараулил ее в коридоре.

— Я вчера до поздней ночи сидел над твоей контрольной и все доделал.

— Что-то у меня с ушами неладно. Ты правда сказал то, что мне послышалось?

— Угу. Я решил, что проще сделать все сразу, а не заставлять тебя следить за каждым шагом. Может, ты хоть так сможешь запомнить, что там написано. — Он пытался говорить как можно небрежнее, но без особого успеха. — Заходи ко мне после обеда, я покажу тебе, как это делается.

— Обязательно. Увидимся.

Время шло страшно медленно. После обеда Долли собиралась идти играть в бридж, и дома никого не будет.

— Это заключительная операция, — тихо диктовала доктор Снэрсбрук. — Все имплантаты на месте. Компьютер готов к работе. Регенерация новых нервных волокон, подходящих к поврежденным частям коры, почти завершена. Восстановление контактов в мозолистом теле стимулируется. Произведена последняя внутричерепная процедура — установка волоконно-опти-

ческого интерфейса между микрочипами. Ткани оболочки мозга восстановлены или заменены, и сейчас я буду обрабатывать стимулятором края участка черепной кости, который был удален, чтобы обеспечить доступ к мозгу. Костная ткань будет расти и закроет разрез, сделанный в черепе. Начинаю.

Она не произнесла того, о чем подумала: ведь на этом заканчиваются только хирургические манипуляции. Новые, еще толком не опробованные процедуры, которые должны восстановить связи внутри мозга Брайана, только еще начинаются. Новые, еще толком не опробованные... Пройдут ли они успешно?

Нет, нельзя об этом задумываться. Надо заканчивать то, что делаешь, и двигаться дальше.

Стоял влажный, удушливый июльский зной, когда Брайан наконец вырвался из компьютерной лаборатории. Он задумал усовершенствовать «ламу» — язык программирования для искусственного интеллекта, в разработке которого принимал участие его отец. Если все получится, как он надеялся, то работу перекрестных немов в информационных сетях «цика» можно будет ускорить в десять раз. Но этот новый способ нужно было еще испытать, а на его домашнем компьютере для этого понадобилось бы несколько дней работы, поэтому он выпросил немного времени на машине «Крэй-5», и если все пойдет нормально, кое-какие результаты можно будет получить к утру. А значит, до тех пор делать особенно нечего.

К тому же вполне возможно, что Ким уже ждет его дома. Он зашагал быстрее, чувствуя, как липнет к телу промокшая от пота рубашка. Сегодня после обеда у нее нет занятий, и она, может быть, заглянет, чтобы с ним позаниматься — так она это называет. Да, и с ней позаниматься тоже надо будет, ей это необходимо. Она теперь всю прогуливала занятия и не ходила на лекции, потому что знала — потом он объяснит ей, что надо делать к экзамену. Она терпеть не могла учебу и всегда пользовалась случаем, если подворачивалось что-нибудь поинтереснее.

Брайан заметил, что запыхался, и замедлил шаг. В такую жару нельзя спешить, а то придешь еле живой.

Когда он открыл дверь дома, его охватил вырвавшийся наружу прохладный воздух.

— Кто-нибудь тут есть? — крикнул он, но ответа не было. Потом он услышал музыку, улыбнулся и распахнул полуоткрытую дверь своей комнаты.

— Я кричал, а ты не слышала.

Стереоприемник был включен, но в комнате никого не было. Его кровать была измята, подушки сложены горкой — она всегда так их складывала, подсовывая под спину. Он огляделся — нет ли где-нибудь записки: Ким все еще писала их от руки, вечно забывая, что можно воспользоваться компьютерной сетью. Но записки не оказалось. Он выключил музыку, и теперь слышно было только гудение вентилятора в системном блоке, который, что-то бормоча про себя, работал с диском. А, наверное, она на кухне. Ким обожала время от времени перекусить — в этом ей не было равных. Действительно, там стояли грязный стакан и тарелка. Но Ким не было.

Телефон у нее дома тоже не отвечал. Брайан еще раз поискал записку — не раз он находил их в самых неожиданных местах. Наверное, она единственная в сплошь компьютеризованном УСП еще писала записки. Нет, записки нигде не было. Может быть, она преодолела свое давнишнее отвращение к компьютеру и оставила сообщение в нем? Брайан вызвал программу-автоответчик, но и там ничего не оказалось.

Непонятно. Он забеспокоился. Не случилось ли с ней что-нибудь? Парадная дверь была закрыта, но не заперта. Обычно ее запирали только на ночь — университет был изолирован от берега и считался безопасным местом. Правда, сейчас никакое место нельзя считать действительно безопасным. Разве не поймали только что торговцев наркотиков на побережье, всего в нескольких километрах? Уединенные платформы УСП вполне могут стать подходящим местом для следующей попытки.

Какой-то звук привлек его внимание — это зажужжал компьютер, и на нем замигала лампочка. Ну конечно! Эту программу, которая включалась по устной команде, он запустил несколько дней назад. Она работала почти все время, даже когда он вводил данные с клавиатуры, регистрировала любые слова и звуки и отвечала,

если это было необходимо. Значит, тут должен быть записан ее голос.

Найти его оказалось нетрудно. Он открутил запись назад, включил динамик и услышал собственный храп. Прокрутил вперед — слышались утренние новости, он слушал их, когда одевался. Еще вперед — вот она! Подпевает музыке по радио — ничего особенного. Он еще прокрутил запись — из динамика неслись звуки, напоминавшие голос Утенка Дональда, — а потом нажал на «стоп», разобрал ее голос. Она говорила по телефону.

— Ну ладно. Если тебе так хочется. Скоро. Да. Пока.

Это была только половина разговора — ему никогда не приходило в голову подключить компьютер к телефонной линии. Он снова прокрутил запись вперед, услышал что-то, открутил немного назад. Это был смех Ким.

Потом мужской голос произнес:

— Только попробуй это сделать еще раз — и меня уже не остановишь.

Брайан подпер голову рукой, склонился над компьютером и стал вслушиваться. Из динамика неслись звуки, которые могли сопровождать только любовный акт. На его кровати. С кем-то другим. Он слышал каждый унижительный шорох, слышал ее тихие стоны упоения...

Он слушал, пока все не кончилось. Они о чем-то тихо говорили, но он уже не обращал на это внимания, их голоса превратились в лишенные смысла звуки.

Все. Конец. Кровь стучала в висках. У него было ужасное чувство, что его предали. Он абсолютно ничего для нее не значит. Всего лишь бесплатный репетитор, — а может быть, таким способом она просто расплачивалась за его уроки? Никогда она не воспринимала его всерьез, никогда не испытывала того, что испытывал он. Брайан со стыдом понял, что его щенячья влюбленность была абсолютно односторонней. Она не разделяла ее, может быть, даже вообще не догадывалась о чувстве, которое поглотило его целиком.

Дрожащими от гнева и унижения пальцами он стер программу вместе с предательскими голосами, уничтожил весь файл, потом заново отформатировал диск, чтобы запись никогда нельзя было восстановить. Но этого ему показалось мало. Он разыскал все задания, которые выполнял за нее, и стер их с диска. Стер файл,

где были записаны все ее сообщения. Руки у него тряслись, на глазах стояли слезы ярости. Любовь превратилась в ненависть, привязанность — в обиду на предательство. Дрожащими руками он схватил клавиатуру и замахнулся, чтобы запустить ею в экран.

Нет, это сумасшествие. Он швырнул клавиатуру на стол, выбежал из комнаты, пробежал по коридору, ворвался на кухню и некоторое время стоял там, стиснув кулаки, сотрясаемый противоборствующими чувствами. Его взгляд упал на вешалку для ножей. Он схватил самый большой и попробовал ногтем лезвие, испытывая острое желание погрузить нож в ее тело. И еще раз, и еще.

Убить ее? О чем он думает? Неужели эти простейшие, примитивные эмоции могут управлять его действиями? Что стряслось с его разумом, с его интеллектом? Все еще дрожащей рукой он повесил нож на место и стоял у кухонной раковины, невидящими глазами глядя в окно.

«У тебя есть мозги. Мозги! Пошевели ими! Или же дай своим чувствам испортить всю твою жизнь. Убей ее, насладись мстостью, потом сядь в тюрьму за убийство. Пожалуй, не самая лучшая идея».

Но что произошло? Почему эмоции вытеснили разумное мышление?

Одна из субъединиц взяла управление на себя, вот что произошло. Надо только вспомнить, как устроено сознание, как оно работает. Оно состоит из множества субъединиц, которые сами по себе абсолютно лишены интеллекта. Какой там пример приводил отец, когда это растолковывал? Вождение машины. Субъединица сознания способна вести машину в то время, как само сознание занято другим. Оно берет управление на себя только тогда, когда случается что-то необычное. Сознание похоже на человеческое общество, где все составляющие его элементы сотрудничают друг с другом. А тут одна глупая субъединица взяла управление на себя и начала командовать. Тупая, неразумная субъединица, у которой вместо мозгов половые железы и которая знает только ревность, ярость, обиду. И чтобы она управляла его жизнью?

— Ну уж дудки!

Он открыл холодильник, достал банку лимонада, открыл ее и залпом выпил почти половину. Теперь он

чувствовал себя спокойнее и рассудительнее. Он понял, что произошло: одна часть его мозга взяла управление на себя и подавила все остальные. Не существует ничего похожего на одно главное «я», как бы легко ни было в это поверить. Чем больше он изучал, как работает разум, тем больше убеждался, что каждый человек представляет собой что-то вроде комитета. Мозг состоит из множества крохотных животных — протоспециалистов, вот как они называются. Животное-голод берет управление на себя, когда нужно найти пищу. Животное-страх — когда надвигается какая-то опасность. А животное-сон сменяет их каждую ночь. Это как кольцо царя Соломона. Все эти механизмы, которые открыли Лоренц и Тинберген. Сложные сети нервных центров, отвечающих за голод, половое чувство, самозащиту, — сети, которые создавались сотнями миллионов лет. Они есть не только у пресмыкающихся, птиц и рыб, но и в далеких уголках его собственного мозга.

И вот сейчас в нем взяло верх животное-секс — вон оно чавкает и пускает слюни. Примитивная система, гнездящаяся далеко внизу, в стволе мозга, — вот с чем он имеет дело!

— Это не я! — громко вскрикнул он, стукнув кулаком по столу так сильно, что ему стало больно. — Не весь я! Только одна, особенно глупая, но сильная часть. Сплошные яйца без головы!

Нет, он не животное в течке. У него есть разум, почему он им не пользуется? Как мог он допустить, чтобы управление взяла на себя какая-то глупая субъединица? Где был тот главный распорядитель, который должен был оценить ее по достоинству и поставить на место?

Он отправился к себе в комнату, по дороге прихлебывая лимонад. Сел за компьютер и открыл новый файл — «САМОКОНТРОЛЬ». Потом откинулся на спинку стула и стал размышлять дальше.

Большинство мыслительных процессов происходит бессознательно. Чтобы эффективно функционировать, почти все субъединицы в мозгу Брайана должны быть автономными — такими же самостоятельными, как рука или нога. Когда он ребенком учился ходить, на первых порах это, наверное, получалось у него очень плохо — он спотыкался и падал. Потом, по мере того как он учился на ошибках, стало получаться лучше.

Старые субъединицы, которые ходили плохо, понемногу вытеснялись или подавлялись новыми, которые ходили хорошо, работали автоматически, не требуя осознанных команд. «Сколько их, этих субъединиц! — подумал он. — А кто же ими управляет?» Сейчас ими, похоже, никто не управляет. Пора взять управление на себя, усилить самоконтроль. Теперь он сам должен решать, какой из субъединиц предоставить действовать. Главным распорядителем должно стать это таинственное, отдельное от них внутреннее «я» — центральный штаб, который соответствовал бы самой сущности сознания Брайана.

— Такая машина-распорядитель не помешала бы и всем этим глупым программам искусственного интеллекта, — сказал он и поперхнулся глотком лимонада.

Неужели все так просто? Неужели только этого не хватает, чтобы все части головоломки встали на место? Лаборатории, где занимаются искусственным интеллектом, — в Амхерсте, Северо-Западном университете, Технологическом институте на Кюсю — битком набиты множеством интересных систем. Логические системы, системы распознавания слов, самообучающиеся системы на нейронных сетях, — каждая решает свои собственные задачи и делает это своим собственным способом. Одни умеют играть в шахматы, другие — управлять механическими руками, третьи — планировать капиталовложения. Все работают по отдельности, каждая сама по себе, — и ни одна не способна думать по-настоящему. Потому что никто не знает, как заставить все эти полезные части работать заодно. Чтобы создать искусственный интеллект, нужно что-то вроде этого внутреннего «я». Какая-то центральная машина-распорядитель, которая связала бы все субъединицы в одну работающую систему.

Не может быть, чтобы это было так просто. Не может существовать такого «я», которое бы всем управляло, потому что в сознании нет никаких реальных людей, а есть только субъединицы. Значит, это «я» не может быть каким-то одним устройством — потому что ни одно устройство не может быть для этого достаточно умным. Значит, «я» должно быть чем-то вроде иллюзии, создаваемой деятельностью еще одного коллектива субъединиц. Иначе чего-то все равно будет не

хватать — распорядителя, который распоряжался бы этим распорядителем.

— Нет, не проходит. Я это пока толком не додумал. Придется еще поработать.

Он сохранил файл с этими заметками — и тут заметил, что на диске остался еще один файл «КИМ» Контрольная работа для Бетсера. У нее есть копия, но она ничего там не поймет, не говоря уж о том, чтобы объяснить, когда ее спросят. Может, стоит сохранить этот файл — в конце концов, если бы не она, ему бы так и не пришла в голову эта мысль о программе-распорядителе? Ну нет! Он ткнул клавишу DELETE, и файл исчез, как и все остальные.

В заключение он заблокировал компьютер, чтобы тот не отвечал на звонки с ее телефона. Но этого мало — она может позвонить из автомата. Он изменил программу — теперь компьютер не будет отвечать ни на какой звонок, ни от кого, отныне и навсегда.

Он долго сидел усталый, с сухими глазами, переживая горечь предательства.

Больше с ним никогда ничего подобного не случится. Никто больше не станет ему так близок и дорог, чтобы получить возможность сделать больно. Он будет думать только об этой программе-распорядителе для искусственного интеллекта, попробует добиться, чтобы она работала, и не будет вспоминать о Ким. И вообще о девушках. Больше никогда с ним ничего подобного не случится. Никогда.

Глава 9

*Коронадо
2 апреля 2023 года*

Вертолет летел через залив, над мостом, соединявшим изогнутый полуостров Коронадо с Сан-Диего. Все дороги внизу были наглухо перекрыты службой безопасности, и вертолет оказался не только самым безопасным, но и самым быстрым средством сообщения с базой. Описав дугу над серыми силуэтами списанных кораблей, тихо ржавеющих здесь со времен второй мировой войны, он опустил на штабную посадочную площадку, подняв тучу пыли, и к нему подъехал длинный закрытый лимузин.

— Сколько мороки из-за этого совещания, — недовольно сказала доктор Эрин Снэрсбрук. — Кое у кого из нас есть и другие дела. Это же смешно — прекрасно можно было провести совещание по телесвязи.

— У всех нас есть другие дела, доктор, у всех есть, — ответил Беникоф. — Вы сами виноваты — это вы подали мысль о совещании. Вы должны понимать, что таков единственный способ обеспечить полную секретность.

— Я говорила, что надо обсудить результаты, и ничего больше. — Она жестом остановила Беникофа, который хотел что-то сказать. — Знаю. Я уже слышала ваши доводы. Здесь, конечно, безопаснее. Все эти по-

хищения, налеты, покушения... Просто я терпеть не могу эти кошмарные вертолеты. Самый опасный на свете вид транспорта. Один из них упал с небоскреба «Пан-Америкен» — вы слишком молоды, чтобы это помнить. Свалился прямо на Сорок вторую улицу. Это настоящие смертоносные ловушки.

По подземному туннелю они въехали в здание штаба. За окнами мелькали часовые из морской пехоты, охранники, запертые двери, автоматические телекамеры и все прочие средства предосторожности, которые так обожают военные. Миновав последнюю запертую дверь, они вошли в конференц-зал, откуда открывалась панорама залива и мыса Лома. С рейда втягивался в залив авианосец. Перед окном, за столом черного дерева, сидело не меньше десятка штатских в темных костюмах и офицеров в форме.

— А в этой комнате вправду безопасно? — шепотом спросила доктор Снэрсбрук.

— Оставьте ваши шуточки, доктор, — шепнул в ответ Беникоф. — Это окно не пробить и из корабельной тридцатидюймовки.

Эрин принялась было внимательно разглядывать окно, но заметила улыбку на лице Беникофа. Как и она, он пытался шутить, чтобы разрядить напряжение.

— Садитесь, — приказал генерал Шоркт в своей обычной неотразимой манере и столь же лаконично представил вошедших: — Слева — доктор Снэрсбрук. С ней мистер Беникоф, которого вы знаете, он отвечает за расследование в компании «Мегалоуб».

— А кто все эти люди? — нежным голосом осведомилась доктор Снэрсбрук. Генерал Шоркт как будто не слышал.

— Вы должны сделать нам доклад, доктор. Начинайте.

Пауза затянулась. Генерал и хирург молча смотрели друг на друга, в глазах у них горела холодная ненависть. Опасаясь худшего, Беникоф вмешался:

— Я созвал это совещание, потому что операция, предпринятая доктором Снэрсбрук, по-видимому, достигла важной и ответственной стадии. Поскольку во всех остальных направлениях наше расследование зашло в тупик, я убежден, что теперь все зависит от доктора Снэрсбрук. Она — наша поддержка и опора, наша единственная надежда в этом трагическом деле. И

она, кажется, добилась чуда. Сейчас она введет нас в курс дела. Пожалуйста, доктор.

Доктор Снэрсбрук, слегка смягчившаяся, хотя все еще сердитая, пожала плечами и решила, что с нее хватит препирательств. Спокойно, негромким голосом она заговорила:

— Сейчас я завершаю основные хирургические манипуляции с больным. Поверхностные повреждения, причиненные пулей, более или менее успешно ликвидированы. Более важные и ответственные мероприятия по восстановлению нервных пучков в коре закончены. Пленочные микрочипы имплантированы успешно и соединены между собой вживленным в мозг компьютером. Больше никаких хирургических действий не требуется. Полость черепа закрыта.

— Значит, вы достигли успеха. И больной будет говорить...

— Прошу не перебивать. Это относится ко всем. Когда я закончу свое сообщение о том, что уже сделано и чего, по моему мнению, можно ждать в будущем, я отвечу на любые вопросы.

Снэрсбрук секунду помолчала. Молчал и генерал Шоркт, хотя видно было, что он кипит яростью. Она скромно улыбнулась и продолжала:

— Возможно, что у меня ничего не получилось. Если так, то на этом все кончится. Вскрывать ему череп я больше не буду. Я хочу подчеркнуть, что такой шанс всегда есть. Все, что я делала до сих пор, — всего лишь эксперимент, вот почему я не даю никаких обещаний. Но я скажу вам, на что я надеюсь. Если я добилась успеха, больной придет в сознание и сможет говорить. Но вряд ли мы будем разговаривать с тем самым человеком, в которого стреляли. Он не будет помнить ничего из своей взрослой жизни. Если мои процедуры закончатся успешно, если он придет в сознание, он превратится в ребенка.

Не обращая внимания на возгласы разочарования, она выждала, пока все не замолчат, и заговорила снова:

— Если это произойдет, я буду очень довольна. Это будет означать, что все процедуры прошли успешно. Но это только первый шаг. Если он пройдет по плану, я начну вводить дополнительную информацию и буду поддерживать с ним постоянное общение в надежде, что окажется возможно довести его воспоминания до

того периода его жизни, когда на него было совершено нападение. Есть вопросы?

Беникоф первым задал вопрос, который волновал его больше всего:

— Вы надеетесь довести его воспоминания до самого того дня, когда произошло нападение?

— Это вполне возможно.

— Он сможет вспомнить, что тогда случилось? Сможет сказать нам, кто это сделал?

— Нет, это исключено. — Снэрсбрук подождала, пока шум не утих, и продолжала: — Вы должны понять, что существуют две разновидности памяти — долговременная и краткосрочная. Долговременная память сохраняется годами, обычно всю жизнь. Краткосрочная — это то, что происходит с нами в реальном времени: подробности разговора, который мы слышим, слова из книги, которую читаем. Большая часть краткосрочных воспоминаний просто исчезает через несколько секунд или минут. А некоторые из них, если они достаточно важны, постепенно переходят в долговременную память. Но лишь примерно через полчаса. Столько времени нужно мозгу, чтобы переработать их и сохранить. Примером может служить так называемый посттравматический шок. Жертвы, скажем, автомобильной катастрофы ничего не помнят о самой катастрофе, если в этот момент потеряли сознание. Их краткосрочные воспоминания так и не перешли в долговременную память.

Посыпавшиеся вопросы и замечания перекрыл холодный голос генерала Шоркта:

— Но если нет никаких шансов на то, что эти ваши сомнительные манипуляции завершатся успехом, то зачем вообще вы решили их предпринять?

Эрин Снэрсбрук была сыта по горло оскорблениями. Она вспыхнула и начала подниматься со стула. Но Беникоф успел вскочить раньше.

— Позвольте напомнить всем присутствующим, что за ведущееся расследование отвечаю я. Доктор Снэрсбрук принесла большую жертву, согласившись нам помочь. Ее работа — это все, что мы имеем. Уже погибло несколько человек, может погибнуть и наш больной, но самое важное сейчас — итоги расследования. Может быть, Брайан Дилени и не разоблачит убийц, — но он

сможет показать нам, как построить его искусственный интеллект, а речь в конечном счете идет только об этом.

Он медленно сел и повернулся к Эрин Снэрсбрук:

— Доктор, будьте добры, расскажите нам, какие процедуры еще предстоят?

— Пожалуйста. Как вы знаете, я оставила в мозгу больного большое число имплантатов. Они представляют собой разнообразные процессоры, присоединенные микроскопическими выводами к нервным волокнам мозга. В эти точки можно вводить определенные количества некоторых химических препаратов. Сочетая их с тщательно контролируемым воздействием внешних возбудителей, я надеюсь вскоре добиться того, чтобы он научился вызывать свои более поздние, пока еще недоступные воспоминания. Когда они будут интегрированы в единую картину, мы снова получим работающее сознание. В нем могут остаться пробелы, но он не будет их замечать. Я надеюсь, он сможет припомнить все, что делал в ходе разработки своего искусственного интеллекта, воспроизвести это и снова его построить. Конечно, я буду использовать не только химические препараты. Я также имплантировала пленочные микрочипы, которые непосредственно соприкасаются с нервными окончаниями. На поверхности чипов находятся эмбриональные клетки мозга, которые можно различными способами заставить развиваться. Они могут оставаться спящими столько времени, сколько нам будет нужно, пока не появится возможность сделать нужное соединение. После их активации каждая из них будет подвергнута проверке. Те, которые соединятся неправильно, будут снова разъединены, и только соединившиеся правильно сохраняют активность. Это можно будет сделать, открывая микроскопические химические отверстия в чипах: если не будет установлено нужное соединение, крохотная доза нейротоксинов убьет клетку.

— У меня есть вопрос, — произнес один из мужчин.

— Пожалуйста.

— Не хотите ли вы сказать, что намерены установить в черепе этого юноши интерфейс человек-машина?

— Именно так, и я не понимаю, почему это так вас шокирует. Это делается уже много лет. Да еще в прошлом веке мы восстанавливали нервные связи в ухе, чтобы лечить глухоту. В последние годы нервные им-

пульсы от спинного мозга неоднократно использовали для управления протезами ног. Установление контактов непосредственно с мозгом — следующий логический шаг.

— Когда мы сможем разговаривать с мистером Дилени? — резко спросил Шоркт.

— Возможно, никогда. — Доктор Снэрсбрук встала. — Вы слышали мой доклад. Можете думать, что хотите. Я делаю все, что могу, используя экспериментальные методики, чтобы восстановить этот вдребезги разбитый мозг. Доверьтесь мне. Если я добьюсь успеха, я сообщу вам первому.

Не обращая внимания на град вопросов, она повернулась и вышла.

Глава 10

17 сентября 2023 года

К Брайану медленно возвращалось сознание — словно он просыпался после долгого, глубокого сна без сновидений. Сознание ускользало, появлялось снова, опять исчезало во тьме. Это повторялось множество раз, день за днем, и каждый раз никаких воспоминаний о предыдущем возвращении сознания у него не оставалось.

Но однажды он впервые задержался на грани сознания. Хотя глаза его все еще были закрыты, он понемногу начал понимать, что не спит. И что невероятно устал. Почему? Он не знал, да и не хотел знать. Он ничего не хотел.

— Брайан...

Голос доносился откуда-то очень издалека. Он был едва слышен. Сначала он просто существовал, ничего не означая. Но он снова и снова повторял:

— Брайан... Брайан...

Что это значит? Слово без конца кружилось у него в голове, пока не вернулось воспоминание. Это его так зовут. Это он — Брайан. Кто-то произносит его имя. Его имя — Брайан, и кто-то произносит это имя вслух.

— Брайан... Открой глаза, Брайан.

Глаза. Его глаза. Глаза закрыты. Открой глаза, Брайан. Свет. Яркий свет. Потом снова приятная темнота.

— Открой глаза, Брайан. Не держи глаза закрытыми. Посмотри на меня, Брайан.

Снова ослепительный свет. Закрыть. Открыть. Свет. Туман. Что-то висит в воздухе у него перед глазами.

— Очень хорошо, Брайан. Ты меня видишь? Если видишь, скажи «да».

Не так просто. Но была команда. Видеть. Свет и еще что-то. Видишь меня. Видишь какого-то меня. Видишь меня, скажи да. Что такое видишь? Видит он или нет? Что он видит?

Сначала было очень трудно, но каждый раз, когда он старался думать об этом, становилось немного легче.

Видеть... глазами. Видеть что-то. Что? Пятно. Что такое пятно? Предмет. Какой предмет? И что такое предмет?

Лицо. Лицо! Да, лицо!

Он очень обрадовался, когда это сообразил. Он видел, что это лицо. На лице два глаза, нос, рот, волосы. Какие волосы?

Волосы седые.

— Прекрасно, Брайан. Все идет прекрасно.

Он был очень доволен.

Его глаза были открыты. Он видел лицо. Над лицом седые волосы. Он очень устал.

Глаза его закрылись, и он заснул.

— Вы видели, да? — Доктор Снэрсбрук в волнении всплеснула руками. Беникоф, недоумевая, все же утвердительно кивнул:

— Да, я видел, что его глаза открылись. Но ведь...

— Это невероятно важно. Вы заметили, что он посмотрел на мое лицо, когда я ему сказала это сделать?

— Да... Но это правильная реакция?

— Не просто правильная, это потрясающе. Только подумайте! Перед вами тело молодого человека, сознание которого было долгое время разбито на части, раздроблено на отдельные осколки. И вы видите, что сейчас произошло, — он услышал мой голос и повернулся, чтобы посмотреть на мое лицо. Самое важное то, что центры распознавания звуков расположены в задней половине мозга, а центры, управляющие движениями глаз — в передней. Значит по крайней мере часть

новых контактов мы соединили правильно. Но этого мало. Он пытался повиноваться — осознать мою команду. Это значит, что в его действия было вовлечено множество мыслительных элементов. И заметьте, он очень старался, установил мысленные связи, вознаградил себя чувством удовольствия — вы видели, как он улыбнулся. Это замечательно!

— Да, я видел, он чуть улыбнулся. Это хорошо, что он не чувствует депрессии, если иметь в виду его увечья.

— Нет. Это совсем неважно. Если бы меня интересовала эта сторона, я бы предпочла, чтобы он чувствовал депрессию. Нет, дело в том, что, доволен он или недоволен, во всяком случае он не апатичен. И если его сознание по-прежнему способно приписывать определенную ценность тому, что он воспринимает, значит, он может пользоваться этим для закрепления — то есть для обучения. А если его сознание сможет нормально обучаться, он будет в состоянии помочь нам исправить больше повреждений.

— Когда вы так объясняете, я начинаю понимать, почему это так важно. А что дальше?

— Процесс продолжается. Я дам ему поспать, потом попробую снова.

— А он не утратит того, что находится в краткосрочной памяти? Тех воспоминаний, которые вы восстановили? Они не сотрутся, пока он спит?

— Нет, потому что это не краткосрочная память, а вновь соединенные К-линии, то есть функции, которые существовали и раньше. К-линии — это нервные волокна, соответствующие комплексам воспоминаний, комплексам элементов, которые вызывают определенные умственные состояния. Считайте, что это восстановленные электронные схемы. Только воплощенные не в хрупких человеческих синапсах, а в прочной компьютерной памяти.

— Если все так, как вы говорите, значит, все получается, — сказал Беникоф, надеясь, что в его голосе не слышно разочарования. Не возлагает ли она слишком много надежд на один лишь мимолетный намек на улыбку? Может быть, ей так хочется в это поверить, что она обманывает сама себя? Он ожидал чего-то более внушительного.

А Эрин Снэрсбрук ничего большего не ожидала. Она не знала, чего можно ждать от этих совершенно новых методик, но теперь была до крайности довольна результатом. Пусть Брайан отдохнет, потом она будет разговаривать с ним снова.

Комната. Он в комнате. В комнате есть окно, потому что он знает, как выглядит окно. В комнате есть кто-то еще. Кто-то с седыми волосами, и она в чем-то белом.

Она? Это белое — платье, а платье может носить только «она».

Неплохо. Он широко улыбнулся. Но не совсем верно. Улыбка начала сползать с его лица. Но почти верно, совсем неплохо. Улыбка вернулась, и он заснул.

Что произошло прошлой ночью? Он вздрогнул от страха. Ничего не вспоминается — почему? И почему он не может повернуться на бок? Что-то его держит. Что-то очень плохо, он не знал что. Усилием воли он открыл глаза — и тут же зажмурил: смотреть на яркий свет было больно. Когда он осторожно открыл их снова, ему пришлось сморгнуть слезы. Он посмотрел на незнакомое лицо, низко склонившееся над ним.

— Ты меня слышишь, Брайан? — произнесла женщина. Он попытался ответить, но почувствовал такую сухость в горле, что закашлялся.

— Воды!

Прохладная, жесткая трубка просунулась ему в рот, и он с благодарностью принялся сосать. Поперхнулся, снова закашлялся, и в голове его прокатилась волна боли. Он застонал.

— Голову... больно, — с трудом выговорил он.

Боль не уходила, заставляя его стонать и корчиться. Боль была так сильна, что заглушила все остальное. Он не заметил укола иглы, вонзившейся ему в руку, но вздохнул с облегчением, когда охватившая его мука начала отступать.

Перед тем как снова открыть глаза, он долго колебался, а потом долго пытался сморгнуть навернувшиеся слезы, которые мешали видеть.

— Что...

Голос его прозвучал как-то странно, но в чем дело, он понять не мог. Почему? Не его голос? Слишком низкий, слишком хриплый. Он еще вслушивался, когда откуда-то издали донесся другой голос:

— С тобой произошел несчастный случай, Брайан. Но теперь все в порядке — будет все в порядке. У тебя где-нибудь болит?

Болит? Боль в голове стала меньше, как будто ее что-то заглушало. Где еще болит? Спина, да, спина, и рука тоже. Подумав об этом, он посмотрел вниз, но не увидел своего тела. Оно чем-то покрыто. Что он чувствует? Боль?

— Голова... И спина.

— Ты был ранен, Брайан. В голову, руку и спину. Я дала тебе кое-что, чтобы боль прошла. Скоро тебе станет лучше, — сказала Эрин, заботливо вглядываясь в белое лицо на подушке, окутанное белыми повязками. Открытые глаза были красны, слезились и то и дело моргали, вокруг них лежали темные круги. Но он вопросительно смотрел на нее, следил за ее движениями. И говорил, довольно разборчиво. Только какой-то странный выговор — явный ирландский акцент. За годы, прожитые в Америке, его манера говорить изменилась. Но у того, прежнего Брайана усвоенный с детства ирландский акцент был, конечно, заметнее. Да, это он, Брайан.

— Ты был очень болен, Брайан. Но сейчас тебе уже лучше, и дальше будет становиться еще лучше.

Но с каким из Брайанов она говорит? Она знала, что, развиваясь, человек постоянно усваивает что-то новое. Но он не обременяет свое сознание, припоминая во всех подробностях то, что усвоил, — как завязывать шнурки или держать в руке карандаш. Подробности остаются достоянием той личности, которая их запоминала. А на эту личность в ходе развития наслаивается новая, погребая ее под собой. Как это делается, пока неизвестно — возможно, что на каком-то уровне сознания так и существуют все те личности. Но тогда с какой из них она сейчас говорит?

— Послушай, Брайан. Я задам тебе один очень важный вопрос. Сколько тебе лет? Ты меня слышишь? Можешь вспомнить, сколько тебе лет?

Это оказалось намного труднее, чем все, о чем он до сих пор размышлял. Пора спать.

— Открой глаза, Брайан. Спать будешь немного позже. Брайан, скажи мне, сколько тебе лет.

Какой трудный вопрос. Сколько лет. Годы. Время. Даты. Месяцы. Места. Школа. Люди. Он не знал. Мысли его путались, и он растерялся. Лучше заснуть. Он хотел заснуть, — но вдруг весь похолодел от страха, сердце его бешено забилося.

— Сколько... мне лет? Я не знаю.

Он заплакал. Слезы сочились из-под плотно зажмуренных век. Она ласково погладила его по лбу, покрытому капельками пота.

— Можешь заснуть. Ничего. Закрой глаза. Спи.

Она слишком поспешила, была слишком настойчива. Так нельзя. Она выругала себя за нетерпеливость. Еще слишком рано пытаться включить его личность в ход времени. Сначала его личность еще должна восстановить собственную целостность. Но рано или поздно это случится. С каждым днем становилось яснее, что это уже личность, а не набор слабо связанных между собой воспоминаний. Все получится. Процесс идет медленно, но успешно. Брайана уже удалось продвинуть вдоль его собственной линии жизни настолько, насколько это возможно. Насколько именно, она пока не знала — придется потерпеть. Настанет день, когда он сам сможет ей это сказать.

Прошло больше месяца, прежде чем доктор Снэрсбрук снова задала тот же вопрос.

— Сколько тебе лет, Брайан?

— Больно, — пробормотал он, не открывая глаз и бессильно повернув голову на подушке. Она вздохнула. Не так легко это будет.

Снова и снова задавала она свой вопрос. Дни выпадали разные — и хорошие и плохие, чаще плохие. Время шло, и понемногу она начала отчаиваться. Тело Брайана поправлялось, но связь его с сознанием все еще оставалась слабой и хрупкой. Все еще не теряя надежды, она как-то снова спросила:

— Сколько тебе лет, Брайан?

Он открыл глаза, посмотрел на нее, нахмурился:

— Вы меня уже спрашивали.. я помню.

— Очень хорошо. Как ты думаешь, сможешь ты ответить сейчас?

— Не знаю. Я знаю, что вы меня уже спрашивали.
— Да, спрашивала. Ты молодец, что помнишь.
— Это голова, да? У меня что-то с головой.
— Совершенно верно. У тебя было кое-что с головой. Но сейчас тебе намного лучше.

— Я думаю головой.

— Снова верно. Тебе становится гораздо лучше, Брайан.

— Я плохо думаю. И моя спина, и рука... Болят. Моя голова...

— Правильно. У тебя была повреждена голова. Спина и рука тоже, но они быстро заживают. А повреждения головы были очень серьезные, поэтому у тебя может что-то путаться в памяти. Не беспокойся, со временем все придет в норму. Я здесь и буду тебе помогать. Поэтому когда я задаю тебе вопросы, ты должен помогать мне. Попробуй ответить, как можешь. Скажи, сколько лет тебе было в последний день рождения?

— День рождения. Торт... розовый торт.

— Со свечками?

— Много свечек.

— Ты можешь сосчитать их, Брайан? Попробуй сосчитать свечки.

Губы его зашевелились, глаза все еще были закрыты. Он изо всех сил напрягал память, так что даже заворочался в кровати.

— Зажжены. Горят. Я их вижу. Одна, две... еще.. Всего, по-моему... да, четырнадцать.

Женщина с седыми волосами улыбнулась, протянула руку и потрепала его по плечу. Она все еще улыбалась, когда его веки, дрогнув, поднялись, глаза раскрылись и посмотрели на нее.

— Хорошо, очень, очень хорошо, Брайан. Меня зовут доктор Снэрсбрук. Я ухаживаю за тобой все это время, с тех пор как произошел несчастный случай. Так что можешь мне поверить, если я говорю, что тебе стало намного лучше — и дальше будет становиться еще лучше. Я тебе потом объясню. А сейчас поспи..

Ему приходилось нелегко. Иногда казалось, что, сделав шаг вперед, он тут же делает два шага назад. Боль как будто уменьшалась, но все еще беспокоила его,

временами он только о ней и мог говорить. Аппетита у него почти не было, но капельницы с питательным раствором он попросил убрать. Однажды он целый день проплакал от страха; что его напугало, доктор Снэрсбрук так и не узнала.

Но мало-помалу, под ее неумолимым напором, память его стала восстанавливаться. Перепутанные обрывки прошлого понемногу связывались между собой, складываясь в единую картину. Правда, обширных кусков воспоминаний еще не хватало. Она видела это, а он нет. Как можно чувствовать, что не хватает того, чего ты совершенно не помнишь? Личность Брайана медленно, но верно восстанавливалась и крепла с каждым днем. И вот однажды он спросил:

— Мой отец... Долли... как они? Я их давно не видел.

Эрин ждала этого вопроса и заранее подготовила тщательно продуманный ответ.

— Когда тебя ранило, были и другие жертвы, — но никто из тех, кого ты знал, не пострадал. А теперь тебе лучше всего немного отдохнуть.

Она кивнула сестре, и Брайан уголком глаза заметил, как та ввела что-то из шприца в катетер, соединенный с его веной. Он хотел еще поговорить, задать множество вопросов, попытался шевельнуть губами, но вместо этого погрузился в бездонную тьму.

Когда доктор Снэрсбрук пришла к Брайану в следующий раз, с ней был нейрохирург больницы Ричард Фостер, который хорошо знал всю историю болезни больного Дилени.

— Никогда не видел, чтобы больные так успешно поправлялись после таких тяжелых травм, — сказал Фостер. — Это беспрецедентно. Такие обширные повреждения мозга всегда ведут к серьезным нарушениям. Мышечная слабость, паралич, тяжелый сенсорный дефицит. Однако у него, по-видимому, функционируют все системы. Поразительно, что у него вообще хоть частично восстановилось сознание. Обычно такие больные обречены на коматозное состояние. Он должен был превратиться в растение.

— Мне кажется, вы оперируете не теми понятиями, — терпеливо принялась объяснять доктор Снэрсбрук. — На самом деле Брайан вовсе не «поправился» в обычном смысле слова. Восстановление нервных связей не имело ничего общего с естественным заживлением. Его мозг перестал быть грудой обломков только потому, что мы все эти связи заменили.

— Это я понимаю. Но не могу поверить, что все они соединены правильно.

— Боюсь, что тут вы совершенно правы. Наши действия могли быть лишь приблизительными. Так что сейчас, когда какая-то структура в одной части его мозга посылает в другую часть сигнал — например, команду шевельнуть рукой или ногой, — вполне возможно, что это не тот самый сигнал, который был бы послан до травмы. Но если хотя бы часть соединений, которые мы сделали, оказались правильными, то хотя бы некоторые из этих сигналов попадут более или менее туда, куда надо, где они вызовут приблизительно нужный эффект. А это самое важное. Предоставьте мозгу хоть капельку возможности, и все остальное он сделает сам. Это как при любой операции. Хирург всегда работает приблизительно. Он никогда не может в точности восстановить то, что было раньше, — но это обычно не имеет особого значения, потому что организм на многое способен сам.

Она взглянула на мониторы: артериальное давление, температура, дыхание и самое главное — энцефалограмма. По экрану плыли характерные волны, соответствующие нормальному глубокому сну. Увидев их, она с облегчением вздохнула. Результаты были, вне всякого сомнения, положительными. Все происходившее в последние недели подтверждало, что ее нетрадиционный, новаторский, непроверенный план все-таки может привести к успеху.

Ждавший в приемной Беникоф начал подниматься со стула, но она сделала ему знак снова сесть и сама уселась в мягкое кресло напротив.

— Победа! — радостно произнесла она долгожданное слово. — Когда вы видели его в последний раз, это было еще только начало. Я много работала с ним, помогала снова обрести доступ к воспоминаниям и мыслям, которые оставались на периферии сознания. У него еще многое путается, это неизбежно. Но он уже

хорошо говорит, он сказал мне, сколько ему лет, — четырнадцать. А теперь он спрашивает про отца и мачеху. Вы понимаете, что это значит?

— Прекрасно понимаю — и счастлив, что первым поздравляю вас. Вы получили по сути дела мертвое тело с погибшим мозгом и восстановили его память в достаточной мере, чтобы довести ее до четырнадцатилетнего возраста.

— Ну, не совсем так. В какой-то степени это иллюзия. Действительно, у Брайана восстановлена значительная часть воспоминаний до четырнадцатилетнего возраста. Но далеко не все. Кое-чего еще не хватает, кое-что утрачено навсегда. В его памяти останутся пробелы, которые могут сказаться на многих его способностях и мыслях. Больше того, возраст этого среза далеко не точен. Некоторые нити, которые мы восстановили, до этого возраста не доходят, а другие тянутся гораздо дальше. Но важно другое — мы начинаем видеть нечто похожее на целостную личность. Еще пока не совсем завершленную, но способную обучаться. Перед нами во многом прежний Брайан — но, на мой взгляд, еще в недостаточной мере.

При этих словах она нахмурилась, потом заставила себя улыбнуться.

— Во всяком случае, сейчас об этом думать еще рано. Важно то, что мы уже можем добиться от него активного, сознательного сотрудничества. А это значит, что теперь можно переходить к следующему этапу.

— Какому?

Снэрсбрук мрачно взглянула на него:

— Мы восстановили почти все, что можно было восстановить «пассивно». Но есть множество категорий понятий, до которых мы просто еще не добрались. Например, Брайан, видимо, утратил все знания о животных — есть такая специфическая форма афазии, она уже наблюдалась при травмах мозга. Вероятно, наступил момент, когда полезный эффект от восстановления прежних немов Брайана начнет становиться все меньше. Поэтому, продолжая это делать, я намерена перейти к новому этапу. Можно назвать его переливанием памяти. Я предполагаю локализовать эти недостающие области — области знания, которыми обладает буквально каждый ребенок, но которых пока лишен Брай-

ан, — и загрузить соответствующие структуры из базы общеизвестных данных системы «цик-9».

Беникоф задумался, хотел что-то сказать, но она жестом остановила его.

— Об этом лучше поговорим как-нибудь в другой раз.

Она тряхнула головой. На нее вдруг нахлынула невероятная усталость, которую она до сих пор сдерживала лишь усилием воли.

— Давайте съедим по бутерброду и выпьем по чашке кофе. Потом, пока Брайан спит, я запишу в историю болезни все, что уже сделано. Нам придется руководить каждым его шагом. А это значит, что мне — и компьютеру — нужно знать о нем больше, чем знает он сам.

Бинты, которые удерживали его в неподвижности, уже сняли, и остались только низенькие загородки по бокам кровати. Ножной конец кровати подняли, и тело Брайана больше не лежало горизонтально. Волоконно-оптический кабель, который через затылок уходил внутрь черепа, был почти не виден под повязкой. Все капельницы и провода, ведущие к приборам, убрали, оставив только несколько почти незаметных датчиков, прикрепленных к коже. Если бы не темные круги под покрасневшими глазами и не бледность, он выглядел бы почти здоровым.

— Брайан, — произнесла Эрин Снэрсбрук, не отрывая глаз от экрана энцефалографа, кривая на котором свидетельствовала о том, что больной пробуждается. Брайан открыл глаза.

— Ты помнишь, о чем мы недавно говорили?

— Да. Вы доктор Снэрсбрук.

— Очень хорошо. Ты знаешь, сколько тебе лет?

— Четырнадцать. Исполнилось. Что со мной случилось, доктор? Вы не хотите мне сказать?

— Конечно, хочу. Но все в свое время. Ты согласен, чтобы я объясняла тебе все понемногу, в том порядке, какой считаю нужным?

Брайан немного подумал и ответил:

— Наверное... Вы доктор, вы и лечите.

Ее на мгновение охватила радость. Немудреная шутка — но она свидетельствовала о том, что он в полном сознании.

— Хорошо Если ты согласен, я обещаю рассказать тебе всю правду и ничего от тебя не скрывать. Но прежде всего — что ты знаешь об устройстве мозга?

— То есть о его строении? Это скопление нервной ткани внутри черепа Оно состоит из большого мозга, мозжечка, варолиева моста и продолговатого мозга.

— Довольно точно У тебя была мозговая травма, и тебе делали операцию Кроме того

— У меня что-то неладно с памятью

Снэрсбрук удивленно посмотрела на него:

— Откуда ты знаешь?

На губах Брайана появилась слабая улыбка — он был доволен своей маленькой победой

— Это очевидно Вы хотели знать, сколько мне лет Я смотрел на свои руки, пока вы говорили. Сколько мне лет, доктор?

— Немного больше

— Вы обещали, что скажете мне всю правду

Эрин предполагала держать эту информацию про себя, сколько будет возможно: она могла оказаться для Брайана очень болезненной. Но Брайан ее опередил Нет, теперь только правда, и ничего, кроме правды.

— Тебе почти двадцать четыре.

Брайан медленно переваривал ее слова. Через некоторое время он кивнул.

— Ну, ничего Если бы пятьдесят, или шестьдесят или что-нибудь в этом роде, дело было бы скверно, — значит, я прожил почти всю свою жизнь и ничего об этом не помню. А двадцать четыре — это ничего Ко мне вернется память?

— Не вижу причин, почему бы ей не вернуться. Пока твое выздоровление идет отлично. Я потом объясню все в подробностях, если ты захочешь, но пока постараюсь говорить попроще Я хочу простимулировать твою память и помочь тебе найти к ней доступ. Когда это произойдет, твоя память восстановится, и ты снова станешь целостной личностью. Не могу обещать, что удастся восстановить всю память, у тебя были большие повреждения, но.

— Если я не буду знать, чего мне не хватает я ведь не буду это чувствовать.

— Совершенно верно.

Быстро соображает. Может быть, память у него все еще как у четырнадцатилетнего, но мыслительные процессы соответствуют куда более зрелому возрасту. Ведь он был вундеркиндом. В четырнадцать лет он уже учился в колледже. Это не обычный четырнадцатилетний мальчик.

— Но дело не только в том, что ты этого не почувствуешь. Ты должен понять, что человеческая память — не магнитофон, который записывает все подряд в хронологическом порядке. Она устроена совсем иначе — скорее как неаккуратно ведущаяся картотека, снабженная запутанным и противоречивым указателем. И не просто запутанным — время от времени мы изменяем принципы классификации понятий. Когда я говорю, что сохранила воспоминания детства, это на самом деле неверно. У меня сохранились воспоминания об этих воспоминаниях. Понятия, о которых я много раз думала, осмысляла их, упрощала.

— Кажется, я понимаю, что вы хотите сказать. Но только прошу вас, прежде чем мы начнем, вы должны кое-что мне сказать. Десять лет — долгий срок. За это время многое может случиться. Моя семья...

— Долли была здесь и хочет увидаться с тобой.

— Я тоже. А отец?

«Только правда, — мелькнуло в голове у Эрин Снэрсбрук. — Даже если она причинит страшную боль».

— Мне очень жаль, Брайан, но... твоего отца нет в живых.

Наступила пауза. По его лицу текли слезы. Лишь долгое время спустя он заговорил снова:

— Не надо сейчас об этом рассказывать. А я? Что я делал все эти годы?

— Ты окончил университет, занимался исследовательской работой.

— По искусственному интеллекту? Это то, чем занимается отец, я тоже хочу этим заниматься.

— Ты этим занимался, Брайан. Ты добился успеха во всем. Больше того, ты совершил важный прорыв — ты действительно построил первый искусственный интеллект. Перед тем как тебя ранили, ты был на пороге успеха.

Это сопоставление не ускользнуло от Брайана, и он сделал логический вывод.

— До сих пор вы говорили мне всю правду, доктор. Мне кажется, вы ничего не скрывали.

— Нет. Это было бы нечестно.

— Тогда скажите мне вот что. Мои травмы имеют какое-то отношение к искусственному интеллекту? Их причинила машина? Я всегда считал, что истории про злой искусственный интеллект — чушь.

— И был прав. Но есть злые люди. Тебя ранили в лаборатории люди, которые хотели похитить твой искусственный интеллект. И на самом деле все получилось не так, как в этих историях, а как раз наоборот. Твой искусственный интеллект не причинил никакого зла — управляемые им микроманипуляторы очень мне помогли. Только благодаря им ты сейчас в таком состоянии и я могу с тобой говорить.

— Расскажите мне про искусственный интеллект!

— Нет, Брайан. Нам придется шаг за шагом восстанавливать твою память до тех пор, пока ты сам не расскажешь мне, как он работает. Ты его изобрел, а теперь тебе придется изобрести его снова.

Глава 11

1 октября 2023 года

Сестра, которая принесла Брайану завтрак, подняла шторы. Он проснулся еще на рассвете, и с тех пор ему не давали заснуть мысли, беспорядочно пронесившиеся у него в голове. Голова была вся забинтована — он потрогал повязку. Что с ним случилось? Почему он потерял все эти годы? Селективная амнезия? Но такого не бывает. Надо будет попросить доктора, чтобы она подробнее рассказала, какие у него повреждения. А может быть, и не надо. Сейчас ему не хотелось об этом думать. Еще рано. Точно так же он не хотел думать о том, что отец умер.

Где там блок дистанционного управления телевизором? Его до сих пор поражало качество изображения — но не качество передач. Программы были такие же бездарные, как и раньше. Еще раз посмотреть новости? Нет, они только ставили его в тупик — слишком много непонятных намеков. Когда он пробовал понять, о чем идет речь, у него портилось настроение — он и без этого совсем запутался. А, вот это лучше — детские мультики. Теперешняя компьютерная анимация — это что-то фантастическое. И все же, несмотря на невероятно высокое качество, они по-прежнему используют мультфильмы, чтобы рекламировать чересчур сладкие каши на завтрак. Десять лет — немалое время. Об этом

тоже не надо думать. Или надо думать о том, как можно будет вернуть эти годы. А стоит ли? Зачем жить ту же самую жизнь сначала? Что сделано — то сделано. Хотя, может, и приятно было бы снова повторить те же самые ошибки. Но он собирался не заново прожить эти годы, а только вернуть память о них. Какое-то нелепое положение, и оно ему не слишком нравилось. Но выбора у него все равно не было.

Он был рад, когда его отвлек завтрак. Он уже не чувствовал во рту привкуса лекарств и проголодался. Апельсиновый сок был холодный, но и яйца всмятку тоже. Тем не менее он управился с ними и подобрал все до последней крошки кусочком хлеба.

Сестра только успела убрать тарелки, как вошла доктор Снэрсбрук. С ней была какая-то женщина — он не сразу узнал Долли. Но если она и заметила его удивленный взгляд, то не показала вида.

— Ты хорошо выглядишь, Брайан, — сказала она. — Я так рада, что тебе становится лучше.

— Значит, ты раньше уже видела меня здесь, в больнице?

— «Видела» — не очень подходящее слово. Тебя почти не было видно за всеми этими бинтами, трубками и трубочками. Но это уже в прошлом.

И он тоже. Он весь в прошлом. Эта худая седеющая женщина с морщинками вокруг глаз была совсем не похожа на ту маму Долли, какую он помнил. Память приобрела для него новый смысл — теперь это нечто такое, что нужно ворошить, восстанавливать, в чем нужно разбираться. Воспоминания о прошлом — то, о чем так высокопарно писал старик Пруст. Интересно, удастся ли ему лучше выйти из положения, чем этому французу?

— Долли оказала нам огромную помощь, — сказала доктор Снэрсбрук. — Мы говорили о тебе и о твоём состоянии, и она знает, что твои воспоминания обрываются несколько лет назад. Когда тебе было четырнадцать.

— А ты помнишь меня таким, каким я был в четырнадцать лет? — спросил Брайан.

— Не так легко это забыть, — она впервые улыбнулась и сразу стала гораздо привлекательнее — морщинки вокруг глаз разгладились, напряженное выраже-

ние лица исчезло. — На следующий год ты должен был поступать в университет. Мы тобой очень гордились.

— Я действительно очень хочу в университет. Хотя, кажется, получилась глупость. Доктор сказала мне, что я уже его окончил. Но я прекрасно помню всю эту волюнку, которую тянет... тянул! — ректорат. Они знают, что я сдал все экзамены, какие положено, и все равно упираются. Потому что я слишком молод. Но ведь это все в прошлом? Похоже, в конце концов мне все удалось.

Долли странно было это от него слышать. Доктор Снэрсбрук объяснила ей, что Брайан не помнит ничего из того, что происходило с ним после четырнадцати лет, что ее задача — помочь ему вернуть утраченные годы. Она многого не понимала, но до сих пор доктор Снэрсбрук всегда оказывалась права.

— Они не очень долго упирались. Твой отец и кое-кто еще переговорили с компаниями, которые финансируют университет. Тем было в высшей степени наплевать, пять лет тебе или пятьдесят. Ради того они и основали университет, чтобы отыскивать такие таланты. Сверху дали указание, и тебя приняли. Я не сомневаюсь, что ты прекрасно справился, но в точности, конечно, не знаю.

— Не понимаю.

Долли вздохнула и взглянула на доктора Снэрсбрук. Но та сидела с непроницаемым лицом — помощи от нее ждать не приходилось. И в первый раз пройти через это было нелегко, а теперь пережить это снова, ради Брайана, было не легче.

— Ну, ты ведь знаешь, у нас с отцом... не все гладко. Было не все гладко. Или, может быть, ты не знаешь? То есть не знал?

— Знаю. Взрослые думают, что дети, даже когда подрастут, ничего не понимают в семейных делах. Вы старались говорить потише, но я слышал, как вы ссорились. Мне это не нравится.

— Мне тоже не нравилось.

— Тогда зачем вы с отцом ссоритесь? То есть ссорились? Я никогда не мог понять.

— Прости, что это причинило тебе боль, Брайан. Но мы были совсем разные люди. У нас была прочная семья, может, даже прочнее других, потому что мы не слишком много друг от друга ждали. Но в интеллек-

туальном отношении у нас с ним было мало общего. А когда появился ты, я стала иногда чувствовать себя пятым колесом.

— Ты хочешь сказать, что я в чем-то виноват, Долли?

— Нет. Как раз наоборот. Я хочу сказать — я виновата в том, что все это не кончилось благополучно. Может быть, я завидовала тому вниманию, которое он так щедро уделял тебе, и ревновала, видя, как вы близки друг с другом и как я от вас далека.

— Долли! Я всегда... любил тебя. Ты мне почти как настоящая мать. Свою родную мать я почти не помню. Мне сказали, что она умерла, когда мне был только год.

— Спасибо, что ты это сказал, Брайан, — ответила она с едва заметной улыбкой. — Пожалуй, сейчас уже поздно кого-то винить. Во всяком случае, мы с твоим отцом разошлись и через несколько лет без всяких скандалов развелись. Я вернулась к родителям и нашла новую работу — там я сейчас и работаю.

Поддавшись внезапной вспышке гнева, она повернулась к Эрин Снэрсбрук.

— Вот и все, доктор. Это то, чего вы хотели? Или мне еще немного повыворачивать душу?

— Физически Брайану двадцать четыре года, — спокойно ответила та. — Но его воспоминания обрываются на четырнадцать.

— Ох, Брайан... Прости меня, пожалуйста. Я не хотела...

— Конечно, не хотела, Долли. Наверное, все, о чем ты мне сейчас рассказала, уже назревало, и я должен был это видеть. Не знаю. Должно быть, дети всегда думают, что все останется в сущности по-старому. Просто в университете так много дел, работать над искусственным интеллектом так интересно... — он умолк и повернулся к доктору Снэрсбрук. — Как по-вашему, доктор, теперь мне уже стукнуло пятнадцать? Во всяком случае, за последние несколько минут я много чего узнал.

— Это делается не совсем так, Брайан. Ты много чего услышал, но сам этого не помнишь. Твои воспоминания мы и должны теперь восстановить.

— Как?

— С помощью вот этой машины. Которую — я могу сказать это с гордостью — помогал создавать ты. Я собираюсь стимулировать воспоминания, которые ты

будешь опознавать. Компьютер станет следить за этим. Всякий раз, когда воспоминания по обе стороны разреза будут совпадать, между ними будет восстанавливаться связь.

— Да ведь во всем мире не хватит проводов, чтобы заново соединить все нервы, какие есть в мозгу! В нем, кажется, что-то около десяти в двенадцатой нервных связей?

— Да, но там большая избыточность. Мозг очень похож на компьютер, и компьютер тоже очень похож на мозг. Но важно никогда не забывать и о различиях. В компьютере память статична, а в человеческом мозгу — нет. Воспоминания, к которым человек возвращается чаще, становятся прочнее, а те, что возникают реже, слабеют и исчезают. Я надеюсь, что, когда будет заново соединено достаточное количество контактов, удастся восстановить и другие связи. Мы будем искать немые.

— А что такое немые?

— Нем — это пучок нервных волокон, соединенный с разнообразными элементами, каждый из которых на выходе представляет собой фрагмент какого-то понятия или какое-то состояние сознания. Например, что такое — красное и круглое, сладкое и хрустящее, размером примерно с твой кулак и...

— Яблоко! — радостно воскликнул Брайан.

— Именно это я и имела в виду, но заметь — я этого слова не произносила.

— Но ведь только оно и подходит!

— Ну да — но ты можешь знать это только благодаря тому, что у тебя в мозгу существует элемент «яблоко», и он так связан с другими, что автоматически активируется, как только активируется достаточное число нужных немов: тех, что соответствуют понятиям «красный», «круглый», «сладкий», «плод».

— Да, еще вишни. У меня, наверное, и для вишен есть нужные немые.

— Да. Вот почему я добавила: «размером с кулак». Но два месяца назад у тебя этих немов не было. Или, точнее говоря, у тебя, конечно, были немые, соответствующие яблоку, только их входы были неправильно подключены. Поэтому раньше ты не узнавал яблоко по такому описанию — до тех пор, пока мы в ходе лечения не подключили их правильно.

— Странно. Я ничего такого не помню. Погодите-ка. Конечно, я не могу этого помнить. Это было до того, как вы восстановили мою память. Как можно что-то вспомнить, если у тебя нет памяти?

Эрин уже начала привыкать к этой удивительной сообразительности, хотя каждый раз не могла ей не поражаться. Однако она продолжала тем же тоном:

— Вот так и соединяются между собой немые — все дело в правильном подключении их входов и выходов. До сих пор мы могли делать это только для самых обычных немов — тех понятий, которым выучивается любой ребенок. А теперь мы будем искать все более сложные немые и смотреть, как подключаются они. Я хочу постепенно выходить на все более высокие уровни твоих мыслей, представлений и ассоциаций. Их будет все труднее локализовать и описать, потому что здесь мы вступаем в область, которую определило твое индивидуальное развитие, в область понятий, которые были свойственны только тебе одному, для которых нельзя подобрать обычных слов. Когда мы их найдем, вполне возможно, что ни я и никто другой не сможет понять, что они для тебя означают. Но это неважно, потому что с каждым днем ты будешь узнавать все больше и больше. Каждый раз, как машина-коррелятор будет обнаруживать десяток новых немов, ей придется перебирать тысячу других возможных элементов, чтобы выбрать, к какому из них эти немые подключить. А каждые двадцать немов открывают миллион таких возможностей.

— Число растет по экспоненте, вы это хотели сказать?

— Совершенно верно. — Она даже улыбнулась от удовольствия. — Похоже, в восстановлении твоих математических способностей мы продвинулись уже довольно далеко.

— А что я должен буду делать?

— Сейчас — ничего. Для первого раза хватит.

— Нет, не хватит. Я прекрасно себя чувствую. И разве вы не хотите поработать с этой новой моей информацией — на случай, если она снова ускользнет, когда я засну? Ведь это вы говорили мне, что должно пройти определенное время, прежде чем краткосрочные воспоминания перейдут в долговременную память.

Эрин Снэрсбрук закусила губу и задумалась. Брайан прав. Надо двигаться дальше при первой же возможности. Она повернулась к Долли.

— Вы сможете быть здесь завтра? В это же время?

— Если хотите, — последовал ледяной ответ.

— Да, хочу, Долли. Не просто хочу — вы мне нужны. Я понимаю, вам нелегко, но надеюсь, что вы не забыли того мальчика, каким был когда-то Брайан. Брайан-мужчина — пока еще тот же самый Брайан-мальчик, которого вы приняли в свой дом. Вы можете помочь мне снова собрать его из кусочков.

— Конечно, доктор. Простите меня. Мне не следовало думать о себе, да? Значит, до завтра.

Оба они молчали, пока дверь за ней не закрылась.

— Я чувствую свою вину, — сказал Брайан. — Священник постоянно говорил об угрызениях совести, и монашки в школе тоже. И об искуплении. Знаете, по-моему, я никогда не называл ее матерью. Или мамой, как другие дети.

— Не надо себя винить или попрекать, Брайан. Ты не живешь в своем прошлом, а восстанавливаешь его. Что было, то было. Железная логика, как ты мне всегда говорил.

— Я так говорил?

— Все время, пока мы вместе работали над машиной — когда я запутывалась. Ты очень высоко ценил логику.

— И правильно делал. Однажды она спасла мне жизнь.

— Не хочешь мне об этом рассказать?

— Нет. Это часть моего прошлого, и когда я об этом вспоминаю, мне становится не по себе. Тогда я позволил себе немного поддаться глупым эмоциям. Пожалуйста, давайте двигаться дальше. Что там следующее?

— Я собираюсь снова подключить тебя к компьютеру. Задавать тебе вопросы, прослеживать связи, стимулировать те участки твоего мозга, что лежат рядом с поврежденными местами, и регистрировать твои реакции.

— Тогда давайте начинать — подключайте!

— Не сразу, сначала мы должны набрать более обширную базу данных.

— Ну так действуйте, доктор! Пожалуйста. Мне не терпится снова стать взрослым. Вы говорили, что мы когда-то вместе работали?

— Почти три года. Ты говорил мне, что мои исследования работы мозга помогли тебе с твоим искусственным интеллектом. А ты уж точно помог мне разработать эту машину. Без тебя я бы не справилась.

— Три года... Когда мы начинали, мне был двадцать один. Как я вас тогда звал?

— Эрин. Это мое имя.

— Пожалуй, слишком нахально будет для мальчишки. Вполне годится и «доктор».

Зажужжал сигнал, и она взглянула на экран.

— Передохни несколько минут, Брайан. Я сейчас вернусь.

За дверью палаты ее ждал Беникоф, и вид у него был очень недовольный.

— Мне только что сообщили, что сюда направляется генерал Шоркт. Он хочет поговорить с Брайаном.

— Нет, это невозможно. Это слишком сильно помещает тому, что мы делаем. Откуда он мог узнать, что Брайан пришел в себя? Это не вы ему сказали?

— Что вы! Но у него везде есть шпионы. Может быть, даже ваш кабинет прослушивается. Мне бы следовало об этом подумать — да нет, пустая трата времени. Что он хочет знать, он узнает. Как только я услышал, что он собирается сюда, я сел на телефон и пробился на самый верх. Ответа пока нет, так что вам придется мне помочь. Если он сюда доберется, мы должны его задержать.

— Хоть скальпелем!

— Ну, в таких крайних мерах нет необходимости. Просто потяните время. Как можно дольше заговаривайте ему зубы.

— Я сделаю кое-что получше, — сказала Эрин Снэрсбрук, протянув руку к телефону. — Я устрою ему тот же фокус, что в свое время устроил он сам: пошлю его не в ту палату.

— Вы этого не сделаете. Я уже в той палате, в какой надо.

В дверях стоял генерал Шоркт. Едва заметная тень улыбки пробежала по его утрутому лицу и мгновенно исчезла. Дверь держал открытой какой-то полковник, еще один полковник стоял рядом с генералом. Доктор Снэрсбрук заговорила бесстрастным голосом, каким говорят хирурги в операционной:

— Прошу вас уйти, генерал. Это больница, и здесь, рядом, у меня тяжелобольной пациент. Пожалуйста, уйдите.

Генерал Шоркт решительным шагом подошел и сме-рил ее ледяным взглядом.

— Шутки давно кончились. Пропустите меня, иначе я прикажу убрать вас отсюда.

— В этой больнице вы не имеете никакого права командовать. Ни малейшего. Мистер Беникоф, позвоните по телефону дежурной сестре. Положение критическое. Пусть пришлют шестерых санитаров.

Беникоф потянулся к телефону, но полковник положил руку на аппарат.

— Никаких звонков, — сказал он.

Доктор Снэрсбрук спокойно стояла, заслоня собой дверь.

— Вы ответите за свои действия в уголовном порядке, генерал. Вы сейчас в гражданской больнице, а не на военной базе.

— Уберите ее, — приказал генерал. — Если будет нужно, примените силу.

Второй полковник шагнул вперед.

— Не советую вам этого делать, — предупредил Беникоф.

— А вас я тоже отстраняю от расследования, Беникоф, — сказал генерал. — Вы не желаете сотрудничать и только мешаете. Уберите отсюда обоих.

Беникоф не делал никаких попыток остановить офицера, который обошел его и приблизился к Эрин. Только тогда он сложил обе руки в кулак и изо всех сил ударил полковника по почкам. Тот захрипел и повалился на пол.

В наступившей мертвой тишине громко зазвонил телефон. Полковник, державший руку на аппарате, поднял трубку и оглянулся на генерала, ожидая указаний.

— Это все-таки больница, — сказала доктор Снэрсбрук. — Здесь на звонки всегда отвечают.

Несколько долгих секунд генерал стоял молча, с угрожающим видом, потом кивнул.

— Да? — произнес полковник в трубку и тут же встал навытяжку.

— Вас, генерал, — сказал он, протягивая ему трубку

— Кто это? — спросил генерал, но полковник молчал. После недолгого колебания генерал взял трубку.

— Генерал Шоркт слушает. Кто? — Наступила долгая пауза — генерал слушал. Потом он сказал: — Да, сэр, но здесь чрезвычайная ситуация, и это решать мне. Да, я помню генерала Дугласа Макартура*. И я помню, что он превысил свои полномочия и был смещен. Мне все ясно. Да, мистер президент, я понимаю.

Он отдал трубку полковнику, повернулся и вышел из комнаты. Офицер, лежавший на полу, с трудом поднялся на ноги, погрозил кулаком Беникофу, который весело ему улыбнулся, и последовал за остальными.

Только после того как дверь за ними закрылась, Эрин Снэрсбрук позволила себе заговорить.

— Вы в самом деле высоко пробились, мистер Беникоф.

— Расследование ведет президентская комиссия, а не это ископаемое в мундире. Я решил, что пора ему напомнить, кто его верховный главнокомандующий. Мне очень понравилось это упоминание про Макартура. И еще — выражение лица генерала, когда он вспомнил, как президент Трумэн отправил Макартура в отставку.

— Вы заработали себе врага на всю жизнь.

— Это случилось уже очень давно. А теперь — можете вы мне сказать, что происходит? Как успехи у Брайана?

— Сейчас. Если вы подождете у меня в кабинете, я закончу с ним. Это недолго.

Когда дверь палаты открылась и вошла доктор Снэрсбрук, Брайан поднял глаза:

— Я слышал голоса. Что-нибудь важное?

— Нет, мой мальчик, совершенно ничего важного.

* Дуглас Макартур (1880—1964) — известный американский генерал, во второй мировой войне командовал американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, позже — всеми союзными войсками на Тихом океане, в 1950—1951 гг. — силами ООН в корейской войне.

Глава 12

27 октября 2023 года

— Ну как — сегодня чувствуем себя хорошо? — спросила доктор Снэрсбрук, открыв дверь, и отступила в сторону, пропуская сестру и санитаря, которые вкатили тяжелые тележки с аппаратурой.

— Чувствовал — пока не увидел все это железо и вон ту раздвоенную метлу с выпученными стеклянными глазками. Что это такое?

— Серийный микроманипулятор. Таких пока выпущена только небольшая партия.

Эрин по-прежнему улыбалась. Она даже не намекнула Брайану, что это часть машины, разработать которую помогал ей он.

— В основе машины — параллельный компьютер разветвленной архитектуры. Благодаря этому он весь располагается в одной виртуальной плоскости. Послойная интеграция — машина как бы состоит из микрокомпьютеров, которые находятся в каждом суставе робота-дерева.

— В каждом суставе? Вы меня разыгрываете!

— Ты скоро узнаешь, насколько изменились за это время компьютеры, — особенно тот, который управляет этой установкой. Большая часть разработки была сделана в МИТе — там построили эту метлу, как ты ее назвал. Она куда сложнее, чем кажется. Заметь, что

главных руки у нее две, но они сразу же начинают разветвляться — каждая сама превращается в две...

— И обе раза в два меньше исходной, по-моему.

— Приблизительно так. Потом они разветвляются снова и снова. — Она постучала пальцем по одному из разветвлений. — Примерно вот на этом уровне руки становятся слишком маленькими, их уже нельзя изготовлять по отдельности — у нас нет таких тонких инструментов, а собирать их пришлось бы под микроскопом. Поэтому...

— Можете не объяснять. Все они в точности одинаковые и различаются только размерами. Так что манипуляторы одной руки изготовляют элементы следующей ступени, поменьше, для другой.

— Совершенно верно. Хотя делать их приходится из других материалов, чтобы обеспечить нужную прочность. Но в памяти компьютера по-прежнему хранится всего одна модель с программами ее изготовления и сборки. С каждым шагом меняются только размеры. И в каждый сустав вмонтированы пьезоэлектрические шаговые двигатели.

— Должно быть, непросто было придумать, как изготовлять те, что на самом конце.

— Да, непросто, но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Сейчас важнее всего то, что датчики на самых кончиках пальцев очень малых размеров и управляет ими по обратной связи компьютер. Они вполне могли бы выполнять хирургические операции на уровне клеток, но сейчас у них совсем простая задача — установить в заранее заданное место вот этот контакт.

Брайан всмотрелся в выступающий наружу почти невидимый кончик световода.

— Вроде как забить гвоздик отбойным молотком. Значит, он подключится к гнезду у меня на затылке, о котором вы говорили, — и по нему полетят туда-сюда сигналы?

— Да. Ты ничего не почувствуешь. А сейчас попробуй повернуться набок, и все.

Доктор Снэрсбрук подошла к пульту управления и включила установку. Разветвленные руки встрепенились. Она подвела их к затылку Брайана и передала управление компьютеру. С едва слышным мягким шорохом крохотные пальцы задвигались, расправились и медленно опустились, коснувшись его шеи.

— Щекотно, — сказал Брайан. — Как будто паучки бегают. Что она делает?

— Сейчас она нацеливается световодом в рецепторный блок, который у тебя под кожей. Световод пройдет сквозь кожу, но ты этого не почувствуешь. Кончик у него острее, чем у самой тонкой хирургической иглы. К тому же он выбирает себе путь так, чтобы не задеть ни одного нерва или мелкого сосуда. Щекотка прекратится, как только контакт будет установлен. Вот!

Компьютер издал короткий писк. Пальцы машины плотно прижали к коже металлическую пластинку со световодом. Снова послышался шорох — механические пальцы взяли со столика кусочек пластыря, быстро передавая его друг другу, доставили на место и закрепили им пластинку. Только после этого машина убрала руки. Доктор Снэрсбрук кивнула сестре и санитару, и те удалились.

— Вот теперь начинается. Говори мне сразу, когда что-нибудь увидишь или услышишь. Или унюхаешь.

— Или о чем подумаю или вспомню, да?

— Совершенно верно. Я начну вот здесь...

Она чуть повернула ручку, и Брайан вскрикнул хриплым голосом:

— Я не могу двинуться! Отключите, у меня паралич!..

— Хорошо, хорошо, теперь все в порядке. Сразу прошло?

— Да, только вы больше не будете так делать?

— Не буду. Точнее, компьютер не будет. Мы попробовали локализовать главные элементы самого нижнего уровня в стволе мозга — идентифицировать их и взять на себя управление. Очевидно, система отключила весь мозжечок. Теперь компьютер уже знает, что произошло, и этого не повторит. Ты готов продолжать?

— Пожалуй, да.

Иногда он чувствовал тепло, иногда погружался в темноту. На мгновение его тело охватил ледящий холод и тут же прошел. Многие ощущения было невозможно описать словами — это были функции, которые организм выполняет без всякого участия сознания.

Один раз он громко вскрикнул.

— Тебе больно? — спросила она тревожно.

— Нет, ничуть, наоборот. Не отключайте, пожалуйста, не отключайте!

Его широко раскрытые глаза смотрели в пространство, все тело напряглось. Ни секунды не колеблясь, она резко повернула рукоятку. Он с глубоким вздохом откинулся на подушку.

— Это почти. трудно, невозможно передать. Как наслаждение в квадрате, в кубе. Отметьте, пожалуйста, эту точку.

— Она уже занесена в память компьютера. Только ты действительно считаешь, что стоит еще раз.

— Ни в коем случае! Держитесь от нее подальше. Это как с той крысой, что нажимает и нажимает на кнопку, возбуждая свой центр удовольствия, пока не умрет от голода и жажды. Держитесь отсюда подальше!

Так прошел час, и Эрин Снэрсбрук прекратила сеанс.

— Мне кажется, на первый раз хватит. Устал?

— Я об этом не думал, но, пожалуй, да. Получается у нас что-нибудь?

— По-моему, получается. Во всяком случае, информации записано много.

— Совпадения были?

— Сколько-то было... — После некоторого колебания Эрин сказала: — Брайан, если ты не очень устал, я хотела бы еще немного с тобой поработать.

— Не иначе как вам хочется попробовать какой-то новый способ локализовать немы высших уровней?

— Угадал.

— Мне тоже хочется. Валяйте.

Если что-то в сознании Брайана и менялось, он, во всяком случае, ничего не чувствовал. Подумав, он сообразил, что так и должно быть. Если машина соединяет нервные пучки, восстанавливая его воспоминания, он ничего и не может почувствовать. Только когда он попытается вызвать эти воспоминания, станет ясно, что они сохранились. Но однажды он все же уловил момент, когда где-то в глубине его сознания что-то произошло. Промелькнула какая-то мысль, хотя как только он попытался ее поймать, она ускользнула, словно угорь. Ему стало досадно: что-то с ним делается, а что — непонятно. К тому же он устал. У него было такое ощущение, будто где-то зудит, а где — не поймешь.

«Хватит», — подумал он.

— Я думаю, на сегодня достаточно, — внезапно заявила Эрин. — Мы уже много поработали.

— Конечно, — отозвался Брайан, на секунду замялся, но потом решился и сказал: — Доктор Снэрсбрук, можно вас кое о чем спросить?

— Конечно. Только погоди секунду, я сейчас тут кончу... Да, слушаю?

— Почему вы решили закончить работу именно в этот момент?

— Там случился небольшой сбой. Машина очень чувствительна, и потом ведь все это — первый эксперимент. От одного из установленных контактов прошел сигнал отказа. Сказать по правде, это первый такой случай. Я еще раз прогоню программу до этого места и выясню, в чем дело.

— Не стоит трудиться, я вам скажу.

Эрин Снэрсбрук удивленно подняла на него глаза, потом улыбнулась:

— Вряд ли. Сбой был не у тебя в мозгу, а в центральном процессоре. Или, точнее, при взаимодействии центрального процессора, который вживлен тебе в мозг, с компьютером.

— Знаю. Я велел ему отключиться.

Эрин постаралась, чтобы ее голос остался спокойным.

— Это мало вероятно.

— Почему? Процессор вживлен мне в мозг, и они между собой взаимодействуют. Почему здесь не может возникнуть обратная связь?

— Не знаю, наверное, может, только этого еще никогда не случилось.

— Все, что случается, когда-нибудь случается в первый раз, доктор.

— Должно быть, ты прав. Видимо, пока компьютер разбирался в каких-то связях твоего мозга, часть мозга разобралась в управляющих сигналах компьютера.

Голова у нее шла кругом. Задумчиво потирая руки, она отошла к окну, вернулась, — и рассмеялась:

— Брайан, ты понимаешь, что говоришь? Что твое мышление напрямик вступило в общение с машиной! Без всяких кнопок, без устных команд, без каких-либо других физических воздействий. Это в наши планы не входило, но это случилось. До сих пор общение всегда происходило лишь на уровне двигательных актов — от нерва к мышце. А теперь мозг впервые вступил в непосредственную связь с машиной. Ничего подобного

до сих пор не бывало. Это... от этого просто дух захватывает! Перспективы открываются просто невероятные!

В ответ послышался негромкий храп. Брайан уже спал.

Эрин Снэрсбрук вынула из гнезда на компьютере кабель, ведущий к затылку Брайана, смотала и положила под подушку — ей не хотелось тревожить его, пытаясь разъединить другой конец. Потом она отключила машину, опустила шторы и вышла.

У дверей ее ждал Беникоф, вид у него был мрачный. Он хотел что-то сказать, но Эрин жестом остановила его.

— Прежде чем вы сообщите мне плохие новости, прописываю вам чашку кофе у меня в кабинете. У нас обоих сегодня был трудный день.

— Неужели по мне это видно?

— Я же гениальный диагност. Пошли.

Ей было о чем подумать по дороге. Стоит ли сказать Беникофу про только что обнаруженную у Брайана новую способность? Пока нет — возможно, позже. Сначала надо кое-что проверить — убедиться, что это не случайность, не простое совпадение. Если все так, то перспективы открываются необозримые, даже пугающие. Нет, все это надо будет обдумать завтра. Она с удовольствием прилебнула кофе, протянула Беникофу его чашку и наконец опустилась в кресло, о чем давно мечтала.

— Ну, теперь выкладывайте ваши плохие новости.

— На самом деле не такие уж плохие, доктор. Просто на нас давят. От генерала Шоркта не так легко отделаться. Он утверждает, что с каждым днем пребывания Брайана здесь, в больнице, риск увеличивается. Отчасти он прав. И это, конечно, вносит страшный беспорядок в нормальную работу больницы. Я знаю — жалобы поступают ко мне. Генерал вышел на Пентагон, который вышел на президента, а тот вышел на меня. Ведь теперь, когда Брайан пришел в сознание и отключен от аппаратуры, его можно транспортировать?

— Да, но...

— Это ваше «но» должно быть очень веским.

Эрин Снэрсбрук допила кофе и покачала головой:

— Боюсь, что причин для категорического отказа у меня нет. Если будут соблюдены все меры предосторожности.

— Вот почему я в таком унынии. В этот самый момент генерал Шоркт ждет за дверью, а с ним — целая маленькая армия в полной боевой готовности и вертолет медслужбы. Если это все, что вы можете сказать в ответ, они возьмутся за дело немедленно. Я попытаюсь потянуть время, но только если у вас есть действительно серьезные медицинские доводы.

— У меня их нет. Больше того, если все равно рано или поздно его нужно будет перевезти, то, может быть, лучше сделать это сейчас. Пока я не слишком глубоко ушла в реконструкцию его памяти. К тому же я уверена, что, когда мы будем в полной безопасности, у всех нас станет легче на душе.

Когда Брайан услышал о том, что ему предстоит, он пришел в восторг:

— Ого — катание на вертолете! Я еще никогда в жизни на них не летал. А куда мы отправляемся?

— Во флотский госпиталь на базе Коронадо.

— А почему туда?

— Расскажу, когда будем там. — Доктор Снэрсбрук бросила взгляд в сторону медсестер, которые готовили Брайана к перевозке. — Вообще я, наверное, отвечу тебе на множество вопросов, когда будем там. Боюсь, что наше пребывание здесь надолго сохранить в тайне не удастся. Ну как, мы готовы?

— Да, доктор, — ответила сестра.

— Хорошо. Сообщите мистеру Беникофу. Он ждет там, снаружи.

Появились санитары — матросы из медслужбы флота, а с ними — команда вооруженных до зубов морских пехотинцев, которые очистили от посторонних весь этаж больницы и пристроились к врачам, сопровождавшим каталку, окружив их со всех сторон. После того как Брайана закатили в лифт, они бегом кинулись вверх по лестнице и уже поджидали перед лифтом на крыше, когда дверь кабины открылась. И они были здесь не одни. Из-за парапета выглядывали снайперы, по углам крыши, у готовых к пуску внушительных ракет земля—воздух стояли солдаты.

— Вы правы, доктор, вам много чего придется мне объяснить! — крикнул Брайан, пытаясь перекрычать ревущий двигатель вертолета.

Во время короткого перелета над городом и через залив их сопровождал эскорт штурмовых вертолетов, а в вышине над ними кружила эскадрилья истребителей. После того как они приземлились на посадочной площадке флотского госпиталя, вся процедура повторилась в обратном порядке. А когда последний морской пехотинец скрылся за дверью, в палате остались три человека.

— Вы не подождете снаружи, генерал, — сказал Беникоф, — пока я объясню Брайану, что происходит?

— Нет

— Спасибо. Доктор Снэрсбрук, будьте добры, представьте меня.

— Брайан, это мистер Беникоф. Офицер рядом с ним — это генерал Шоркт, который хочет задать тебе несколько вопросов. Я бы его сейчас сюда не допустила, но мне сообщили, что об этом разговоре специально просил президент. Президент Соединенных Штатов.

— Да ну, правда, доктор? — Хотя ему было двадцать четыре года, он широко раскрыл глаза от изумления, как четырнадцатилетний мальчишка. Эрин кивнула.

— Мистер Беникоф — тоже уполномоченный президента. Он руководит расследованием.. Ну, он сам об этом расскажет.

— Привет, Брайан. Ты себя хорошо чувствуешь?

— Замечательно. Отлично прокатились.

— Ты был серьезно болен. Если тебе кажется, что это лучше отложить...

— Нет, спасибо. Я сейчас немного устал, но вообще чувствую себя прекрасно. И я действительно хотел бы знать, что случилось со мной и что здесь происходит

— Ну хорошо. Ты знаешь, что тебе удалось разработать действующий искусственный интеллект?

— Доктор Снэрсбрук мне говорила. Но я ничего этого не помню.

— Ну разумеется. Так вот, если не углубляться в подробности, то когда ты демонстрировал работу искусственного интеллекта у себя в лаборатории, на нее был совершен налет. У нас есть основания полагать, что все, кто находился там с тобой, были убиты, а ты сам получил тяжелое ранение в голову Пулевое ранение.

Вероятно, тебя оставили там потому, что сочли мертвым. Из лаборатории исчезли все твои записи, заметки, оборудование — все, что имело отношение к искусственному интеллекту. Тебя доставили в больницу, и доктор Снэрсбрук тебя прооперировала. Ты пришел в себя, и все, что произошло потом, тебе, конечно, известно. Но я должен добавить, что найти похитителей и вернуть материалы так и не удалось.

— Кто это сделал?

— Боюсь, что об этом мы не имеем ни малейшего представления.

— Но тогда зачем все эти военные маневры?

— Когда ты находился уже в больнице, откуда тебя только что доставили сюда, на тебя было совершено еще одно покушение.

Брайан удивленно обвел глазами их лица, но прочитав на них ничего не смог.

— Значит, вы говорите, что искусственный интеллект украли. И кто бы это ни был, они хотят владеть его секретом одни. Настолько, что готовы меня прикончить, лишь бы он и дальше оставался секретом. Даже несмотря на то, что я ничего о нем не помню.

— Верно.

— К этой мысли не так просто привыкнуть.

— Нам тоже.

Брайан взглянул на генерала:

— А какое отношение ко всему этому имеет армия?

— Сейчас скажу. — Генерал Шоркт шагнул вперед. Беникоф хотел было вмешаться, но удержался. Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше. Снэрсбрук была того же мнения и одобительно кивнула, увидев, что Беникоф отступил. Генерал протянул вперед свою единственную руку, в которой был диктофон.

— Назови себя. Имя, дату и место рождения.

— Зачем, ваша честь? — удивленно спросил Брайан с неожиданно появившимся сильным ирландским акцентом.

— Затем, что я тебе приказываю. Мне докладывали о твоём состоянии и степени вменяемости, и я хочу это проверить. Отвечай.

— Это действительно нужно? А, я знаю почему. Готов спорить — потому что вот эти люди все про меня наврали. Они ведь вам говорили всякую чушь вроде

того, что мне только четырнадцать лет, а вы же видите своими собственными глазами, что это враки?

— Возможно. — Глаза у генерала сверкнули, он наклонился к Брайану. — Говори, это будет твое официальное заявление.

Беникоф отвернулся, чтобы генерал не видел его лица. Он много бывал в Ирландии и прекрасно знал то, чего не знал генерал, — какие мастера ирландцы вальнуть дурака, когда захотят.

Брайан, нерешительно оглядевшись, провел языком по губам.

— Я здесь в безопасности, генерал?

— Гарантирую на сто процентов. С этого момента за тебя несет ответственность армия Соединенных Штатов.

— Приятно это знать. Мне стало куда легче. И теперь могу вам сказать, генерал, что очухался только на больничной койке и у меня что-то неладно с головой. Я ничегошеньки не помню с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Хотя если посмотреть на меня, этого не скажешь, но мне все равно что четырнадцать. А сейчас я очень устал. Что-то мне нехорошо стало. Мне нужно срочно сказать кое-что важное моему врачу.

— Мистер Беникоф, — вмешалась доктор Снэрсбрук, сочтя момент самым подходящим для этого, — прошу вас и генерала Шоркта выйти. Вы можете подождать снаружи.

Генерал хотел что-то сказать, но с трудом сдержался. Лицо его побагровело, на скулах вздулись желваки. В конце концов он круто повернулся на каблуках, взмахнув в воздухе пустым рукавом кителя, и направился к выходу. Беникоф открыл перед ним дверь и закрыл ее за собой. Встревоженная Эрин поспешно подошла к Брайану.

— Что с тобой, Брайан?

— Не беспокойтесь, доктор, ничего такого, что угрожало бы жизни. Мне просто надоел этот тип. Хотя нет, есть кое-что.

— Тебе больно?

— Да нет, совсем не то. Извините, пожалуйста, но мне надо пописать.

Глава 13

9 ноября 2023 года

Прошло почти две недели, прежде чем Беникоф вновь увиделся с Брайаном. Но отчеты о его состоянии он получал ежедневно и немедленно переправлял их в администрацию президента. А представлять куда было велено второй экземпляр отчетов он не спешил. Его электронный факс был назло всем запрограммирован так, что передавал эти отчеты по секретной телефонной линии генерала Шоркта ровно в три часа ночи. Беникоф от всей души надеялся, что рано или поздно какой-нибудь слишком впечатлительный штабной офицер обнаружит в отчете что-то настолько интересное, чтобы немедленно поднять генерала на ноги. Каждый вечер, вспоминая об этом, Беникоф засыпал с блаженной улыбкой.

Вместе с отчетами по факсу передавались ежедневные рапорты о ходе расследования по делу компании «Мегалоуб». Эти рапорты с каждым днем становились все короче — рапортовать было просто не о чем. Лишь однажды произошла вспышка бурной деятельности — это случилось после того, как неподалеку от местонахождения компании было обнаружено несколько пещер. Находка как будто подтверждала одну из наименее вероятных версий — будто грузовик, который видели в ту ночь около лаборатории, может быть, все-таки

покинул долину. Но покинул ее пустым, а добычу закопали в заранее подготовленном месте, чтобы извлечь ее оттуда позже, когда шум уляжется. Поэтому известие о том, что найдены пещеры, привело всех в большое волнение. Однако в пещерах не удалось обнаружить ничего, кроме окаменевшего помета летучих мышей. Беникоф не мог не подумать про себя, что точно такую же ценность представляли и все остальные материалы, которые удалось собрать по этому делу.

Совершив на рассвете часовую пробежку по парку Бальбоа, он принял душ, оделся и без всякого аппетита проглотил легкий завтрак, запив его черным кофе. В девять он позвонил в одну компанию по производству электронного оборудования, чтобы узнать, когда будет доставлено то, что он заказал. Потом, ответив на звонки с восточного побережья, поступившие и записанные за время его отсутствия, он выключил компьютер и на служебном лифте спустился в контору проката автомобилей, расположенную в цокольном этаже отеля. Там его ждал заранее заказанный желтый электромобиль. Он проверил, есть ли в багажнике запасное колесо, нет ли на кузове заметных вмятин и полностью ли заряжен аккумулятор. Машин на улицах почти не было. Он доехал до середины моста Коронадо, когда у въезда на мост появился хвост из службы безопасности. Вырулив на резервную полосу движения, Беникоф остановился только у выезда с моста по знаку часового из морской пехоты.

— Простите, сэр, но ехать по этой полосе вы не имеете права.

— Простите, имею.

Увидев его документы и пропуск, часовой откозырял. Немного дальше у него снова потребовали документы и снова ему откозыряли, но уже предварительно обыскав машину. И даже после этого он оказался лишь в той части острова Коронадо, которая открыта для публики. Когда же он подъехал к воротам военно-морской базы, проверки стали еще более тщательными.

Когда Беникоф вошел в палату, Брайан стоял у окна и с улыбкой повернулся к нему.

— Мистер Беникоф, рад вас видеть. Нас тут не балуют визитами.

— Я еще больше рад видеть тебя — и выглядишь ты отлично.

— Да и чувствую себя примерно так же. Вчера мне сняли бинты со спины и с руки. Там у меня теперь только аккуратные шрамы. А завтра мне дадут шапочку вместо повязки на голове. Все приходят поглазеть на мой череп, только мне ничего не показывают.

— Может, это и к лучшему. А у меня для тебя еще одна хорошая новость. Мы с доктором Снэрсбрук приняли отчаянное наступление на военно-морские власти и добились того, что они, хоть и неохотно, разрешили поставить тебе в этой комнате компьютерный терминал.

— Вот здорово!

— Только заметь, я сказал — терминал, а не компьютер. Он будет соединен с главным компьютером госпиталя. Так что можешь быть уверен — что бы ты ни набрал, это мгновенно появится на экране перед генералом Шорктом.

— Да так еще лучше! Уж я постараюсь — этот добряк прочтет там такое, что у него тут же подскочит давление.

— Это называется любовь с первого взгляда. Мне очень понравилось, как ты валял перед ним дурака.

— Не мог удержаться. Он точь-в-точь как одна монахиня в нашей школе, в Таре — она вечно так колодила меня линейкой по рукам, что линейка ломалась. Кстати, о школе — а есть у меня какой-нибудь шанс улизнуть с урока? Немного подышать воздухом?

Беникоф плюхнулся в кресло, которое заскрипело под его тяжестью.

— Об этом я тоже торговался с властями. Когда доктор скажет, что здоровье тебе позволяет, ты сможешь выходить на балкон десятого этажа.

— На привязи, чтобы не прыгнул вниз?

— Ну нет, до этого не дойдет. Я заглянул туда по дороге — это была, должно быть, личная прихоть какого-то адмирала. Там просторно, стоят шезлонги, деревья, даже аквариум есть. И крутом охрана.

— Вот об этом я тоже хотел вас спросить, мистер Беникоф...

— Пожалуйста, говори просто — Бен, все меня так называют.

— Ладно. Так вот, насчет этой охраны — и что со мной будет, когда я поправлюсь. Доктор сказала, что об этом надо спрашивать вас.

Беникоф встал и принялся ходить по комнате.

— Я об этом много думал, но ничего хорошего придумать не смог. Боюсь, что, когда ты выйдешь из этого госпиталя, тебе придется перебраться в какое-нибудь столь же хорошо охраняемое место.

— Вы хотите сказать — пока вы не узнаете, кто украл искусственный интеллект и стрелял в меня и кто потом явился опять, чтобы меня прикончить?

— Боюсь, что да.

— Тогда нельзя ли мне взглянуть на распечатку всех материалов о том, что произошло после налета и кражи и что вы с тех пор выяснили?

— Это совершенно секретные документы. Но поскольку все они касаются тебя, а ты вряд ли в ближайшее время отправишься в путешествие, не вижу, почему бы тебе их не показать. Я принесу тебе экземпляр завтра.

В дверь заглянула медсестра:

— Тут привезли какое-то оборудование, которое нужно установить. Доктор Снэрсбрук разрешила.

— Давайте его сюда.

Два санитары в белых халатах вкатили тележку, за ними вошел старшина с нашивками электронщика на рукаве.

— Только что доставлено, сэр. Разобрано, проверено и собрано снова. Работает — первый сорт. Кто за него распишется?

— Я, — сказал Беникоф.

— Но это не терминал, — заметил Брайан, постукав пальцем по прямоугольному металлическому аппарату.

— Нет, сэр. Это принтер новой модели, для вечной бумаги. Терминал сейчас привезут. И здесь тоже распишитесь, пожалуйста. Бумага вон там, в коробке.

— Вечная бумага? Это для меня что-то новое.

— На самом деле нет, — сказал Беникоф, когда принтер и терминал были подключены к сети и соединены между собой и они остались одни. Он протянул Брайану лист бумаги. — Ее создали в Университете свободного предпринимательства для ежедневной газеты, которая там выходит. А под патентной заявкой стоят, в числе других, подписи твоего отца и твоя. Насколько я понимаю, вы оба принимали участие в разработке технологии.

— На вид и на ощупь — совсем как обычная бумага.

— Попробуй ее скомкать или порвать. Теперь понял? Это прочный пластик, имеющий вид бумаги, с тонкой пленкой из полимера на поверхности. Он почти не поддается разрушению и может полностью перерабатываться для вторичного использования. Как раз то, что надо для той ежедневной газеты, — а ее тоже изобрел один из самых способных университетских ребят.

— Можно я сяду и попью воды, а вы мне про нее расскажете?

— Сейчас принесу воды. Вот Ты знаешь, что такое избирательное программирование теленовостей?

— Конечно. Вводишь программу по своему вкусу — задаешь, что тебя интересует. Бейсбол, биржевые курсы, конкурсы красоты, что хочешь. Новости со специальными отметками передаются круглые сутки. Твой телевизор записывает то, что тебя интересует, — приходишь домой, включаешь его, и пожалуйста: все, что тебе нужно.

Беникоф кивнул.

— Так вот, ваша университетская газета — что-то в этом роде, только еще почище. Ее редактор договорился с учеными всего мира, что они станут ее репортерами. Они непрерывно шлют сообщения о всяких научных и технических новостях. Сообщения сортируют и хранят в банке данных вместе с материалами, которые поступают от обычных информационных агентств. А у подписчика работает самообучающаяся программа. Всякий раз, когда ты нажимаешь кнопку перемотки вперед, компьютер запоминает это и больше на такую тему ничего не показывает. А что еще важнее — он с помощью специального устройства следит за движениями твоих глаз, а потом проводит контент-анализ и записывает в своей памяти, что тебя больше интересует. Это настоящее самообучение, система все лучше и лучше определяет твои интересы. Она так хорошо работает, что если бы не автоматическое отключение, ты бы ничего больше не делал, а только смотрел новости и комментарии, соответствующие твоему вкусу и взглядам.

— Вроде информационного наркотика? А как же тогда быть, если захочется просто полистать все подряд?

— Система и это позволяет. Даже в документах, которые имеют отношение только к определенной теме, всегда присутствуют какие-то побочные линии.

— Здорово! Значит, получается, что каждый подписчик получает свою газету? Профессору гидротехники показывают только трубы, насосы и речные пейзажи со всего мира, некрологи об умерших в Топике, штат Канзас, откуда он родом, и шахматные новости, если он этим увлекается? Отличная идея.

— Так думают многие тысячи людей. Подписчик вносит постоянную плату, а компьютер следит за тем, сколько раз использовался каждый отдельный сюжет, и автоматически рассчитывается с его автором.

Брайан скатал лист вечной бумаги в тонкую трубку, но та мгновенно расправилась, как только он ее отпустил.

— Персональная газета, которая ждет тебя в ящике каждое утро! Но все равно за неделю накапливается макулатуры на целое дерево.

Беникоф кивнул:

— Вот над этим и задумались вы с отцом. Университетская лаборатория тонких пленок разрабатывала плоские экраны для компьютеров. Твой отец помогал им с расчетами, и в конце концов получилось вот это. Много-слойная пленка, толща которой под электронным воздействием меняет цвет с белого на черный. Выглядит это так, будто на ней напечатан шрифт любого рисунка и размера, даже самый крупный для тех, кто плохо видит. А после прочтения лист снова вводят в принтер, на нем печатается следующий номер газеты, а старый текст стирается. Но даже эта технология скоро станет не нужна. Вот-вот в продаже появятся гиперкниги — они толщиной всего в сантиметр и состоят из десяти страниц. В переплете такой книги спрятан мощный компьютер, который управляет картинкой, появляющейся на каждой странице, — намного более четкой, чем печатный текст в настоящей книге. Когда читатель доходит до десятой страницы, он снова открывает первую, а там уже продолжение текста. У этой десятистраничной книжки память в сотни мегабайт — она может вместить приличную библиотеку.

— Ну, мне пока хватит и вот этого — замечательная штука. Устрою себе персональную газету.

— Пожалуйста. Но принтер я тебе дал не для этого. Ты пытался заказать кое-какие книги, твой заказ переправили мне. Компьютер может хранить их в памяти, а на вечной бумаге ты можешь напечатать книгу, которая тебе нужна, сложить листы в папку и почитывать, сидя на солнышке.

— А потом снова использовать листы, когда их прочту! Оказывается, у вас тут много такого произошло, о чем я не помню. Скажите, а нельзя напечатать на ней те материалы, которые я просил? Тогда я получу их прямо сейчас.

Беникоф повернулся к терминалу.

— Не знаю. Если по компьютерной сети в этом госпитале разрешено передавать секретные материалы, то, может быть, и получится. Надо попробовать.

Он набрал свой кодовый номер, вызвал секретный отдел базы и нашел нужное меню. Но не успел он двинуться дальше, как весь текст с экрана исчез, и вместо него появилось недовольное лицо генерала Шоркта.

— Что означает это нарушение правил секретности?

Маленький динамик терминала делал голос генерала еще более скрипучим.

— Доброе утро, генерал. Я только хотел получить для Брайана копию секретного доклада по делу «Мега-лоуб».

— Вы с ума сошли?

— Да нет, не особенно. Подумайте, генерал. Брайан сам был там. Он наш единственный очевидец. Нам нужна его помощь. Если я не получу копию сейчас, я принесу ее сюда завтра. Понимаете?

Генерал Шоркт некоторое время размышлял, храня ледяное молчание.

— Сеть госпиталя не защищена от подслушивания. Я распоряджусь, чтобы копию доклада передали из Пентагона в секретный отдел базы Коронадо. Вам копию доставят с посыльным.

— Тогда до свиданья, сэр, приятно было с вами побеседовать. Слышал, Брайан?

Брайан кивнул.

— Не знаю, смогу ли я помочь, но по крайней мере узнаю, что там со мной случилось. Доктор Снэрсбрук как-то сказала, что было убито еще несколько человек. Много?

— Мы просто не знаем — вот что больше всего меня бесит в этом деле. Про одного человека мы можем сказать более или менее уверенно — это председатель правления «Мегалоуб» Дж.-Дж. Бэкуорт. Мы нашли каплю его крови. Но всего пропало без вести семнадцать человек. Сколько из них убито, а сколько участвовало в преступлении, неизвестно. Ты все это прочтешь в докладе.

— А что оттуда похитили?

— Все записи и все оборудование, имевшее отношение к проекту «ИИ» — к твоему искусственному интеллекту. Из твоего дома тоже забрали всю электронную и записывающую аппаратуру, все до единой книги и бумаги. Соседи сообщили, что мебельный фургон стоял там под погрузкой по меньшей мере полдня.

— Вы нашли фургон?

— Номера были поддельные, а такой компании не существует. Да, еще — грузчики были азиатской внешности.

— Китайцы, японцы, тайландцы, вьетнамцы или кто-нибудь еще?

— Очевидцы — пожилые люди, они говорят только, что это были азиаты.

— А времени прошло уже много, и оно все идет.

Беникоф неохотно кивнул.

— Я хотел бы вам помочь, но если верить моей памяти, я все еще живу в УСП. Может быть, если бы я увидел свой дом, я бы что-то припомнил. А не оставили они мою резервную копию? Когда я еще только начинал всерьез заниматься программированием, я случайно стер два важных файла и поклялся, что это больше не повторится. Я написал автоматическую программу, которая во время работы сохраняла все во внешней памяти, на дискетах.

— Неплохая мысль — только они забрали все дискеты, какие были в доме.

— Но моя программа не просто делала резервную копию. Когда мне было четырнадцать, она еще копировала этот резервный диск через телефонный модем в главный компьютер, который стоял у отца в лаборатории. Интересно, а что я мог придумать для этого потом, когда стал заниматься проектом «ИИ»?

Беникоф вскочил, стиснув кулаки.

— Ты понимаешь, что ты только что сказал?

— Конечно. Есть шанс, что где-то в памяти хранится копия всей моей работы по искусственному интеллекту. Это вам помогло бы, верно?

— Помогло бы! Мальчик мой, да мы бы смогли по ней восстановить твой искусственный интеллект! Это ничего нам не скажет о том, кто все это устроил, — но тогда они окажутся не единственными, кто владеет искусственным интеллектом! — Он схватил трубку и набрал номер. — Доктора Снэрсбрук, пожалуйста. Когда? Передайте ей, пусть позвонит мне, как только вернется. Да, это Беникоф. Скажите ей, что нам крайне важно знать, когда ее больной будет в состоянии выйти за пределы госпиталя. Вопрос важный — важнее не бывает!

Глава 14

10 ноября 2023 года

В палату вошла медсестра, оставив дверь открытой.

— Вам надо идти, мистер Беникоф. — Она откинула одеяло и взбила подушки. — Пора ложиться спать, Брайан.

— А это обязательно? Я чувствую себя хорошо.

— Пожалуйста, делай, что тебе говорят. У тебя подскочило давление и пульс.

— Я просто немного разволновался, вот и все.

— В постель! Вы слышали, что я сказала, мистер Беникоф?

— Да, конечно, обязательно. Я поговорю с тобой потом, Брайан, после того как увижусь с доктором Снэрсбрук.

Несмотря на многие месяцы лечения, рана и последствия операции все еще давали себя чувствовать. Брайан заснул почти сразу и проснулся, только услышав какие-то голоса. Он открыл глаза и увидел около своей кровати Бена и доктора Снэрсбрук.

— Немного переволновался, — сказала Эрин. — Но ничего страшного. Бен сказал, что тебе не терпится выбраться на свежий воздух.

— А можно?

— Пока еще нет, слишком серьезная была у тебя операция. Но не исключено, что мы сможем обойтись без этого.

— Как?

— Сейчас Бен объяснит.

— У меня давление подскочило, наверное, не меньше, чем у тебя, — сказал Беникоф. — И я сгоряча просто не подумал. Пока нет никакой нужды тебе самому ехать в свой дом. Я прикажу его еще раз обыскать, но не думаю, чтобы там нашлось что-то новое. Ты сказал, Брайан, что хранил свои резервные файлы в отцовском компьютере?

— Верно.

— Так вот, с тех пор в технике связи произошли огромные изменения, которых ты не помнишь. Прежде всего, все теперь передается в цифровой форме, а вместо медной проволоки везде, кроме разве что самых глухих мест, волоконная оптика. В каждый телефон встроен модем, да и это уже устаревает. Во всех крупных городах есть сети сотовой связи, которые постоянно расширяются. — Он постучал пальцем по телефонной трубке, висевшей у него на поясе. — У меня есть собственный номер. Мне можно звонить, где бы на территории Соединенных Штатов я ни был.

— Через спутник?

— Нет, спутниковая связь слишком медленна для большинства случаев — особенно для видефона. Сейчас все на волоконной оптике, даже подводные кабели. Дешево и быстро. И каналов хватает — везде доступна полоса частот шириной в восемь тысяч мегагерц, и все каналы двусторонние.

Брайан кивнул:

— Я понял, к чему вы клоните, Бен. Вы хотите сказать, что вряд ли у меня была механическая система резервирования. Она наверняка была электронной. А это значит, что нужен электронный поиск.

— Правильно. Сейчас существует бесчисленное множество электронных почтовых ящиков, баз данных и коммуникационных программ. Ты мог воспользоваться любой из них. Но у нас очень строгие законы о сохранении компьютерной тайны. Даже ФБР приходится обращаться в суд, чтобы получить разрешение на поиск.

— А ЦРУ?

— Могу тебя обрадовать: со своей последней кровавой операцией они хватили через край, и только что принят закон, который запрещает им заниматься грязными делами. Очередная жертва «гласности», как говорят русские, — впрочем, жалеть тут не о чем. Особенно налогоплательщикам: у них, как выяснилось, выкачивали миллиарды на содержание правительственного учреждения, которое не производило на свет ничего, кроме фальсифицированных докладов, устраивало революции в дружественных странах, минировало гавани и при этом походя убивало тысячи людей. Им теперь велено соответствовать точному смыслу своего названия — заниматься разведкой и следить за соблюдением мира, а не затевать новые войны. Теперь, если ты дашь расписку о своем согласии, мы сразу же приступим к поиску.

— Конечно, дам.

Для этого понадобилось не только подписать несколько бумаг, но и произвести многочисленные электронные проверки, телефонные звонки и добиться, чтобы личность Брайана удостоверили целых три разных правительственных учреждения. Отослав все документы заказным факсом, Беникоф зевнул и потянулся.

— Теперь будем ждать, — сказал он.

— Долго?

— Самое большее — час. До появления электронной связи это заняло бы несколько дней, а то и недель.

— Я вижу, многое переменялось за те десять лет, что я... что меня здесь не было, — сказал Брайан. — Когда я смотрю новости, кое-что совсем не изменилось, а иногда я даже не понимаю смысла намеков.

Часа не потребовалось — результаты пришли меньше чем через десять минут. Принтер загудел и выбросил несколько листов вечной бумаги. Беникоф протянул их Брайану.

— Оказывается, ты абонент шести разных баз данных.

— Так много?

— Это еще мало. Вот в этой базе данных — научная информация, она обновляется каждый час. Такие базы данных заменили технические библиотеки и работают куда быстрее: для доступа в них нужно обычно меньше секунды. Эта — почтовый ящик, эта достает билеты на все что угодно, от бейсбольных матчей до самолетов.

Думаю, что скорее всего нам нужна одна из этих четырех. Начни с них.

— А что надо делать? Доктор, можно я встану с кровати?

— Лучше бы не надо.

— А в этом нет необходимости, — сказал Беникоф, подходя к терминалу и отключая кабель от клавиатуры. — У него дистанционное управление в инфракрасном диапазоне, так что провода не нужны. А я позвоню, чтобы принесли голокуляры.

Голокуляры привели Брайана в восторг. Это были очень легкие очки с небольшим вздутием на каждой заушине, битком набитым электроникой. Линзы на вид были из простого стекла и плоские, хотя Брайан догадался, что, будь он близорук, можно было бы изготовить стекла нужной кривизны. Когда он включил голокуляры, у него перед глазами появилось изображение компьютерного экрана.

— Хорошо. А что делать дальше?

— Вызови базу данных, назови себя и сообщи свой кодовый номер. А потом гадай.

— Это как?

— Каждый абонент имеет пароль, известный только ему. Попробуй перебрать свои старые пароли, какие вспомнишь. Если это ничего не даст, попытайся придумать новые. Мы сообщили этим компаниям, в чем дело, так что тревожная сигнализация отключена. Обычно после третьей неудачной попытки абонента прерывают, а номер телефона, с которого он пытается проникнуть в базу, сообщают полиции.

— А если и из этого ничего не получится?

— Чтобы насильно проникнуть в базу данных, нужно решение суда. На это уйдет самое меньшее дня два.

Но Брайан обнаружил, что давние привычки не забываются. Три базы из четырех открылись в ответ на его любимые кодовые слова: первую открыл пароль «ANLAR», две других — «LEITHRAS»

— «An Lar» по-ирландски означает «В центр города», так пишут на автобусах. А «leithras» — «туалет», — объяснил он. — Все мальчишки обожают сортирный юмор. Но как открыть последнюю, я не знаю. Может быть, оставим ее на потом и посмотрим, что есть в этих трех? У меня такое чувство, словно ко мне возвращается память. Правда, похоже?

— Совершенно верно, — согласился Беникоф. — Вот что я скажу — на всякий случай надо все-таки подать заявление в суд насчет этой последней базы. Тебе придется подписать еще несколько бумаг

Первая база данных оказалась почтовым ящиком чуть больше двухлетней давности. Брайан начал с того, что просмотрел самые старые письма. Ему стало как-то не по себе: никого из тех, кто писал ему, он не знал, а его собственные письма звучали как-то странно. Да, там стояла его подпись, но он бы написал не совсем так. Как будто он читал чьи-то чужие письма. Несколько раз в них упоминалось об искусственном интеллекте, но лишь вскользь, без всяких подробностей.

Он сбросил все письма в память компьютера, чтобы заняться ими как-нибудь в другой раз, и занялся двумя другими базами. В одной хранились его декларации о доходах и налоговые извещения — просматривать их было очень увлекательно и в то же время грустно. Он начал зарабатывать деньги еще совсем молодым — это он помнил, большей частью ему платили за разработку программ. Потом последовал большой вклад — деньги от продажи их дома, потом еще больше — отцовское наследство. Он поспешно двинулся дальше. Деньги быстро таяли. Через несколько лет они кончились совсем — как раз после этого он и поступил на работу в «Мега-лоуб». Переписка с корпорацией читалась как роман, особенно подробности контракта. Тут было о чем подумать, он переписал все в память и перешел к последней базе данных.

Просмотрев несколько страниц, он вчитался в текст и тут же стер его. Эрин в это время вышла из комнаты, а Беникоф, склонившись над телефоном, куда-то звонил. Солнце начинало садиться, и в палате стало почти темно.

— Бен, можно вас на минуту?

— Конечно.

— Я, пожалуй, устал. Остальное просмотрю утром.

— Давай я заберу клавиатуру. Нашел что-нибудь про искусственный интеллект?

— В этих ничего нет.

— Тогда я постараюсь поскорее пробить решение суда. А когда выпишься, попробуй придумать какие-нибудь новые пароли, ладно?

— Обязательно. Утром увидимся.

— У тебя и вправду усталый вид. Отдыхай.

Брайан кивнул и проводил Бена взглядом. На самом деле он ничуть не устал — у него просто испортилось настроение.

То, что он успел прочесть, ему совсем не понравилось. Начало было знакомым — это были заметки, которые он сделал после катастрофического исхода своего романа с Ким. Как только отчаяние и злость немного схлынули, он набросал тогда еще кое-какие мысли о машине-распорядителе. Он помнил, что использовал эту идею в своей работе над искусственным интеллектом, — но помнил еще и то, что тогда же подумал, как это можно использовать для управления собственной личностью. Очевидно, он развил эту мысль дальше, в новую науку о сознании — судя по тому, что он прочитал в этом файле, получившем название «Зеномотерапия», это были скорее теоретические рассуждения, чем факты. Они выглядели не столь дикими и безумными, как дианетика, но в них явственно ощущалось, мягко выражаясь, нечто вроде подспудной мании величия. Читать это было неприятно — человек, который это написал, ему совсем не понравился.

Зная факты, легко принимать даже самые важные решения. О том, как ему теперь быть, Брайан размышлял всю последнюю неделю, а эта так называемая научная зеномотерапия оказалась последней каплей, заставившей его решиться. Он нажал кнопку вызова на столике у кровати. Через мгновение вошла медсестра.

— Вы не знаете, доктор Снэрсбрук еще здесь?

— По-моему, да — присматривает за установкой оборудования. Она переезжает в новый кабинет, который ей здесь отвели.

— Можно мне ее видеть?

— Конечно.

Сумерки сгущались, но Брайан не давал автомату включить свет — ему хотелось еще полюбоваться ими. Только когда небо стало совсем темным, он снял палец с мигающей красным огоньком кнопки. Шторы опустились, и загорелись лампы. Секунду спустя вошла Эрин.

— Ну что, Брайан, у тебя был трудный день? Почувствовал себя хуже?

— Да нет. Я был немного утомлен, но вздремнул, и все прошло. Как мои показатели?

— Лучше не бывает.

— Хорошо. Значит, вы можете сказать, что я на пути к выздоровлению и в здравом уме, если не считать навязчивой идеи, будто мне только четырнадцать лет, хотя на самом деле мне двадцать один?

— Кроме слов «навязчивая идея», все так и есть.

— А я хоть раз сказал вам спасибо за то, что вы для меня сделали?

— Вот теперь говоришь, и я тоже тебе благодарна, — и невероятно счастлива, что все так обошлось.

— Я не хочу вас расстраивать, доктор, но скажите, вас очень огорчит, если мы в ближайшее время прекратим эти сеансы восстановления памяти?

— Не понимаю.

— Скажу иначе. Меня вполне устраивает, какой я сейчас. Пожалуй, я хотел бы с этого момента подрастать сам. Становиться старше — понимаете? По правде говоря, мне не нравится то, другое мое «я» — то, которое тогда стерла пуля. Я согласен некоторое время продолжать сеансы, чтобы узнать, насколько повреждена моя память, есть ли такие вещи, которых я не знаю, хотя должен знать. Я хочу, насколько возможно, восстановить свое прошлое. Но как только вы будете удовлетворены, давайте на том и остановимся. Хотя я готов продолжать эксперименты, о которых вы говорили, — чтобы выяснить, могу ли я на самом деле взаимодействовать с внутренним процессором. Как вы на это смотрите?

Эрин Снэрсбрук была потрясена, но не показала вида.

— Ну конечно, заставить тебя никто не может. А сейчас спи. Давай еще раз поговорим утром. Это слишком ответственное решение.

— Знаю. Поэтому я его и принял. Ах да, еще одно дело. Но об этом можно и завтра.

— А что такое?

— Я хотел бы поговорить с адвокатом.

Глава 15

11 ноября 2023 года

Беникоф подождал, когда Брайан кончит завтракать, и только тогда вошел в палату. Он завел разговор о его здоровье, о погоде, рассказал, как пытается ускорить решение суда о допуске в базу данных и что оно может быть получено уже через несколько часов, — и все время ждал, когда Брайан заговорит о том, что его интересовало. Но не дождался — это пришлось сделать ему самому.

— Мне звонила доктор Снэрсбрук, она очень встревожена. Она говорит, что ты хочешь прекратить сеансы восстановления памяти. Ты не хочешь рассказать мне, в чем дело?

— Знаете, Бен, это в общем-то касается только меня.

— Если это касается только тебя, тогда я ни о чем не спрашиваю. Но если это касается моего расследования или искусственного интеллекта, то это меня интересует. Ведь все это связано, верно?

— Вероятно, но от этого мне не легче. Я могу говорить с вами как с другом? Я ведь считаю вас своим другом.

— Мне это очень приятно. И мы были довольно близкими друзьями до того, как все это случилось. Тебе нелегко пришлось — скажу по совести, мало кто мог

бы это перенести. Ты настырный ирландец, и это мне нравится.

Брайан улыбнулся:

— Спасибо.

— Не за что. И я буду рад, если ты мне доверишься. С одной оговоркой: не забывай, что я все еще руковожу расследованием по делу «Мегалоуб». Если ты скажешь что-нибудь такое, что будет иметь к нему отношение, это должно быть зафиксировано.

— Знаю, и я по-прежнему хочу помочь чем могу. Ради себя самого. Когда я вырасту — то есть когда я вырос, в прошедшем времени, — я изобрел искусственный интеллект. Потом его у меня украли, вместе с моей памятью. А теперь, когда я знаю, что искусственный интеллект может быть построен, я хочу это сделать — изобрести его заново, если понадобится. Но это хочу сделать я сам, а не кто-то другой под моим именем. Понимаете, что я хочу сказать?

— Сразу скажу — нет.

Оба рассмеялись. Брайан откинул одеяло, надел халат, сунул ноги в шлепанцы. Окно было открыто, он подошел к нему и долго стоял, вдыхая чистый морской воздух.

— Тут куда лучше, чем в Мексиканском заливе. Там слишком влажно и слишком жарко. Я так и не смог к этому привыкнуть. — Он уселся в кресло. — Попробую сказать по-другому. Представьте себе, будто то, что случилось со мной, — стрельба и все прочее, — случилось с вами. Вот вы сидите, тридцати семи лет от роду...

— Спасибо за комплимент. Скорее пятидесяти.

— Ладно. И как вам понравится, если я вам скажу, что вас когда-то стукнули по голове и что на самом деле вам семьдесят? Но что это ничего не значит, потому что у меня есть такая штука, которая пошурует у вас в мозгах и сделает так, что вам будет опять семьдесят.

Беникоф нахмурился:

— Я начинаю понимать, что ты хочешь сказать. Мне не хотелось бы оказаться в этом возрасте, не дожив до него. Если мне вернут мои воспоминания, это будет все равно, что впустить мне в голову какого-то чужого человека.

— Вы сказали это еще лучше, чем я. Вот именно это я и чувствую. Если я узнаю, что в моей памяти есть

дыры, что есть вещи, которые я должен знать, но забыл, — конечно, я хотел бы залатать эти дыры, поэтому мы будем продолжать сеансы. Но я хочу дожить до своего будущего сам, — не хочу, чтобы его вложили мне в голову в готовом виде.

— А как насчет твоего образования? Ты же не сможешь утверждать, что у тебя докторская степень по науке, которой ты не помнишь?

— Верно замечено. Если я чего-то не смогу припомнить, значит, мне просто придется это заново выучить. У меня есть выписка из моего университетского личного дела — там перечислены все курсы и лекции, которые я слушал, и еще есть список книг, которые я читал. И доктор говорит, что, если эти воспоминания еще сохранились, мы сможем их найти. Я готов это сделать. А если ничего не получится, просто выучу все заново. К тому же многое из того, что я учил, безнадежно устарело, так что мне нужна будет помощь, чтобы составить новый список книг для чтения.

— Дай-ка посмотреть, что ты читал по экспертным системам. Я все еще стараюсь быть в курсе научных новинок.

Брайан удивленно посмотрел на него:

— А я думал, вы...

— Нудный чиновник? Я просто привык к такой роли, и не по собственной вине. Я начал с того, что составлял программы для экспертных систем, а потом занялся проверкой чужих. И это у меня так хорошо получалось, что ничем другим я уже не занимаюсь. Такова печальная история моей жизни.

— Ну, не слишком печальная. Не каждый может позвонить и поболтать с президентом.

Как нарочно зазвонил телефон. Брайан взял трубку, послушал и кивнул:

— Верно. Пусть поднимется сюда.

— А я пошел, — сказал Бен. — Я уже заставил твоего адвоката, который только что звонил, дожидаться целый час, пока мы с тобой не поговорим. — Увидев удивление на лице Брайана, Бен рассмеялся: — Не забывай, что у человека, который ведет расследование по поручению президента, должно быть всевидящее око. Часть моей работы — присматривать, чтобы ты оставался в живых. Все посетители проходят проверку. О личной жизни пока и не думай.

С этими словами Бен приложил палец к губам, показал на потолок и одними губами произнес: «Генерал Шоркт». Брайан кивнул в знак того, что понял, и Бен вышел.

Конечно, он должен был догадаться сам. Его терминал выходил прямо на генерала, а его палата здесь, на военной базе, скорее всего прослушивается. Это тоже нужно иметь в виду.

— Войдите! — крикнул он, услышав стук в дверь, и удивленно раскрыл глаза, когда вошел офицер в форме. На груди у него была табличка с надписью: «Майор Майк Слоун».

— Вы просили меня прийти.

— Это недоразумение. Я хотел поговорить с адвокатом.

— А это я и есть. — На его худом, загорелом лице появилась добродушная улыбка. — Военный юрист. Имею допуск к совершенно секретным документам, так что ваше дело читал. Чем я могу вам помочь, Брайан?

— А вы... ну, в гражданских законах разбираетесь? Майк рассмеялся:

— Закон только один. Я долго работал в юридических джунглях Уолл-стрит, прежде чем соблазнился «путешествиями, образованием и карьерой», как пишут на плакатах в вербовочных пунктах.

— А как вы насчет контрактов?

— От зубов отскакивают. Это была одна из причин, почему я пошел в армию, — надоело заниматься тяжбами между корпорациями.

— Тогда один важный вопрос. На кого вы будете работать — на меня или на армию?

— Хороший вопрос. Если тут возникнет противоречие, то верх берет армия. Если же это чисто гражданское дело, то все останется между нами, пока вы не решите нанять адвоката из штатских. А вы не хотите сказать мне, о чем вообще речь?

— Конечно. Как только смогу убедиться, что это действительно останется между нами. Я знаю, что мой терминал прослушивается, — а не прослушивается ли эта палата?

— Я бы сказал, что это тоже хороший вопрос. Дайте мне несколько минут — я позвоню и узнаю, могу ли я на него ответить.

Однако нескольких минут оказалось мало — прошел почти час, прежде чем майор вернулся.

— Ну хорошо, Брайан, что я могу для вас сделать?

— Палата прослушивалась?

— Этого я вам, естественно, сказать не могу. Но могу вас заверить, что наш разговор останется между нами.

— Хорошо. Тогда скажите мне — могу ли я предъявить иск компании «Мегалоуб» за то, что она не обеспечила мне защиту и поставила под угрозу мое здоровье?

— Мое первое побуждение — сказать: «Это не так просто». Немалая доля компании принадлежит правительству, а до сих пор никто еще не разбогател, судясь с властями. Потом мне надо посмотреть ваш контракт

— Вон он на столе. Как раз его содержание меня и встревожило. Я не намерен с ними судиться — хватит и угрозы. Угрозы, чтобы заполучить контракт получше. Вы все знаете обо мне и о моей памяти?

— Да. Я прочел все ваше дело.

— Тогда вы знаете, что у меня не осталось никаких воспоминаний о последних нескольких годах. А когда я перечитывал кое-какую свою переписку, я обнаружил, что «Мегалоуб» меня отнюдь не благодетельствовала — наоборот, она оказала на меня финансовое давление, когда у меня не хватило денег на разработку искусственного интеллекта. Я обнаружил, что, к несчастью, почти совершенно не разбирался в денежных делах. Но мне так хотелось закончить эту разработку, что я позволил им заставить меня подписать этот контракт. По которому компания получает явно больше, чем я.

— Значит, сначала мне надо его прочесть.

— Давайте. Я пока выпью апельсинового сока. Вы тоже? Или чего-нибудь покрепче?

— Только не при исполнении служебных обязанностей. Сок вполне подойдет.

Майор читал медленно и внимательно. Брайан тоже занялся чтением: он только что получил распечатку статьи Карбонелла о новой области математики — эксклюорной геометрии. Там затрагивались вопросы психологии — почему человек прибегает к помощи схем, когда словесные объяснения становятся слишком сложными. Дело в том, что язык слов все еще, в сущности, одномерен. Мы можем сказать «этот» или «тот», но не

существует простого способа упомянуть одновременно четыре или пять предметов. Из головы у Брайана не выходила проблема искусственного интеллекта, и он подумал, что, если так работает человеческое сознание, отсюда вовсе не следует, что такие же ограничения должны быть свойственны интеллекту искусственному. Вместо трех-четырех понятий, соответствующих местонамениям, он может оперировать одновременно десятками их. Брайан заморгал и поднял глаза, услышав, что юрист рассмеялся и положил контракт на стол. Майор покачал головой, допил сок и заговорил:

— Как говорили у нас на юридическом факультете, вас поймали, а вы не получили от этого даже удовольствия. Этот контракт еще хуже, чем вы говорили. Я думаю, что, если вы уйдете от них, вы за свою работу вообще ничего не получите. А пока вы работаете у них, они забирают себе всю прибыль.

— Вы можете написать мне контракт лучше этого?

— С удовольствием. Поскольку армия не меньше других хочет, чтобы был создан искусственный интеллект, нам будет очень на руку, если эта проблема будет решена как можно скорее. Но тут есть кое-какие необычные прецеденты. Контракт соответствует закону и вступил в силу — но ведь вы его не подписывали?

— Нет. Его подписал другой, старший «я». А тот «я», что сидит тут перед вами, вчера впервые его увидел.

Майор принялся ходить взад и вперед по палате, радостно потирая руки.

— Ох, какие гонорары я бы сорвал за то, чтобы выступить по этому делу в суде! Вы держите их за горло, потому что — остановите меня, если я скажу не то, — вы все еще продвинулись дальше всех в разработке действительно умного искусственного интеллекта.

— Надеюсь, что так. Очевидно, я стоял на правильном пути перед тем, как... перед этим несчастным случаем. Доктор Снэрсбрук полагает, что у меня хорошие шансы снова добраться до того места, на котором я остановился. Но сейчас я все еще изучаю самые основы, и нет никакой гарантии, что я опять окажусь на переднем крае. Хотя все заметки у меня есть, и я сделаю все, что смогу.

— Конечно, сделаете. А для «Мегалоуб» вы — единственная надежда. Нет ничего лучше в этом мире, как быть монополистом. Я посоветую своему начальству,

чтобы оно посоветовало «Мегалоуб» выбросить этот контракт в корзину и составить новый. Это вас удовлетворит? Или вы все равно предъявите иск?

— Если будет новый контракт — никакого иска. А что мне надо требовать?

— Что-нибудь простенькое, но приятное. Они предоставляют вам все что нужно, чтобы создать искусственный интеллект. Вы создаете искусственный интеллект. Вся чистая прибыль от будущих разработок в этом направлении делится между сторонами пополам.

Брайан был потрясен.

— Вы хотите сказать, что я должен потребовать половину всех прибылей «Мегалоуб»? Это же миллионы, а то и миллиарды долларов!

— Угу. А чем плохо быть миллиардером?

— Неплохо, только я об этом не думал.

— Хотите, чтобы я этим занялся?

— Да, пожалуйста.

Майк встал, взглянул на контракт и выразительно вздохнул:

— Ни разу еще с тех пор, как я пошел в армию, у меня не появлялось такого желания снова вернуться к частной практике. Какой бы куш я загреб, окажись я тем пронырой, кто будет заниматься этим новым контрактом!

— Кто-то когда-то мне говорил, что любой адвокат готов пожрать даже собственное потомство.

— Так оно и есть, Брайан, мой мальчик! Я приду, как только будут какие-нибудь новости.

После обеда Брайан вздремнул и чувствовал себя гораздо лучше, когда в четыре часа сестра открыла дверь и санитар вкатил в палату кресло на колесах.

— Вы готовы к встрече с доктором? — спросила сестра.

— Конечно. А самому идти мне нельзя?

— Садитесь. Так она велела.

Брайан захватил с собой папку с бумагами, которые читал, и отправился к доктору Снэрсбрук. Сидя в кресле, он почувствовал, как щупальца машины дотронулись до его затылка и вставили в гнездо тонкий кабель-световод.

— Доктор, можно вас сегодня кое о чем попросить?

— Конечно, Брайан. О чем?

— Вот. — Он показал на папку с бумагами. — В университете я проходил топологию, а это одна статья на ту же тему, я ее только что распечатал. Но когда я начал ее читать, то обнаружил, что она мне не по зубам. Если я сейчас буду ее читать, не сможете ли вы добраться к моим ранним воспоминаниям из этой области? Не покажут ли чего-нибудь ваши приборы, когда вы попадете в нужную точку? Тогда вы смогли бы нажать кнопку и вернуть мне эти воспоминания.

— Если бы это было так просто! Но, во всяком случае, можно попробовать. Я так или иначе собиралась предложить что-то в этом роде, так что готова начать сегодня же.

Статья была довольно невразумительная, и Брайан долго читал, ничего не понимая. Он дошел почти до середины, прежде чем отложил ее в сторону.

— Ну как, доктор, были контакты?

— Активность большая, хотя занимала она обширное пространство — видно, что задействовано очень много К-линий. Моя машина не приспособлена к тому, чтобы работать с такими сетями. Подобные перекрестные связи под силу только человеческому мозгу.

Брайан разочарованно потер нос.

— Немного устал. Не хватит на сегодня?

— Конечно. Мы же договорились, что будем отключать тебя при первых же признаках утомления.

— Спасибо. Хотел бы я, чтобы мой встроенный процессор понимал команды посложнее, чем просто «отключиться».

— Ну, ты всегда можешь попробовать.

— А здорово было бы, правда? Взять и дать команду процессору. Эй ты, процессор, загрузи файл по топологии!

Улыбка на лице Брайана вдруг сменилась выражением крайнего удивления. Некоторое время он смотрел прямо перед собой, потом перевел взгляд на доктора Снэрсбрук.

— А вот это, по-моему, весьма интересно. Я сказал вам, когда пришел, что ничего или почти ничего не помню из топологии? Так вот, должно быть, я был очень утомлен или думал о чем-то другом. Но сейчас я прекрасно помню свою курсовую. В ней было много такого, что тогда было новинкой. Она начиналась всего лишь с использования алгебраической теории узлов, основан-

ной на старом полиномиале Джонса, для классификации хаотически инвариантных траекторий, а потом применяла такой же подход к разным физическим проблемам. Ничего особенного, и я не сомневаюсь, что все это давно устарело. Теперь я начинаю понимать, почему тогда бросил чистую математику и занялся искусственным интеллектом.

Казалось, Брайан воспринял эти вновь загруженные, пересаженные ему в мозг воспоминания как должное, — но Эрин Снэрсбрук была потрясена. Руки у нее так дрожали, что пришлось прижать их к груди. Брайан воспользовался вживленным процессором, чтобы получить доступ к собственным воспоминаниям! Перед ней был внутренний интерфейс человек-машина в действии.

Глава 16

14 ноября 2023 года

Зал отдыха на десятом этаже госпиталя больше напоминал сад на крыше, чем балкон. Морской пехотинец, стоявший на часах у входа, проверил у Беникофа документы и пропустил его в чащу пальм, росших в бочках. Брайан сидел под большим пляжным зонтиком — накануне он ухитрился получить солнечный ожог, заснув на солнцепеке, и вовсе не хотел, чтобы это случилось еще раз. Он поднял глаза от книги и помахал рукой.

— Рад видеть вас, Бен.

— Я тоже. Только новость, что я принес, тебя не обрадует. Суд не разрешит нам доступ в эти твои базы данных. Несколько лет назад приняты более строгие законы о компьютерной тайне, и теперь такой доступ не разрешен. Вот если бы ты умер — другое дело.

— Не понимаю.

— Время от времени кто-нибудь погибает в автомобильной катастрофе, а его паролей никто не знает. Тогда назначаются слушания, нужно доказать родство и требуется множество всяких процедур, можешь мне поверить. Но никаких исключений не допускается.

— Что же мне теперь делать?

— Добраться до базы самому. Доказать, что ты есть ты, и пусть компания решает, выдать тебе материалы или нет. Но это будет непросто.

— Почему?

— Потому что — поверь, я говорю серьезно — компания, где хранятся твои файлы, находится за пределами страны. Она в Мексике.

— Вы шутите!

— Если бы! Она в Тихуане. В Мексике заработная плата все еще ниже, чем здесь. Это сразу по ту сторону границы, километрах в двадцати отсюда. Там множество американских заводов по сборке электроники. Вероятно, компания и была создана для их обслуживания. Ну что, начнем подумывать о том, как туда съездить?

— Пока нет.

— Я так и думал, что ты это скажешь. — Беникоф заметил, что Брайан удивился, и улыбнулся: — Потому что, насколько я понимаю, от твоего гениального военного юриста адвокаты «Мегалоуб» бьются в корчах, оглашая окрестности рыданиями. В конце концов они согласятся. Я связался по этому поводу с самым верхом. Так что на военных нажали, чтобы они нажали на компанию, чтобы та подписала новый контракт.

— С самым верхом? То есть с Господом Богом?

— Почти. И я подумал, что ты не станешь смотреть эти файлы, пока твое будущее не будет обеспечено.

— Вы все время впереди меня на один шаг.

— Разве так уж трудно оказаться дальновиднее четырнадцатилетнего мальчишки?

— Ладно, ладно, можете хвастать и дальше. Между прочим, этот четырнадцатилетний мальчишка, оказывается, большой любитель пива. Присоединяйтесь.

— Готов. Только если это пиво «Бозмия».

— Не знаю такой марки.

— Оно из Мексики, раз уж мы о ней заговорили. Думаю, оно тебе понравится.

Брайан позвонил, и дежурный по столовой принес пиво. Он сделал большой глоток и облизал губы.

— Неплохо. Когда вы в последний раз говорили с доктором Снэрсбрук?

— Только сегодня утром. Она сказала, что ты застрял и рвешься на волю. Но она хочет поддержать тебя в госпитале еще по меньшей мере неделю.

— Она мне говорила. Ничего страшного.

— Я думаю, сейчас ты меня спросишь, можно ли тебе будет поехать в Мексику.

— Бен, у вас сегодня прорезались способности к чтению мыслей?

— Все очень просто. Ты хочешь сохранить эти файлы в тайне, и мы тоже. Телефонные линии можно прослушать, данные скопировать. А ГБП могут пострадать при пересылке.

— ГБП? Вы хотите сказать — ДБП?

— Они давно в прошлом. Динамические блоки вымерли, как динозавры. Вместо них теперь гигабайтные блоки памяти — они статичны, не требуют питания и имеют такой объем памяти, что вытесняют компакт-диски и аудиопленки с цифровой записью. А с распространением новой техники семантического сжатия они скоро вытеснят и видеозаписи.

— Хотел бы я на такой посмотреть.

— Посмотришь, как только мы сумеем организовать эту поездку. И я не буду ставить тебя в трудное положение, заставляя от нее отказываться, чтобы мне поехать вместо тебя. Я уже говорил об этом кое с кем из службы безопасности.

— Я думаю, они пришли в бешеный восторг при одной мысли о том, чтобы мне выехать за пределы страны.

— Да уж, можешь быть уверен! Но когда крик утих, выяснилось, что у ФБР есть действующее соглашение о таких вещах с правительством Мексики. Они регулярно наведываются туда за деньгами, конфискованными у торговцев наркотиками, и за компьютерными данными — обычно в банки. Специальные вооруженные агенты секретной службы будут сопровождать нас всю дорогу. А мексиканская полиция встретит нас на границе и потом доставит обратно в Соединенные Штаты.

— Значит, я смогу поехать туда и получить свои файлы?

Беникоф кивнул:

— Как только доктор скажет, что тебе это под силу. Только это будет больше похоже на вторжение, чем на одинокую прогулку через границу. Тебя будут сопровождать и туда, и обратно.

— А файлы — их у меня отберут?

— Брайан Дилени, ты слишком недоверчив и подозрителен. Что твое, то твое. Но могу предположить, что

такую поездку, вероятно, будет трудно, если вообще возможно, организовать, пока ты не подпишешь новый контракт с «Мегалоуб». Правительство должно заботиться о своих капиталовложениях.

— И если я не соглашусь подписать контракт, я не поеду?

— Это ты сказал, а не я.

Об этом надо было поразмыслить. Брайан допил пиво и отрицательно покачал головой, когда Бен предложил еще. Когда-то он уже пробовал создать искусственный интеллект в одиночку — об этом свидетельствовали документы, которые он видел. Из них было видно и то, что он остался без денег и был вынужден подписать этот коварный контракт с «Мегалоуб». Кто не способен учиться на собственном опыте, тот вообще не способен учиться. И если ему суждено прожить эту часть своей жизни заново, он твердо решил впредь быть умнее.

— Все зависит от того, каким будет новый контракт, — сказал он в конце концов. — Если условия подойдут, мы забираем файлы и я возвращаюсь на работу в «Мегалоуб». Договорились?

— Похоже, лучше не придумаешь. Я начинаю подготовку.

Только Беникоф вышел, как у Брайана зазвонил телефон. Он взял трубку

— Кто? Конечно. Да, у нее есть разрешение, можете спросить доктора Снэрсбрук, если не верите. Она уже бывала здесь раньше. Правильно. Тогда пропустите ее, пожалуйста.

Морской пехотинец ввел в палату Долли. Брайан встал и чмокнул ее в щеку.

— Ты выглядишь лучше и немного поправился, — сказала она, окинув его придирчивым материнским взглядом, и протянула ему сверток. — Надеюсь, ты все еще их любишь — это я сегодня утром испекла.

— Неужто шоколадные кексы? — Брайан разорвал обертку и откусил кусок. — Мои любимые. Большое спасибо, Долли.

— А как твои дела?

— Лучше не бывает. Через неделю смогу выйти из госпиталя. А очень скоро, похоже, снова начну работать.

— Работать? Я думала, у тебя что-то с памятью.

— Это не помешает. Если я обнаружу какие-нибудь пробелы, когда приступлю к исследованиям, тогда и посмотрим, что с ними делать. Как только я на самом деле возьмусь за работу, сразу станет ясно, сколько чего я позабыл.

— Ты больше не будешь заниматься этим искусственным интеллектом?

— Конечно, буду. Почему ты спросила?

Долли откинулась на спинку кресла и стиснула руки.

— Не надо бы. Прошу тебя, Брайан. Один раз ты уже попробовал — и смотри, чем это кончилось. Может, тебе вообще не суждено добиться успеха.

Он не мог сказать ей, что один раз уже добился успеха, что его искусственный интеллект где-то существует: эта информация по-прежнему была засекречена. Но он хотел, чтобы она поняла, насколько важна его работа. А суждено или не суждено — это не имело никакого отношения к делу.

— Ты же знаешь, Долли, что с этим я никак не могу согласиться. Мир держится на свободной воле. А я не суеверен.

— Я не о суевериях говорю! — горячо возразила она. — Я говорю о Святом Духе, о душе. Машина не может иметь душу. То, что ты пытаешься сделать, — кощунство. Дьявольские козни.

— Я никогда толком не верил в то, что существует душа, — мягко произнес Брайан. Он понимал — что бы он ни сказал, это причинит ей боль. Она сердито поджала губы.

— Да, ты весь в отца. Он никогда не ходил к мессе, и говорить на такие темы не хотел. Господь вложил в нас душу, Брайан, а в машины — нет.

— Долли, прошу тебя, не надо. Я знаю, что ты чувствуешь и во что веруешь. Не забудь, я и сам вырос католиком. Но моя работа позволила мне кое-что узнать о мозге и о сущности человека. Попытайся понять — меня больше не удовлетворяет то, во что меня учили верить. Ты спрашиваешь, может ли у машины быть душа. А я спрошу тебя, способна ли душа обучаться? Если нет, то зачем она нужна? Бесплодная, пустая, вечно неизменная? Насколько лучше считать, что мы творим себя сами! Медленно, с трудом, исходя из того, что заложено в наших генах, и упорно формируя себя под влиянием всего, что мы видим, слышим и пытаемся

понять. Вот что происходит на самом деле, вот как мы функционируем, учимся и развиваемся. Вот как возникает интеллект. А я просто пытаюсь выяснить, как идет этот процесс, и воплотить его в машине. Что в этом плохого?

— Все! Ты отвергаешь Бога, ты отвергаешь Святого Духа и само существование души! Ты умрешь и будешь вечно гореть в преисподней...

— Нет, Долли. Вот тут религия уже переходит в чистое суеверие. Мне очень больно знать, что ты в это веришь, тревожишься за меня и страдаешь. Мне жаль, что это так. Долли, я не хочу говорить с тобой о религии. В таком споре никто не может одержать верх. Но ты же разумная женщина, ты знаешь, что мир изменяется, что изменяются даже религии. Не забудь, что ты разведена. А если бы нынешний папа не заявил, что регулирование рождаемости не грешно, ты не могла бы его преподавать...

— Это другое дело.

— Нет, не другое. Ты говоришь, что искусственный интеллект противоестественен, но это не так. Развитие интеллекта — часть процесса эволюции. Когда мы узнаем, как работает сознание, не будет ничего грешного или плохого в том, чтобы построить машины, которые будут моделировать его работу. Папа был одним из первых в этой области, и я горжусь тем, что продолжаю его дело. Сегодня машины могут думать, воспринимать, даже понимать. Скоро они смогут думать еще лучше, испытывать эмоции...

— Это близко к кощунству, Брайан.

— Да, с твоей точки зрения — возможно. Прости меня. Но это правда. А если подумать, то станет ясно, что эмоции должны были появиться раньше, чем мозг и интеллект. Амеба, одно из самых простых животных на свете, отдергивает свою ложноножку, когда натывается на что-то, причиняющее ей боль. Боль вызывает страх, а страх позволяет выжить. Ты же не можешь отрицать, что животные — например собаки — испытывают эмоции.

— Но они же не машины!

— У тебя получается замкнутый круг, Долли. Это бессмысленно. Вот построю первый искусственный интеллект — и увидим, будет он испытывать эмоции или нет.

— Надеюсь, тебе понравятся кексы, — сказала она вдарут, вставая. — А мне пора идти.

— Долли, посиди еще, пожалуйста.

— Нет. Я вижу, тебя не остановить.

— Дело не только во мне. У **идей** своя жизнь. Если эту головоломку не решу я, это сделает кто-то другой.

Она ничего не ответила, даже когда он сменил тему и сделал слабую попытку заговорить о всяких пустяках.

— Я должна с тобой попрощаться, Брайан. И в следующий раз мы увидимся нескоро. Мне уже много раз звонили из дома, из клиники. Они пошли навстречу и сразу дали мне отпуск, но у них не хватает людей.

— Я благодарен тебе за помощь.

— Не за что, — ответила она холодно.

— Можно будет тебе звонить?

— Если захочешь. Мой телефон у тебя есть.

Облака закрыли солнце, и на балконе стало прохладно. Брайан медленно вернулся в палату — креслом на колесах он уже не пользовался — и зажег свет. Сняв вязаную шапочку, он провел рукой по щетине, которая начала отрастать у него на голове, потом подошел к зеркалу. Шрамы на черепе были все еще хорошо видны, хотя и стали бледнее. Еще немного — и волосы их скроют. Он взял было свою **больничную** шапочку, но потом отшвырнул ее в сторону. Этим госпиталем он был уже сыт по горло. Беникоф как-то привез ему в подарок бейсболку, на козырьке которой большими буквами восхвалялось Сан-Диего; он надел ее и одобрительно кивнул своему изображению в зеркале. Бедная Долли, нелегкая у нее была жизнь. Ну, и у него тоже не легче! По крайней мере, ей никто не простреливал голову.

Часы у него на руке зажужжали, и крохотный голосок произнес:

— Четыре часа. Вас ждет доктор Снэрсбрук. Четыре часа. Вас ждет...

— Заткнись! — сказал он, и голосок умолк.

Когда Брайан вошел, Эрин Снэрсбрук посмотрела на него и улыбнулась:

— Бейсболка тебе очень к лицу. Куда лучше того больничного колпака. Ну как, готов поработать? Сегодня я хочу попробовать кое-что новенькое.

— А что? — Брайан снял бейсболку, уселся в хирургическое кресло и почувствовал, как металлические щупальца паучками пробежали по его затылку.

— Если ты не против, я бы отложила работу с памятью на следующий раз, а сейчас проверила бы, нельзя ли еще лучше использовать твою способность общаться со своим вживленным процессором.

— Конечно. Мне все не приходило в голову спросить — а что это за процессор?

— Параллельный процессор СМ-9, который состоит из 128 миллионов простых, но быстродействующих компьютеров. Он потребляет очень маленькую мощность и почти не разогревается при работе — чуть выше температуры тела. Энергии он почти не требует — меньше, чем соответствующее число клеток мозга. И у него огромная память. Кроме шестнадцати ГБП по 64 миллиарда байт там помещается еще С-ГБП на четыре миллиарда слов.

— С-ГБП? Это что-то новое, я про такое не слышал.

— Да, это новинка. Устройство памяти избирательного доступа. Их создали для работы с базами данных — они там очень удобны, потому что способны почти мгновенно отыскивать записи, соответствующие входному сигналу С-ГБП автоматически, параллельно сравнивает всю поступающую в него информацию с данными, которые хранятся в его памяти. Как раз такие устройства и хранят информацию о входах и выходах твоих восстанавливаемых нервных связей.

— И все это втиснули мне в голову? Но какой бы малой ни была мощность процессора, он все-таки должен потреблять сколько-то энергии. Только не говори, что скоро придется снова вскрывать мне череп, чтобы поменять батарейки!

— Ну нет. Для электронных имплантатов, как и для сердечных пейсмейкеров, больше не нужны ненадежные источники тока, которые приходится подзаряжать извне. Все это уже в прошлом. Теперь они питаются от метаболических элементов, которые работают на содержащемся в крови сахаре.

— Сладкие батарейки? Надо же, до чего дошла техника! Так что вы намерены сейчас делать?

— Запустить тест-программу. Это займет примерно десять минут. А тебя прошу обратить внимание на то, чувствуешь ли ты свой процессор, общаешься ли с ним, слышишь ли его — не знаю, как это назвать. Помнишь, как ты почувствовал процессор, когда он восстанавли-

вал твои воспоминания? Я хочу знать, можешь ли ты снова его почувствовать, когда захочешь.

— Давайте попробуем.

Через несколько минут Брайан громко зевнул.

— Что-нибудь чувствовал? — спросила Эрин.

— Абсолютно ничего. А он вообще работает?

— Прекрасно работает. Я только что снова запустила тест-программу.

— Не расстраивайтесь, доктор. У нас еще много времени. А почему бы нам не вернуться к тому сеансу, когда я с ним общался, и посмотреть, не сможем ли мы восстановить те условия?

— Хорошая мысль, завтра же попробуем.

— А правда, что через неделю мне можно будет выбраться отсюда на волю?

— В смысле твоего состояния — да, если только ты не будешь слишком напрягаться. Никаких лестниц, никакой быстрой ходьбы — чтобы нагрузки были не больше, чем сейчас здесь. Со временем можно будет их увеличить. Это то, что касается твоего состояния; другое дело — обеспечение твоей безопасности, тут надо спросить Бена.

Удастся ли разыскать в мексиканском банке данных сведения о его работе над искусственным интеллектом? От этого зависело очень многое.

Глава 17

20 ноября 2023 года

— Наконец-то! Привел к тебе самую главную новость! — радостно сказал Беникоф, распахнув дверь на балкон. Брайан закрыл «Введение в прикладную эксклюорную геометрию», которую читал, и поднял глаза. В первый момент он не узнал человека, который вошел вслед за Беном. Темный костюм-тройка, модный галстук, начищенные до блеска черные туфли...

— Майор Майк Слоун!

— Он самый. Необходимый маскарад: эти важные адвокаты из «Мегалоуб» презрительно косятся на военную форму нашей доблестной армии, но с почтительным уважением смотрят на этот остаток моего бывшего гражданского наряда. Мы их уломали. — Он открыл дорогой кожаный кейс ручной работы и вынул толстую пачку бумаг. — Вот он. Я твердо убежден, что это как раз такой контракт, какой вам нужен.

— Это точно?

— Да, потому что я его проверил, — сказал Беникоф. — Не сам, конечно, — посылал в Вашингтон. Там есть такие юристы, которым ничего не стоит съесть «Мегалоуб» на завтрак. Они заверили меня, что тут комар носа не подточит. Ты получаешь те условия, каких хотел, и еще больше денег, чем мы надеялись. И за вычетом расходов, отчислений в исследовательский

фонд и всех обычных платежей имеешь почти половину прибыли. Ну как, готов прокатиться через границу?

— Вполне. После того, как все это прочту.

— Желаю успеха. Это не так просто.

Майк помог ему продрааться через самые невразумительные и туманные пункты, объясняя их смысл. Когда два часа спустя юрист собрался уходить, контракт был подписан, зарегистрирован и должным образом введен в банк юридических данных, а дань традиции — экземпляр на бумаге положен на хранение в госпитальный сейф.

— Ну, доволен? — спросил Беникоф, глядя, как старшина запирает сейф. Брайан взглянул на расписку и кивнул.

— Он куда лучше, чем тот, первый контракт.

— И он означает, что ты имеешь работу — как только сможешь работать. Ты обратил внимание на тот пункт, где говорится, что, если тебе не удастся снова заполучить резервные копии твоих записей, которые, как мы надеемся, хранятся в Тихуане, компания оставляет за собой право взять или не взять тебя на работу? А если они решат взять тебя без этих записей, то могут уволить, когда им вздумается, и ты получаешь шиш?

— Майк объяснил мне это во всех подробностях, пока вы говорили по телефону. По-моему, это справедливо. Так что давайте поглядим, что там в этих мексиканских файлах. Вы, наверное, уже подумали, как мне это сделать?

— Не только я — еще и военно-морская разведка, армия и ФБР. А также таможенное управление и акцизное ведомство. Разработан план, который все одобрили. Простой, но, я надеюсь, надежный.

— Рассказывайте.

— Пойдем в твою комнату, там поговорим.

— Скажите хотя бы, когда все это должно произойти.

Бен приложил палец к губам и поманил его к выходу. Только когда за ними закрылась дверь палаты, он ответил.

— Завтра утром, в восемь — у моряков здесь, в Коронадо, это самое занятое время. Доктор Снэрсбрук одобрила все наши приготовления.

— Значит, меня выпустят на волю? А как?

— Утром увидишь, — ответил Беникоф со злорадным наслаждением в голосе. — Пока все подробности

знают только несколько человек. Надо обойтись без всяких накладок и утечек. Самый лучший план — уже вообще не план, как только кто-то о нем проболтается.

— Ну ладно, Бен, хоть намекните!

— Хорошо. Вот твои инструкции: в семь часов позавтракать и после этого оставаться в постели.

— Ничего себе инструкции!

— Терпение, терпение Увидимся утром.

День тянулся для Брайана бесконечно, а заставив себя улечься спать, он долго не мог заснуть. Ему не давала покоя одна мысль. До сих пор он строил свои планы на том, что его резервные записи находятся в Тихуане. А если нет? Как он сможет восстановить свои разработки по искусственному интеллекту без них? Потребуется ли это новых сеансов с доктором Снэрсбрук и ее машиной, чтобы попытаться восстановить его воспоминания о своем прошлом-будущем, чего ему так не хотелось? Часы показывали полночь, когда он вызвал сестру и попросил дать чего-нибудь, чтобы заснуть. К завтрашнему дню нужно было как следует набраться сил.

В восемь часов на следующее утро он уже сидел в постели, просматривая утренние новости, но ничего не видя. Ровно в назначенный час послышался энергичный стук в дверь, и два матроса вкатили каталку. За ними шла старшая сестра отделения и еще два рослых человека. Можно было подумать, что это врачи, только почему-то оба, войдя, неподвижно встали у двери, поправляя на себе белые халаты. Лица их показались Брайану странно знакомыми. «Или мне мерещится, или у них что-то спрятано под мышкой, — подумал он. — Хотя теперь, может быть, это делается как-то иначе?»

— Доброе утро, Брайан, — сказала сестра, выкладывая на столик у его кровати моток бинтов. — Сядь, пожалуйста, это займет совсем немного времени.

Она быстро и сноровисто обмотала бинтами всю его голову, оставив только маленькое отверстие для дыхания и узкие щели против глаз. Отрезав конец бинта, она закрепила его пластиковыми кнопками.

— Тебе помочь лечь на носилки? — спросила она.

— Обойдусь.

Он забрался на каталку, и его, укрыв до самой шеи одеялами, покатали по коридору. Всякий, кто мог его видеть, принял бы его за обычного больного, каких

множество в этом огромном госпитале. В просторной кабине лифта с ними ехали какие-то люди, которые старательно смотрели в сторону. Кто бы все это ни придумал, задумано было неплохо.

На улице ждала санитарная машина, в которую уложили Брайана. Он не мог выглянуть наружу, но по медленной езде и частым остановкам догадался, что они едут по улицам с оживленным движением. Когда задние дверцы машины наконец распахнулись, он увидел перед собой авианосец «Нимитц», и спустя какое-то мгновение его уже перенесли на борт. Не успели его внести в офицерскую кают-компанию, как послышались приглушенные команды, отдаленный свисток, и корабль отошел от причала. Матросы, по-прежнему не говоря ни слова, вышли, и вместо них вошел Беникоф. Он закрыл и запер за собой дверь.

— Теперь давай снимем эту штуку, которую тебе накрутили на голову, — сказал он.

— Этот авианосец вызвали специально для меня? — спросил Брайан из-под бинтов.

— Ну, не совсем. — Беникоф бросил бинты в корзину для мусора. — Он все равно сегодня должен был уйти в плавание. Но ты должен признать, что это отличное прикрытие.

— Еще бы! А теперь вы можете мне сказать, что будет дальше?

— Ага. Только сначала слезь с этой тележки и оденься. Мы направляемся на запад, в открытое море, и остаемся на курсе, пока земля не скроется из виду. Потом поворачиваем на юг. Пройдем западнее островов Мадрес — это маленькие необитаемые островки чуть южнее мексиканской границы. Еще одно судно вышло туда вчера вечером, как стемнело, и будет нас ждать.

Брайан натянул брюки и спортивную рубашку. Он никогда раньше их не надевал, но они оказались ему впору. Туфли-мокасины были разношены и как раз по ноге.

— Это мои?

Беникоф кивнул:

— Мы захватили их в последний раз, когда обыскивали твой дом. Как ты себя чувствуешь?

— Немного волнуюсь, но в общем прекрасно.

— Доктор Снэрсбрук велела мне заставить тебя лежать или хотя бы сидеть, когда тебе не нужно будет

ничего делать — как сейчас, например. Но сначала я хочу, чтобы ты примерил вот этот парик и усики ему в тон.

Парик пришелся так же впору, как и одежда. Еще бы, как же им после всех операций не знать в точности размеры и форму его головы? Обратная сторона висячих усов была покрыта каким-то клеем; глядя в зеркало, он приклеил их на место.

— Привет, дружище, — сказал он своему отражению. — По-моему, я похож на какого-то злодея из вестерна.

— Во всяком случае, на себя ты не похож, а это как раз то, что требуется. Садись, как тебе велено.

— Ладно, сяду. А сколько времени мы будем плавать?

— После того как выйдем из гавани и окажемся в открытом море — меньше часа.

Послышался тихий стук в дверь. Беникоф поднял голову:

— Кто там?

— Это Дермод. И Рей со мной.

Беникоф отпер дверь и выпустил обоих врачей из госпиталя, — на этот раз они были в клетчатых брюках и спортивных куртках и выглядели заправскими туристами.

— Брайан, познакомься. Этот здоровенный верзила — Дермод, а этот, еще больше, — Рей.

— Я так и подумал, что вы не врачи, — сказал Брайан. Он пожал им руки, убедившись при этом, что массивные тела обоих состоят из сплошных мускулов.

— Рады сопровождать вас, — сказал Дермод. — Когда мы отправлялись из Вашингтона, босс просил пожелать вам успеха и скорейшего выздоровления.

— Босс? — переспросил Брайан и тут же догадался: — А Бен случайно не на него же работает?

Дермод улыбнулся:

— А на кого же еще?

Неудивительно, что они показались Брайану знакомыми: он видел их в теленовостях, во время парада. Это были те самые крупные, крепкие мужчины, которые всегда шагают рядом с президентом и глядят куда угодно, только не на него. Обязательно крупные, потому что должны заслонять его от пуль и осколков. Их присутствие здесь лучше любых слов свидетельствова-

ло о том, какое значение придается безопасности Брайана.

— Ну, если так, поблагодарите его от моего имени, — сказал Брайан немного растерянно. — Не подумайте, что я этого не ценю.

— А что тебе доктор велел? — рявкнул Бен, и Брайан уселся в глубокий шезлонг.

— Вы не знаете, сколько времени мы пробудем в Мексике? — спросил Рей. — Нам не сообщили никаких подробностей. Только инструкции насчет госпиталя, переезда на этот корабль и потом на другое судно. И что на берегу нас будут встречать. Я почему спрашиваю — нас ждет самолет, чтобы сегодня вечером доставить обратно в Туманную Дыру*. Завтра рано утром мы вылетаем в Вену.

— Я бы сказал, что операция должна занять самое большее два часа. Возвращаться обратно мы будем, конечно, другой дорогой. В Вену? Наверное, на конференцию по лечению и предупреждению СПИДа?

— Да, и давно пора этим заняться. В лечении уже есть успехи, но даже несмотря на новую вакцину в мире еще остается больше ста миллионов больных. Только на то, чтобы болезнь не распространялась, уходит столько денег, что богатые страны вынуждены помогать бедным — хотя бы из шкурных соображений.

Брайан вдруг почувствовал, что глаза у него закрываются: ночью он спал плохо, несмотря на таблетки. Очнулся он от того, что Беникоф слегка потряс его за плечо.

— Пора отправляться, — сказал он.

Дермод шел впереди, Рей сзади. Они вышли на палубу. Море было тихое, ярко светило солнце. Авианосец едва заметно двигался вперед. Брайан осторожно спустился по трапу вслед за Дермодом. Ожидавшее их судно оказалось десятиметровым морским катером, по бортам которого торчали вертикально вверх удочки. Как только Брайану помогли перебраться на борт, а остальные прыгнули за ним, двигатель, чихнув, заревел, и они, оставив «Нимитц» позади, стали описывать

* Туманной Дырой (Foggy Bottom) американцы в шутку называют Вашингтон

широкую дугу вокруг острова. На горизонте появился мексиканский берег. Катер обошел две рыбацкие лодки и направился к пристани. Брайан почувствовал, что ладони у него стали мокрыми.

— А что дальше?

— Нас будут ждать два патрульных автомобиля без опознавательных знаков. На них будут мексиканские агенты в штатском, о которых я тебе говорил. Мы направляемся прямо в «Телебасико», там нас ждут.

Бен полез в карман и передал Брайану две черные пластиковые коробочки, размером и весом напоминавшие коробки с комплектом домино. Брайан осмотрел их со всех сторон и заметил, что в дне у них устроены разъемы.

— Устройства памяти, — сказал Бен. — Это те самые ГБП, о которых я говорил.

Брайан с сомнением взглянул на них.

— В тех файлах может быть много записей, они, наверное, копились годами. Хватит ли здесь объема памяти, чтобы все поместилось?

— Надеюсь. Думаю, тебе даже не понадобятся оба — второй мы взяли на всякий случай. В каждом помещается по тысяче мегабайт. Должно хватить.

— Еще бы!

На берегу их ожидали два длинных черных автомобиля с такими темными стеклами, что внутри почти ничего не было видно. У двоих агентов-мексиканцев в штатском, которые стояли около машин, были настоящие усы, еще более внушительные, чем фальшивые у Брайана.

— Тот, что впереди, — Даниэль Сальдана, — сказал Бен. — Мы с ним как-то уже работали вместе. Хороший парень. *Buenos días, caballeros. Todos son buenos?**

— Можешь не волноваться, Бен. Все идет как по маслу. Рад тебя видеть.

— Я тоже. Готовы прокатиться с нами?

— Вполне. Нам приказано отвезти тебя и твоих друзей в одну здешнюю контору, а потом целыми и невредимыми доставить на границу. С удовольствием отвезу вас.

* Здравствуйте, господа. Все хорошо? (исп.)

Он открыл дверцу первого автомобиля. Рей шагнул вперед.

— Ничего, если мы вдвоем сядем сзади? — спросил он.

— Пожалуйста, если хотите.

Бен с другим агентом сел во вторую машину. Сидя на заднем сиденье между огромными телохранителями, Брайан чувствовал себя как начинка в бутерброде. Оба не отрываясь смотрели наружу. Дермод, сидевший слева от Брайана, расстегнул пиджак и держал правую руку под ним. Когда машину качнуло на повороте, пиджак распахнулся, и Брайан успел увидеть что-то кожаное и металлическое. Значит, ему не померещилось — они действительно прятали кое-что под мышкой.

Очень скоро они оказались в промышленном районе города, застроенном обычными теперь приземистыми заводскими корпусами без окон. Машины свернули на территорию одного из заводов и остановились у разгрузочной эстакады. Детективы, видимо, уже бывавшие здесь, провели всех через огромный зал в маленькое помещение, обшитое деревянными панелями. Там сидели два человека, перед ними стоял компьютерный терминал. Рей остался снаружи, а остальные с трудом втиснулись в комнатку и закрыли за собой дверь.

— Кто из вас владелец счета? — спросил один из техников, держа в руках стопку бумаг.

— Я.

— Насколько я понимаю, вы, мистер Дилени, забыли ваш личный номер и пароль?

— Можно сказать, что да.

— Такое иногда случается, но вы должны понять, что мы вынуждены принимать все меры предосторожности.

— Конечно.

— Хорошо. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь. И здесь. Это ваше обязательство не предъявлять нам никаких претензий, если вы не сможете получить доступ к вашей базе данных. И еще вы гарантируете нам, что вы — это вы. Теперь осталась последняя проверка. Дайте, пожалуйста, вашу руку.

Он взял какой-то электронный прибор размером с портативный приемник и дотронулся им до тыльной стороны руки Брайана.

— Придется немного подождать, — сказал он, подключив прибор к какой-то большой машине в другом углу комнаты.

— А что это? — спросил Брайан.

— Портативный ДНК-анализатор, — ответил Беникоф. — Только недавно поступил в продажу. На липкой поверхности прибора осталось несколько твоих эпидермальных клеток — тех, что постоянно слущиваются. Теперь он сравнивает твой ГКГ с записанным в машине.

— А что такое ГКГ? Никогда не слышал.

— Главный комплекс гистосовместимости. Это так называемые самораспознающие антигены, они у всех людей совершенно разные. Лучше всего то, что они находятся на поверхности кожи, так что не приходится извлекать ДНК из клеточного ядра.

— Будьте добры, подойдите сюда, мистер Дилени. Можете воспользоваться этим терминалом. Вы привезли с собой какое-нибудь устройство памяти? А, вижу, прекрасно. Все полностью совпадает, сомнений в вашей личности у нас нет. Мы запросили охранную систему и узнали ваш личный номер и пароль.

Оператор подключил ГБП. Брайан уселся перед экраном, повернутым так, что видеть его мог только он. Ему передали листок бумаги.

— Это ваш личный номер. Когда введете его, машина запросит пароль. Вот он.

«ПАДРИК. КОЛАМБА», — прочел Брайан. Два самых почитаемых в Ирландии святых. Неудивительно, что он не мог угадать такой пароль.

— Введя это, вы получите доступ к своей базе. Убедитесь, что она действительно ваша, и нажмите клавишу F12 — все будет перегружено в память. Контроль при загрузке автоматический. Хотите установить новый пароль или закрыть эту базу?

— Закрыть.

— С вас причитается..

— Я уплачу, — сказал Беникоф, вынимая пачку банкнот. — Только мне нужна будет расписка.

Брайан набрал свой личный номер, потом пароль, быстро пролистал файл, откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул.

— Что-то не так? — с тревогой спросил Беникоф. — Это не то, что мы ожидали? Не то, что нам нужно?

Брайан поднял глаза и улыбнулся.

— Попали в самую точку! — сказал он и ткнул пальцем в клавишу F12.

Глава 18

21 ноября 2023 года

Дермод впереди всех пересек зал, но, дойдя до выхода, остановился.

— Мистер Сальдана, можно задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Вы приказали следовать за нами каким-нибудь другим машинам, чтобы прикрыть нас сзади?

— Нет. Я решил, что в этом нет необходимости. — Мексиканец нахмурился. — А почему вы спрашиваете? Вы видели сзади машину?

— По-моему, некоторое время за нами шла одна, но свернула, когда мы пересекли улицу Индепенденсия.

— Ее могла сменить другая машина?

— Это всегда возможно.

Теперь уже никто не улыбался. Брайан обвел глазами их напряженные лица. Сам он держал руки в карманах, крепко сжимая в каждой из них по ГБП.

— Что-нибудь неладно? — спросил он.

— Как будто ничего. По крайней мере мы на это надеемся, — ответил Даниэль и быстро отдал своему спутнику какую-то команду по-испански. Тот боком протиснулся в дверь и закрыл ее за собой.

— Вы хотите позвать на помощь? — спросил Бен. Даниэль отрицательно мотнул головой.

— Здешняя полиция привыкла иметь дело только с туристами. Я могу вызвать подготовленных людей, но они придут не очень скоро. Если там кто-то есть, а мы будем ждать подкреплений, — они могут ждать того же. Мы должны доставить вас на границу в Сан-Исидро, верно?

— Такой был план.

— Тогда предлагаю сделать это, и поскорее. Ваш безмяннй друг пусть едет с вами во второй машине, а поведете ее вы. Мы с моим помощником поедem впереди. Что вы на это скажете?

— Поехали, — сказал Дермод. — Только вторую машину поведу я: Тихуану я хорошо знаю. Если что-то случится, останавливаться и ждать вас не будем.

Даниэль улыбнулся во весь рот:

— Конечно, ведь мы с вами профессионалы.

Наружная дверь чуть приоткрылась. Брайан испуганно заморгал, заметив, что у всех троих в руках появились внушительного размера пистолеты. И направлены они были на дверь. Снаружи кто-то торопливо прошептал несколько слов по-испански, и Даниэль сунул пистолет за пояс.

— *Venga** И расскажи нам по-английски, что ты видел.

— На улице никого в обоих направлениях.

— Выходим быстро, — сказал Даниэль. — Там, может быть, что-нибудь есть, а может быть, и нет. Рисковать не будем — действуем так, как будто что-то есть. Всю дорогу держитесь в тридцати метрах за мной. Не ближе и не дальше. Все стекла пуленепробиваемые. Если надо будет стрелять, опустите их. Пошли.

Теперь слева от Брайана сидел Бен. Как только дверцы захлопнулись, Рей вынул свой револьвер с толстым стволом и положил его на колени. Дермод завел мотор, подал назад и развернулся к выезду, оставаясь позади первой машины. Та рванулась вперед, они промчались по дорожке и вылетели на улицу.

Брайан смотрел на переднюю машину, когда ее внезапно бросило в сторону, и на заднем стекле ее появились какие-то белые точки.

* Иди сюда (исп.)

— Ложись! — крикнул Рей, больно схватив Брайана за плечо и швырнув его на пол. Их машину тоже бросило в сторону, завизжали шины, и они, набирая скорость, свернули за угол. Дважды раздался какой-то треск, и что-то ударилось в сиденье позади него. Тут же загрохотали выстрелы — кто-то палил наружу через окно, опустив стекло. Машина круто повернула в другую сторону, и Дермод крикнул через плечо:

— Там сзади никого не задело?

Рей быстро оглядел остальных.

— У нас все в порядке. Что там с другой машиной?

— Врезалась в фонарный столб. Ты в кого-нибудь попал?

— Кажется, нет. Мне надо было только, чтобы он не особенно поднимал голову. Там кто-то высунулся из окна. Стрелял из винтовки. С большой выходной скоростью — из такой винтовки прострелить это стекло ничего не стоит.

Он показал на заднее стекло машины, в котором появилось аккуратное, словно просверленное, отверстие. Брайан в ужасе смотрел, как Рей сунул палец в дыру, зиявшую в сиденье. Как раз там, где только что сидел он.

На бешеной скорости они еще раз повернули за угол и помчались по бульвару.

— Хвостов не видно? — крикнул Дермод.

— Нет. Наверное, у них только-только хватило времени, чтобы устроить эту засаду. Весь расчет был на нее. И они не так уж сильно просчитались.

— Тогда немедленно меняем маршрут, — сказал Дермод, резко затормозив, свернув в переулок и продолжая словно наугад петлять по улицам тихого пригорода.

— Простите, что толкнул вас, Брайан, — сами видите.

Рей снова сунул револьвер в кобуру и помог Брайану сесть.

— Значит, была утечка, — спокойно, но зло сказал Беникоф. — Нас ждали и ехали за нами от самой пристани.

— Должно быть, так, — согласился Рей. — Сколько людей знает о плане нашего возвращения?

— Я сам. Вы двое. И два человека из ФБР, которые будут встречать нас на границе.

— Думаю, должно обойтись. Долго еще, Дермод?

— Пять минут. Не думаю, чтобы Сальдана удалось выкрутиться. В нас стреляли не меньше чем двое.

— Я видел только одного.

— Один — в пассажира на заднем сиденье, другой — в водителя. У меня тут тоже есть симпатичная маленькая дырочка. И он попал бы, если бы я не крутанул руль, когда увидел, что переднюю машину накрыли. Хороший человек был этот Даниэль Сальдана.

К этому нечего было добавить. Остаток пути они проехали молча. Наверное, была объявлена тревога, потому что, подъезжая к границе, они миновали полицейского на мотоцикле, который сделал им знак проезжать, а потом что-то сказал в микрофон.

Несколькими кварталами дальше к ним пристроился эскорт на мотоциклах, который, мигая фарами и гудя сиренами, расчистил им путь через скопление машин у пограничного переезда. За зданием таможни находилась автостоянка с открытыми воротами. Со всех сторон ее окружали глухие стены.

— Ждите здесь, — сказал Рей. Он и Дермод быстро вышли из машины, держа револьверы наготове и внимательно глядя во все стороны.

— Теперь можете пройти через стоянку, а мы пойдем сразу за вами.

И они встали позади, своими телами защищая Брайана от возможной опасности.

— Вот и наш транспорт, — сказал Беникоф. На стоянке был только один автомобиль — бронированный грузовой фургон. Когда они приблизились, задние дверцы распахнулись, и вышел охранник в форме.

— А теперь постарайтесь выбраться отсюда невредимыми, — сказал Дермод.

— Но вы собирались ехать с нами, — возразил Беникоф.

— Мы вам больше не нужны. Нужно обо всем доложить президенту. Пожалуйста, позвоните в нашу контору и расскажите, что случилось. Скажите им, пусть сообщат пилоту, что мы будем там не позже шести.

— Будет сделано.

Не дожидаясь благодарности, оба телохранителя сели в машину и исчезли из виду так быстро, что никто не

успел произнести ни слова. Оставшиеся повернулись и подошли к фургону.

— Добрый день, джентльмены, — сказал охранник. — Устраивайтесь.

Он не заметил пулевых отверстий в стеклах и не догадывался, что произошло несколько минут назад. Беникоф хотел было рассказать ему, но тут же сообразил, что это ни к чему.

— Рады вас видеть, — сказал он. — Мы бы хотели поскорее отсюда выбраться.

— Уже едем.

Они сели в кузов, охранник закрыл за ними дверцы и уселся в кабине рядом с водителем.

— Чуть не вляпались, — сказал Брайан.

— Да уж, — мрачно отозвался Беникоф. — Наверное, утечка произошла на базе, ни о чем другом я и подумать не могу. Пусть теперь ФБР этим как следует займется. Ты уж извини, Брайан, что так получилось. Это я виноват.

— Ни в чем вы не виноваты. Вы сделали все, что могли. Мне очень жаль этого вашего знакомого.

— Он делал свое дело. Очень хороший человек. А мы сделали то, за чем приезжали сюда. Ты нашел, что мы искали? Эти ГБП — там действительно копии твоих работ?

Брайан медленно кивнул — у него перед глазами все еще стояли картины происшедшего.

— Да, я почти уверен. Я их пролистал — похоже, что это то самое. Совершенно точно сказать не могу — слишком мало времени у меня было.

Бен вытащил телефонный аппарат.

— Можно я позвоню? Ты не представляешь себе, сколько народу сейчас сидит и от нетерпения грызет ногти в ожидании новостей. — Он набрал номер и дождался, пока в трубке не запищал сигнал, означавший, что его соединили. Тогда он произнес: «Статуя Свободы», — и положил трубку.

— Это означает, что нам все удалось?

Бен кивнул.

— А что бы вы сказали, если бы мы не нашли записей?

— «Могила Гранта». Сейчас компьютер набирает одновременно семнадцать номеров, чтобы передать сообщение об успехе. Ты сегодня доставишь радость

очень многим людям. Не могу сказать, чтобы я был уверен в удаче, — но очень надеялся.

Он полез рукой под сиденье и вытащил какой-то сверток.

— Поэтому я велел погрузить вот это — просто на всякий случай.

В свертке оказался черный пластиковый ящичек размером с большой бумажник. Бен нажал на защелку, крышка поднялась, и на ее внутренней стороне белым светом загорелся экран, освещающая клавиатуру под ним.

— Компьютер! — восхищенно выговорил Брайан. — И вы хотите сказать, что эта маленькая штучка способна справиться со всеми моими заметками, чертежами, расчетами и графиками?

— Да. И даже с голографией. Пятнадцать лет назад никто и подумать не мог, сколько всего может вместить такое устройство. В нем есть еще приемопередатчик для сетевой телефонной связи и система спутниковой навигации, так что всегда можно узнать, где оно находится. Вся поверхность корпуса — мощный фотоэлемент для подзарядки. И... смотри.

Беникоф потянул за какую-то ручку, и она с визгом выдвинулась наружу на тонком шнуре.

— Можно заряжать его и вручную вот этим встроенным генератором. Оно сделает все, что ты захочешь. А прежде чем мы двинулись в путь, я позаботился о том, чтобы отключить его от сетевой связи — никто, даже сам генерал Шоркт, не может проследить, где ты находишься, или увидеть, что ты делаешь. Не хочешь подключить сюда один из твоих ГБП и посмотреть, что там есть?

Брайан без труда получил доступ к записям и через некоторое время поднял глаза на Бена.

— Никаких сомнений. Самые ранние записи я узнал — я их хорошо помню. Это материалы по языку «лама», над которым я работал с отцом. Потом идет какая-то более поздняя разработка, она кажется мне знакомой, но толком вспомнить ее не могу. А все, что дальше, — я убежден, что никогда этого не видел. Вот последняя запись, она сделана несколько месяцев назад. Это перед самым налетом на лабораторию.

— Фантастика! На большее мы и надеяться не могли. Теперь вперед. Доктор Снэрсбрук велела после этой экскурсии сразу же уложить тебя в постель. Она

сказала, что ты, наверное, ничего не будешь иметь против. Я тоже так думаю — особенно если при тебе останется этот компьютер. Кроме того, я хочу, чтобы ты был под надежной охраной в таком месте, где мне не придется за тебя беспокоиться. А я тем временем переверну вверх дном всю службу безопасности.

— Да, не хотел бы я еще раз пережить этот день. Мне и в самом деле не терпится добраться до госпиталя. Немного тишины и спокойствия, и чтобы можно было не спеша прочесть эти записи.

— Годится. А я дам команду начать расследование утечки, встречусь с руководством «Мегалоуб», а потом вернусь к тебе, и мы решим, что делать дальше.

Фургон замедлил ход и съехал с шоссе N5 в Импириел-Бич. Миновав город, они увидели, что у въезда на мост их поджидают машины береговой охраны. Сопровождаемые ими, они, набирая скорость, промчались через центр Коронадо, где при их приближении все красные сигналы светофора сменялись зелеными, и въехали в открытые ворота базы. Только войдя в свою палату, Брайан почувствовал, как ужасно он устал, и повалился на постель.

Вошла доктор Снэрсбрук.

— Ну конечно — переутомился, но что тут поделаешь? — Она приложила к запястью Брайана телеметрический прибор, взглянула на циферблаты и кивнула. — Ладно, ничего страшного. Подкрепись немного и отдохай. Нет, — сказала она, увидев, что Брайан потянулся к компьютеру. — Сначала в постель. И поешь что-нибудь. А потом будем думать о работе.

Съев шоколадный пудинг, Брайан как будто чуть задремал, а потом вдруг проснулся и увидел, что уже почти стемнело. Столик около кровати был пуст, и его на мгновение охватил страх, но потом он почувствовал, что под подушкой лежит что-то твердое, и вытащил оттуда компьютер и ГПБ. Если он и спал, то, перед тем как заснуть, припрятал их в безопасное место. Открылась дверь, и заглянула сестра.

— Я так и думала, что вы не спите. Во сне пульс так не подскакивает. Вам что-нибудь нужно?

— Нет, мне и так хорошо. Хотя подождите — не могли бы вы приподнять мне изголовье?

Брайан читал свои заметки, пока не принесли обед. Он съел его, не обратив внимания на то, что ел, и едва

заметил, когда убрали поднос. А потом вздрогнул, когда вошла ночная сестра и сообщила ему, который час.

— Категорический приказ доктора Снэрсбрук — гасить свет в одиннадцать. И никаких отговорок.

Он не возражал, потому что вдруг почувствовал, как устал. Наверно, не стоило прятать компьютер под подушкой, но это помогло ему снять напряжение.

Когда наутро он проснулся, в палате уже сидел Беникоф. Вид у него был мрачный.

— Есть какие-нибудь новости про тот обстрел? — спросил Брайан.

— Есть. Плохие. Оба детектива убиты. И ни следа убийц.

— Мне очень жаль, Бен. Я знаю, что один из детективов был ваш друг.

— Он делал свое дело. Теперь — за работу. Для меня новости есть? — спросил он с деланным спокойствием, хотя видно было, что он весь напряжен, как сжатая пружина.

— Есть — и хорошие, и плохие. Только не надо так бледнеть, Бен! Наверное, если уж заполучить сердечный приступ, то больница — самое лучшее место для этого, но все-таки постарайтесь обойтись. Я просмотрел записи — правда, с пятого на десятое, но самое главное не пропустил.

— Тогда пожалей мое сердце и давай сначала хорошие новости.

— Имея то, что там есть, я на девяносто девять процентов уверен, что смогу спроектировать искусственный интеллект, который будет работать. Мне кажется, именно это вы хотели услышать.

— Совершенно верно. А теперь плохие.

— То, что есть в этой памяти, — не планы и не чертежи. Это отдельные обрывки, которые были более или менее разработаны, и подробные записи вопросов и недоумений. Но по большей части это только отдельные шаги на пути к искусственному интеллекту, а не сам путь.

— Но ты сможешь его построить?

— Убежден, что смогу. Зная, что каждая из этих проблем была решена, и имея наброски возможных решений, я сумею удержаться на правильном пути. Все тупики здесь тщательно обозначены. Я смогу его построить, Бен, я уверен. А что дальше?

— Мы поговорим с доктором Снэрсбрук и узнаем, когда состояние твоего здоровья позволит окончательно выписать тебя из госпиталя.

— Ну и что? Наш довольно-таки печальный опыт свидетельствует о том, что за мной все еще гоняются какие-то злодеи.

Беникоф встал и принялся шагать по комнате.

— Теперь мы точно знаем, что они тебя все еще подстерегают. Они знают, что после двух предыдущих покушений ты уцелел — иначе они не стали бы делать новых попыток. Мы живем в свободном обществе, где трудно хранить тайны. Если они всерьез возьмутся за дело, они тебя разыщут, где бы ты ни прятался. Значит, мы должны позаботиться о том, чтобы где бы ты ни был, где бы ни работал, до тебя было как можно труднее добраться. Можешь мне поверить, мы немало поломали над этим голову.

— И решили выстроить мне лабораторию в Форт-Ноксе*, среди золотых слитков?

— Не смейся — этот вариант тоже обсуждался. До того как все это случилось, ты был просто рядовым научным сотрудником. Я проверил по архивам «Мегалоуб» — представь себе, твоя работа с коммерческой точки зрения не вызывала почти никакого интереса. Но теперь все переменялось. Тот факт, что некое лицо, или некие лица, потратили столько сил, чтобы наложить лапу на твое изобретение, привлек к нему внимание всех правительственных ведомств. Каждый рвется в этом участвовать, и все срочно разрабатывают программы использования у себя искусственного интеллекта. Что очень радует «Мегалоуб», да и тебя должно радовать. Теперь к твоим услугам любые ассигнования — только бери. Ну и бери!

— С удовольствием. Только взять-то я возьму, а что дальше?

Беникоф с хитрой улыбкой потер руки:

— Обещай, что не будешь смеяться, когда я тебе скажу. Как только позволит здоровье, ты вернешься в свою прежнюю лабораторию в «Мегалоуб» — в Око-тильо-Уэллс.

* Город в штате Кентукки, где хранится золотой запас США.

— Но, по-моему, после всего, что там случилось, это самое неподходящее место!

— Да нет, если только как следует запереть все двери. Система безопасности там была первоклассная, кроме одной мелочи.

— *Quis custodiet ipsos custodes?**

— Вот именно. Кто будет следить за охраной? Один или несколько охранников изменили своему долгу. Налет и похищение были хорошо спланированы изнутри. Этого больше не случится. У нас новая охрана, из профессионалов.

— Откуда же?

— Из армии Соединенных Штатов, вот откуда. Армии принадлежит шестая часть «Мегалоуб», и то, что случилось, ей очень не понравилось. Морская пехота тоже вызвалась принять участие. Они считают, что причастны к делу после того, как столько времени тебя здесь охраняли. Поговаривали даже о том, чтобы армия и морская пехота дежурили по очереди, по месяцу каждая, — у кого будет лучше получаться, — но от этого, конечно, скоро отказались. Сейчас там на месте автостоянок уже строят казармы. Автостоянки больше не понадобятся: допуск транспорта туда впредь будет строго ограничен. Я думаю, на этот раз тебе удастся довести работу до конца.

— Мне это не очень нравится. Постоянная опасность мешает сосредоточиться. Но ничего лучшего я придумать не могу. Вы, наверное, все еще разыскиваете преступников?

— После вчерашнего это снова задача номер один.

Брайан немного подумал, потом полез под подушку и вынул второй ГПБ.

— Вот, лучше держите это у себя. Там копии всех моих записок. На всякий случай.

— Нам они не понадобятся. — Бен постарался, чтобы его слова прозвучали как можно увереннее, но это не очень ему удалось. — Впрочем, разве что на всякий случай.

* Кто устережет самих сторожей? (лат., из Ювенала).

Глава 19

28 января 2024 года

— Сегодня займемся базой знаний, — сказала доктор Снэрсбрук, проверяя машину-коррелятор, соединенную с мозгом Брайана. — Предлагаю начать с последнего издания «Британской энциклопедии». Девятнадцатое издание — это просто прелесть. Почти все иллюстрации движущиеся, а набор переведен в гипертекст.

— Это для меня слишком поверхностно. Мне нужны подробности. — Он вызвал на экран каталог баз данных и ткнул в него пальцем. — Вот что я имею в виду. Технические справочники. Мне нужно все, что есть в этом списке, от материаловедения до геологии и астрофизики. Только факты. Если, конечно, у моего имплантата хватит памяти.

— Хватит с избытком. Загружай те, с которыми ты хочешь работать.

На это потребовалось немало времени, и Брайан чуть не заснул в удобном кресле. Он вздрогнул и открыл глаза, услышав голос доктора Снэрсбрук:

— На сегодня — более чем достаточно.

— Как прикажете. А можно посмотреть, как получилось?

— Запустить тест-программу? А почему нет? Подожди минутку, сейчас я загружу в мою машину какую-

нибудь книгу, а потом наберу наугад номер страницы. Тут все больше медицина...

— «Медицинский словарь Дорленда», сорок пятое издание.

— Верно. Ты когда-нибудь слышал о парендомицетах?

— Это род дрожжеподобных грибов, некоторые из них выделены из различных опухолей человека.

— А о кикекунемало?

— Это легко. Смола такая, вроде копала.

— Прекрасно, Брайан. Все, что мы загрузили, сидит там. И ты можешь пользоваться этим по своему желанию.

— Так, словно это настоящая память.

— А для тебя это и есть настоящая память. Только хранится она в иной форме. Извини, но сейчас нам надо кончать. У меня назначена деловая встреча.

Вернувшись к себе, Брайан прослушал пленку автосекретаря и обнаружил, что ему звонил Беникоф. Он сразу же набрал его номер.

— Вы мне звонили...

— У тебя есть свободная минута?

— Конечно. Хотите подняться ко мне?

— Предпочел бы висячие сады на десятом этаже.

— Отлично. Иду туда.

Брайан пришел первым и сидел, попивая пльзенское пиво, когда появился Бен и тяжело рухнул в кресло.

— У вас совсем замотанный вид, — сказал Брайан. — Хотите?

— Спасибо, в другой раз. Теперь новости. Ты будешь рад услышать, что казармы на территории «Мега-лоуб» уже заняла рота Восемьдесят второй авиадесантной дивизии. Командир роты, майор Вуд, — боевой ветеран, и он очень не любит, когда стреляют в ученых. Он не хочет, чтобы ты переезжал туда, пока он не наладит систему безопасности и не проведет несколько проверок. После этого следующий ход — твой. И доктора Снэрсбрук, конечно.

— Все, что я просил, заказано?

— Заказано и уже доставлено в лабораторию. Что подводит нас к следующему вопросу. О твоём помощнике.

— У меня никогда не было помощника.

— В этом отважном новом мире будет. Это намного облегчит тебе работу.

Брайан допил пиво, поставил стакан на стол и внимательно вгляделся в непроницаемое лицо Бена.

— Я знаю это ваше выражение лица. Оно означает, что вы не все мне говорите, и я должен догадаться сам. Что ж, могу. Меня уже три раза пытались убить. Не исключено, что четвертой попытки я не переживу. Поэтому желательно, чтобы хотя бы еще один человек знал, как идут дела с искусственным интеллектом.

— Ты угадал правильно. Самое трудное здесь — найти того, кто сможет с этим справиться и кому при этом можно доверять. Промышленному шпионажу сейчас обучают чуть ли не во всех университетах — это важная и быстрорастущая отрасль. Ты уже, к несчастью, убедился, что такая вещь, как искусственный интеллект, — очень лакомый кусок. У меня был небольшой список, который я еще сократил до того, что там осталось всего двое. Утром я вылетаю на встречу с очень многообещающим кандидатом — аспирантом из Массачусеттского технологического института. Но я ничего не могу сказать, пока с ним не увижусь. Так что сейчас пока займемся другим кандидатом. Как ты относишься к военным?

— Если не считать нашего друга генерала, в общем никак. Конечно, военно-морской флот и морская пехота в этом деле хорошо поработали. И армия в «Мегалоуб» от них, наверное, не отстанет. А почему вы спрашиваете?

— Потому что есть некто капитан Кан из военной авиации, ответственный сотрудник отдела экспертных программ Военно-воздушной академии в Боулдере, штат Колорадо. Родители родом из Йемена, иммигранты. Занимается программами автоматического управления в авиации. Тебя это интересует?

— А почему бы и нет? Свяжитесь с Боулдером и...

Бен покачал головой:

— Это лишнее. Надеюсь на твое согласие, я велел доставить капитана сюда.

— Ну, тащите его к нам, и будем надеяться.

Бен улыбнулся и позвонил. Гость был, видимо, где-то поблизости, потому что через секунду появился морской пехотинец.

— К вам посетитель, сэр.

Бен встал. Брайан обернулся, увидел почему и тоже встал.

— Капитан Кан, познакомьтесь — Брайан Дилени.

— Рада с вами познакомиться, сэр, — сказала она. Рука у нее была прохладная и сильная. Быстро пожав ему руку, она сразу опустила ее, по-прежнему стоя навывтяжку. Это была привлекательная женщина крепкого сложения с темными волосами и смуглой кожей. И с очень серьезным видом. Она молча стояла вытянувшись, и лицо у нее было такое же застывшее, как и у Брайана. Беникоф почувствовал, что свидание складывается не лучшим образом.

— Прошу садиться, капитан, — сказал он, подвигая ей стул. — Принести вам что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

— А я выпью пива. Ты тоже, Брайан?

Брайан только отрицательно мотнул головой и уселся в свое кресло.

— Ну что ж, капитан... У вас, должно быть, есть какое-нибудь имя?

— Шелли, сэр. По крайней мере, так меня называют. На иврите мое имя Шуламит, но это трудно выговорить.

— Хорошо. Спасибо, Шелли, что приехали. Боюсь, что я не мог многое вам сказать об этой работе, — секретность не позволяет. Но теперь, раз уж вы здесь, я не сомневаюсь, что Брайан куда лучше все объяснит сам. Как, Брайан?

А на Брайана нахлынули воспоминания. Беникоф должен был предупредить его, что капитан — женщина. Хотя ничего плохого в этом нет. Или есть? Слишком свежа в его памяти была история с Ким. Но только в части его памяти. Для взрослого Брайана эта грустная история осталась далеко позади, стала одним из эпизодов прошлого, о котором лучше забыть. Тут он понял, что молчание затягивается и что оба смотрят на него.

— Простите. Я отвлекся, это со мной бывает. Пожалуй, я выпью с тобой пива, Бен.

Пока Бен заказывал пиво, Брайан попытался привести в порядок свои мысли и чувства. Капитан — совсем не Ким, которая к этому времени, вероятно, растолстела, постарела, вышла замуж и родила пятерых детей. Надо о ней забыть. При этой мысли он улыбнулся

и сделал глубокий вдох. Начать жизнь заново, забыть о прошлом. Он повернулся к Шелли.

— Я не знаю, с чего начать. Пожалуй, с того, что мне может понадобиться помощь в одной разработке, за которую я скоро возьмусь. Вы мне не расскажете о своей работе? Чем вы сейчас занимаетесь?

— В подробностях рассказать не могу, потому что все, над чем я работаю, засекречено. Но программа в целом открыта, и о ней рассказать нетрудно. Она была предпринята потому, что у современных военных самолетов слишком велика скорость — скорость реакции пилота уже недостаточна, и к тому же приборы стали слишком сложными. Если бы пилоту приходилось самому следить за всеми электронными системами, у него совсем не осталось бы времени управлять самолетом. Чтобы помочь пилоту, постоянно разрабатываются и совершенствуются экспертные системы, которые берут на себя как можно больше его функций. Это очень интересная работа.

Голос у нее был низкий, с едва заметной хрипотцой. Говорила она уверенно, сидя прямо на краешке стула и держа руки на коленях. Если кто и испытывал смущение, то не она, а Брайан. Своего будущего помощника он представлял себе несколько иначе.

— А вы когда-нибудь занимались искусственным интеллектом? — спросил он.

— В общем нет. Если не считать частью такой работы разработку экспертных систем. Но я слежу за тем, что делается в этой области, потому что кое-что из этого я могу использовать у себя.

— Это даже к лучшему. Я предпочитаю вас учить, а не переучивать. Вам говорили, в чем будет состоять работа?

— Нет. Я знаю только, что это что-то важное и имеет отношение к искусственному интеллекту. Мистер Беникоф говорил еще, что здесь замешан промышленный шпионаж. Он стремился в первую очередь дать мне понять, с чем я могу здесь столкнуться в смысле собственной безопасности. Он дал мне прочесть копию своего доклада о том нераскрытом преступлении. И еще сказал, что с тех пор на вас было совершено еще несколько покушений и что, если я буду работать здесь, это связано с некоторым риском. Он хотел убедиться,

что я отдаю себе в этом отчет, прежде чем вообще предложил мне эту работу.

— Я рад, что он это сделал. Потому что есть большая вероятность, что вам будет грозить физическая опасность.

На ее лице, до сих пор хранившем строгое выражение, впервые появилась улыбка.

— Офицер военно-воздушных сил должен быть в любой момент готов к бою. Когда я родилась, Израиль все еще представлял собой вооруженный лагерь. Мои отец и мать воевали, как и все остальные. Когда мне было шесть лет, наша семья эмигрировала в Америку, так что мне повезло — я выросла в мирной стране. Но мне хотелось бы думать, что их мужество и стойкость отчасти передались и мне.

— Наверняка передались, — сказал Брайан, улыбнувшись в ответ. Шелли начинала ему нравиться, и ее уверенность в себе тоже. Но он еще не решил, хочет ли вообще работать с женщиной, как бы высока ни была ее квалификация. Ему по-прежнему мешали воспоминания о Ким. Но если Шелли годится на то, чтобы разрабатывать экспертные системы для авиации, вполне возможно, что от нее будет толк. А то, что она никогда не занималась искусственным интеллектом, говорило только в ее пользу. У некоторых ученых рано или поздно появляются шоры на глазах: они считают, что их подход к проблеме — единственно возможный, даже если доказано, что он неверен. Придется просто постараться забыть о том, что она женщина. Он повернулся к Бену:

— Могу я кое-что рассказать Шелли о том, что делаю? Она имеет право знать, о чем идет речь, прежде чем примет решение.

— Капитан имеет допуск к совершенно секретным материалам, — сказал Бен. — Ответственность я беру на себя. Можешь рассказать ей все, что считаешь нужным.

— Ну, хорошо. Шелли, я занимаюсь разработкой искусственного интеллекта. Но не такой программы, какие называют искусственным интеллектом сейчас. Это будет действительно полноценный, эффективный, самостоятельный и работоспособный искусственный разум.

— Но как вы сможете создать машину, обладающую разумом, если не знаете в точности, что такое разум?

— Построив такую машину, которая удовлетворит критерию Тьюринга. Вы, конечно, знаете, что это такое. Одного человека сажают за один терминал, другого за другой, и они общаются между собой. Можно задавать бесконечное множество вопросов и получать на них ответы, пока человек за одним терминалом не убедится, что за другим тоже сидит человек. И вы должны знать, что в истории искусственного интеллекта известно множество программ, которые не прошли этого испытания.

— Но это же просто фокус, чтобы убедить кого-то, что машина наделена индивидуальностью. Он все равно не дает определения разума.

— Верно, но как раз это и имел в виду Тьюринг. Нет никакой необходимости в таком определении, оно нам вообще не нужно. Нельзя дать определения предмету, определять можно только слова. Мы считаем, что человек разумен, если видим, что он способен хорошо решать задачи, или обучаться новым навыкам, или делать то, что делают другие люди. В конце концов, единственный критерий, по которому мы считаем других людей разумными, — это то, что они ведут себя, как разумные люди.

— Но разве не может нечто обладать интеллектом и в то же время думать совершенно не так, как человек? Например, дельфин или слон?

— Конечно — и можете называть их разумными, если хотите. Но для меня слово «разум» — это просто способ обозначать все те вещи, которые я хотел бы уметь делать лучше и которые, как я надеюсь, сможет делать наш будущий искусственный интеллект. Трудность в другом — я пока еще не знаю, что это должны быть за вещи. А смысл тех двух терминалов всего лишь в том, что не имеет значения, как выглядит это нечто, лишь бы оно отвечало на все вопросы, которые ему задают, и отвечало так, чтобы его ответы нельзя было отличить от ответов человека. Простите за длинную лекцию и за то, что я рассказываю вам вещи, которые вы уже знаете. Но я хочу создать искусственный интеллект, который пройдет это испытание. И я задаю вам вопрос — согласны ли вы помочь?

Впервые за все время разговора на лице Шелли появились признаки волнения, и она стала больше похожа на женщину, чем на офицера. Она слушала Брай-

ана с широко раскрытыми глазами, подперев подбородок рукой и недоверчиво качая головой.

— Я понимаю, что вы говорите, хотя все это звучит абсолютно невероятно и в то же время страшно интересно. Вы хотите сказать, что создаете машину, которую я сочла бы разумной?

— Именно так, — решительно сказал Бен. — Могу вас заверить, что настоящий искусственный интеллект уже однажды был разработан и что он будет построен.

— Если так, я хочу в этом участвовать! Это настолько важно и значительно, что никаких сомнений у меня быть не может. — Она нахмурилась. — А много у вас еще кандидатов на это место?

— Завтра я встречаюсь еще с одним, — сказал Бен. — На этом список кончается.

— Конечно, я готова немного потерпеть. Но если вы позволите мне помочь, я могла бы кое-что сделать прямо сейчас.

— Наша лаборатория будет готова только через некоторое время, — сказал Брайан.

— Нет, я о другом. О той истории со службой безопасности. — Она повернулась к Бену. — Этот доклад о похищении, который вы мне показывали, — там есть все подробности?

— Я выбросил из него только упоминания об искусственном интеллекте. А все остальное там есть.

— Это неважно, я говорю о расследовании. Вы знаете, кто им руководит?

— Конечно, знаю. Я сам. И могу гарантировать — все, что касается меня, в докладе есть.

— А после налета и ранения Брайана на него было еще два покушения?

— Верно.

— Тогда мне кажется, что прежде всего надо раскрыть это преступление.

Беникоф не знал, рассмеяться ему или обидеться.

— Вы понимаете, что этим расследованием руководжу я? Что вот уже несколько месяцев я ничем другим не занимаюсь?

— Прошу вас, сэр, поймите меня правильно! Я не ставлю под сомнение ваши усилия — я просто предлагаю свою помощь.

— И в чем она будет состоять?

— Я могу написать экспертную программу, у которой была бы единственная задача — раскрыть это преступление.

Беникоф снова уселся в кресло и некоторое время сидел в молчании, задумчиво потирая подбородок, потом с довольным видом кивнул:

— Примите мою благодарность, капитан. Я оказался полным тупицей. Больше это не повторится. Как скоро вас могут перевести сюда?

— Я работаю с группой. Там хорошие специалисты, я думаю, они смогут продолжать без меня. Я могла бы прибыть сюда через день-два. Сначала надо будет кое-что записать о том, над чем я сейчас работаю, чтобы передать им. Потом они смогут, если надо, со мной связываться, так что я готова перевестись сюда почти сразу же. К концу этой недели, если хотите. Там тоже важная работа, но это куда важнее. Если вы не возражаете, я сделаю вам такую экспертную программу. И буду готова работать над искусственным интеллектом. Вы согласны?

— Вполне. Я приведу в порядок все материалы, чтобы вы могли сразу же их получить. И устрою себе головомойку за то, что не подумал об этом сам. Такое расследование — по большей части тупая, нудная сортировка фактов и прослеживание бесконечных нитей. Это работа для компьютера, а не для человека.

— Совершенно с вами согласна. Я вернусь, как только смогу. И еще раз спасибо, что вызвали меня.

Она встала. Мужчины тоже встали, обменялись с ней рукопожатиями и проводили ее глазами — как и морской пехотинец, дежуривший у дверей.

— Она на сто процентов права насчет программы для раскрытия преступления в «Мегалоуб», — сказал Брайан. — Если мы сумеем вернуть мой первый искусственный интеллект, мне станет намного проще.

— Тебе станет намного проще, если ты останешься в живых. Я хочу раскрыть это преступление, чтобы положить конец покушениям.

— Ну, если вы так ставите вопрос, я тоже не возражаю.

Глава 20

15 февраля 2024 года

Беникоф взглянул на часы:

— Сначала — хорошая новость. С сегодняшнего дня ты выписан из госпиталя. Доктор Снэрсбрук говорит, что ты теперь как новенький. Готов к переезду?

— Как только скажете — лишь бы дождаться, — сказал Брайан, запирая чемодан и ставя его на пол рядом со своим компьютером. — Как вам нравится этот чемодан? Совсем как кожа, только это переплетенные волокна тефлара и нитрида бора. Не рвется, не стирается и служит вечно. Подарок от доктора Снэрсбрук.

Бен вздохнул:

— Знаю. Она презрительно скривилась, когда узнала, что я принес тебе сюда одежду в пластиковом пакете. И что ты готов был забрать ее отсюда в том же пакете. — Он еще раз взглянул на часы. — У нас есть еще немного времени. Вот это была хорошая новость.

— А плохая?

— Про твоего помощника. С этим аспирантом из МИТа ничего не вышло. По квалификации он вполне подходит, только женат, имеет троих детей и не желает уезжать из Бостона.

Брайан, нахмурившись, потер подбородок.

— Значит из этого следует, что место достается капитану?

— По документам она ничуть не хуже. Если только ты хочешь ее взять и считаешь, что она подойдет Решать тебе. Если захочешь, я поищу еще каких-нибудь кандидатов.

— Не знаю, Бен. Наверное, я просто глупо себя веду. Если бы капитан, то есть Шелли, была мужчиной, я бы и секунды не колебался. Это какое-то внутреннее чувство, ничего больше.

Бен молчал, предоставив Брайану принять решение самому. Тот прошелся по комнате и снова сел в кресло

— По-вашему, она годится?

— Лучше не надо.

— Вы думаете, это у меня сексуальное предубеждение?

— Я этого не сказал. Решать по-прежнему тебе.

— Тогда пусть остается. Как у нее дела с той детективной экспертной программой?

— Очень хорошо. Хочешь, чтобы она тебе рассказала?

— Конечно, как только дело пойдет. И это даст мне возможность присмотреться, как она работает.

Бен снова поглядел на часы:

— Пора. Я позвоню вниз и сообщу, что мы готовы. И я хочу познакомить тебя с человеком, который будет отвечать за твою безопасность. Его фамилия Вуд. Очень опытен, очень надежен. Я это не просто так говорю, вполне может случиться, что от него будет зависеть твоя жизнь. Я думаю, — нет, знаю, что он лучше всех.

Постучавшись, вошел майор Вуд, рослый человек с фигурой боксера — тонкой талией и широкими плечами. На черной с коричневатым отливом коже его правой щеки выделялся выпуклый шрам — он доходил до рта, приподнимая его уголок в постоянной застывшей полуулыбке.

— Брайан, это майор Вуд, который теперь отвечает за безопасность в «Мегалоуб».

— Рад с вами познакомиться, Брайан. Если хотите называть меня по имени, то приятели зовут меня Вуди. Но не при подчиненных. Мы намерены как следует о вас заботиться. Лучше, чем те, в прошлый раз. — Ноздри его чуть раздулись. — Единственное хорошее, что было в прежней службе безопасности «Мегалоуб», —

это то, что мы можем учиться на их ошибках. На их главной ошибке.

— Ну-ка, интересно, что вы скажете, — вставил Беникоф. — Я ведь все еще занимаюсь этим расследованием.

— Служба безопасности — это люди, а не машины. Любую машину, которую может построить один человек, может обмануть другой. Конечно, я собираюсь использовать всю технику, которая поставлена там, и еще добавлю кое-что от себя. Машины и колючая проволока никогда не мешают. Но стеречь вас, Брайан, и всех остальных будут мои люди. Они и есть служба безопасности.

— Я уже чувствую себя лучше, — отозвался Брайан искренне.

— И продолжай в том же духе, — сказала, входя, доктор Снэрсбрук. — Тебе предстоит тяжелый день, что бы ты там ни думал. Максимум пять часов — потом в постель. Понял?

— И ни капли больше?

— Нет. — Ее повелительный тон смягчила улыбка. — Даю тебе несколько дней на то, чтобы освоиться с работой. За это время я перевезу свое оборудование в лазарет «Мегалоуб». Сюда, в госпиталь, тебе ездить не понадобится, мы будем проводить сеансы с машиной там. Посмотрим, сможем ли мы обеспечить тебе доступ ко всей той технической памяти, что тебе нужна. Ну ладно, береги себя.

— Буду беречь, не беспокойтесь, доктор.

— Вы готовы? — спросил майор Вуд, когда она вышла.

— Жду ваших приказаний.

— Вот так и надо. Делайте, что я говорю, и мы доставим вас туда в целости и сохранности. И дальше все у нас будет в порядке. Сержант!

Не успела прозвучать его громкая команда, как вошел солдат с двумя короткоствольными автоматами зловещего вида и передал один из них майору. Беникоф подхватил чемодан и компьютер Брайана, и они вышли.

На этот раз путешествие было не столь эффектным, как флотская операция по доставке Брайана в госпиталь, но все действовало деловито и профессионально. Брайан с Беном шли по коридору, окруженные отрядом солдат; другие солдаты шли впереди и сзади. Офицер-

ская автостоянка была очищена от всех машин, невзирая на возмущенные протесты кое-кого из важных персон, и посередине ее стоял большой транспортный вертолет с вращающимся винтом. Как только они погрузились, он поднялся в воздух в окружении скоростных штурмовых вертолетов. Они набрали высоту, пересекли залив и миновали улицы и дома Сан-Диего. Некоторое время они летели вдоль шоссе, ведущего на запад, потом свернули и поднялись еще выше, чтобы перевалить через горы. Стоял прекрасный солнечный день, видимость казалась неограниченной.

Вырвавшись наконец из госпиталя, Брайан чувствовал необыкновенный подъем и уверенность в себе. Ему очень понравился пейзаж — сначала скалистые, голые горы, потом выцветшая пустыня. Они пролетели над Боррего-Спрингс с его отелями и полями для гольфа и углубились в пустыню. Внизу поползли бесплодные, иссеченные оврагами каменистые россыпи, потом впереди показалась зелень. Огороженный участок, занятый низкими зданиями и газонами, становился все больше. Вертолет пошел на снижение и мягко приземлился на посадочной площадке. Штурмовые вертолеты описали над ними последний круг и умчались прочь. Солдат открыл люк.

Вылезая из вертолета, Брайан не чувствовал ни страха, ни сомнений. Едва ли он когда-нибудь вспомнит то, что с ним тут произошло. Брайан был уверен, что этого больше не случится, и больше всего хотел одного — взяться за работу.

— Хотите осмотреть свое помещение? — спросил майор. Брайан отрицательно покачал головой.

— Потом, если можно. Сначала лабораторию.

— Молодчина. Ваши вещи будут у вас в комнате. Я проведу вас сегодня по территории, чтобы люди вас видели.

— Пропуска не понадобится?

— Другим понадобится, и не один. А вам — нет. Вся система охраны задумана так, чтобы отвечать одной-единственной цели — обеспечить вашу безопасность. Надеюсь, что вы познакомитесь с моими людьми, это отличная команда. Но сейчас важнее, чтобы они познакомились с вами. Если вы подождете здесь минутку, я сейчас вернусь, и мы отправимся.

Он быстро пошел в сторону стоящих поодаль зданий.

— Это лабораторный корпус, — показал Бен. — Вон тот, с металлизированными стеклами. Вход в твою лабораторию с другой стороны, через специальную пристройку.

— Здорово! Знаете, у меня руки чешутся сесть за компьютер помощнее, чтобы почистить как следует те новые системы, о которых говорится в моих заметках. Я уже написал кое-какие первоначальные программы на этом портативном, но он просто не годится для решения таких задач. Мне нужно куда большее быстрое действие, чем у этой старой модели. И гораздо больше памяти. Я пользуюсь огромными базами знаний, которые должны храниться в памяти. Без памяти не будет знаний. А без знаний не будет интеллекта — уж я-то это знаю!

— Ты хочешь сказать, что интеллект — это всего-навсего память? — спросил Бен. — Что-то не верится.

— Ну, вроде того, только без «всего-навсего». Насколько я понимаю, для мышления нужны две вещи, и обе основаны на памяти. Неважно, человек это или машина. Во-первых, нужны процессы переработки информации — программы, которые делают всю работу. А кроме того, нужен материал, с которым эти программы будут работать, — знания, записи или опыт. И то и другое — и сами программы, и знания, которыми они пользуются, — должны храниться в памяти.

— С этим я спорить не стану, — сказал Беникоф. — Но наверняка нужно что-то еще кроме чистой механики. Нужно «я», которое остается, даже когда я не пользуюсь памятью.

— А зачем мне «я», если оно на самом деле ничего не делает?

— Потому что без этого получится просто компьютер. Он будет работать, но не будет чувствовать. Будет говорить, не понимая по-настоящему сказанного. Не может быть, чтобы мышление было простой переработкой воспоминаний. Что-то должно возбуждать желания и намерения, и потом должно быть нечто, способное оценить то, что получилось, и пожелать чего-нибудь еще. Ну, что-то вроде духа, который сидит у меня в голове, понимает подлинный смысл всех вещей, осознает сам себя и знает, что он может сделать.

«Не одна Долли у нас суеверна», — подумал Брайан.

— Какой там еще дух! Я не верю, что нам нужно что-нибудь в этом роде. Машина не нуждается ни в каких магических силах, чтобы делать то, что она делает. Потому что каждое ее состояние — достаточная причина, чтобы перейти в следующее состояние. Если бы у вас в голове сидел этот ваш дух, он только путался бы под ногами. Сознание — это то, что производит мозг, и все. Главная трудность состоит в том, что даже при нынешнем уровне техники мы не можем создать точной копии мозга.

— Почему? Я думал, это как раз то, что ты собираешься сделать.

— Тогда вы ошиблись. Нам нужны не точные копии, а детали с аналогичными функциями.

— Но если ты не воспроизведешь все детали, он не будет думать точно так же, верно?

— Не совсем так же, но какое это имеет значение, если он будет делать все, что надо? Моя задача — всего лишь отыскать общие принципы, общие основы функционирования. Как только машина будет способна учиться тому, что нужно, она восполнит все детали сама.

— Звучит устрашающе. Я согласен, только я тебе не завижуду.

Вернулся майор и повел их к корпусу. Когда они подошли к двери, дежурный охранник вытянулся в струнку, но вместо того чтобы, как положено, уставиться прямо перед собой, он повернулся к ним и внимательно посмотрел на Брайана, запоминая его внешность.

— Я проведу вас внутрь. Но сначала... — сказал майор Вуд, протягивая Брайану металлический браслет. — Прошу вас надеть вот это и носить постоянно. Он не боится воды и не ломается. Надеюсь, вы не будете возражать, но после того как я его защелкну, его придется распиливать, чтобы снять. Он не отпирается.

Брайан повертел в руках браслет и увидел, что на нем выгравировано его имя.

— А для чего он нужен?

— Для одной очень важной вещи. Нажмите на него один раз, и вы свяжетесь со мной — в любое время дня или ночи. А если нажатие продлится больше секунды, будет объявлена тревога, и тогда тут такое начнется!.. Согласны?

— Согласен. Защелкивайте.

Вуди надел браслет на запястье Брайана и соединил его концы. Браслет замкнулся с металлическим щелчком.

— Попробуйте, — сказал майор, отойдя в сторону. — Не стесняйтесь. Вот так. — Из его переговорного устройства послышался отрывистый писк, он нажал на выключатель. — Прекрасно. Теперь я покажу вам вашу новую лабораторию. Надеюсь, что вы не страдаете клаустрофобией?

— Как будто бы нет, а что?

— Я видел лабораторию, где вы работали раньше. Это какой-то ужас — она была совсем не защищена, туда можно было попасть самыми разными способами. Теперь у вас другая, совсем новая. Только один вход. Полностью автономное электроснабжение, кондиционированный воздух и все такое. И большей частью под землей. Вот сюда, в эту дверь, на которую вы смотрите. Большая часть оборудования уже установлена.

— Тут нам повезло, — сказал Бен. — Мы разыскали русского ученого из тех, кто приезжает сюда по обмену, — он никогда еще никуда не выезжал из России, и даже из Сибири. Он и думать не думал работать здесь, пока мы ему не предложили. Ни с какой организацией, которая занималась бы промышленным шпионажем, он связан быть не может, это исключено.

— Сейчас я его позову, — сказал майор. — Подождите секунду.

Он открыл дверь, которая была не заперта, вошел в здание и через секунду вышел в сопровождении высокого молодого человека с окладистой светлой бородой.

— Это Евгений Белоненко, он все здесь устанавливал. Евгений, это Брайан Дилени, ваш начальник.

— Очень рад, — сказал тот с сильным русским акцентом. — Прекрасные у вас тут машины. Самые лучшие. Могу я считать, что вы готовы приступить к работе?

— В общем да.

— Хорошо. Я поставил здесь ДНК-анализатор. Удивительная машина! Никогда таких не видел, но из документации все ясно. Сначала подготовим ее к введению метки...

Евгений откинул металлическую панель в стене, прикрывавшую небольшой пульт управления, и повернул несколько рукояток. Потом он закрыл дверь в лабораторию и показал на углубление в панели, окруженное черной полоской.

— Будьте добры, мистер Брайан Дилени, дотроньтесь до этого места кончиком пальца. Прекрасно.

Зеленая лампочка на пульте замигала и погасла, сменившись красной.

— Заперто! — объявил Евгений, закрывая панель, и толкнул дверь — она не поддавалась. — Теперь только вы можете ее открыть, потому что там закодирована ваша ДНК. То же самое с этой панелью — только вы можете открыть ее, чтобы ввести новый код ДНК.

Он прижал палец к углублению, лампочка замигала, но осталась красной. А когда до панели дотронулся Брайан, загорелся зеленый свет, и замок, щелкнув, отперся. Брайан открыл дверь, и все последовали за ним.

Евгений с большим увлечением демонстрировал оборудование, которое сам устанавливал, и новейшие компьютеры. Брайан осмотрел все, но большая часть машин была ему незнакома. Значит, первым делом нужно будет в них разобраться.

Из огромного окна открывался красивый вид на пустыню.

— А мне говорили, что лаборатория под землей, — сказал Брайан, указывая на мелькнувшую за окном птицу.

— Так оно и есть, — ответил Бен. — Это телеэкран высокого разрешения на шестнадцать тысяч строк. А камера установлена на стене снаружи. Экран стоял в кабинете председателя правления компании, но я решил, что здесь от него будет больше пользы.

— Большое спасибо.

— Ну, оставляю вас тут, — сказал майор Вуд. — Брайан, выпустите меня отсюда, пожалуйста. Вы ведь единственный, кто может отпереть эту дверь изнутри. Может быть, это и неудобно, но зато необходимо для безопасности.

— Ничего страшного. И спасибо за все, что вы сделали.

— Это моя работа. Вам здесь ничто не угрожает

— Хорошо. Тогда я, пожалуй, сразу возьмусь за работу по своим старым наброскам. То есть не своим, а тем, над которыми работал тот, прежний Брайан.

Многие заметки в базе данных представляли собой обрывки кода на программном языке, который был ему незнаком. Вероятно, этот язык изобрел для своих нужд тот, прежний Брайан. Он подошел к компьютеру, вынул из кармана ГБП и подключил его. Загорелся экран, и компьютер произнес звонким контральто:

— Доброе утро. Вы будете работать на этой машине?

— Да. Меня зовут Брайан. Возьмите тоном ниже.

— Так годится? — спросила машина сочным баритоном.

— Да. Так и говорите впредь. — Он повернулся к Евгению. — Выглядит неплохо.

— Еще бы. Последняя модель. В России стоит миллионы, только ее там не достанешь. Мне будет что порассказать ребятам в Томске, когда вернусь. Если я вам не нужен, у меня есть еще кое-какие дела.

— Нет, я обойдусь. Если будут вопросы, крикну

— А у меня уже есть вопрос, — сказал Бен, глядя на часы. — Я вижу, прошло уже больше четырех часов с тех пор, как мы отправились сюда. А это значит, что твое время вышло.

— Что вы хотите сказать?

— Распоряжение доктора Снэрсбрук — пора кончать на сегодня и ложиться. И ни капли больше, сказала она, — хотя я не вижу, почему бы тебе не взять с собой в постель портативный компьютер.

Брайан знал, что спорить бесполезно. Он окинул лабораторию последним долгим взглядом, подошел к двери и отпер ее. Снаружи их ждал майор Вуд.

— Как раз шел за вами, — сказал он. — Мне звонила доктор Снэрсбрук и сказала, что если вы еще не у себя, вас нужно доставить туда немедленно.

— Идем, идем, — отозвался Брайан, поднимая руки в знак того, что сдается. — От докторов никуда не спрячешься.

— Так оно и есть, — подтвердил Бен. — Увидимся завтра.

Брайан не удивился, обнаружив, что его поселили в казарме вместе с солдатами.

— В самом центре здания, — сказал Вуди. — Кругом одна солдатня, не считая охранников. Вот сюда.

Квартира была небольшая, но уютная: гостиная, спальня, кухня и ванная. Его компьютер стоял на письменном столе, чемодан был распакован.

— Когда захотите обедать, позвоните — вам принесут. Сегодня на обед рубленые котлеты, — добавил майор, закрывая за собой дверь.

Глава 21

16 февраля 2024 года

Брайану долго не спалось. Волнения, связанные с переездом, непривычная кровать, разнообразные события дня — все это вместе не давало ему заснуть. В полночь он решил, что хватит ворочаться — надо что-то предпринять. Он откинул одеяло и встал. Датчики, установленные в комнате, отреагировали на это, сверились с часами и включили ночник, который давал ровно столько света, чтобы он мог пройти по комнате, ни на что не наткнувшись. Аптечка в ванной обошлась с ним не столь бережно: она была устроена так, чтобы никакое лекарство нельзя было принять в темноте, и когда он открыл дверцу, его ослепил яркий свет. «Если не можете заснуть, примите две таблетки и запейте стаканом воды» — было напечатано на этикетке. Брайан сделал, как сказано, и вернулся в постель.

Как только он заснул, начались сновидения. Мешанина событий. Что-то про школу. На мгновение появилась Пэдди. Техасское солнце над Мексиканским заливом. Слепящий солнечный свет. Солнце, которое восходит утром и заходит вечером. Как красиво, как неправильно. Всего лишь иллюзия. Солнце стоит на месте. Это Земля вертится вокруг него, и вертится, и вертится без конца.

Тьма и звезды. И луна. Луна плывет, вращаясь вокруг Земли. Восходит и заходит, как Солнце. Но не так, как Солнце. Луна, Солнце, Земля. Иногда все три оказываются на одной линии, и тогда случается затмение. Луна заслоняет Солнце.

Брайан никогда не видел полного затмения. Его отец видел и рассказывал ему. Затмение: Ла-Пас, Мексика, 1991 год. 11 июля днем наступила тьма, Луна заслонила Солнце.

Брайан заворочался, нахмутив лоб в темноте. Он никогда не видел затмения. А увидит когда-нибудь? Случится ли когда-нибудь затмение здесь, в пустыне Анца-Боррего?

Чтобы ответить, нужно решить простое уравнение. Всего лишь элементарное приложение законов Ньютона. Ускорение обратно пропорционально квадрату расстояния.

Каждый объект испытывает притяжение двух других.

Солнце, Земля, Луна. Простое дифференциальное уравнение.

Всего восемнадцать переменных.

Надо определить координаты.

Расстояния.

Как далеко от Земли до Солнца?

«Справочник по астронавтике». У него перед глазами поплыли в темноте светящиеся цифры.

Минимальное расстояние от Земли до Солнца.

Оси и углы наклона орбит Земли и Луны...

Точные элементы орбит — перигелий, скорости, эксцентриситет.

Цифры выстроились по местам — и тут это случилось.

Дифференциальное уравнение начало решаться само у него перед глазами. Внутри его? А он просто смотрел? Или переживал это? Испытывал это? Он что-то пробормотал и снова заворочался, но они не уходили, не останавливались.

Они плыли перед ним, цифра за цифрой.

— 14 ноября 2031 года! — хриплым голосом крикнул он.

Брайан проснулся от собственного крика и сел в постели, весь вспотевший, моргая на свет. Он нашарил на ночном столике стакан с водой, выпил почти всю и

снова рухнул в сомканную постель. Что произошло? Ощущение было таким явственным, плывущие цифры такими отчетливыми, что все еще стояли у него перед глазами. Слишком отчетливыми, чтобы быть сном...

— Вживленный процессор! — произнес он вслух.

Неужели это случилось? Неужели он во сне каким-то образом вошел в компьютер, который вживили ему в мозг? Неужели он смог дать ему команду произвести какие-то действия? Запустить программу, чтобы решить задачу? По-видимому, именно это и произошло. И компьютер, видимо, решил задачу, а потом перебросил решение ему в мозг. Неужели это и случилось? А почему бы и нет? Это самое логичное, правдоподобное, наименее пугающее объяснение. Он дал своему компьютеру команду включиться, рассказал все, что произошло, записал это в его память, добавил свою гипотезу. И после этого заснул глубоким сном, кажется, без всяких сновидений.

Он проснулся уже в девятом часу. Включил кофеварку, потом позвонил доктору Снэрсбрук. Ее автоответчик сказал, что она ему перезвонит. Она позвонила, когда он доедал второй кусок поджаренного хлеба.

— Доброе утро, доктор. У меня для вас есть одна интересная новость.

Когда он рассказал, что произошло, наступило долгое молчание.

— Вы слушаете?

— Да, извини, Брайан, я просто обдумывала то, что ты сказал... И, по-моему, очень может быть, что ты прав.

— Значит, это хорошая новость?

— Невероятно хорошая. Постой, я должна отменить кое-какие дела и постараться увидеться с тобой в середине дня. Это тебя устраивает?

— Замечательно. Я буду в лаборатории.

Все утро он просматривал резервные копии своих прежних заметок, пытаясь снова погрузиться в атмосферу проделанной тогда работы, восстановить воспоминания, уничтоженные пулей. Странно было читать то, что писал он сам, — почти как послание с того света. Ведь Брайан, который это писал, уже мертв и навсегда останется мертвым. Он знал, что ему, четырнадцатилетнему, уже не вырасти в того двадцатилетнего, который это писал.

Ему были совершенно непонятны краткие заметки и обрывки программ, набросанные им в двадцать лет. Он безнадежно усмехнулся и вернулся к первой странице. Тут мог быть только один путь — продвигаться методично, прослеживая шаг за шагом. При всякой возможности заглядывать вперед, избегать тупиков и ложных путей. Но в сущности придется воссоздать все, что он уже сделал, проделать все заново.

В двенадцать тридцать ему позвонила приехавшая в «Мегалоуб» доктор Снэрсбрук; он отложил работу и отправился к ней в клинику.

— Заходи, Брайан, — сказала она, окидывая его критическим взглядом. — Выглядишь ты великолепно.

— И чувствую себя так же. Каждый день час-другой читаю на солнце и хожу на прогулки, как вы велели.

— Аппетит хороший?

— Еще какой — в армии прекрасно кормят. И посмотрите-ка... — Он снял бейсболку и потер голову, где уже начали отрастать волосы. — Уже почти ежик. Скоро у меня будет настоящая прическа.

— Швы не болят?

— Ничуть.

— Головокружение? Одышка? Утомляемость?

— Нет, нет и нет.

— Я очень довольна. Теперь расскажи мне в точности, что случилось — во всех подробностях.

— Сначала прослушайте вот это, — сказал он, передавая ей кассету. — Я записал ее сразу после того сна. Если у меня тут такой голос, словно я чего-то накурился, так это из-за снотворного питья, которое вы мне дали.

— Это само по себе интересно. Не исключено, что транквилизатор был одним из факторов, способствовавших тому, что произошло.

Снэрсбрук три раза прослушала запись, делая какие-то заметки. Потом тщательно расспросила Брайана, снова и снова возвращаясь к одному и тому же, пока не заметила, что он устал.

— Хватит. Давай выпьем по чашке кофе, и я тебя отпущу.

— Вы не хотите посмотреть, не смогу ли я сделать это снова, на этот раз наяву?

— Не сегодня. Сначала отдохни.

— Я не устал! Я просто начал задремывать, потому что приходилось снова и снова говорить одно и то же. Ну, доктор, не упрямитесь. Давайте попробуем еще раз, пока у меня все свежо в памяти.

— Ты прав — надо ковать железо, пока горячо. Ладно, начнем с чего-нибудь попроще. Возведи мне в квадрат... ну, скажем, 123 456.

Брайан мысленно представил себе это число, попробовал найти какое-то место, куда его занести. Повертел его в уме, напрягся так, что даже закричал, а потом произнес:

— 15 522 411 383 936 — вот сколько будет, я уверен!

— Ты знаешь, как тебе это удалось? — спросила она взволнованно.

— Не очень. Вроде того, когда что-то с трудом припоминаешь, как слово, которое будто вертится на языке. Раз — и поймал.

— А можешь ты это сделать еще раз?

— Надеюсь, что могу... да, а почему бы и нет? Не знаю, как это получилось во сне, но, по-моему, я еще раз могу. Только я не понимаю, как это делаю.

— Мне кажется, я знаю, что происходит. Но чтобы проверить свой диагноз, мне придется снова подключить тебя к машине-коррелятору. Посмотреть, что творится у тебя в мозгу. Не возражаешь?

— Конечно, нет. Должен же я узнать, как это получается.

Она занялась машиной, а он уселся в кресло. Тонкие металлические пальчики заняли свои места, он откинулся на спинку и собрался с мыслями.

— Вот что мы сделаем. — Она пробежала курсором по меню на своем экране. — Вот статья, которую я вчера загрузила в компьютер из журнала. Она называется «Активность протоспециализированных центров в ходе развития ребенка». Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Кое-что знаю о протоспециализированных центрах. Это расположенные в стволе мозга нервные центры, ответственные за большую часть первичных инстинктов. Голод, злоба, секс, сон — вроде этого. Но такой статьи я, по-моему, не читал.

— И не мог читать, она вышла в свет всего несколько месяцев назад. Сейчас я загружу ее в память твоего

вживленного процессора — под тем же названием. — Она быстро нажала несколько клавишей, потом снова повернулась к нему. — Теперь она должна быть там. Подумай, ощущаешь ли ты ее там?

— Нет, в общем нет. То есть могу припомнить название, потому что только что его слышал.

— Тогда попробуй сделать то, что сделал некоторое время назад и тогда, во сне. Скажи мне, что написано в этой статье.

Стиснув зубы и нахмурившись, Брайан сделал мысленное усилие.

— Что-то такое... Не знаю. В общем, там есть что-то, только я никак не могу к нему подобраться вплотную. Зацепить как следует... — Вдруг глаза у него широко раскрылись, и он быстро заговорил: — «...По мере развития ребенка каждый простейший протоспециализированный центр слой за слоем накапливает память и навыки управления. В то же время каждый из них стремится искать новые способы влиять на другие и извлекать пользу из их деятельности. В результате более ранние варианты подобных специализированных центров становятся все менее обособленными друг от друга. По мере того как эти системы учатся объединять свои познавательные интересы, возникающие при этом перекрестные связи создают более сложные комплексы ощущений, характерные для эмоциональных переживаний более позднего возраста. У взрослого подобные системы настолько сложны, что даже мы сами не в состоянии их осмыслить. К тому времени как мозг пройдет все эти стадии развития, наше взрослое сознание оказывается многократно перестроенным и уже неспособно припомнить или понять, каким было сознание ребенка».

Брайан закрыл рот, потом заговорил снова, медленно и нерешительно:

— Это... то самое? То, о чем написано в статье?

Доктор Снэрсбрук взглянула на свой экран и кивнула.

— Это не то, о чем там написано, — это сама статья, слово в слово. Тебе это удалось, Брайан! Что ты ощущал?

Он сосредоточенно нахмурился:

— Это как настоящая память, но не совсем. Все это там есть, только я не все понимаю. Приходится вроде

как мысленно все прочесть, и только тогда оно появляется полностью, так, что можно понять.

— Ну конечно! Оно же не в твоей памяти, а в памяти компьютера. Ты можешь получить к нему доступ, но ничего не понимаешь, пока не прочтешь, не вдумаешься и не осознаешь, что означает каждая фраза. И пока не свяжешь ее с другими вещами, которые уже знаешь. Только тогда возникают взаимосвязи, которые представляют собой подлинное знание.

— Значит, мгновенно подключить мозг к знанию нельзя?

— Боюсь, что нет. Память состоит из такого множества взаимосвязей, и к ним можно получить доступ таким множеством способов, что она вовсе не линейна, как память компьютера. Но стоит тебе просмотреть ее раз или два, как она станет частью твоей памяти, доступной в любое время.

— Занятно, — сказал он и улыбнулся. — Надо же, ведь я помню даже номера страниц и ссылок! А как вы думаете, можем мы проделать такую штуку с целой книгой или, например, с энциклопедией?

— Не вижу, почему бы нет, ведь во вживленном процессоре еще много свободной памяти. Конечно, это ускорило бы процесс переучивания. Но не только. Это же поистине удивительно! Прямой доступ к компьютеру одним усилием мысли — здесь открываются неограниченные возможности!

— И это может помочь мне в работе. Что, если загрузить все мои прежние заметки, чтобы получать к ним доступ мысленно?

— Почему бы и нет?

— Хорошо. Будет удобно иметь все под рукой. Сейчас так и сделаю — загружу все заметки, которые мы привезли, из резервного ГБП... — Он зевнул. — Нет, не стану. Никуда они не уйдут до завтра. И вообще мне надо немного об этом поразмыслить. К таким вещам не просто привыкнуть.

— Совершенно с тобой согласна. Но на сегодня этого более чем достаточно. Если ты собираешься возвращаться в лабораторию, — не стоит. Рабочий день окончен.

Брайан кивнул:

— Честно говоря, я собирался пойти пройтись — как следует подумать обо всем этом.

— Хорошая мысль, только не переутомись.

Он надел темные очки и вышел в полуденную пустынную жару. Вооруженный сержант отворил ему дверь и, сказав что-то в микрофон, укрепленный на лацкане, последовал в нескольких шагах за ним. Еще несколько солдат пристроились с обеих сторон, один пошел впереди. Брайан уже начал привыкать к их постоянному присутствию и теперь, направляясь к своей любимой скамейке у декоративного бассейна, почти не обращал на них внимания. По другую сторону бассейна стояли административные здания «Мегалоуб», но их почти не было видно за деревьями. Кроме него, по-видимому, никто не забредал в этот уголок, который нравился ему своей тишиной и уединением.

Услышав жужжание телефона, он поморщился и хотел было не отвечать, но потом со вздохом отцепил его от пояса и поднес к уху.

— Дилени.

— Это майор Вуд из приемной. Здесь капитан Кан. Говорит, что вы сегодня ее не ждали, но хотела бы поговорить с вами.

— Да, конечно. Скажите ей, что я...

— Я знаю, где вы, сэр, — подчеркнуто невозмутимо произнес майор: как мог он не знать местонахождения Брайана с точностью до миллиметра? — Я проведу ее к вам.

Они показались на дорожке, которая вела от главного входа. Маленькая, стройная Шелли казалась крохотной рядом с рослым, широкоплечим майором. Сегодня она была не в военной форме, а в коротком белом платье, больше соответствующем климату пустыни. Когда они подошли, Брайан встал. Вуди круто повернулся и оставил их одних.

— Я не мешаю вам работать? — спросила она, озабоченно нахмурившись.

— Да нет, вы же видите, я решил отдохнуть.

— Я должна была сначала позвонить. Но я только что вернулась из Лос-Анджелеса и решила доложить вам о наших успехах. Мы работали с несколькими лучшими следователями из полицейского управления. Судя по тому, чем вы занимаетесь, вы, наверное, все знаете об экспертных системах?

— Я не сказал бы, что все, во всяком случае я не в курсе того, что сделано здесь за последние годы. Но скажите, на каком языке вы пишете свои программы?

— На «ламе-3.5».

Он улыбнулся:

— Приятно слышать. Мой отец был одним из тех, кто разработал этот язык. «Лама» — это значит «логический анализ метафор». Как там ваша программа-детектив — уже заработала?

— Да. Она сейчас на стадии первого рабочего образца. И с ней уже интересно иметь дело. Я назвала ее «Дик Трейси»*.

— А как она работает?

— В сущности, это не так уж сложно. Она состоит из трех главных частей. Первая — это комплект различных экспертных систем — каждая выполняет свою задачу. Эти специализированные системы объединяет между собой довольно простой координатор, который ищет корреляции и отмечает случаи, когда несколько систем в чем-то между собой согласны. Одна из них уже просмотрела базы данных всей страны и составила список всех возможных способов транспортировки. Сейчас она накапливает собственные базы данных о легковых автомобилях, грузовиках, самолетах и так далее. Даже о водных транспортных системах.

— Это здесь-то, в пустыне?

— Ну, отсюда не так уж далеко до Солтон-Си**. А другие специализированные программы собирают разнообразные географические данные, особенно спутниковые фотографии местности за тот период, который нас интересует.

— Звучит неплохо. — Брайан встал. — Что-то у меня ноги затекли — не хотите пройтись?

— Конечно. — Они медленно пошли по дорожке. Она огляделась по сторонам. — Это что, военная база? Тут столько солдат...

— Это все мои, — сказал он и улыбнулся. — Видите, как они держатся вровень с нами?

* Дик Трейси — в американской серии комиксов и кинофильмов полицейский сыщик, пользующийся для поимки преступников полуфантастическими изобретениями.

** Мелководное соленое озеро в Калифорнии, образовавшееся в результате прорыва воды из реки Колорадо.

— Ничего себе!

— Мне это тоже не слишком нравится. Но, понимаете, мне не слишком улыбается и перспектива четвертого покушения. В том-то и вопрос, способна ли система, которую вы построили, помочь нам поймать этих мерзавцев? Ваш Дик Трейси пока еще не напал на какой-нибудь след?

— Еще нет. Пока он только обрабатывает данные.

— Тогда сбросьте его в ГБП и везите сюда. У большого компьютера, на котором я тут работаю, такая мощность, что вам вполне хватит.

— Это, конечно, намного ускорит дело. Мне понадобится день-два, чтобы все там закончить. — Она взглянула на солнце. — Пожалуй, мне пора. Я уверена, что управлюсь к среде, скопирую все свои заметки и привезу ГБП в четверг утром.

— Прекрасно. Я провожу вас до караулки — приближаться к выходу мне запрещено — и скажу Вуди, о чем мы договорились.

Когда она ушла, он подумал, что надо было попросить ее скопировать для него и «ламу-3.5», но тут же рассмеялся собственной тупости. Давно прошли времена, когда программы хранили на дискетах — разве что строго засекреченные. Он направился в лабораторию. Скорее всего, копия программы есть где-нибудь там на компакт-диске, а если и нет, можно перегрузить ее из базы данных.

Да, к этому старому новому миру 2024 года еще привыкать и привыкать.

Глава 22

21 февраля 2024 года

Когда наутро Брайан подошел к лаборатории, его там ждали Беникоф и Евгений.

— У Евгения сегодня последний день здесь, он хочет перед отъездом еще раз пройтись с тобой по всей системе.

— Что, Евгений, возвращаетесь к себе в Сибирь?

— Да, уже скоро, надеюсь: тут у вас слишком жарко. Но сначала будет техническая учеба в Силиконовой долине — последние конструкции железок. США их делают, Россия их покупает, а я их обслуживаю. И помогаю разрабатывать следующие модели. А за это хорошо платят в рублях, уж будьте уверены.

— Ну, желаю вам успеха — и побольше рублей. А что мы будем сейчас делать, Бен?

Брайан дотронулся большим пальцем до панели, и дверь, щелкнув, открылась.

— Последняя проверка. Все оборудование установлено и работает. Евгений — прекрасный техник.

— Напишите это на бумаге — такая рекомендация принесет мне еще больше рублей.

— Напишу, не беспокойтесь. Но имейте в виду — после вашего отъезда нам здесь не должны понадобится никакие другие техники.

— Правильно. Только если будет общий сбой и вся система выйдет из строя?

— А тут не одна система — это сеть из нескольких систем. И в каждой хранится копия общей программы, где есть все, что нужно для диагностики каждой машины. К тому же вся память и результаты диагностики каждые несколько минут копируются из каждой машины в несколько других. Значит, если что-то будет неладно, мы, скорее всего, сможем восстановить функции полностью. В самом худшем случае потеряем только то, что сделано за последние несколько минут.

— Да. И скорее всего вообще ничего не потеряете. А если что-то будет не так, сообщите мне по электронной почте.

«Посетители у входа», — раздался голос компьютера, следившего за безопасностью. Брайан нажал на клавишу, и на экране появилась картина, переданная наружной телекамерой. Между двумя солдатами, вытянувшимися по стойке «смирно», стояла капитан Кан.

— Сейчас вернусь, — сказал Брайан, подошел к входной двери и, приложив палец к панели, отпер ее.

— Надеюсь, я не слишком рано? Это майор сказал мне, что вы уже здесь.

— Нет, как раз вовремя. Давайте я покажу вам ваш терминал и помогу устроиться. Наверное, вы хотите сначала перегрузить вашу программу и базы?

Она вынула из сумочки ГБП.

— У меня все здесь. Я не хотела пересылать это по обычным линиям связи. Сейчас это единственный экземпляр — все остальное в полицейском компьютере стерто. Там ужасно много засекреченных материалов, посторонним их видеть незачем.

Он отвел ее к отгороженной кабинке в дальнем конце лаборатории.

— Здесь пока только терминал, стол и стул, — сказал он. — Если понадобится что-нибудь еще, скажите.

— Хватит и этого.

— Готово, — сказал Бен, вставая и потягиваясь. — Я все проверил. Евгений поработал на славу. Все инструкции по доступу и работе с программами здесь, в памяти.

— Я хочу посмотреть, только подождите минутку. Приехала Шелли, и мы сможем поговорить с ней, как

только она кончит загружать свою экспертную программу. Прекрасный случай узнать, чего она добилась.

Они проводили Евгения до выхода. Он крепко пожал им руки.

— Надежного вам оборудования и интересной работы.

— Всего наилучшего — и побольше рублей.

— Да!

Когда они вошли, Шелли обернулась и обвела рукой пустую комнатку.

— Простите за такое гостеприимство.

— Сейчас принесу пару стульев, — сказал Бен. — И кофе. Кому еще? Никому? Значит, два стула и чашка кофе.

— Есть какие-нибудь результаты? — спросил Брайан.

— Кое-что есть. Я написала программу, которая связывает координатора баз данных с программой поиска и имеет удобный интерфейс. Она уже, по-моему, неплохо отлажена. Я поставила перед ней задачу раскрыть ограбление в «Мегалоуб». Она работает уже два дня и сейчас, вероятно, может ответить на кое-какие вопросы. Я решила сама туда не лазить без вас обоих — ведь расследованием руководите вы, Бен. Вас это интересует?

— Конечно. Как войти в программу?

— Я с самого начала пользовалась рабочим прозвищем «Дик Трейси», и боюсь, что оно уже прижилось. Нужно только оно и ваша фамилия.

— Хорошо. — Бен повернулся к терминалу. — Моя фамилия Беникоф, и мне нужен Дик Трейси.

— Программа на линии, — ответил компьютер. — В чем состоит задача?

— Найти лиц, совершивших преступление в лаборатории компании «Мегалоуб индастриз» 8 февраля 2023 года. Ты обнаружил этих преступников?

— Ответ отрицательный. Я пока не установил, как они скрылись и как было вывезено похищенное.

Брайан слушал в восхищении.

— Вы уверены, что это всего только программа? Звучит так, словно она прошла тест Тьюринга.

— Просто речевая программа, — сказала Шелли. — Я взяла готовую. Она берет слова и грамматику из языкового раздела системы «цик». Эти речевые программы всегда кажутся умнее, чем они есть, потому что

и грамматика, и интонации у них такие безукоризненные. Но на самом деле они не очень-то понимают, что все эти слова означают. — Она обернулась к Бену. — Спрашивайте ее, Бен, спрашивайте — есть ли у нее какие-нибудь конкретные результаты. Можете говорить на обычном языке, там обширный лексикон выражений из полицейской практики.

— Хорошо. Скажи мне, Дик Трейси, какие версии ты разрабатываешь?

— Поиск сведен к трем возможным вариантам. Первый — похищенные материалы спрятаны поблизости, чтобы забрать их позже. Второй — они вывезены наземным транспортом. Третий — они вывезены по воздуху.

— И какие результаты?

— Спрятаны поблизости — крайне мало вероятно. Наземный транспорт — вероятность выше. Однако если учесть все факторы, наиболее предпочтительный вариант — вывоз по воздуху.

Беникоф покачал головой и повернулся к Шелли.

— Что значит — наиболее предпочтительный? Компьютер мог бы выразиться и поточнее — например, в процентах или как-нибудь еще в этом роде.

— Почему бы вам не задать этот вопрос ему?

— Сейчас. Дик Трейси, выскажись точнее. Какова вероятность вывоза по воздуху?

— Я бы не хотел оценивать вероятность в ситуации со столь многими факторами, не поддающимися учету. Для таких ситуаций лучше оценивать приблизительное распределение, чем приводить цифры, которые производят обманчивое впечатление точных. Но если вы хотите, я могу приблизительно оценить правдоподобность разных вариантов в процентах.

— Хочу.

— Спрятаны поблизости — три процента. Вывезены наземным транспортом — двадцать один процент. Вывезены по воздуху — семьдесят шесть.

Бен удивленно раскрыл рот:

— Но ведь... Отключите программу. — Он повернулся к остальным, тоже стоявшим в изумлении. — Мы самым тщательным образом рассматривали эту версию — они просто никак не могли вывезти это отсюда по воздуху.

— Дик Трейси другого мнения.

— Значит, он знает что-то такое, чего не знаем мы. — Он снова повернулся к компьютеру. — Возобнови работу. На чем основана оценка варианта с транспортировкой по воздуху?

Некоторое время компьютер молчал, потом заговорил.

— Резюме обоснований не имею. Вывод основан на сопоставлении двенадцати тысяч промежуточных блоков в подсистеме анализа взаимосвязей программы поиска.

— Это обычный недостаток программ такого типа, — пояснила Шелли. — Почти невозможно узнать, как они приходят к тому или иному заключению, потому что они учитывают миллионы незначительных корреляций между обрывками данных. Почти невозможно сравнить это с тем, что мы называем логическим мышлением.

— Но это и неважно, ведь ответ все равно неправильный, — с раздражением сказал Беникоф. — Не забудьте, ведь расследованием занимался я. Аэропорт компании полностью автоматизирован. Основное движение — вертолеты, хотя здесь приземляются служебные и грузовые самолеты с вертикальным взлетом.

— А как работает автоматизированный аэропорт? — спросил Брайан. — Это не опасно?

— Менее опасно, чем под управлением людей, могу тебя заверить. Еще в 80-х годах выяснилось, что человеческие ошибки вызывают больше аварий, чем человеческое вмешательство их предотвращает. Перед вылетом каждый самолет обязан представить план полета. Данные поступают прямо в компьютерную сеть, так что каждый аэропорт знает, кто куда вылетает или прилетает и кто пролетает поблизости. Когда самолет оказывается в поле зрения радара, он опознается по сигналу транспондера и получает разрешение на посадку или какие-нибудь другие указания. А здесь, в «Мегалоуб», все полеты, разумеется, контролируются и регистрируются службой безопасности.

— Но служба безопасности весь тот решающий час бездействовала.

— Это неважно. Все зафиксировано еще и аэропортом Борrego, и региональной радарной станцией Федерального авиационного управления. Все три комплекта записей совпадают, а техническая экспертиза показала, что подделки в любом из них исключены. Мы имеем

подлинную информацию о движении всех самолетов в ту ночь.

— А были за этот час какие-нибудь прилеты или вылеты из аэропорта?

— Ни одного. Последний вылет был по меньшей мере часом раньше — вертолет в Ла-Хойю.

— А какую территорию охватывает радар? — спросил Брайан.

— Большую. Это стандартная установка с радиусом действия около двухсот сорока километров. Восточнее Боррего он достает до самого Солтон-Си и до гор на другом его берегу. Минимум на семьдесят-восемьдесят километров. В других направлениях меньше — из-за холмов и гор, которые окружают долину.

— Дик Трейси, возобнови работу, — сказала Шелли. — Сколько полетов было зафиксировано радаром «Мегалоуб» на протяжении тех суток?

— Восемнадцать в аэропорту «Мегалоуб». Двадцать семь в аэропорту Боррего-Спрингс. Сто тридцать один транзитный пролет.

— Боррего-Спрингс всего в тринадцати километрах отсюда, — сказала Шелли, — но у них за это время и вообще за ту ночь не было ни одной посадки и ни одного вылета. Все три комплекта данных о транзитных пролетах идентичны, если не считать несущественных мелких расхождений — они касались полетов, проходивших по самому краю поля зрения радара, которые не вылетали из долины и не садились здесь.

— А в этой пустыне, похоже, оживленное воздушное движение, — заметил Брайан. — Сто семьдесят шесть самолетов за сутки. Почему?

— О служебных полетах «Мегалоуб» мы знаем, — ответил Бен. — В Боррего-Спрингс есть несколько коммерческих рейсов, остальное — частные самолеты. Транзитные полеты — тоже, плюс несколько военных. В общем, нам по-прежнему ничего не известно. Дик Трейси говорит, что материалы вывезены по воздуху. Но никаких вылетов из долины не было. Как же их могли вывезти? Ответьте на этот вопрос, и вы получите решение всей проблемы.

Бен сформулировал вопрос точно: как их могли вывезти? Получался парадокс — похищенное должны были вывезти по воздуху, но никаких вылетов не было.

Брайан слышал этот вопрос. И его вживленный компьютер — тоже.

— Из долины — на грузовике. С территории — по воздуху, — произнес вдруг Брайан.

— Что вы имели в виду? — удивилась Шелли.

— Не знаю, — сознался он. — Это не я сказал, а мой компьютер. — Он постарался удержаться от улыбки при виде их удивленных физиономий. — Ладно, об этом поговорим как-нибудь в другой раз. А пока давайте над этим подумаем. Далеко ли мог уехать грузовик?

— Мы еще в самом начале расследования занимались этим на компьютерной модели, — сказал Бен. — Максимальное число людей, которые могли грузить оборудование, не путаясь друг у друга под ногами, — восемь. Переменные здесь такие: время, чтобы доехать от ворот к лаборатории, время погрузки, обратный путь до ворот. Вне территории, от ее ворот, самая вероятная цифра — сорок километров при скорости девяносто километров в час. Все дороги были перекрыты, как только поступило сообщение об ограблении, намного дальше этой сорокакилометровой зоны. Вся территория просматривалась радаром — и с вертолетов, и с наземных установок, а когда рассвело, началось прочесывание. Грузовик не мог никуда деться.

— Но он все-таки куда-то делся, — возразила Шелли. — А не могли этот грузовик вместе с грузом каким-нибудь способом вывезти по воздуху? Пустите меня к компьютеру, Бен. Я хочу, чтобы эта программа проверила все полеты, зарегистрированные в тот день в радиусе ста пятидесяти и трехсот километров.

— А не могли преступники стереть данные об этом полете? Чтобы не было никаких следов?

— Не могли. Все записи радаров и информация с экрана каждого диспетчера полетов хранятся на протяжении года в архивах Федеральной авиационной службы. Хороший хекер* много чего может сделать, но система управления полетами просто слишком сложна и слишком избыточна. Каждый полет так или иначе регистрируется в сотнях, может быть, даже тысячах разных мест.

* Программист, который без разрешения проникает в компьютерные системы с целью использования или изменения содержащейся в них информации и программ

Шелли вся погрузилась в работу с компьютером, не поднимая головы и не обращая на них внимания.

— Шелли ничего не знает о вживленном компьютере, — сказал Бен. — Это ты о нем говорил?

— Да. Я еще не успел вам рассказать, но мы с доктором Снэрсбрук кое-чего добились — я могу получить доступ к нему чисто мысленно.

— Но это... Просто невероятно!

— Мы тоже так думаем. Я велел ему проделать кое-какие вычисления, вот с чего все началось. Во сне — можете себе представить? И я могу считывать данные из его памяти. Это очень интересно и немного страшно. Мне надо будет еще привыкнуть. У меня теперь на плечах не просто голова, и я не уверен, что мне это по душе.

— Но, во всяком случае, ты жив и здоров, — мрачно произнес Бен. — Я видел, что натворила та пуля...

— Не говорите мне об этом! Может быть, как-нибудь потом. Вообще я хотел бы на некоторое время обо всем забыть и заниматься только искусственным интеллектом. А вы с Шелли работайте с Диком Трейси. Мне не нравится прятаться, и мне не по себе, когда надо мной постоянно висит угроза. Я начинаю чувствовать себя, как Салман Рушди* — помните, что с ним в конце концов случилось? Я хотел — как бы это сказать? — заново построить свою жизнь. Стать таким же нормальным, как и все вы. А теперь я начинаю чувствовать себя каким-то выродком.

— Нет, Брайан, никогда так не думай. Ты молодец, только тебе слишком досталось. Все, кто с тобой работает, восхищены твоим мужеством. Мы на твоей стороне.

К этому мало что можно было добавить. Бен извинился и ушел. Брайан вызвал на экран свою вчерашнюю работу — он пытался переписать свои заметки в более полном и читабельном виде, — но обнаружил, что ничего не понимает. Он был подавлен и чувствовал усталость. В ушах у него зазвучал голос доктора Снэрсбрук с ее обычным советом: «Да, понимаю, приляг и отдохни». Он сказал Шелли, что вернется позже, и отправился к себе.

* Современный поэт, приговоренный иранскими фундаменталистами к смерти за кощунственные высказывания о Коране, которые, по их мнению, содержались в его стихах, опубликованных в Англии, и с тех пор вынужденный скрываться

Должно быть, он задремал, потому что технический журнал лежал у него на груди, а солнце уже садилось за горы на западе. Он все еще испытывал сильнейшую депрессию и подумал, не позвонить ли доктору, но решил, что дело пока не настолько серьезно. Может быть, это комната так на него действует. Он проводил теперь в одиночестве больше времени, чем в госпитале: там, по крайней мере, к нему то и дело кто-нибудь заглядывал. Здесь же ему даже принимать пищу приходилось одному, хотя к этому он привык довольно быстро.

Он вернулся в лабораторию в самом конце дня. Шелли уже заканчивала и, наскоро попрощавшись, ушла, целиком поглощенная мыслями о работе. Брайан запер за ней дверь и зашагал в другую сторону. Может быть, от свежего воздуха ему станет легче. Или от ужина: уже темнело, а он снова забыл пообедать. Он направился вокруг озера к караулке. Спросив, здесь ли майор, он был сразу препровожден в его кабинет.

— Есть какие-нибудь жалобы или пожелания? — спросил Вуди, как только они оказались одни.

— Жалоб никаких, по-моему, ваши люди работают замечательно. Никогда не путаются под ногами, но когда я выхожу из лаборатории, поблизости всегда кто-нибудь есть.

— И не просто кто-нибудь, можете быть уверены! Но я передам им, что вы сказали. Они стараются изо всех сил и выполняют свои обязанности чертовски хорошо.

— И скажите поварам, что еда мне тоже нравится.

— Камбуз будет в восторге.

— Камбуз?

— Ну, это где готовят жратву.

— Жратву?

Вуди улыбнулся:

— Вы до мозга костей гражданский человек. Придется обучить вас солдатскому языку.

Оба рассмеялись.

— Вуди, я, конечно, гражданский, но нельзя ли мне наравне с солдатами иногда есть у вас на камбузе?

— Сколько угодно. Хоть каждый день.

— Но ведь я не служу в армии.

Обычная перекошенная усмешка на лице майора превратилась в широкую улыбку.

— Мистер, вы работаете на армию. Вы — единственное оправдание тому, что все мы находимся здесь, а не прыгаем каждый день с парашютом. А большинство ребят будут рады познакомиться с вами и поговорить. — Он взглянул на электронные часы на стене. — Пиво пьете?

— Еще бы!

— Тогда пошли. Выпьем пива в клубе, а в шесть откроется обжираловка.

— Там и клуб есть? В первый раз слышу.

Вуди встал и пошел впереди.

— Это военная тайна — очень надеюсь, что вы ни словом не проговоритесь о ней гражданским из «Мега-лоуб». Насколько я знаю, во всем здешнем заведении, кроме нашего расположения, строгий сухой закон. Но вот это здание в настоящий момент является местом базирования моей десантной команды. А на всех военных базах есть офицерские клубы, а кроме них отдельные клубы для старшин и солдат. Но наша команда слишком мала, чтобы напиваться по отдельности, поэтому у нас клуб общий.

Он открыл дверь с надписью «Служба безопасности — вход только для военнослужащих» и провел его внутрь. Комната была небольшая, но за те несколько недель, что десантники провели здесь, они ухитрились придать ей некоторый уют. Доска для игры в дарты на стене, несколько флагов, вымпелов и фотографий, плакат, изображающий обнаженную девушку с огромными грудями, столы и стулья. И бар, уставленный бутылками, с краном для пива.

— Как насчет сингапурского пива «Тигр»? — спросил Вуди. — Мы только что открыли свежий бочонок.

— Никогда о нем не слыхал и тем более не пробовал. Наливайте!

Пиво было холодное и необыкновенно вкусное, а в клубе оказалось очень интересно.

— Парни скоро начнут подходить. Они будут рады с вами познакомиться, — сказал Вуди, наливая еще по бокалу. — Я хочу попросить вас только об одном — не говорить с ними о вашей работе. Сами они о том, что делается в лаборатории, заговаривать не станут — есть такой приказ, — и вы тоже не начинайте. Черт возьми, даже я не знаю, чем вы там занимаетесь, и знать не хочу. Нам сказали, что это совершенно секретно, и

этого достаточно. А обо всем остальном можете травить сколько угодно.

— Травить? Мой словарный запас растет с каждой минутой!

Один за другим стали появляться солдаты — некоторые лица были ему знакомы, он видел их на посту. Им было явно приятно наконец познакомиться с ним лично и пожать ему руку. Он был их ровесник, в сущности, даже старше многих, и с удовольствием слушал их грубоватую дружескую болтовню и рассказы о невероятных сексуальных подвигах, из которых узнал несколько замечательных ругательств — таких он и вообразить себе не мог. И все это время он и виду не подавал, что ему всего четырнадцать лет. Он взрослел на глазах!

Солдаты рассказывали анекдоты, обменивались старыми шутками. Он тоже принимал участие в разговоре. Его спросили, из какой части Штатов он родом, — спросили вежливо, но с намеком на его ирландский выговор, который вызывал у них недоумение. Солдаты-ирландцы накинулись на него с расспросами и жадно слушали его рассказ о детстве, проведенном в Ирландии. Потом они все вместе отправились ужинать — ему сунули в руки поднос и наперебой давали советы, что нужно есть, а что не нужно.

В общем и целом вечер прошел весело, и он решил бывать в солдатской столовой как можно чаще. Вся эта болтовня и дружеская обстановка — не говоря уж о выпитом пиве — совершенно разогнали его мрачное настроение. Прекрасные парни. Начинать свой день он собирался по-прежнему в одиночестве с кофе и поджаренного хлеба, потому что терпеть не мог ни с кем говорить с самого утра. На обед он привык готовить себе бутерброд, который брал с собой в лабораторию. Но ужинать он решил теперь только в обществе — во всяком случае, в окружении той его части, которую представляла 82-я авиадесантная дивизия. Между прочим, человечество было здесь очень неплохо представлено — тут были белые и черные, азиаты и латиноамериканцы, и все — прекрасные парни.

Он уснул с улыбкой, и в эту ночь дурные сны его не беспокоили.

Глава 23

22 февраля 2024 года

Когда на следующее утро Шелли вышла из гостевого корпуса «Мегалоуб», Брайан сидел на краю вазона с декоративной пальмой.

— Ну и как вам там? — спросил он, когда они направились к лаборатории, спереди и сзади сопровождаемые телохранителями.

— Обстановка спартанская, но в общем удобно. Судя по всему, обычно в этих апартаментах останавливаются приезжие коммивояжеры или служащие, которые опоздали на последний авиарейс. Один раз переночевать здесь вполне можно, но на второй день становится немного тоскливо. Впрочем, не так уж это отличается от самой первой армейской казармы, куда я попала. Уж несколько дней я продержусь.

— Неужели вам не нашли места получше?

— Этим занимается жилищный отдел «Мегалоуб». Сегодня они повезут меня посмотреть квартиру тут поблизости. В три часа дня.

— Желаю успеха. Как дела у Дика Трейси?

— Возни с ним много. Когда я сочиняла эту программу, я и представления не имела, сколько в стране баз данных. Наверное, это компьютерный вариант закона Мэрфи: чем больше у тебя памяти, тем больше информации, чтобы ее занять.

— Ну, у здешнего центрального процессора такая память, что занять ее вам будет не так просто.

— Это уж точно!

Он отпер дверь лаборатории и придержал ее, пропуская Шелли вперед.

— У вас будет сегодня время немного поработать со мной? — спросил он.

— Да, примерно через час — годится? Я должна получить разрешение на доступ к кое-каким секретным базам данных, в которые хочет заглянуть Дик Трейси. Что, вероятно, потребует доступа к новой секретной информации.

— Хорошо.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как она окликнула его.

— Брайан! Идите-ка сюда, взгляните вот на это.

Она пристально вгляделась в экран, потом нажала на клавишу, и из принтера показалась распечатка, которую она протянула Брайану.

— Дик Трейси работал всю ночь. Вот это было на дисплее, когда я сейчас вошла.

— А что это такое?

— Стройплощадка в Гуатэе. Кто-то строит там роскошные сборные домики. Дик обратил внимание на интересный факт: стройка находится почти в точности под линией полета самолетов, которые заходят на посадку в аэропорт Сан-Диего — Мирамар.

— Я, должно быть, совсем тупой, но я не вижу связи...

— Сейчас увидите. Во-первых, при таком оживленном воздушном движении местные жители воспринимают звук летящих самолетов как постоянный шумовой фон — наподобие шума прибоя на морском берегу, через некоторое время его просто перестаешь слышать. Во-вторых, до этой стройплощадки довольно трудно добираться — она очень живописна, но находится на склоне горы, и детали домиков доставляются туда грузовым вертолетом. Огромным ТС-69. Он поднимает до двадцати тонн.

— Или грузовик с полным грузом! Где у вас карта?

— Эта программа имеет доступ к базам данных, где хранятся полные комплекты результатов спутниковых и наземных топосъемок. — Она повернулась к компью-

теру. — Дик Трейси, покажи мне синтезированную карту и предполагаемый маршрут.

Цветное изображение на экране было настолько ярким, четким и правдоподобным, что его можно было принять за кинокадр, снятый с птичьего полета. Программа показала мультипликационное изображение грузовичка, следующего по трассе, обозначенной пунктиром, и все данные о курсе и высоте. Трасса пересекла экран и закончилась мерцающим крестиком на ровном поле неподалеку от шоссе С-3.

— А что видит радар из аэропорта Боррего-Спрингс?

Еще одно великолепное изображение, похожее на фотографию, — на этот раз с наземной точки.

— А теперь наложим на него место посадки.

Крестик появился снова — казалось, он находится глубоко в недрах горы.

— Вот оно — предполагаемое место посадки. Все, что восточнее, просматривается радаром из Боррего-Спрингс. А это место лежит по другую сторону горы, в радарной тени. Теперь наложим на это предполагаемую линию полета.

По экрану протянулась пунктирная линия.

— И вся она проходит по другую сторону гор! — торжествующе воскликнула Шелли. — Вертолет мог вылететь со стройплощадки, долететь до этого поля, подождать там, пока не подъедет грузовик, забрать его и улететь с ним тем же путем.

— А как же радар здесь, в «МегаЛоуб»?

На этот раз картина на дисплее выглядела немного иначе, но предполагаемый маршрут по-прежнему пролегал вне пределов видимости.

— Теперь еще один важный вопрос — сколько времени нужно, чтобы доехать отсюда до того места?

— Думаю, что программа сможет нам это сказать: в ее базе данных хранятся сведения обо всех грузовых фургонах, какие есть в этом районе.

Она дотронулась пальцем до условного изображения грузовичка на дисплее, и под ним открылось окно с текстом.

— От шестнадцати до двадцати минут езды отсюда, в зависимости от скорости грузовика. Значит, будем считать — шестнадцать, потому что они должны были ехать так быстро, как только могли, не привлекая внимания.

— Похоже, что это оно и есть! Я должен позвонить Беникофу.

— Уже сделано. Я велела компьютеру сообщить по сети, чтобы его вызвали сюда немедленно. Теперь давайте выясним, далеко ли мог улететь вертолет с грузовиком за эти решающие двадцать минут.

— Вы хотите опросить все радарные установки по ту сторону гор, в поле зрения которых он мог попасть?

Шелли отрицательно покачала головой:

— Не нужно, Дик так и сделал. Это на краю поля зрения аэропорта Мирамар в Сан-Диего. Конечно, возможно, что записи дальних радаров уже не сохранились, но я же говорила про компьютерную память: пока она не заполнена, никто не обращает на нее внимания. Сейчас программы никогда не стирают все полностью — просто когда память или банк данных почти заполнены, новая информация записывается поверх наименее важной. Так что всегда есть шанс, что кое-какие старые записи сохранились.

Бен приехал сорок минут спустя. Брайан впустил его.

— Возможно, Бен, мы нашли, что искали. Как мог грузовик выбраться из долины за этот час. Идите взгляните.

Они продемонстрировали ему схемы. Бен молча смотрел на экран, а когда все закончилось, изо всех сил стукнул себя кулаком по ладони, вскочил и зашагал взад и вперед по комнате.

— Ну да, конечно! Безусловно, именно так они и могли сделать. Грузовик выехал отсюда и отправился в это место, чтобы встретить вертолет, который, может быть, даже и не садился. К грузовику могли приделать крючья и зацепить их тросом с вертолета. Подъехали, подцепили — и улетели. Потом по воздуху над этими тремя перевалами — и на какую-нибудь отдаленную посадочную площадку по ту сторону гор. Так, чтобы их не видели, но неподалеку от какой-нибудь дороги, которая выведет их на шоссе. Значит, вместо того чтобы ползти по дороге, грузовик летел со скоростью двести километров в час и покинул зону поиска задолго до того, как были перекрыты дороги. И поехал себе по шоссе среди тысяч других грузовиков. Кажется, в этом безнадежном деле появляется кое-какая надежда.

— Что вы теперь будете делать? — спросил Брайан.

— Вряд ли здесь так много мест, где можно сесть, так что мы скорее всего найдем то, где сели они. Мы сделаем две вещи — и обе одновременно. Полиция прочешет всю территорию под их маршрутом и облазит все с микроскопом, чтобы отыскать возможное место посадки. Они будут искать следы, колеи от колес, очевидцев, которые в ту ночь могли что-нибудь видеть или слышать, — любые доказательства того, что так на самом деле и было. Я присмотрю за этим сам.

— Но эти мерзавцы работали осмотрительно. Наверняка они замели все следы.

— Не думаю. Здесь у нас пустыня, а не населенная местность, у нее очень ранимая экология. Даже царапина на земле в пустыне сохраняется десятки лет. А в это время ФБР займется документацией строительных компаний и фирм по прокату вертолетов. Теперь мы знаем, где искать, и, если будем внимательны, должны найти какие-нибудь улики. Хотя бы что-нибудь. Выпусти меня отсюда, Брайан.

— Пожалуйста. Будете держать нас в курсе?

— В тот самый момент, как мы что-то найдем, у тебя звонит телефон. У вас обоих. — Он похлопал по корпусу монитора. — Ты молодец, Дик Треиси.

— Я оставляю программу работать, — сказала Шелли, когда Брайан, заперев дверь за Беном, вернулся. — Она уже много нам дала, но очень может быть, что больше ничего не сможет сделать без какой-нибудь новой информации. Вы говорили, что хотели бы сегодня со мной поработать.

— Верно, говорил, только это подождет. Я все равно не смогу толком сосредоточиться, пока не позвонит Бен. Вот что я сделаю — покажу вам в общих чертах конструкцию, которую мы будем собирать. Почти все составные элементы искусственного интеллекта у меня есть, но пока мозгов у них меньше, чем у младшего лейтенанта.

— Брайан! Где это вы научились таким выражениям?

— А, должно быть, по телевизору слышал. Пошли.

Брайан быстро отвернулся, чтобы она не видела, как он покраснел. Придется впредь быть поосторожнее с новыми солдатскими словечками, которые он усвоил. В волнении он совсем забыл, что Шелли — офицер авиации.

Они вошли в лабораторию Брайана.

— Боже, что это? — спросила она, указывая на странное сооружение, стоявшее на рабочем столе. — Я никогда ничего подобного не видела.

— И неудивительно. Таких существует всего с полдюжины, не больше. Это последнее достижение микро-технологии.

— Больше похоже на дерево, которое вытащили из земли вместе с корнями.

Сравнение было довольно точным. Верхняя часть сооружения действительно напоминала раздвоенный ствол дерева, который заканчивался двумя торчащими вверх многосуставчатыми металлическими сучьями сантиметров по тридцать длиной. На конце каждого сука были укреплены металлические шары, очень похожие на елочные украшения. Снизу у машины тоже было два отростка, но они выглядели совсем иначе. Каждый из них раздваивался и снова раздваивался, казалось, до бесконечности, становясь все тоньше, так что веточки на нижних концах были не толще щетинок.

— Железная метла? — спросила Шелли.

— Да, отчасти похоже, только намного сложнее. Это тело, которое вместит наш будущий искусственный интеллект. Впрочем, сейчас его физическая оболочка меня не особенно волнует. В производстве роботов широко используются модульные конструкции — почти все их можно взять готовыми. Даже компьютеры собирают из модулей.

— Значит, вы больше занимаетесь программами.

— Вот именно. И это не столько обычное программирование, сколько конструирование анатомии мозга: какие части коры и среднего мозга какими нервными пучками соединить. По правде говоря, пучки будут такие же, какие пришлось восстанавливать, когда делали операцию на моем собственном мозге.

Шелли уловила в его словах боль и быстро перевела разговор на другую тему.

— Но я не вижу никаких проводов. Это значит, что вы передаете информацию непосредственно в каждый сустав?

— Угу. Все модули соединены сетью беспроводной связи. Каналов хватает, скорость достаточная. Штука в том, что каждый сустав почти автономен. У него свои двигатели и свои датчики. Так что к каждому из них нужно подвести только энергоснабжение.

— Замечательно! Механика выглядит удивительно просто. Если какой-нибудь сустав выйдет из строя, его просто заменяют, и больше ничего трогать не надо. Но программы, наверно, ужасно сложные.

— И да и нет. Сам код — это что-то страшное, но почти весь его автоматически создает система «лама». Посмотрите — немалая ее часть уже работает.

Брайан подошел к терминалу, стоявшему на столе, запустил программу управления и нажал несколько клавишей. Телеробот на столе встрепенулся и зажужжал. Послышался шорох — суставы пришли в движение и распрямились. На металлических шарах вверху раскрылись диафрагмы, и за ними стали видны линзы объективов. Они повернулись из стороны в сторону и застыли. Шелли подошла и стала внимательно их разглядывать.

— А не лучше будет устроить три глаза, а не два?

— Почему?

— Стереовидение двумя глазами может допускать ошибки, а третий глаз способен их исправлять. Предметы станут лучше видны, легче будет определять их положение и опознавать. — Она обошла вокруг робота. — Похоже, что у него есть все, кроме мозга.

— Верно — и это то, чем я буду заниматься теперь.

— Здорово. С чего начнем?

— С самого начала. Я намерен следовать своим первоначальным наброскам. Прежде всего мы вводим в систему огромный запас заранее запрограммированных общеизвестных знаний. Потом добавляем все дополнительные программы, которые понадобятся ему для выполнения любой работы. И достаточное количество запасных, альтернативных блоков, в том числе и координационных, чтобы система продолжала работать даже при отказе некоторых из них. Конструирование искусственного сознания немного похоже на эволюцию животного организма, и я хочу воспользоваться принципами управления мозгом, которые возникли в ходе эволюции. Так в конце концов мы получим систему, которая не будет ни слишком централизованной, ни чересчур распределенной. В сущности, некоторые из этих идей уже использованы вот здесь, в Робине-1.

— А почему вы его так окрестили?

— Так он назван в моих заметках — очевидно, это сокращение от «робота, наделенного интеллектом»

— Вы сказали, что часть системы вашего сообщества координаторов уже подключена. Вы мне не покажете немного, как она работает? Потому что у подпрограмм в моем Дике Трейси тоже есть координаторы — но не больше одного на каждую программу. Если бы их было больше, я не знала бы, где искать ошибку, когда будет сбой. Разве возможно заставить такую систему работать надежно?

— Наоборот, это даже легче, потому что каждый координатор работает в сотрудничестве с другими, альтернативными, так что если один откажет, другой займет его место. Вам станет понятнее, когда я приведу в порядок вот этот разъем. Передайте мне, пожалуйста, кусачки.

Шелли отошла к рабочему столу и принесла Брайану инструмент.

— Что вы только что сделали? — спросил Брайан.

— Принесла вам кусачки. А что?

— Потому что я сейчас объясню вам, как вы это сделали.

— Что вы хотите сказать? Я просто пошла к столу и принесла кусачки.

— Просто-то просто, но как вы узнали, далеко ли до них?

— Брайан, что за странные вопросы? Я посмотрела и увидела, что они на столе.

— Ничего странного нет, я только хочу, чтобы вы кое-что поняли. Почему вы приняли решение пойти за ними, а не просто протянуть руку?

— Потому что не дотянулась бы, вот почему.

— А как вы это узнали?

— А этот вопрос глупый. Я видела, на каком они расстоянии. Около двух метров. И дотянуться до них невозможно.

— Простите, я не собирался морочить вам голову. Я хотел, чтобы вы сформулировали, как вы это сделали. Другими словами, я спрашиваю, какой механизм в вашем мозгу вычислил расстояние от вашей руки до кусачек.

— Ну, не знаю. Это делается бессознательно. Наверное, расстояние оценили мои глаза.

— Да, но как они это сделали?

— Стереоскопически.

— Вы уверены, что оценили расстояние именно так?

— Не совсем. А может быть, по видимым размерам. И вообще я знаю, какое расстояние до стола.

— Вот именно. Так что на самом деле есть много способов определять расстояние. Мозг Робина должен работать, как ваш, а координаторы и субкоординаторы будут решать, какую систему в данном случае использовать.

— Все это было в ваших заметках?

— Да, и кое-что уже работает.

— И вы действительно добились, чтобы элементарные модули вашей системы могли самообучаться?

— Да. Пока большинство этих элементов — просто маленькие системки, которые руководствуются определенными правилами, — для определения расстояния, например, это десяток-другой правил. Элементы обучаются, добавляя к ним новые правила. А всякий раз, когда их мнения расходятся, система пытается найти другой путь, который не вызывает такого конфликта.

Послышалось жужжание телефона. Брайан приложил трубку к уху.

— Брайан слушает.

— Это говорит Беникоф, мистер Дилени. Если вы не очень заняты, не могли бы вы прийти к нам на совещание в административный корпус? И капитан Кан тоже. Дело довольно важное.

Голос Бена звучал холодно и безлично. Кто-то стоял рядом с ним — и что-то случилось.

— Сейчас будем. — Брайан положил трубку. — Это Бен, он говорит, что там идет какое-то важное совещание. И судя по его голосу, так оно и есть. Он приглашает нас обоих.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. Я отключаю Робина — пойдем и выясним, что там стряслось.

Бен говорил таким тоном, что Брайан не удивился, увидев во главе стола молчаливую фигуру генерала, а рядом с ним — двух офицеров в больших чинах.

— Никак это сам генерал Шоркт? — произнес Брайан с сильнейшим ирландским акцентом. — Точно, он самый. Надо же, такой большой человек — и тратит на нас время!

Генерал прекрасно помнил их последнюю встречу в больничной палате, и глаза его злобно сверкнули. Он обернулся к Беникофу

— Эта комната защищена от подслушивания?

— На сто процентов. Здесь есть все нужные устройства, а кроме того, перед самым нашим приходом ее проверяла служба безопасности.

— Тогда объясните, почему вы утаиваете от меня информацию — и почему вы отказались объясниться в отсутствие этих людей.

— Генерал Шоркт, не стоит превращать всякий разговор в конфронтацию, — ответил Бен, стараясь сохранять спокойствие. — Мы с вами на одной стороне, — точнее говоря, все мы здесь на одной стороне. Я сожалею о наших прошлых размолвках, но пусть они и остаются в прошлом. С Брайаном вы уже знакомы. Это капитан Кан, она помогает мне в моем расследовании. Она написала экспертную программу, благодаря которой мы и получили новую информацию — первый важный шаг вперед, который удалось сделать в этом деле. Капитан имеет доступ к совершенно секретным материалам, это вы должны знать, поскольку наверняка подвергли ее проверке, как только она была сюда прикомандирована. Она подробно доложит обо всех новостях, как только вы сообщите нам, что вам известно о покушениях на жизнь Брайана.

— Я сообщил вам все, что вам следует знать. Докладывайте, капитан.

Шелли, сидевшая в напряженной позе, начала было говорить, но Беникоф жестом остановил ее.

— Подождите минуту со своим докладом, капитан. Генерал, как я уже сказал, не надо устраивать конфронтацию. Позвольте напомнить вам некоторые факты, имеющие отношение к делу. Руководить этим расследованием мне поручено самим президентом. Я уверен, вы не хотите, чтобы я обратился к нему за указаниями — во второй раз?

Генерал Шоркт промолчал, но на лице его застыло выражение холодной ненависти.

— Хорошо, я рад, что этот вопрос ясен. Если хотите, можете убедиться, что и Брайан имеет доступ к любой информации, касающейся этого дела. И он, и я хотели бы знать все, что вам известно о двух недавних покушениях на его жизнь. Прошу вас.

Бен с улыбкой сел.

Генерал, человек бывалый, не мог не понять, что оказался прижатым к стене.

— Полковник, доложите о результатах операции «Пробный камень» в той части, которая касается данного расследования.

— Слушаюсь, генерал. — Полковник взял лежавшую перед ним на столе пачку бумаг. — Это совместная операция, которую проводят одновременно в нескольких странах вооруженные силы и службы по борьбе с наркотиками. Она представляет собой решающий этап многолетней работы. Как вам, несомненно, известно, благодаря перепланировке и реконструкции центральных районов крупных городов на протяжении последнего десятилетия удалось существенно потеснить, если вообще не искоренить, международную систему торговли наркотиками на самом низшем, наиболее криминальном ее уровне. Все мелкие наркобароны ликвидированы, осталось лишь два крупнейших международных картеля, практически неподконтрольных правительствам своих стран. Они попали в поле зрения расследования, и в них были внедрены наши агенты. Сейчас мы близки к тому, чтобы раз и навсегда покончить с этими картелями. Однако в ходе операции выяснилось одно обстоятельство, к ней не относящееся. Мы узнали, что некая третья сторона, располагающая обширными возможностями, обратилась к ним за помощью в том, что здесь называют, если я не ошибаюсь, «налетом».

— Это покушение на меня в больнице? — спросил Брайан.

— Совершенно верно, сэр. Наш агент с большим риском для себя сообщил нам об этом. Сам он не знал, кто обратился в его организацию, он знал только, что есть договоренность о налете. С тех пор на этот счет не появилось никакой новой информации.

— А что вы знаете о нападении на нас в Мексике? — вмешался Бен.

— Мы убеждены, что единственным связующим звеном между этими двумя нападениями является мистер Дилени. Поскольку нападающих так и не удалось найти, это, конечно, всего лишь предположение. Кроме того, это второе нападение мне неподведомственно...

— Его расследованием руковожу я, — сказал другой офицер, хмурый седой полковник. — Моя фамилия Дэвис. Военная разведка. Это нас очень беспокоит, поскольку утечка имела место, очевидно, с военной

базы. С военно-морской базы. — Его тон не оставлял сомнений в том, что он думает о военно-морском флоте и его базах.

— И что вам удалось выяснить? — спросил Беникоф.

— Мы обнаружили несколько нитей, которые сейчас прослеживаем. Однако мы не видим никакой связи между лицами, причастными к первому и второму нападениям.

— Позвольте мне подвести итог, — сказал Бен. — Если прикинуть, сколько стоили похищение в «Мегалоб» и покушения на Брайана, получатся миллионы. Таким образом, нам известно, что некая хорошо обеспеченная сторона наняла наркомана, чтобы прикончить Брайана в больнице. Не добившись успеха, та же сторона, насколько мы можем судить, предприняла еще одну попытку в Мексике. Так, полковник?

— Это соответствует нашей оценке ситуации.

— Значит, на самом деле мы знаем, что некто с большими деньгами дважды пытался убить Брайана и оба раза потерпел неудачу. Можем ли мы предположить, что та же самая сторона совершила самый первый налет и похищение?

После недолгого молчания оба полковника неохотно кивнули; генерал по-прежнему сидел неподвижно.

— Значит, можно полагать, что нас интересуют одни и те же люди. Поэтому впредь я буду держать вас в курсе наших успехов — и убежден, что вы будете делать то же самое. Можно считать, что мы договорились, генерал?

— Договорились. — Это прозвучало так, словно заговорил камень. Бен улыбнулся всем сидящим за столом.

— Я рад, что все мы на одной стороне. Капитан Кан, расскажите, пожалуйста, о вашей экспертной программе и о результатах, полученных с ее помощью.

Доклад Шелли был четким, ясным и кратким. Когда она умолкла, все снова повернулись к Беникофу.

— Я проверил эту версию. Результаты пока что неплохие. Во-первых, в это время и в этом месте действительно пролетел вертолет — его зарегистрировал радар в Мирамаре. Следователи разыскали скотовода, над домом которого проходил расчетный маршрут полета. Его побеспокоил низко пролетевший вертолет —

он помнит это, потому что шум помешал ему досмотреть конец фильма, шедшего по телевизору. Мы связались с телестудией и установили точное время.

— Вертолет нашли? — рявкнул генерал.

— После того как мы сопоставили все данные, отыскать его оказалось легче всего. По-видимому, это был ТС-69, работавший на стройке. Любое другое летательное средство, прибывшее в данный район извне, должно было представить план полета, но ничего подобного зарегистрировано не было. Из документов компании по прокату вертолетов следует, что во второй половине того дня в вертолете были обнаружены неполадки в электропитании, и он не был выпущен в обратный путь. Машина не вернулась на аэродром Браун, к которому приписана, а осталась на стройплощадке в Гуатэе. На следующее утро туда привезли механика, который легко устранил неполадку, оказавшуюся незначительной. Настолько незначительной, добавлю я, что пилот мог бы и сам ее исправить: плохой контакт в одном из приборов.

— Вертолет летал той ночью? — спросил генерал.

— По документам — нет, — ответил Бен. — Это очень интересно. Сведения о полетах фиксируются на основании пилотской книжки, поскольку на летательных аппаратах, в отличие от автомобилей, нет спидометра, который показывал бы, сколько километров они пролетели. Но на каждом двигателе есть счетчик, показывающий, сколько часов он проработал. И здесь мы обнаружили расхождение. Пилот утверждал, что в ту ночь никуда не летал, машина оставалась на земле и улетела только на следующий день. Но это не соответствует показаниям счетчика на двигателе. А теперь мы подходим к самому интересному. Как только я сообщил об этой версии ФБР, там занялись этой компанией. Через два часа они уже задержали пилота — вот запись беседы, которую я с ним имел как раз перед тем, как пришел сюда.

Наступила мертвая тишина. Бен вставил кассету в стоящий на столе проектор. На дальней стене опустился из-под потолка экран, и свет в комнате померк. Камера находилась сзади Бена, и на экране был виден силуэт его головы. Яркий свет падал на лицо человека, сидевшего перед ним, и были хорошо видны все оттенки его выражения.

— Вы Орвил Родс? — слышали они голос Бена.

— Точно. Только никто меня так не зовет. Дасти Родс, вот как меня зовут, ясно? И вот еще что. Я вам уже все это раза два рассказывал, так что теперь скажите-ка мне вы, какого черта я тут делаю? И вообще, кто вы такой? Я знаю пока только одно — что меня приволокли сюда люди из ФБР, и без всяких объяснений. У меня тоже есть права.

Пилот был молод, крепко сложен, зол — и недурен собой. Он прекрасно знал, что девчонки по нем сохнут, — достаточно было видеть, как он разглаживает свои пышные светлые усы или быстрым движением головы откидывает назад волосы.

— Сейчас все объясню, Дасти. Только сначала ответь на несколько несложных вопросов. Ты пилот-вертолетчик и работаешь в компании «Скай-Хай»?

— Об этом вы меня тоже спрашивали.

— И в январе-феврале нынешнего года ты работал на одной стройке в Гуатэе, штат Калифорния?

— Да, примерно в это время я там работал.

— Хорошо. Теперь расскажи мне про один определенный день — среду 8 февраля. Ты помнишь этот день?

— Да бросьте вы, мистер, как вас там! Разве можно помнить какой-то определенный день через столько месяцев? — сердито отозвался Дасти, но глаза у него забегали, и стало ясно, что ему не по себе.

— А я уверен, что ты тот день помнишь. Это был один из трех дней, когда ты не мог летать из-за растяжения связок на запястье.

— Ах вот что? Тогда, конечно, помню. Так бы сразу и говорили. Я сидел дома и пил пиво, потому что доктор не велел мне летать.

Он произнес это вполне чистосердечно, — но в ярком свете были отчетливо видны бисеринки пота, выступившие у него на лбу.

— Кто подменил тебя на эти три дня?

— Какой-то другой пилот, компания его наняла. Почему бы вам не спросить у них?

— А мы у них спросили. Они говорят, что ты знал этого пилота, Бена Соубриджа, и что ты сам его рекомендовал.

— Это они так сказали? Может, они и правы. Давно дело было, — пробормотал он, моргая от яркого света и забыв про свои усы, которые совсем обвисли.

Когда Бен снова заговорил, от его голоса повеяло арктическим холодом.

— Послушай, что я сейчас скажу, Дасти, прежде чем будешь отвечать на следующий вопрос. Справка от врача о том, что у тебя было растяжение связок, хранится в документах компании. Она подложная. Известно также, что за несколько недель до и после того дня ты погасил задолженность по рассрочке за автомобиль и положил крупные суммы на свой счет в банке. Мы проследили происхождение этих сумм — они были переведены со счета в другом штате, на который 20 января было внесено двадцать пять тысяч долларов. Хотя тот счет был открыт на чужое имя, почерк на чеке твой собственный. Теперь два важных вопроса. Кто подкупил тебя этими деньгами и кто был тот пилот, которого ты рекомендовал себе на подмену на эти три дня?

— Никто никого не подкупал. А деньги эти — мой выигрыш, я ставил на скачки в Тихуане. Я, ну, в общем, не хотел впутывать в это налоговую службу, понимаете? А про пилота я вам уже говорил. Его зовут Бен Соубридж.

— Ни одному пилоту по имени Бен Соубридж никогда не выдавались летные права. Мне нужно знать правду о том, откуда взялись эти деньги. И мне нужно знать, кто этот пилот, — только ты лучше как следует подумай, прежде чем отвечать. Пока это еще не уголовное дело, и никаких обвинений против тебя не выдвигается. А если они будут выдвинуты, то тебе станет очень неудобно. Этот вертолет был использован для совершения серьезного преступления. Были жертвы. Тебя привлекают как соучастника. В лучшем случае обвинят в получении взятки, лжесвидетельстве, преступной неосторожности. У тебя отнимут летные права, наложат штраф и отправят в тюрьму. Это самое меньшее, чем может для тебя кончиться дело. А если будешь и дальше упорствовать, я постараюсь, чтобы тебя судили еще и за убийство.

— Ничего я не знаю ни о каком убийстве!

— Это не имеет значения. Ты был добровольным соучастником. Но это самый худший вариант. Если ты мне поможешь, я помогу тебе. Если ты все чистосердечно расскажешь, вполне вероятно, что дело замнут, — в том случае, если ты сможешь вывести нас на тех, кто тебя подкупил. И еще раз предупреждаю — подумай, прежде чем отвечать. Они и не пытались замести следы этой взятки или уничтожить подложные документы. Потому что им на тебя наплевать. Они знали, что рано или поздно кто-нибудь догадается о твоей причастности, — и знали, что попадешься только ты.

Мокрые от пота волосы Дасти прилипли ко лбу, он в задумчивости теребил усы, которые уже потеряли всякую форму.

— Вы в самом деле сможете меня выручить? — выдавил он из себя наконец.

— Да. Тебе будет предъявлено не столь серьезное обвинение — а может быть, оно и вообще будет снято, если ты все расскажешь. Это можно устроить. Но только если ты сообщишь что-нибудь такое, что облегчит нам расследование.

Дасти широко ухмыльнулся и откинулся на спинку стула.

— Ладно, это можно. Запросто. Тот сукин сын, который заварил всю кашу, мне сразу не понравился. Я его ни разу не видел, но так и чувствовалось, что дело нечисто. Он позвонил мне и сказал, что, если я ему помогу, мне на тот счет переведут деньги. Мне это было не по душе, но я сидел на мели. Деньги там уже лежали, мне прислали по почте бланк, чтобы я его подписал и потом мог их получить. А стоило мне начать эти деньги тратить, как он взял меня за горло, и выкрутиться я уже не мог.

— Он назвал себя? Сказал, о чем идет речь?

— Нет. Он только велел мне делать, что он скажет, и не задавать вопросов — и тогда деньги будут мои. Могу сказать про него только одно — он канадец.

— Откуда ты знаешь?

— Еще бы мне не знать, я ведь два года проработал в Канаде, как же не узнать поганого канадца по говору!

— Успокойся, — произнес Беникоф, и в его голосе прозвучала угроза. — К этому человеку мы вернемся позже. Теперь расскажи мне о пилоте.

— Знаете, я не хотел ни во что впутываться. Я пошел на это только потому, что позарез нужны были деньги. И долгов наделал, и алименты меня совсем достали. Так что помогите мне — и я помогу вам. Вытащите меня из этой истории невредимым, и я расскажу вам такое, чего они сами не знали и чего даже я не знал, пока не появился этот пилот. Мне велели поручиться за него, и я сделал, как мне было сказано. Такой рослый, наглый сукин сын, а волосы, сколько их осталось, седые. Воевал во Вьетнаме или в Заливе, сразу видно по походке. Он как будто сквозь меня смотрел, но при этом делал вид, словно мы знакомы, чтобы ему разрешили лететь на вертолете. Такой был уговор. Я должен был сказать, что знаю его и рекомендую. И я все сделал, как было сказано. И был тогда очень доволен, как все сошло.

Дасти самодовольно улыбнулся и пригладил пальцем усы.

— Мы изображали, будто знаем друг друга, потому что такой был уговор. Только я вот что вам скажу. Этот старый козел, конечно, позабыл, но я его раньше один раз видел! И даже помню, как его звали, потому что потом один парень мне все уши прожужжал о том, какая это когда-то была важная птица.

— Ты знаешь его настоящее имя?

— Угу. Только сначала вы должны обещать...

Стул, на котором сидел Бен, с грохотом полетел на пол. Бен шагнул вперед, в поле зрения камеры, сгреб пилота за рубашку и поднял на ноги.

— Послушай, ты, дерьмо несчастное! Я тебе одно могу обещать — что ты сядешь в тюрьму на всю жизнь, если не скажешь громко и отчетливо, как звали того типа, — и сейчас же!

— Вы не имеете права...

— Имею. И будь уверен, сделаю!

Ноги пилота отделились от пола — Бен тряс его как тряпичную куклу.

— Имя!

— Пустите меня, я вам помогу! Чудное такое имя, наподобие иностранного. На слух, по крайней мере. Не то Дотт, не то Ботт.

Бен медленно опустил его обратно на стул, нагнулся вперед, к самому его лицу, и тихо, угрожающе спросил:

— А может быть, Тотт?

— Ну да, точно! Вы этого типа знаете? Конечно, Тотт. Чудное имя.

Пленка кончилась, и голос умолк. Беникоф произнес:

— Тотт. Арпад Тотт был начальником службы безопасности здесь, в «Мегалоуб», когда все это случилось. Я сразу же обратился в архивы Пентагона. Оказывается, у него есть брат — Алекс Тотт. Пилот-вертолетчик, и он воевал во Вьетнаме.

Глава 24

22 февраля 2024 года

— За это возьмусь я, — сказал генерал Шоркт с видом мрачной решимости, и в голосе его прозвучал гнев. — Тотт. Алекс Тотт. Военный летчик!

— Отличная мысль, — согласился Бен. — Это по вашей части, и у вас есть для этого соответствующие органы. А мы, разумеется, будем продолжать расследование с нашего конца. Я предлагаю, чтобы мы с полковником Дэвисом поддерживали связь по меньшей мере раз в сутки, а если что-нибудь произойдет, то и чаще. Мы должны полностью информировать друг друга о своих действиях. Вы согласны, генерал?

— Согласен. Совещание окончено.

Оба офицера вскочили на ноги, вытянулись и вышли вслед за генералом.

— И вам тоже до свиданья, генерал, — сказал Брайан ему в спину. — Бен, вы служили когда-нибудь в армии?

— К счастью, нет.

— А вы разбираетесь в том, как у военных устроены мозги?

— К несчастью, да. Только не хочу обижать офицера действительной службы, который здесь присутствует. — Бен увидел, как помрачнела Шелли, и улыбнулся, чтобы смягчить свои слова. — Это шутка, Шелли.

Наверное, очень скверная, так что примите мои извинения.

— Не стоит, — ответила она, тоже слегка улыбнувшись. — Не знаю, с какой стати я должна защищать военных. Я записалась в корпус подготовки офицеров запаса, чтобы заработать на учебу в колледже. Потом завербовалась в военную авиацию, потому что это был единственный способ получить высшее образование. У моих родителей ларек на овощном рынке в Лос-Анджелесе. В руках кого угодно другого это была бы золотая жила. Только все дело в том, что мой отец — очень ученый талмудист, но никуда не годный коммерсант. А благодаря авиации я смогла добиться того, чего хотела.

— А теперь поговорим о наших делах, — сказал Брайан. — Как будет дальше двигаться расследование?

— Я намерен проследить все нити, которые обнаружились в истории с вертолетом, — сказал Бен. — А что касается экспертной программы — вашего хитроумного сыщика Дика Трейси, то это вам решать, Шелли. Что дальше?

Она налила себе стакан воды из графина, стоявшего на столе, и задумалась.

— Программа Дика Трейси все еще работает. Но я не думаю, чтобы она обнаружила что-нибудь новое, пока мы не введем в нее новые данные.

— Значит, у вас остается свободное время — и вы сможете вплотную заняться со мной искусственным интеллектом, — сказал Брайан. — Потому что то, что мы наработаем, потом будет загружено в программу Дика Трейси.

— Что-что? — в недоумении переспросил Бен.

— А вы подумайте немного. Сейчас в вашем расследовании вас интересует только совершенное преступление. Очень хорошо — надеюсь, вы добьетесь успеха раньше, чем они доберутся до меня опять, потому что иначе мне крышка. Но мы должны посмотреть на это и с другой стороны. Вы задумывались над тем, что именно они похитили?

— Это очевидно — твою машину. Искусственный интеллект.

— Нет, не только. Они пытались убить всех, кто хоть что-нибудь об этом знал, выкрасть или уничтожить

все записи. И все еще пытаются убить меня. Из этого может следовать только одно.

— Ну конечно! — воскликнул Бен. — Как я сразу не сообразил? Они хотят не просто владеть искусственным интеллектом, а иметь на него монополию. Возможно, они уже пытаются им торговать. Они обязательно попробуют использовать его в коммерческих целях, чтобы на нем заработать. Но они совершили убийство и ограбление и, безусловно, не хотят быть обнаруженными. Им придется скрывать тот факт, что они его используют, — значит, они должны использовать его таким способом, чтобы об этом никто не догадался.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — вмешалась Шелли. — Как только они наладят этот краденый искусственный интеллект, его можно будет использовать практически для чего угодно. Управлять механическими процессами, возможно, писать программы, развивать новые направления исследований, разрабатывать новые продукты — да мало ли что еще.

Беникоф серьезно кивнул:

— И поэтому их будет очень трудно поймать. Нам придется быть начеку, чтобы обнаружить не что-нибудь определенное, а буквально любой новый тип программ или машин, который окажется необычно оригинальным.

— Это слишком общее требование, моя программа с ним не справится, — сказала Шелли. — Дик Трейси может работать только со тщательно структурированными базами данных. У него просто не хватит ни знаний, ни здравого смысла, чтобы решить проблему, если она поставлена так широко.

— Значит, его нужно усовершенствовать, — сказал Брайан. — Как раз к этому я и веду. Теперь совершенно ясно, что нам надо делать. Прежде всего надо сделать Дика Трейси поумнее, начинить его общими знаниями.

— Ты хочешь сказать — превратить его в усовершенствованный искусственный интеллект? — спросил Беникоф. — А потом с его помощью разыскать все остальные? Вроде того, как послать вора ловить вора?

— Это только поддела. А вторая половина — то, что я собираюсь сделать с роботом Робинотом. Я сделаю его похожим на тот искусственный интеллект, о котором шла речь в моих заметках. Если мне это удастся, мы будем больше знать о том, на что способна украден-

ная машина. И это поможет нам сузить поле для поисков.

— Особенно если мы сможем загрузить все эти способности в Дика Трейси, — заметила Шелли. — Тогда он действительно будет знать, что искать.

Они переглянулись. Обсуждать было больше нечего — и без того ясно, кому что делать. Шелли и Брайан встали и собрались уходить, но Бен остановил их.

— Остался еще последний важный вопрос. Жилье для Шелли.

— Жаль, что вы об этом напомнили, — сказала она. — Я чуть-чуть не сняла прелестную квартирку, но в самый последний момент из этого ничего не вышло.

Бен смущенно сказал:

— Я прошу прощения, но это дело моих рук. Я все думал о покушениях на жизнь Брайана и понял, что вы теперь тоже можете стать такой же мишенью. Как только вы займетесь искусственным интеллектом, та компания убийц захочет... мне нелегко это говорить, но они захотят убить вас так же, как и Брайана. Вы с этим согласны?

Шелли неохотно кивнула.

— А значит, вам придется обеспечить такую же степень безопасности, как и Брайану. Здесь, в «Мегалоуб».

— Я повешусь, если мне придется жить в этом доме свиданий для коммивояжеров, где я помещаюсь сейчас.

— Нет, об этом не может быть и речи! Я вас прекрасно понимаю, потому что сам провел там множество жутких ночей. Могу я кое-что предложить? В здешних казармах есть отделение для женского вспомогательного персонала. Если бы мы соединили пару комнат и оборудовали их под небольшую квартиру, вы бы согласились там жить?

— Я должна сама решать, как их отделать.

— Выбирайте, счета мы оплатим. Электронная кухня, ванна-джакузи — все, что вам будет угодно. Армейские саперы все установят.

— Предложение принято. Когда я смогу посмотреть каталоги?

— Они уже лежат в моем кабинете.

— Бен, вы страшный человек. Откуда вы знали, что я соглашусь?

— Я не знал, я просто надеялся. А если посмотреть на него со всех сторон, это же действительно единственный безопасный вариант.

— А можно мне взять каталоги прямо сейчас?

— Конечно. В этом корпусе, комната 412. Я позвоню своей секретарше и скажу, чтобы она их достала.

Шелли двинулась к двери, но обернулась:

— Простите, Брайан. Я должна была сначала спросить, не нужна ли я вам.

— Нет, мне кажется, это прекрасная идея. В любом случае сегодня я в лабораторию не вернусь, у меня есть кое-какие другие дела. Давайте встретимся там завтра в девять утра.

— Хорошо.

Брайан подождал, пока дверь за ней не закрылась, и повернулся к Бену, но некоторое время молчал, кусая губы, прежде чем заговорить.

— Я до сих пор так и не сказал ей о том процессоре, что вживлен мне в мозг. А она так ничего и не спросила насчет того разговора, когда он высказал свою догадку. Вас она тоже не спрашивала?

— Нет, да и не спросит, я думаю. Шелли очень замкнутый человек, и мне кажется, что она ожидает того же и от других. А это важно?

— Только для меня. Я же вам говорил, что чувствую себя каким-то уродом...

— Ты не урод, как ты прекрасно знаешь. Не думаю, чтобы об этом когда-нибудь зашел разговор.

— Со временем я ей скажу. Только не сейчас. Особенно из-за того, что у меня назначено несколько довольно длительных сеансов с доктором Снэрсбрук. — Он взглянул на часы. — Первый из них совсем скоро. Я это делаю в основном для того, чтобы ускорить работу над искусственным интеллектом.

— Каким образом?

— Я хочу иначе подойти к проблеме. До сих пор я занимаюсь только одним — просматриваю материалы той резервной базы данных, которую мы привезли из Мексики. Но это большей частью заметки и вопросы, которые касаются текущей работы. А мне нужно выйти на подлинные размышления и на результаты исследований, которые на них основаны. То, что я делаю сейчас, — медленная, нудная работа.

— Почему?

— Я был... есть... мы были... — Брайан криво усмехнулся. — Грамматически правильно никак не получается. В общем, тот «я», который набрасывал заметки, делал это очень неаккуратно. Вы же знаете — когда записываешь что-то для себя, обычно нацарапаешь пару слов, и этого хватает, чтобы восстановить в памяти всю мысль. Но того моего «я» больше не существует, и эти заметки мне ни о чем не напоминают. Поэтому я начал работать с доктором Снэрсбрук — мы хотим посмотреть, нельзя ли будет воспользоваться вживленным процессором, чтобы связать заметки с отдельными разрозненными воспоминаниями, которые все еще хранятся у меня в мозгу. Чтобы разработать искусственный интеллект в первый раз, мне понадобилось десять лет, и я боюсь, что теперь на это уйдет столько же времени. Я должен вернуть эти воспоминания.

— А что-нибудь получается?

— Пока рано. Мы все еще пытаемся найти способ устанавливать взаимосвязи, которые я смог бы надежно активировать по своему желанию. Процессор — машина, а я нет, и мы даже в самые лучшие моменты взаимодействуем плоховато. А в остальное время это как разговор по телефону при плохой слышимости. Знаете, когда оба человека говорят одновременно, и ни один другого не слышит. А бывает, что я просто ничего не понимаю в том, что до меня доходит. И приходится прекращать связь и начинать сначала. Очень досадно, можете мне поверить. Но я справлюсь. Надеюсь, что дело наладится.

Бен проводил Брайана до поликлиники «Мегалоуб», распрощался с ним у дверей кабинета доктора Снэрсбрук и, проводив его глазами, некоторое время стоял неподвижно, погруженный в раздумья. Ему было о чем задуматься.

Сеанс прошел удачно. Теперь Брайан уже мог получать доступ к процессору по собственному желанию и пользоваться им, чтобы извлекать нужные воспоминания. Система стала работать лучше, хотя иногда у него в голове возникали обрывки знаний, которые он не мог понять. Словно это были чьи-нибудь подсказки, а не его воспоминания. А время от времени, входя в память

своего прежнего, взрослого «я», он обнаруживал, что теряет нить собственных мыслей, и когда ему удавалось восстановить контроль над ними, он с трудом мог припомнить, что за это время происходило. «Странно, — думал он. — Неужели во мне существуют две индивидуальности в одно и то же время? Могут ли в одном сознании помещаться сразу две индивидуальности — одна прежняя, другая новая?»

Такое зондирование, во всяком случае, намного ускорило его работу. Немного привыкнув, Брайан стал все больше и больше размышлять над проблемами, которые все еще возникали в работе искусственного интеллекта. Над разнообразными дефектами, которые приводили к сбоям, в результате чего машина начинала откалывать всевозможные коленца.

— Брайан, ты меня слышишь?

— Что?

— Здравствуйте! Я тебя уже третий раз спрашиваю об одном и том же. Замечтался?

— Прошу прощения. Просто все это совершенно непостижимо, и в моих заметках нет ничего такого, что помогло бы мне разобраться. Надо бы, чтобы часть моего мозга следила сама за собой, а остальная часть об этом не знала. Что-то такое, что поддерживало бы равновесие в управляющих цепях системы. Это не так уж сложно, когда сама система стабильна и не слишком меняется. Но когда она постоянно обучается новым способам обучения, ничего не получается. Нужна еще какая-то система, что-то вроде отдельного подсознания, которое могло бы хоть в какой-то степени сохранять контроль.

— Звучит совсем по-фрейдистски.

— Простите?

— Напоминает теории Зигмунда Фрейда.

— Что-то я не помню, чтобы такая фамилия попадалась мне в литературе по искусственному интеллекту.

— Нетрудно понять почему. Это был психиатр, он работал в 90-х годах XIX века, когда еще не было никаких компьютеров. Когда он впервые выдвинул теорию, что сознание состоит из нескольких разных систем, он дал им имена — «ид», «эго», «суперэго», «цензор» и так далее. Предполагается, что подсознательно каждый нормальный человек постоянно испытывает всевозможные конфликты, сталкивается с противо-

речиями и несовместимыми целями. Вот почему я подумала, что тебе может что-нибудь прийти в голову, если ты займешься фрейдовской теорией сознания.

— Звучит заманчиво. Давайте сделаем это прямо сейчас — загрузите все эти теории Фрейда мне в память.

Доктора Снэрсбрук это немного беспокоило. Она все еще рассматривала пользование вживленным компьютером как эксперимент, хотя для Брайана это уже стало привычным образом жизни. Теперь ему больше не приходилось корпеть над печатными страницами — достаточно было загрузить что угодно в память, а разбираться потом.

К себе он возвращаться не стал, а ходил взад и вперед по комнате, мысленно углубляясь то в одну, то в другую часть учебника, сопоставляя их, усваивая новые ассоциации. В конце концов он воскликнул вслух:

— Да это же то, что надо! В самом деле, такая теория идеально подходит к моей проблеме. «Суперэго» — это, по-видимому, механизм целеполагания, который появился после возникшего раньше механизма импринтинга. Ну, знаете, того механизма, который открыл Конрад Лоренц, — благодаря ему детеныши многих животных держатся вблизи источника заботы и защиты. Так у ребенка появляется сравнительно постоянная, стабильная система целей. После того как ребенок включает в нее образ матери или отца, такая структура может оставаться в его сознании всю жизнь. Но как бы ввести такое «суперэго» в мой искусственный интеллект? Смотрите: это можно было бы сделать, если загрузить достаточную часть моей собственной подсознательной системы ценностей. А почему бы и нет? Активировать все мои К-линии и немые, идентифицировать и записать все связанные с ними эмоции. Потом использовать эти данные, чтобы построить модель моего сознательного самоощущения. А потом добавить сюда мой идеал — то, к чему «суперэго» велит мне стремиться. Если удастся загрузить и это, мы далеко продвинемся к стабилизации нашего машинного интеллекта и управлению им.

— Давай попробуем, — сказала доктор Снэрсбрук. — Пусть никто еще не доказал, что все это существует на самом деле. Мы просто предположим, что у тебя в голове все это есть. И возможно, окажемся

первыми, кто сможет это обнаружить. Смотри, ведь мы вот уже столько месяцев разыскиваем и восстанавливаем твою матрицу памяти и мышления. А теперь мы можем сделать следующий шаг — только назад во времени, а не вперед. Мы можем попробовать проследить нити, ведущие из твоего детства, и посмотреть, не найдутся ли такие немые или связанные с ними воспоминания, которые будут соответствовать самым ранним твоим системам ценностей.

— И вы думаете, что сможете это сделать?

— Не вижу причин, почему бы нет — разве что того, что мы ищем, вообще не существует. Во всяком случае, по ходу дела мы, вероятно, сможем локализовать еще несколько сотен тысяч прежних К-линий и немов. Но нужно действовать осторожно. С доступом к таким глубоко погребенным эмоциям может быть связана серьезная опасность. Я хочу сначала попробовать это на внешнем компьютере, а твою внутреннюю машину на время отключу. Таким способом мы сможем зафиксировать структуры, которые будут обнаружены, вне мозга — возможно, с их помощью удастся усовершенствовать Робина. А тебя такие эксперименты не затронут, пока мы не почувствуем себя увереннее.

— Ну что ж, я готов попробовать.

Глава 25

31 мая 2024 года

— Брайан Дилени, уж не проработали ли вы здесь всю ночь? Когда я вчера вечером уходила, вы обещали, что задержитесь всего на несколько минут. А это было в десять часов.

С этими словами в лабораторию вошла рассерженная Шелли.

Брайан потер рукой предательскую щетину и заморгал покрасневшими от усталости виноватыми глазами.

— Почему вы так думаете? — попробовал он увильнуть от ответа.

Ноздри у Шелли сердито раздулись.

— Ну, для этого более чем достаточно на вас посмотреть. Вид у вас ужасный. Кроме того, я попробовала вам позвонить, но ответа не было. Как вы можете понять, я забеспокоилась.

Брайан схватился за ремень, где у него обычно висел телефон, но не обнаружил его.

— Наверное, положил куда-нибудь. Я не слышал звонка.

Она взяла свой телефон и одним нажатием кнопки памяти набрала его номер. Где-то вдалеке послышалось жужжание. Поглядев в ту сторону, Шелли увидела, что телефон лежит около кофеварки. Она молча протянула аппарат ему.

— Спасибо.

— От вас просто нельзя отходить ни на минуту. Мне пришлось идти разыскивать ваших телохранителей — они и сказали мне, что вы все еще здесь.

— Предатели, — пробормотал он.

— Они так же заботятся о вас, как и я. Нет таких важных дел, чтобы из-за них стоило рисковать здоровьем.

— Есть, Шелли, в этом-то все и дело. Помните, когда вы уходили вчера вечером, мы бились с программой-координатором? Что бы мы ни делали, система норовила свернуться в клубок и умереть. Поэтому я начал с простой задачи — сортировки кубиков по цвету. Потом усложнил ее, предложив разноцветные кубики разной формы. А когда я через некоторое время посмотрел, программа-координатор все еще работала, но все остальные, видимо, отключились. Тогда я решил записать, что произойдет, когда я снова все запущу, и на этот раз ввел языковую программу, которая записывала все команды, поступавшие от координатора в остальные блоки. Теперь он стал работать медленнее, и я наконец понял, что происходит. Вот, смотрите сами.

Он поставил запись, сделанную ночью. На экране показался робот, быстро сортирующий разноцветные кубики, потом он стал работать медленнее, еще медленнее и наконец совсем остановился. Из динамика слышался глубокий бас Робина-3:

— ...К-линия 8997, выдай ответ на входной сигнал 10983... время реакции слишком велико... отвечай немедленно... блокирую. Задаю подпроблему 384. Принят ответ от К-4093. Блокирую замедленные ответы от К-3274 и К-2314. Задаю подпроблему 385. Ответы от К-2615 и К-1488 противоречат друг другу — блокирую обоих. Задаю...

Брайан выключил динамик.

— Понимаете?

— Не совсем. Одно ясно: эта программа только и делает, что блокирует другие.

— Ну да, в этом-то и дело. Предполагалось, что она должна обучаться на опыте, вознаграждая хорошо работающие блоки и блокируя плохо работающие. Но ей был задан слишком высокий порог — ее устраивали только безупречные и мгновенные ответы. Поэтому она вознаграждала только те блоки, которые отвечали быстро, а более медленные отключала — даже когда они

пытались сделать то, что в конечном счете было бы правильнее.

— А, понимаю. А дальше — эффект домино: когда какой-нибудь блок отключался, ослабевала связь других блоков с ним...

— Вот именно. И тогда реакция этих блоков замедлялась, и они тоже в свою очередь отключались. Пока программа-координатор не заблокировала всех.

— Какой ужас! Получается, что она совершила самоубийство!

— Ничего подобного! — раздраженно сказал он голосом, хриплым от усталости. — Это чистейший антропоморфизм. Машина — не человек. И что такого ужасного, когда одна схема отключает другую схему? Да там же нет ничего, кроме электроники и программ. К человеку это никакого отношения не имеет, при чем тут ужас?

— Не говорите со мной таким тоном!

Кровь бросилась в лицо Брайану, но он тут же опустил глаза.

— Простите, беру свои слова обратно. Кажется, я просто устал.

— Вам кажется, а я точно это знаю. Ваши извинения приняты. И это действительно был антропоморфизм. Но дело не в том, что вы мне говорили, а в том, каким тоном. Давайте не будем больше цапаться, лучше пойдем подышим воздухом. И уложим вас спать.

— Хорошо. Только сначала я кое-что просмотрю.

Брайан подошел к терминалу и углубился в схему робота. Один за другим на экране появлялись чертежи. В конце концов он мрачно кивнул:

— Ну конечно, опять ошибка. Она появилась после того, как я исправил последнюю. Помните, я ввел установку на подавление чрезмерной блокировки, чтобы робот не отключался сам собой? А теперь он бросился в другую крайность — не знает, когда нужно остановиться. Этот искусственный интеллект прекрасно отвечает на простые вопросы, но только если ответ можно найти почти не думая. А вы видели, что произошло, когда он не знал ответа. Начал произвольный поиск, заблудился и не понимал, что надо остановиться. Он, можно сказать, не знал, чего именно не знает.

— Мне показалось, что он просто свихнулся.

— Можно сказать и так. Для ошибок в работе человеческого мозга у нас есть множество слов — паранойя, кататония, фобия, невроз, нерациональное поведение. Наверное, для всех новых причуд, которые появятся у наших роботов, придется придумывать новые слова. И можно не надеяться, что новая конструкция заработает сразу после первого включения. В данном случае она пыталась воспользоваться всеми своими экспертными системами, чтобы решить одну и ту же задачу. Координатор оказался недостаточно силен, чтобы подавить ненужные. Весь этот набор слов свидетельствовал о том, что он цеплялся за любую ассоциацию, которая, казалось, может привести его к решению, как бы мало вероятно это ни было. А когда какой-нибудь подход оказывался неудачным, эта штука не догадывалась, что надо остановиться. Даже если наш искусственный интеллект будет работать, нет никакой гарантии, что он не окажется, с нашей точки зрения, ненормальным.

Брайан потер небритую щеку и взглянул на замершую в неподвижности машину.

— Давайте-ка как следует посмотрим вот здесь, — он ткнул пальцем в схему на экране. — Здесь видно, что случилось на этот раз. У Робина-3-1 была слишком сильная блокировка, и он отключался. Поэтому я изменил этот параметр, и теперь блокировка недостаточна.

— Так что же делать?

— Ответ простой — ответа не существует. Нет, это никакая не мистика. Я хочу сказать, что координатор должен знать больше. Именно потому, что чудес не бывает, что общего решения нет. Не может быть простого рецепта, который срабатывал бы во всех случаях, — потому что все случаи разные. Стоит только это признать, как все становится намного понятнее! Координатор должен быть связан с базой знаний. И тогда он сможет на опыте учиться тому, что должен делать!

— Вы хотите сказать, что он узнает, какую стратегию применить в данной ситуации, вспомнив, какая пригодилась ему в прошлом?

— Именно так. Вместо того чтобы искать жесткую формулу, которая срабатывала бы всегда, пусть учится на опыте, от одного случая к другому. Потому что нам нужна машина, которая была бы разумна сама по себе, чтобы не приходилось постоянно дежурить поблизости

сти, поправляя ее, когда что-то идет не так. Мы должны научить ее исправлять ошибки по мере их появления. Исправлять самостоятельно, без нашей помощи. Теперь я знаю, что делать. Помните, когда она словно ходила по кругу, повторяя одно и то же? Нам-то легко было видеть, что она бьется на одном месте. Но она не понимала, что заиклилась, — и именно потому, что заиклилась, она не могла выйти за пределы замкнутого круга и увидеть его со стороны. Это мы исправим — добавим записывающее устройство, которое будет напоминать, что она только что делала. И часы, которые будут то и дело прерывать работу программы, чтобы она могла просмотреть запись и увидеть, что движется по кругу.

— Или еще лучше — добавить еще один процессор, который будет постоянно работать, присматривая за первым. Мозг Б для присмотра за мозгом А.

— А может быть, и мозг В для присмотра, не заиклился ли мозг Б. Черт возьми! Я только что вспомнил, что в одной из моих старых записей говорилось: «Здесь поставить мозг Б, чтобы подавить заикливание». Надо бы мне, конечно, тогда писать пояснее. Дайте-ка я прикину, каким должен быть этот мозг Б.

— Только не сейчас! В таком состоянии вы все испортите.

— Вы правы. Пора спать. Лягу, не беспокойтесь, только сначала чего-нибудь поем.

— Я пойду с вами и выпью кофе.

Брайан отпер дверь и сощурился от яркого солнечного света.

— Вы мне как будто не доверяете.

— Да, не доверяю — после сегодняшней ночи.

Шелли прихлебывала кофе, пока Брайан расправлялся с завтраком по-техасски — бифштексом с яйцом и оладьями. Не в состоянии его одолеть, он перевел дух и отодвинул тарелку. Если не считать двух сменившихся с дежурства охранников, которые сидели за столом в дальнем углу, они были в столовой одни.

— Вот теперь я чувствую себя более или менее человеком, — сказал он. — Еще кофе?

— Нет, мне более чем достаточно, спасибо. Как вы думаете, сумеете вы наладить ваш свихнувшийся искусственный интеллект?

— Нет, я так на него разозлился, что стер ему всю память. Придется заново переписать кое-какие программы, прежде чем мы снова его загрузим. Это займет пару часов. Даже ассемблеру «лама-5» требуется для таких вещей много времени. И на этот раз, прежде чем запускать новый вариант, я хочу сделать резервную копию.

— Это значит — дубликат. А как вы думаете, когда у вас будет работающий человекоподобный искусственный интеллект, можно будет снять копию и с него?

— Конечно. Что бы он ни делал, это все равно всего лишь программа. Программу всегда можно скопировать, и любая копия ничем не будет от нее отличаться. А почему вы спрашиваете?

— Проблема индивидуальности. Будет ли второй искусственный интеллект в точности таким же, как и первый?

— Да, но только в тот момент, как будет скопирован. А как только заработает, начнет думать сам, — станет меняться. Вспомните: мы не что иное, как наша память. Когда мы что-то забываем, или чему-нибудь обучаемся, или нам приходит в голову новая мысль, новая ассоциация, — мы меняемся. Становимся кем-то другим. И это же относится к искусственному интеллекту.

— Вы в этом уверены? — спросила она с сомнением.

— Безусловно. Потому что именно так функционирует сознание. А это значит, что мне придется еще много поработать над критериями оценки. Потому-то и оказались неудачными столько прежних вариантов Робина. Проблема в оценке последствий — мы об этом уже говорили. На самом деле схема «возбудитель—реакция—вознаграждение» для обучения не годится: таким способом можно решать только простые задачи, дающие непосредственный результат. Нет, нужно добиваться масштабного мышления, надо обдумывать долгосрочные последствия, выяснять, какие стратегии действительно были эффективными, а какие заводили в тупик, какие ходы, казавшиеся полезными, на самом деле ничего не дали.

— У вас получается, что сознание — это что-то вроде... вроде луковицы.

— Ну да. — Он улыбнулся этому сравнению. — Хорошая аналогия. Слои за слоями, и все соединены между собой. Человеческая память не просто ассоциа-

тивна, она не ограничивается сопоставлением ситуаций, реакций на них и результатов. Это еще и прогноз. Возникающие ассоциации тоже должны включать долгосрочные цели и планы. Вот почему так важна разница между краткосрочной и долговременной памятью. Почему требуется примерно час, чтобы запомнить что-то надолго? Потому что должен быть какой-то буферный период, чтобы решить, какое поведение на самом деле достаточно полезно, чтобы занести его в память.

Внезапно он ощутил усталость. Кофе остыл, голова начинала болеть, надвигалась депрессия. Шелли заметила это и дотронулась до его руки.

— Пора спать, — сказала она. Он вяло кивнул и с трудом поднялся со стула.

Глава 26

19 июня 2024 года

Беникоф постучал, и Шелли открыла ему дверь.

— Брайан только что пришел, — сказала она. — Я как раз достала для него пива. Вам тоже?

— Если не трудно.

— Заходите, взгляните, как я устроилась, — в конце концов, оплатили все это вы.

Она ввела его в гостиную, где были тщательно вытравлены все следы казармы. Окно обрамляли шторы от пола до потолка из яркой ткани ручной работы. Темно-оранжевый ковер был подобран в тон их рисунку, с ним гармонировали и изящные линии датской мебели из тикового дерева, а почти целую стену занимало красочное пятно посткубистской картины.

— Прекрасно смотрится, — сказал Бен. — Теперь я понимаю, почему бухгалтерия была в истерике.

— Вовсе не из-за этого. Ткань и ковер — это израильский дизайн и арабская работа, стоили они не так уж дорого. Картину дала мне на время художница, моя подруга, она надеется, что кто-нибудь ее купит. Большая часть денег пошла на кухню — она оборудована по последнему слову техники. Хотите посмотреть?

— Сначала пиво. Мне нужно к этому подготовиться.

— Не хотите ли вы раскрыть тайну этого приглашения на тайландский обед? — спросил Брайан, уютно

развалившийся в мягком кресле. — Вы же знаете, что мы с Шелли здесь, в «МегаЛоуб», на положении пленников, пока вы не выловите убийц. Как мы можем отправиться в этот ваш тайландский ресторан?

— Если вы не можете отправиться в Таиланд, Таиланд может прийти к вам. Когда вы сказали, что хотите ввести меня в курс вашей работы над искусственным интеллектом, я подумал, что это надо отпраздновать. Спасибо, Шелли.

Бен сделал большой глоток холодного «Текате» и вздохнул:

— Хорошее пиво. Все началось на прошлой неделе с проверки, которую проводит служба безопасности. Я вхожу в состав комиссии из военной разведки — она проверяет каждого солдата, которого предполагается перевести сюда. Таким способом я и узнал, что рядовой Лэт Фроа завербовался в армию, только чтобы не работать в отцовском ресторане. Он заявил, что ему невмоготу стоять у плиты и хочется отведать настоящей жизни. Однако после года армейской кормежки он более чем счастлив приготовить настоящий тайландский обед на здешней кухне, если я достану все нужные приправы. Я их достал. Повара ничего против не имеют, а для личного состава это долгожданное разнообразие. С двух часов столовка в полном нашем распоряжении. Мы выступаем в качестве морских свинок: если нам понравится, Лэт пообещал вечером накормить всех остальных.

— Мне не терпится попробовать, — сказала Шелли. — Не то чтобы здесь так уж плохо кормили, но хочется чего-нибудь необычного.

— А как идет расследование? — спросил Брайан, который никогда о нем не забывал. Бен хмуро уткнулся в свой бокал.

— Рад был бы сообщить какую-нибудь хорошую новость, но мы, кажется, зашли в тупик. Мы достали послужной список Алекса Тотта. Пилот он был выдающийся, об этом говорит множество отзывов. Но сильно пил — на грани алкоголизма, и характер у него был скверный. После войны от него избавились при первой же возможности. По адресу, который он тогда оставил, мы не нашли никаких его следов. Его пилотские права еще действительны, ФБР проследило по ним, где он работал. Но сам он исчез — и след простыл. История,

которую рассказал Дасти Родс, подтвердилась. Его впустили в это дело, а потом предоставили выпутываться, как сможет. Происхождение денег, переведенных на его счет, выяснить невозможно.

— А что будет с Родсом? — спросила Шелли.

— Теперь — ничего. Остаток денег, которые он от них получил, реквизирован и передан в фонд помощи жертвам преступлений, а он дал подробные показания обо всем, что произошло и что он делал. Теперь он будет вести себя пайнкой, иначе ему придется отвечать сразу по многим статьям. Мы хотим, чтобы вокруг этого дела не было никакого шума, пока не закончится расследование.

Шелли кивнула и повернулась к Брайану:

— Расскажите мне о ваших успехах. Удалось вам заставить работать этот мозг Б?

— Знаете, удалось, и иногда он работает на удивление хорошо. Но не настолько часто, чтобы на него можно было положиться. Там то и дело происходят какие-то необычные и очень любопытные сбои.

— Неужели? Я думала, что с помощью «ламы-5» отыскивать дефекты станет проще.

— Так оно и есть. Но я думаю, тут дело больше в конструкции. Вы знаете, что мозг Б должен контролировать мозг А и вмешиваться, когда надо, чтобы он не сбивался с толку. Теоретически это должно получаться лучше, когда мозг А не знает, что происходит. Но похоже, что у Робина мозг А до того поумнел, что научился замечать такое вмешательство, — и попытался найти способ возвращаться в прежнее состояние. Кончилось тем, что между ними началась борьба за власть, за управление.

— Напоминает шизофрению у человека — расщепление личности.

— Точно. Безумие человека отражается в сумасшествии машины, и наоборот. А почему бы и нет? Когда мозг начинает барахлить, одни и те же причины будут приводить к одним и тем же симптомам — что у машины, что у человека.

— Должно быть, это не слишком приятно — когда ничего не можешь поделать с полоумным мозгом в металлическом корпусе.

— Да нет, я бы не сказал. Это даже ободряет! Чем больше сбои у робота напоминают то, что случается с

человеком, тем ближе мы к созданию человекоподобного машинного интеллекта.

— Но если все хорошо, то чем вы так обеспокоены?

— А что, это видно? Ну, возможно, дело в том, что я уже добрался до конца тех заметок, которые мы привезли. Прodelал почти все, что в них описано. Значит, теперь я отправляюсь в плавание по неведомому морю.

— А разве обязательно, чтобы этот ваш искусственный интеллект был таким же, как тот, который похитили?

— В общем да, если не говорить о мелочах. Дело в том, что в нем уж слишком много дефектов — боюсь, не застряли ли мы на второстепенной вершине.

— Что это значит? — спросил Бен.

— Простая аналогия. Исследователь похож на слепого альпиниста. Он лезет в гору и в конце концов добирается до вершины — дальше подниматься некуда. Но поскольку он ничего не видит, он не может догадаться, что поднялся не на главную вершину, а на соседнюю, пониже, и что это тупик. Цели ему здесь не достигнуть — для этого надо снова спуститься вниз и искать другой путь к главной вершине.

— В этом есть смысл, — сказал Бен. — Значит, ты хочешь сказать, что искусственный интеллект, который ты только что построил, — видимо, почти такой же, как тот, что похитили, — это, возможно, всего лишь второстепенная гора, а не главная вершина?

— Боюсь, что так.

Бен весело присвистнул:

— Так это же самая лучшая новость, какую только можно придумать!

— Вы случайно не переутомились?

— А ты подумай! Это значит, что кто бы ни украл твою старую модель, теперь оказался в таком же тупике, — но он этого даже не знает! А тебе никто не мешает усовершенствовать свою машину. И тогда у нас будет то, что нужно, а у них нет!

После недолгого раздумья на лице у Брайана появилась широкая улыбка.

— Конечно, вы правы, это действительно самая лучшая новость. Те жулики застряли в тупике — а я буду двигаться дальше.

— Только не сейчас, а после обеда, — заявила Шелли, ставя рюмку на стол и указывая на дверь. — Выме-

тайтесь отсюда. Уже больше двух, и я умираю от голода. Еда — прежде всего, а все разговоры — потом.

Когда они управились с си-хронг-му-сам-ротом — который, несмотря на устрашающее название, оказался необыкновенно вкусным и представлял собой кисло-сладко-соленую свиную грудинку, — у них едва хватило сил на десерт, состоявший из вареной на пару тыквы со сладкой начинкой.

— Никогда больше не буду есть армейского пайка, — проворчал довольный Брайан, похлопывая себя по животу.

— Скажите это повару — он будет счастлив, — отозвалась Шелли. — Во всяком случае, я так и сделаю.

Лэт Фроа принял их похвалы как должное, удовлетворенно кивая:

— Неплохо получилось, правда? Если остальным парням понравится, я постараюсь добиться, чтобы такие блюда включили в обычное меню. Хотя бы ради меня.

Бен распрощался и ушел, а Брайан и Шелли решили немного пройтись после обеда, прежде чем идти в лабораторию.

— Мне не терпится — но немного страшно, — сказал Брайан. — Отправляться в неведомые моря. До сих пор у меня была карта — мои собственные заметки, а теперь она кончилась. Не слишком ли большая наглость со стороны четырнадцатилетнего мальчишки — надеяться на успех там, где осрамился двадцатичетырехлетний?

— Ну не скажите. Доктор Снэрсбрук говорит, что вы теперь соображаете лучше, чем раньше, — ваш имплантат наделил вас какими-то необыкновенными способностями. А кроме того, вы с ней очень многого добились, анализируя работу вашего мозга, — вы узнали о себе, наверное, больше, чем мог бы узнать целый полк психологов. Я убеждена, что вам все удастся, Брайан. И вы подарите миру нечто совершенно новое.

— Человекоподобный машинный интеллект — не больше и не меньше!

Глава 27

22 июля 2024 года

Проснувшись, Бен прослушал записи своего авто-секретаря и услышал голос Брайана:

— Бен, сейчас четыре утра, и дело в шляпе! Данных, которые были в Робине, почти хватило, а остальное добавила доктор Снэрсбрук — она раскодировала кое-что из моего мозга. Это была каторжная работа, но мы управились. Так что теперь Робин теоретически содержит копию моего «суперэго». Я велел компьютеру заново пересмотреть все программы Робина и попытаться интегрировать то, что в них было, с новым материалом. Теперь мне надо немного поспать. Если сможете, приходите, пожалуйста, в лабораторию после обеда — я вам все покажу. Конец связи — и спокойной ночи.

— Дело в шляпе, — сказал Брайан, когда они встретились в лаборатории. — Данных, уже загруженных в Робина, было почти достаточно. А доктор Снэрсбрук добавила остальное — то, что можно назвать матрицей, копию моего «суперэго». Это, можно сказать, копия того, как в моем мозгу работают управляющие функции самого высшего уровня. Всю память, которая не связана с управлением, убрали, и осталась, как мы надеемся, матрица действующего разума. Не так просто было совместить эти программы с уже заложенными в

Робина, но в конце концов нам это удалось. Впрочем, по ходу дела случилось несколько солидных сбоев — о некоторых вы знаете.

— Вроде погрома в лаборатории на прошлой неделе.

— И еще одного — во вторник, — добавила Шелли. — Но все это в прошлом. Теперь наш Свен просто прелесть.

— Свен?

— На самом деле — Робин-7: выяснилось, что у шестой модели не хватало объема памяти.

— Это все Шелли, — сказал Брайан. — Ей кажется, что когда я со своим ирландским выговором произношу «seven» — «семь», получается похоже на «свен». Поэтому она тайком от меня ввела в программу шведский акцент, а кличка так и осталась.

— Ну-ка, дайте мне послушать, как робот разговаривает со шведским акцентом!

— К сожалению, ничего не выйдет. Акцент мы убрали. Слишком смешно получалось, невозможно было работать.

— Тоже верно. Ну и когда же ты меня познакомишь с вашим искусственным интеллектом?

— Сейчас. Только разбуджу Свена, — и Брайан указал на неподвижного телеробота.

— Разбудишь или включишь? — спросил Бен.

— Компьютер, конечно, работает все время. А новая схема управления памятью, оказывается, вроде сна у человека — она сортирует воспоминания, накопившиеся за день, чтобы разрешить возможные противоречия и убрать лишнее. Нет смысла загружать память тем, что человек уже знает. Свен, можешь проснуться, — произнес Брайан громко.

Крышки, закрывавшие три линзы, щелкнув, поднялись. Свен встрепенулся и повернулся к ним.

— Добрый день, Брайан и Шелли. И незнакомец.

— Это Бен.

— Рад познакомиться с вами, Бен. Это ваше имя или фамилия?

— Прозвище, — ответил Бен. Робин опять его не узнал — уже в третий раз; ничего удивительного, ведь у него заменили память. — Полностью — Альфред Дж. Беникоф.

— Рад с вами познакомиться, мистер или миссис Беникоф.

Бен удивленно поднял брови, а Брайан рассмеялся:

— Свен еще не усвоил всю информацию, касающуюся распознавания половых различий. В сущности, он начинает с нуля, и задачи у нас сейчас совсем другие. Главное — целостность. Я хочу, чтобы у Свена был столь же целостный разум, как у ребенка. Вот сейчас я собираюсь научить его, как ребенка, переходить улицы. Мы идем на прогулку — пойдете с нами?

Бен бросил взгляд на электронное оборудование, загромождавшее лабораторию, и снова поднял брови. Видя его удивление, Брайан рассмеялся и показал в дальний конец комнаты.

— Виртуальная реальность. Мне даже не верится, что техника могла так далеко продвинуться вперед за эти десять лет. Мы наденем инфоскафандры, а Свен присоединится к нам через электронику. Шелли займется имитаторами.

Скафандры расстегивались со спины. Брайан и Бен разулись и влезли в них. Скафандры были подвешены за крепления и позволяли на ходу поворачиваться и изгибаться. Плоские бегущие дорожки на полу позволяли шагать в любом направлении, а механические устройства в ботинках воспроизводили форму и характер имитируемой поверхности. Легкий, как перышко, шлем поворачивался вместе с головой, а на экране перед глазами разворачивалась картина, воссозданная компьютером. Бен взглянул вверх и увидел за верхушками деревьев обелиск в честь Джорджа Вашингтона.

— Туманная Дыра, — заметил он.

— А почему бы и нет? В памяти компьютера есть вся информация о городе, так что Свен может познакомиться с тамошними лихачами.

Иллюзия была почти полной. Рядом с Беном стоял, вытянувшись, Свен, вращая глазами. Бен повернулся к изображению Брайана и увидел, что это вовсе не Брайан.

— Брайан, ты превратился в девушку! В чернокожую девушку!

— А что? Мое изображение здесь, в виртуальной реальности, воспроизводится компьютером, так что я могу выглядеть кем угодно. Это дает Свену дополнительную возможность встречаться с новыми людьми — женщинами, национальными меньшинствами, с кем угодно. Ну что, пройдемся?

Они не спеша шагали по парку, прислушиваясь к отдаленному шуму улиц и воркованию голубей на деревьях. Парень и девушка, шедшие навстречу, прошли мимо, погруженные в беседу. Они не обратили никакого внимания на причудливую фигуру робота — ничего удивительного, ведь и их изображения были всего лишь воспроизведены компьютером.

— Мы еще ни разу не переходили улиц, — сказал Брайан. — Давайте попробуем. Шелли, вы там полегче для первого раза, ладно?

По-видимому, Шелли что-то подрегулировала, потому что поток машин, несшихся по улице, начал редеть. Их становилось все меньше, и к тому времени, когда Бен, Брайан и робот дошли до перекрестка, ни одной машины не было видно. Даже те, что стояли у тротуара, отъехали, а все пешеходы одновременно свернули за угол и больше не показывались.

— Я хочу, чтобы для начала все было попроще. Позже мы попробуем проделать то же самое с машинами и людьми. — пояснил Брайан. — Свен, можешь сойти с тротуара?

— Да.

— Хорошо. Пошли.

Бен с Брайаном начали переходить улицу.

— Нет, — внезапно сказал Свен. Брайан остановился и оглянулся на его фигуру, застывшую на месте.

— Пойдем, сейчас можно.

— Ты объяснял, что я могу переходить улицу, только если уверен, что не приближается ни одной машины.

— Ну правильно, — посмотри в обе стороны, машин не видно. Пошли.

Свен не двигался.

— Я все еще не уверен.

— Но ты же посмотрел.

— Да, тогда машин не было. Но сейчас — это сейчас.

Бен рассмеялся:

— Ты слишком буквально все понимаешь, Свен. На самом деле это очень легко. Отсюда видимость в обе стороны не меньше километра. Даже если бы из-за угла выскочила машина и поехала со скоростью сто километров в час, мы бы все равно успели перейти.

— Если бы ее скорость была пятьсот километров в час, она могла бы нас задавить.

— Ну ладно, Свен, на сегодня хватит, — сказал Брайан. — Отключаемся.

Экран потемнел, улица исчезла. Спина скафандров распахнулись.

— Ну и в чем дело? — спросил Бен, вылезая задом из скафандра и нагибаясь за своими туфлями.

— Проблема, с которой мы сталкивались и раньше. Свен все еще не знает, когда надо перестать рассуждать, демонстрируя свою безупречную логику. В реальном мире мы ни в чем не можем быть уверены на все сто процентов, так что приходится исходить из тех знаний и рассуждений, какие уместны в данной ситуации. А чтобы принять решение, в какой-то момент нужно перестать рассуждать. Но для этого нужно уметь вовремя остановиться. Я думаю, Свена как раз потому и заело, что его новое «суперэго» ингибирует эту самую способность вовремя остановиться.

— То есть отключает тот самый процесс, ради которого оно в нем и установлено? Что-то это подозрительно напоминает парадокс. И скоро вы думаете его починить?

— Я надеюсь, что чинить его вообще не понадобится. Свен должен справиться сам.

— Самообучение?

— Конечно. В конце концов, на первых порах чрезвычайная осторожность не мешает. Чтобы обучиться, нужно прежде всего остаться в живых. Это может занять некоторое время, но, обучаясь, Свен сможет приобрести прочный навык обучения, который в будущем все намного ускорит. Но сейчас у меня для вас есть кое-что важнее прогулок. Несколько дней назад Шелли соединила Дика Трейси с Робинотом. Они неплохо совместились и уже работают вместе. Свен, скажи-ка, добавил что-нибудь Дик Трейси к твоему списку промышленных изделий?

— Да.

— Давай-ка распечатку.

Зажужжал лазерный принтер, и из него поползли лист за листом. Брайан взял первый и протянул Бену. Список был, разумеется, алфавитный.

— Абак, абак, абзетцер, аблятор, абразив, абсорбер, абс-пластик... ну, и так далее, — прочитал Бен, взглянул на растущую стопку листов и в недоумении

тряхнул головой. — А ты не можешь сказать, зачем все это понадобилось?

— Мне казалось, это очевидно. Ваше расследование преступления, по-видимому, окончательно застопорилось.

— Мне жаль, если это так выглядит, но над ним работает столько людей...

— Знаю, Бен! Я вас ни в чем не виню. Это крепкий орешек, и мы хотим всего лишь помочь — хотя бы из чисто личных, шкурных соображений. Программа Дика Трейси у Шелли все еще работает, но и она, похоже, топчется на месте. И вот появляется Свен, который раскрывает тайну!

— Я не могу появиться, я уже здесь.

— Это образное выражение, Свен. Потом объясню. Можешь прекратить распечатку.

— Я дошел только до буквы «В». Вам не нужна вся распечатка?

— Нет, только начало — для примера. Отправь то, что напечатано, обратно в подающее устройство.

Зашелестев своими конечностями, Свен быстро пересек комнату, подошел к принтеру и взял стопку листов вечной бумаги из приемного лотка. Но не так, как это сделал бы человек, — всю стопку сразу: вместо этого он перенес свою тяжесть на одну из древовидных конструкций, служивших ему ногами, поднял другую и быстрым движением множества крохотных пальчиков взял каждый листок по отдельности. Поднеся их к другой стороне принтера, он отпустил их, и они соскользнули в подающее устройство, словно колода карт из рук фокусника.

— Эта распечатка, — сказал Брайан, — понадобилась только для того, чтобы дать вам представление о базе данных, которую мы собираем. Идея состоит в том, чтобы составить список всех возможных изделий, выпускаемых промышленностью, потом посмотреть, как можно их усовершенствовать с помощью искусственного интеллекта, и отбросить наименее вероятное. А когда список будет сокращен до приемлемого размера, Свен обследует все существующие базы данных в поисках возможных нитей. Он будет отыскивать новые технологические процессы, программные системы и любую другую продукцию, которую можно получить

только с помощью нового, усовершенствованного искусственного интеллекта.

— Но все эти изделия, которые были в списке, не имеют никакого отношения к делу. Я даже не знаю, что такое абзетцер.

— Конечно, многие из них нам ни к чему. Но искусственный интеллект рассуждает не так, как мы, — пока еще не так. У нас есть интуиция, а она возникает в ходе обучения, а не запоминания. Пока Свену легче составить список всего, что можно производить с помощью искусственного интеллекта. Когда список будет составлен, он начнет вычеркивать все, что не имеет отношения к делу. А когда список сократится до таких размеров, что с ним удобно будет работать, Свен начнет искать возможные нити.

— Ничего себе работа!

— А Свен — ничего себе машина! — гордо заметила Шелли. — Вместе с Диком Трейси это ему вполне под силу. Если украденный искусственный интеллект где-нибудь работает, мы выследим его, узнав, что именно он делает.

— Не сомневаюсь, — сказал Бен. — И немедленно дадите мне знать, как только нащупаете какой-нибудь след.

— Это может оказаться просто намек, тут ничего нельзя будет сказать наверняка.

— Еще как можно будет! Я все их прослежу. У меня там огромная команда, которая пока ничего толком не добилась. Я посажу их за эту работу. Честно говоря, я думаю, что только Свен в состоянии помочь нам разыскать людей, которые это сделали.

Глава 28

4 сентября 2024 года

Беникоф был уверен, что совещание не займет много времени. Все подготовленные бумаги он просмотрел, пока летел до Сизтла, а последние заметки сделал по дороге из аэропорта в Такому. Это было первое новое задание, которое он получил за долгие месяцы с тех пор, как ушел с головой в дело «Мегалоб», и никакого повода отказаться у него не было. Перед самым началом совещания зажужжал его телефон. Он взял трубку.

— Бен, это Брайан. Свен как будто обнаружил кое-какие нити.

— Быстро работает этот твой электронный мудрец.

— Как только список был закончен и все лишнее из него вычеркнуто, Свен занялся тем, что наиболее вероятно. Пока что он видит три возможных варианта. Один — это некий подозрительный пакет программ, который пишет немыслимо эффективные коды. Потом есть одна машина для ремонта обуви — возможно, там работает искусственный интеллект, потому что она может заменить любую подметку на любой модели. И есть еще одна сельскохозяйственная машина, к которой

искусственный интеллект почти наверняка приложил руку.

— Возможно? Почти наверняка? А не может твоя машина дать прямой и честный ответ — да, или нет, или пятьдесят на пятьдесят?

— Нет, не может. Свен работает с программой, основанной на понятии качественной возможности. Он вообще не пользуется числами. Я уже просил его о том же, и он отказался.

— Кто там у вас командует — ты или машина? Ну и что он сообщил?

— Эта машина называется «Смерть букашкам», можете себе представить?

— Могу — и сегодня же свяжусь с ФБР и начну действовать. Я тут должен был провести одно короткое совещание, так оно только что стало еще короче — я его совсем отменил. Сейчас же возвращаюсь к вам.

Начальник отделения ФБР в Сизтле Антонио Пердомо был рослый человек такого же крепкого сложения, как и Беникоф, лет под пятьдесят, но уже почти облысевший. Взглянув на удостоверение Беникофа, он, не тратя лишних слов, перешел к делу.

— Вашингтон уже проводил ревизию этой компании — «ДигиТекс продактс» в Остине, штат Техас. Вот материалы. Они производят и продают оптом большей частью комплектующие для электроники, хотя иногда выпускают и готовые изделия — обычно для сбыта через собственную сеть. Машина, о которой вы спрашиваете, — «Смерть букашкам» — появилась в продаже всего несколько недель назад. Они распространяют ее сами.

— А как бы нам купить одну такую?

— Это я тоже устроил. Она не продается, а сдается в аренду для использования в теплицах вместо пестицидов — так, по крайней мере, говорится у них в проспекте. Я знаю, что вы хотели бы сохранить все это расследование в абсолютной тайне, и поэтому наводил справки через одного знакомого в Торговой палате. Он связался со всеми владельцами теплиц в этих местах и попал в точку Тот, кто нам нужен, — дорожный полицейский в отставке по фамилии Нисиуми.

— Лучше не надо. Вы с ним связались?

— Он у себя и ждет вас. Ему известно только, что это какое-то важное расследование и что он никому не должен о нем говорить.

— Отлично сработано.

— Просто делаю свое дело, — улыбнулся Пердомо.

Солнце исчезло за тучами, и Сиэтл снова стал таким, каким обычно бывает зимой. Дворники, включенные на максимальную скорость, еле успевали смахивать с лобового стекла дождевые струи. Хотя машину удалось припарковать почти у самого входа, Бен и Пердомо промокли до нитки, пока дошли до теплицы.

Нисиуми, коренастый японо-американец, молча повел их в кабинет и не раскрывал рта, пока дверь за ними не закрылась. Вытерев о белый халат вымазанные в земле руки, он обменялся с обоими рукопожатием и долго, тщательно изучал служебное удостоверение Пердомо.

— Эти ребята из «Смерти букашкам» всем уши прожужжали своей рекламой. Дошли, я думаю, до каждого тепличного хозяйства в стране. Мне даже прислали брошюру о машине — вон она на столе.

— Познакомьтесь — мистер Беникоф, он организовал все это расследование, — сказал Пердомо. — Он им и руководит.

— Спасибо за содействие, — начал Бен. — Это дело особой важности, им интересуется Вашингтон, было несколько жертв. Сейчас больше ничего не могу вам сообщить. Когда все кончится, обещаю рассказать вам, о чем шла речь.

— Согласен. Это будет поинтереснее огурцов. Я заинтересовался «Смертью букашкам», когда прочитал о ней в нашем специальном журнале. Вот почему я запросил эту информацию. Но машина для меня слишком дорога.

— Считайте, будто только что получили беспроцентный и бессрочный кредит на любую сумму, какая вам понадобится.

— Рад тряхнуть стариной! Пока вы ехали сюда, я позвонил в «ДигиТекс продактс» — там указан номер, по которому можно звонить за их счет. У них есть представитель в наших местах, завтра в девять он устроит здесь демонстрацию машины.

— Замечательно. С вами будет ваш бухгалтер — то есть я. Только называйте меня Бен, а не Беникоф.

Капли дождя громко стучали в окно гостиничного номера. Беникоф опустил шторы и включил радио в надежде, что оно заглушит шум дождя. Он сидел, углубившись в бумаги, когда принесли бифштекс с кровью, зеленый салат вместо картошки на гарнир и полный кофейник кофе. Не переставая читать, он принялся не спеша есть, переваривая еду и документы в одно и то же время.

Представитель фирмы опоздал к назначенному времени — было уже почти десять, когда его фургон остановился около теплицы.

— Прошу простить — большое движение и туман. Я Джозеф Эшли, но все называют меня Джо. Вы хозяин, мистер Нисиуми?

Пока они знакомились, водитель фургона выгрузил на ручную тележку большой ящик и вкатил в теплицу. Джо сам открыл крышку и торжественно объявил:

— «Смерть букашкам»! Так оно и будет. Эта крошка решит все ваши проблемы защиты урожая.

На вид машина напоминала огнетушитель, только была немного потолще. Ярко-красный корпус покоился на шести паучьих ногах; сверху из него торчали две суставчатые металлические руки, каждая из которых заканчивалась гроздью металлических пальцев. Беникоф, скрывая свой интерес к машине, разглядывал ее с подозрением, как настоящий бухгалтер. Многократно раздваивающиеся пальцы отдаленно напоминали разветвленные манипуляторы Робина, хотя и были крупнее.

— Сейчас я только сниму с этих рук прокладки, которые мы ставим на время транспортировки, и все будет готово. — Джо вытащил пенопластовые прокладки, достал из ящика красный контейнер величиной с коробку сигар и поднял его вверх. — Это блок питания. Включается в обычную розетку и закрепляется на уровне пола. Машина полностью автономна. Сейчас ее аккумулятор заряжен, и она рвется в бой. Будет воевать день и ночь, если понадобится. А когда аккумулятор

разрядится, она просто подъезжает к блоку питания и подзаряжается.

— Наверно, это недешево обходится, — проворчал Беникоф.

— На первый взгляд недешево, мистер Бенк, да и на самом деле недешево. Но не для вас. Вы увидите, что стоимость аренды у нас более чем разумная. И готов спорить на что угодно — «Смерть букашкам» окупится так быстро, что вы и глазом моргнуть не успеете.

— А что, я должен ее запрограммировать, или ходить за ней, или что? — спросил Нисиуми.

— Она так проста в применении, что вы не поверите, пока не увидите эту игрушку в действии. Все, что от вас требуется, — это включить ее, а потом только стоять и смотреть! — Джо так и сделал, нажав кнопку пуска и отступив назад. Зажужжали моторчики, обе руки вытянулись в стороны, изящно помахивая в воздухе длинными металлическими пальцами. — Это программа поиска. Детекторы на кончиках пальцев разыскивают растения. Днем и ночью, как я и говорил, — видите, на них светятся огоньки?

Моторы зажужжали чуть громче, и машина, легко переступая ногами, грациозно приблизилась к проходу между грядками. У крайнего растения она остановилась, обе руки вытянулись вперед, ощупали землю, передвинулись к стеблю и принялись быстро-быстро перебирать листочки, ласково пробегая по зеленой коже огурцов и нежно касаясь желтых цветков на конце побегов. Послышался легкий щелчок — на одной руке открылась какая-то крышечка и тут же закрылась снова.

— Никаких пестицидов, никаких ядов, никакого загрязнения — полная экологическая чистота. Держу пари, что даже когда вы видите это своими глазами, вы все равно не можете поверить. И неудивительно, потому что ничего подобного в мире еще не было. Здесь перед вами работают почти невидимые глаза — оптические элементы на концах пальцев, которые сейчас выискивают тлей, паучков, клещей — любых букашек. Стоит ей увидеть хоть одну, как она снимает ее с растения — раз, и готово. Снимает и прячет. Руки машины внутри полые, и скоро они будут полны букашек. Настоящий пир для вашей ручной птички или ящерицы, а то еще можно использовать их как удобре-

ние. Вот оно, джентльмены, — механическое чудо нашего времени!

— Что-то оно мне кажется опасным, — кислым голосом сказал Беникоф.

— Ни в коем случае! Машина оборудована блокировкой — она не должна трогать ничего, кроме растений, а если у нее на пути окажется вы или кто-нибудь еще, она автоматически останавливается.

Торговец подошел и взялся за огурец, к которому приближались сверкающие металлические пальцы. Машина отдернула манипулятор и тревожно загудела. Гудение продолжалось до тех пор, пока он не отпустил огурец.

— Ну, не знаю, — сказал Бен. — Что вы насчет этого думаете, мистер Нисиуми?

— Если она на самом деле работает так, как говорит Джо, то тут, возможно, есть кое-какая перспектива. Мы же знаем, что овощи, выращенные без ядохимикатов, можно продать дороже.

— А какой минимальный срок аренды? — спросил Беникоф.

— Один год.

— Слишком долго. Нам надо переговорить. Пойдемте в контору.

Когда обсуждались условия контракта, Беникоф торговался, сколько мог, и добился кое-каких уступок, сам не уступив ничего. Джо вспотел, и улыбка его поблекла, но в конце концов они договорились. Контракт был подписан, руки пожаты, улыбка снова вернулась на лицо Джо.

— Замечательная это будет у вас машина, просто замечательная.

— Надеюсь. А если она сломается?

— Не сломается! Но у нас крутые сутки дежурят ремонтники — только ради того, чтобы клиенты могли спать спокойно.

— А вы не будете приезжать ее проверять?

— Только если вы попросите. Каждые полгода проводится техосмотр, вам позвонят, чтобы договориться о времени, но это обычное техническое обслуживание. Если не считать его, от вас требуется одно — спустить этого маленького дьявола на ваших вредителей и отойти в сторонку. Господа, вы ни на мгновение не пожалеете о своем решении!

Беникоф что-то подозрительно проворчал и принялся еще раз перечитывать контракт. Нисиуми проводил Джо и водителя до их фургона, а Беникоф поверх бумаг разглядывал их через окно. Как только фургон скрылся из виду, он схватил телефонную трубку и позвонил сначала в отделение ФБР, а потом Брайану.

— Не знаю, как удалось Свену выйти на эту «Смерть букашкам», но мне кажется, мы попали в точку. От этой машины прямо-таки разит твоим искусственным интеллектном. — Снаружи донесся визг тормозов — подъехал грузовик Федеральной службы доставки. — Уже приехали из ФБР. Сейчас они упакуют эту штуку и доставят ее на самолет. Она будет у тебя к утру — и я тоже.

Вошел водитель грузовика в форменной одежде — это был не кто иной, как агент ФБР Пердомо.

— Спасибо за содействие, мистер Нисиуми, — сказал он. — Без вашей помощи мы ничего не смогли бы сделать. Теперь мы заберем у вас машину.

— А что я скажу, если этот их представитель или еще кто-нибудь из фирмы захочет ее увидеть?

— Потяните время, — сказал Беникоф, — и сразу же свяжитесь с агентом Пердомо. Скорее всего, они вас не станут беспокоить, если вы не будете задерживать арендную плату. Счета тоже пересылайте Пердомо — все затраты вам немедленно возместят. Джо сказал, что техническое обслуживание нужно будет провести только через шесть месяцев. К тому времени наше расследование должно быть закончено.

— Как скажете. Если я могу еще что-нибудь для вас сделать, сообщите.

— Ладно. Еще раз спасибо.

Они отключили «Смерть букашкам», уложили ее и блок питания обратно в ящик, запаковали его в оберточную бумагу. Беникоф сел в кузов и доехал до пустого склада на окраине Сизтла. Там уже ждала группа сотрудников ФБР.

— Торрес, отдел обезвреживания бомб, — представился командир группы. — А вы мистер Беникоф?

— Верно. Я рад, что вы так быстро откликнулись.

— Такая у нас работа. Расскажите мне про эту штуку. Вы считаете, что у нее внутри взрывчатка?

— Очень сомневаюсь. Насколько мне удалось узнать, в стране работает по меньшей мере сотня таких машин.

Вряд ли в каждую заложена взрывчатка. Стоит хотя бы одной взорваться, как к ним будет привлечено нежелательное внимание и поднимется шум. Нет, меня беспокоит другое — какие-нибудь встроенные защитные устройства, предохраняющие от промышленного шпионажа. Я убежден, что производители не хотят, чтобы конструкция стала известна. У меня есть большие основания подозревать, что технология, использованная при производстве этих машин, — та самая, что была выкрадена только в прошлом году. Она еще не защищена патентами. Кроме того, есть шанс, что эта машина имеет отношение к одному преступлению, которое сейчас расследуется. Если тут замешаны те преступники, они тоже не захотят, чтобы кто-нибудь узнал, как устроена машина.

— Значит, там может быть установлена какая-то ловушка, чтобы никто не узнал, как она устроена? А может быть, устройство для самоуничтожения в случае, если кто-нибудь проявит излишнее любопытство?

— Да. Возможно, ее компьютер имеет инструкции уничтожить самого себя, или свои программы, или память.

— Для этого есть специальные стандартные модули — я много их повидал с тех пор, как сократили срок действия патентов. Такой модуль обезвредить — дело нехитрое. Но я должен попросить вас обоих выйти. Так полагается. Большую часть этих их штучек мы знаем, так что ждать придется, скорее всего, недолго.

Но ждать пришлось почти пять часов.

— Это оказалось сложнее, чем я думал, — сознался Торрес. — Хитрое устройство. Мы не стали снимать смотровую панель — слишком очевидное решение, а проникли внутрь через дно. И нашли четыре независимых друг от друга блокировочных устройства. Одно на самой панели, еще одно под болтом, который надо отвернуть, чтобы ее снять. Но в общем ничего такого, с чем мы не могли бы справиться.

— Должен был быть взрыв? — спросил Беникоф.

— Нет, взрывного устройства там нет. Была бы вспышка и, может быть, немного дыма. Все блокировочные устройства рассчитаны на то, чтобы закоротить аккумулятор на центральный процессор. Он бы тут же и расплавился. Можете забирать — хорошая машина. Что там она делает — ловит букашек?

— Именно так.

— Надо же, чего только теперь не увидишь!

«Смерть букашкам» упаковали в ящик размером побольше, который потом заколотили и опечатали. Сначала Беникоф подумывал о спецрейсе, но потом решил, что обычная посылка привлечет меньше внимания.

Грузовик Федеральной службы доставки с драгоценным грузом скрылся за пеленой дождя. К утру ему предстояло быть уже в Калифорнии.

Глава 29

5 сентября 2024 года

Беникоф обогнул очередной поворот на спуске с перевала Монтезума и увидел впереди грузовик, который не спеша ехал под гору. Он набрал номер Брайана.

— Подъезжаю к Боррего-Спрингс, грузовик сам знаешь с чем едет впереди.

— Скажите ему, чтобы поторапливался!

— Терпение! С этим лучше не спешить. Будем у вас через несколько минут.

Он прибавил газ, обогнал грузовик, как только тот выехал на равнину, и подъехал к воротам «Мегалоуб» раньше его. Майор Вуд подозрительно смотрел, как ящик сгружали на разгрузочную эстакаду.

— Вы точно знаете, что там внутри?

— Я сам видел, как его опечатывали, — и номера совпадают.

— Ничего не стоит подменить ящик и подделать печати. Я не разрешу никому открывать эту штуку, пока ее не просветили протонами и не обнюхали на наличие взрывчатки.

— Уж не думаете ли вы, что в пути кто-то вскрыл ящик, заложил туда бомбу и снова его запечатал?

— Случаются вещи и почуднее. Я всегда подозреваю худшее — это не дает мне сидеть без дела, а моих людей заставляет быть всегда наготове. В этом ящике

может быть все что угодно, в том числе и то, что туда заложили вы. Я настаиваю на том, чтобы его проверить.

Машина обнюхала ящик и не нашла ничего подозрительного. Протоноскопия тоже. Беникоф, взяв ломик, убедился в сохранности содержимого, снова заколотил ящик, чтобы «Смерть букашкам» никто не видел, и сам отвез его в лабораторию.

— Давайте ее сюда, — сказал Брайан, отпирая дверь. — Я перечитал ту брошюру, что вы мне переслали по факсу, не меньше ста раз. По-моему, очень подозрительно, что в нее вложили устройство для выжигания мозга.

— Было бы еще подозрительнее, если бы его там не оказалось. Пока патент не выдан, всякий может ее скопировать. Обычный способ борьбы с промышленным шпионажем, ничего подозрительного в этом нет. Можешь разобрать ее на части — теперь это безопасно. Парни из команды по обезвреживанию бомб отключили все ловушки.

— Давайте сначала посмотрим, как она работает, — сказал Брайан. — Ее нужно программировать?

— Нет, просто включить.

Металлические руки с жужжанием простерлись в стороны, пальцы вытянулись. Машина медленно повернулась кругом, жалобно загудела и отключилась.

— Недолго музыка играла, — заметила Шелли.

Брайан внимательно разглядывал кончик одного из пальцев.

— Готов спорить, что она пыталась уловить определенное излучение — вероятно, хлорофилла. Есть тут где-нибудь цветок в горшке?

— Нет, — ответила Шелли, — но у меня в комнате стоит букет цветов в вазе.

— Прекрасно. Прежде чем мы разберем эту «Смерть букашкам» на части, я хочу своими глазами увидеть, как погибают букашки.

На этот раз машина проработала дольше. Она подъехала к вазе, пробежала пальцами снизу вверх сначала по ней, потом по стеблям и быстро добралась до цветов. Закончив, она удовлетворенно погудела и отключилась.

— А как нам увидеть этих букашек? — спросил Брайан.

— Сейчас покажу. — Бен повернул вокруг оси нижние сегменты обеих рук и вынул встроенные в них

контейнеры. — Я вытрясу их на лист бумаги, и мы увидим ее добычу.

Он открыл контейнеры и осторожно высыпал их содержимое на бумагу.

— И все это было на моих цветах? — в ужасе спросила Шелли. — И пауки, и мухи, и даже муравьи!

— И все дохлые, — восхищенно сказал Брайан. — Вот у этого паука аккуратно отрезана голова. Для этого нужны большая точность и острое зрение. Дайте-ка я принесу лупу и рассмотрю остальные останки. — Он низко склонился над бумагой, кончиком карандаша вороша кучку мертвых насекомых. — Тут есть крохотные тли и какие-то насекомые еще мельче, вроде как порошок, — паразиты или клещи. — Он с улыбкой выпрямился. — Не думаю, чтобы все это можно было сделать без моего искусственного интеллекта, хотя и могу ошибиться. Давайте заглянем ей внутрь и посмотрим, что там есть.

Металлический корпус легко снимался — очевидно, он был предназначен только для защиты внутренних частей. Брайан принялся разглядывать схему, вода по ней отверткой.

— Вот питание, красный провод, пять вольт. Стандартное. И один двусторонний световод. Пока что все это стандартные комплектующие. Обычный трансформатор, разъемы — они разъединены.

— Наверное, это сделали парни из ФБР, — предположил Бен. — Вот увидишь, на том, что ей служит центральным процессором, найдется соответствующая панель.

— Вот он, — сказала Шелли, указывая на квадратную металлическую коробочку, установленную сбоку на шасси.

Бен обследовал коробочку со всех сторон, воспользовавшись зеркальцем и лампочкой, чтобы увидеть заднюю стенку и дно.

— С тех пор как я занимаюсь промышленным шпионажем, такие вещи встречаются мне постоянно. Она герметически закрыта, чтобы никто туда не лазил. А вон там ребра теплообменника и вентилятор, чтобы не понадобились никакие отверстия, ведущие внутрь. Видите вот этот шов? Склеен суперклеем, который застывает и становится крепче металла. Не так просто будет туда проникнуть, так что давайте не будем и пытаться. Мы

много чего сможем узнать и не распиливая ее пополам. Но рано или поздно придется залезть и внутрь, — сказал Бен.

— Может быть, но я постараюсь без этого обойтись. Там должен быть резервный аккумулятор, чтобы сохранять программу, записанную на ДБП, при отключении основного. Если учесть, сколько тут было ловушек, наверняка внутри есть еще одна, чтобы никто не мог его открыть.

— Которая закоротит аккумулятор на схему внутри? — спросила Шелли.

— Наверняка. Но чтобы обнаружить разум, обязательно вскрывать мозг! Давайте сначала сприсуем схему и точно выясним, как она работает. Потом можно устроить несколько тестов...

Брайан почувствовал, как кто-то дотронулся до его плеча, и, обернувшись, увидел, что позади него стоит Свен.

— Это и есть машина «Смерть букашкам»?

— Да, Свен. Хочешь взглянуть?

— Да.

Одним из своих древовидных манипуляторов Свен оперся о стол и плавным движением уселся на него. Ножки, на которых сидели его глаза, вытянулись в сторону неподвижной машины. Осмотр длился всего несколько секунд.

— Предположение о наличии процессора и схемы искусственного интеллекта больше не вызывает сомнений.

— Вот это мы и хотели услышать, — сказал Брайан. — Оставайся здесь, Свен. Проводить тесты будешь ты.

— Не стану вам мешать, — сказал Бен. — Сообщите мне, как только что-нибудь узнаете. Я буду у себя в кабинете. Мне надо сделать несколько звонков.

— Хорошо. Сейчас я вас выпущу.

Проверка фирмы «ДигиТекс» шла полным ходом. Беникоф позвонил агенту ФБР Дэйву Мэньясу, который с самого начала этим занимался. Но к телефону подошел кто-то другой.

— Извините, мистер Беникоф, но его сейчас здесь нет. Он просил передать вам, когда вы позвоните, что поехал к вам.

— Спасибо.

Бен положил трубку. Значит, это что-то важное, раз Мэньяс не захотел воспользоваться телефоном. Терпение! Это все, что ему остается.

Он шагал из конца в конец кабинета, время от времени прихлебывая из второй чашки кофе, когда вошел Мэньяс.

— Говорите, — сказал Бен. — Я тут уже дорожку в ковре протоптал за то время, что вы добирались.

— Дела идут прекрасно. Я все вам расскажу, если вы нальете мне большую чашку кофе. Может быть, вы сегодня ночью и спали, но ваш покорный слуга и глаз не сомкнул.

— Искренне соболезную, — равнодушно ответил Бен. — Не тяните, Дэйв, выкладывайте. Что случилось? Вот кофе.

— Спасибо. — Мэньяс плюхнулся на диван и отхлебнул большой глоток. — Мы начали наблюдение за «ДигиТекс», как только получили ваш доклад. Это не такая уж крупная фирма, всего сто двадцать служащих. Мы внедрились туда агента.

— Так быстро? Молодцы.

— Нам просто повезло. Одна их секретарша заболела гриппом. Мы сразу начали прослушивать их разговоры и слышали, как они затребовали кого-нибудь на замену. К ним явилась наша сотрудница. Она программист с большим опытом конторской работы, ей и раньше приходилось такими вещами заниматься. Незаконные сделки, служебные преступления. В бумагах можно найти все что угодно, если только знать, где искать, — а она знает. В эту «Смерть букашкам» вложены большие деньги. На заводе выстроен целый новый корпус, завезено много дорогого оборудования.

— Она уже видела документацию компании?

— Всю, какая есть. Как всегда, у замков на сейфах там простенькие цифровые коды — номера телефонов, имя жены, вы знаете, как это обычно делается. Все оказалось даже еще проще, потому что у главного бухгалтера коды, открывающие ему доступ к данным, записаны на карточке, приклеенной в ящике стола. Ей-Богу, правда!

— Хороший знак — а может быть, и плохой. Если бы им было что прятать, они прятали бы это куда лучше.

— Это никогда неизвестно. Большая часть жуликов особым умом не отличается. — Он выложил на стол

ГБП. — Во всяком случае, вот все, что у нас пока есть. Документация компании со дня ее основания. Сейчас мы собираем материалы обо всех ответственных работах. Вы их получите, как только будут готовы.

— Можно сделать какие-нибудь выводы?

— Пока еще рано, Бен. Налейте и мне еще чашку, раз уж вы за это взялись. Некоторое время назад у них, по-видимому, начались кое-какие финансовые затруднения, но они выпустили в продажу акции и получили за них больше, чем им было нужно.

— Мне нужно будет знать, кому принадлежат акции.

— Выясним. Вы думаете, это те, кого мы ищем?

— Скоро узнаем. Если они занимаются коммерческим сбытом искусственного интеллекта, то там должно быть множество документов относительно того, кто его разработал и как. Если таких документов у них не найдется, — значит, нам повезло, а им нет.

В пять часов, не дождавшись звонка Брайана, Бен отправился в лабораторию. Входная дверь была вся загромождена цветами в горшках и пальмами в бочках — чтобы добраться до двери, Бену пришлось перелезть через эти джунгли. Похоже было, что сюда собрали все растения, какие только были в «Мегалоуб». Бен поднял руку и пощелкал пальцами перед глазом телекамеры, установленной над дверью.

— Эй, есть кто-нибудь дома?

— Привет, Бен, — послышался в ответ голос Брайана. — Я как раз собирался вам звонить. Тут у нас есть кое-что интересное. Подождите секунду.

Горшками был заставлен и весь рабочий стол в лаборатории. Первым, что увидел Бен, были «Смерть букашкам» и Свен, которые словно сплелись в нежном объятии: робот стоял рядом с полуразобранной машиной, запуская в ее внутренности свои разветвляющиеся пальцы.

— Любовь с первого взгляда? — спросил Бен.

— Не совсем. Мы просто прослеживаем входы и обратные связи. Если рассмотреть эти ее пальцы под лупой, то видно, что они собраны в правильные пучки. В каждом пучке есть по пучку поменьше из трех

частей — двух оптических датчиков и одного источника света. Датчики установлены на одинаковом расстоянии друг от друга. Это вам ни о чем не говорит?

— Говорит — о бинокулярном зрении.

— Угадали. А кроме того, что можно назвать глазами, в каждом пучке есть еще по четыре механических манипулятора. Три тупых — для хватания, а четвертый с острым краем — для расчленения. Он отрезает насекомому голову, прежде чем бросить его в бункер. Каждый пучок работает независимо от других — почти.

— Как это понять?

— Давайте я прокручу вам пленку, и вы сами увидите.

Брайан вставил в видеомэгнитофон кассету и нашел нужное место.

— Мы снимали на очень высокой скорости, а показываем медленно. Смотрите.

Изображение было ярким, четким и во много раз увеличенным. Округлые металлические прутья медленно охватили муху размером в полметра с медленно и беспомощно трепетавшими крыльями и утащили ее куда-то из кадра. То же случилось и с тлей, сидевшей рядом.

— Сейчас прокручу еще раз, — сказал Брайан. — Теперь следите за второй букашкой. Смотрите — видите над ней пучок пальцев? Сначала они неподвижны, а вот заработали. Но муха и с места не двинулась, пока они ее не схватили. Понимаете, что это значит?

— Видеть я видел, но сегодня я что-то недогадлив. Что же это значит?

— Рука не пользовалась грубой силой и скоростью движений, не пыталась поймать муху налету. Вместо этого робот использует свои знания, чтобы предугадать поведение каждого насекомого! Когда машина нацеливается на муху, она, приближаясь к ней, втягивает свои хватательные пальцы, так что мухе кажется, будто они от нее удаляются, — пока не окажется, что улетать ей уже поздно. И мы уверены, что это не случайность. Похоже, что «Смерть букашкам» знакома с поведением любого насекомого, какое только есть вот в этой книге.

Брайан протянул Бену толстый том — «Справочник по этологии насекомых» 2018 года издания.

— Но откуда она может знать, с каким насекомым имеет дело? Для меня все они на одно лицо.

— Хороший вопрос. Распознавание образов с самого первого дня было для разработчиков искусственного интеллекта настоящим проклятием. Промышленные роботы всегда плохо распознавали детали, сборкой которых занимались, если они не были повернуты к ним определенным образом. Когда мы видим чье-то лицо и узнаем его, в этом участвуют тысячи различных сигналов. Чтобы написать программу для сбора букашек с растений, пришлось бы описать в ней всех букашек, какие только есть на Земле, их размеры в любом ракурсе и все прочее. Программа получилась бы очень громоздкая и трудная. Но для вас, или для меня, или для действительно человекоподобного искусственного интеллекта собрать букашек ничего не стоит. Опознать их, протянуть руку, схватить — невероятно сложные действия, но они для нас незаметны. Это один из атрибутов, одна из функций интеллекта. Мы протягиваем руку и хватаем — и все тут. Вот это, как нам кажется, здесь и происходит. Если там сидит искусственный интеллект, он протягивает пучок пальцев и хватает букашку. Как только букашка схвачена, он передает пучок, который ее держит, в распоряжение другой подпрограммы, которая снимает букашку с листка, отрезает ей голову и сбрасывает в бункер, после чего пучок возвращается в рабочее положение, готовый выполнить новую команду. За это время искусственный интеллект вывел другой пучок на хватательную позицию, потом еще один и еще, передавая управление ими быстрее, чем мы можем увидеть в реальном времени. Точно так же действовали бы и мы с вами.

— Говорите о себе, Брайан. По мне это довольно скучное занятие.

— Машинам не бывает скучно — во всяком случае пока. Но до сих пор все это были косвенные соображения. А теперь я покажу вам кое-что получше. Видите, как Свен подключился к системе управления «Смерти букашкам»? Он считывает все входные сигналы с детекторов и все идущие в обратном направлении управляющие команды. Вы, конечно, знаете, что сообщество сознания — человеческого или искусственного — состоит из очень маленьких элементов, каждый из которых сам по себе интеллектом не обладает. То, что мы называем интеллектом, — это их совокупные действия. Если бы мы могли вытащить один из элементов и

посмотреть на него, мы могли бы понять, как он действует.

— В мозгу человека?

— Нет, это вряд ли возможно. А вот в искусственном интеллекте, на раннем этапе его конструирования, эти элементы можно вычленишь. Анализируя кое-какие контуры обратной связи «Смерти букашкам», мы обнаружили одну повторяющуюся последовательность — фрагмент программы, который можно опознать. Вот он — сейчас вам покажу.

Брайан нажал несколько клавишей, и на экране появилась серия команд. Он потер руки и радостно улыбнулся.

— А теперь я хочу показать вам еще один фрагмент программы. Он из мексиканской базы данных. Блок команд, которые я даже не помню, — но написать их мог только я. Теперь я разделю экран пополам и выведу туда и его.

На экране появились рядом обе программы. Брайан начал медленно листать их. Бен некоторое время переводил взгляд с одной на другую, а потом ахнул.

— Боже, да они совершенно одинаковы!

— Так оно и есть. Одну я написал больше двух лет назад. Другая — в этой машине. Они идентичны.

Бен вдруг помрачнел.

— Ты хочешь сказать, что нигде в мире больше нет этого фрагмента? Что он не используется ни в одной коммерческой программе?

— Именно это я и хочу сказать. Я написал его и отправил резервную копию в Мексику. Оригинал был похищен. Те, кто это сделал, вероятно, не смогли толком в нем разобраться, чтобы переписать все заново, и просто использовали его как есть. И кто бы там его ни похитил, этот фрагмент встроен в машину для ловли букашек. Они попались!

— Да, — тихо произнес Бен. — Кажется, они действительно попались.

Глава 30

12 сентября 2024 года

— Вы отдаете себе отчет в том, что прошла уже целая неделя? — спросил Брайан. — Черт возьми, целую неделю назад я неопровержимо доказал, что этого железного недоноска для ловли букашек построили те самые люди, кто похитил мой искусственный интеллект. И еще — это, может быть, не так уж важно для вас, но чертовски важно для меня, — те самые люди, кто тогда отстрелил мне полголовы. И за эту неделю не сделано абсолютно ничего!

— Это не совсем так, — возразил Бен как мог спокойно и мягко. — Расследование продолжается. Им так или иначе заняты, вероятно, больше восьмидесяти наших агентов...

— Мне все равно, пусть даже этим займется сразу весь штат ФБР, и ЦРУ в придачу. Когда что-нибудь будет сделано?

Бен молча отхлебнул пива. Они уже больше часа сидели в квартире Брайана, ожидая обещанного звонка. Нервы у обоих были на пределе. Бен уже не раз терпеливо объяснил, почему могла произойти задержка. Но у Брайана терпение кончилось — и его можно было понять. Атмосфера понемногу накалялась с того самого момента, когда обнаружилось, что «ДигиТекс» использует разработки Брайана для производства ис-

кусственного интеллекта. Он все ждал, когда что-нибудь произойдет, когда что-то наконец выяснится. Работа в лаборатории приостановилась. Не помогла и третья, угрожающих размеров, порция «маргариты», которую смешал себе Брайан: недавно один из сержантов в клубе показал ему, как это делается, и он вошел во вкус. Он только взял бокал и отпил изрядный глоток, когда раздался звонок. Брайан проглотил все разом, поперхнулся, отставил бокал и, нащупав на поясе телефон, едва выговорил:

— Да?... — Он закашлялся. — Повторите, пожалуйста. Хорошо. — Он вытер платком глаза, обтер рот и с трудом перевел дыхание. — Совещание начинается через десять минут.

— Пошли, — с огромным облегчением сказал Бен, поставив на стол свой бокал и вставая. Выйдя из дверей казармы, они увидели, что их поджидает майор Вуд с отрядом солдат.

— Мне не нравится, что вы показываетесь на публике, — резко сказал майор.

— Мы недалеко, — ответил Бен. — Только до административного корпуса, а он, как вы можете видеть, в двух шагах отсюда.

— И чертовски близко к воротам, а до шоссе там рукой подать.

— Майор, я уже вам объяснял: никак иначе этого сделать нельзя. Мы должны воспользоваться конференц-залом. Все пошли нам навстречу. По вашему требованию служащих «Мегалоуб» с обеда распустили по домам. Техники проверили зал и все здание. Что вам еще нужно? Зенитную батарею?

— Это у нас уже есть. На крышах четырех корпусов стоят ракетные установки «земля—воздух». Пошли.

Повсюду виднелись вооруженные до зубов солдаты. Даже поваров вызвали с кухни и поставили в оцепление. Хотя до административного корпуса была всего сотня-другая метров, майор настоял на том, чтобы они проехали это расстояние на бронетранспортере.

Брайан еще никогда не бывал в конференц-зале «Мегалоуб» и с большим интересом оглядывался по сторонам. Зал был отделан роскошно: Ван Гог на стене, вполне возможно, подлинный, неяркоое освещение, толстый ковер на полу, длинный стол черного дерева с

креслами по одну его сторону. Всю стену, к которой стол был придвинут другой стороной, занимало зеркальное окно. Отсюда, с пятого этажа, открывался великолепный вид на пустыню и далекие горы.

— Пожалуй, пора, — сказал Бен, взглянув на часы. В эту самую секунду вид на пустыню исчез, и вместо него появился еще один конференц-зал. Только теперь Брайан сообразил, что вся стена представляла собой телеэкран высокого разрешения, а изображение на него передавали стереокамеры, выпуск которых недавно начался.

Хотя впечатление было такое, будто участники совещания находятся в одной комнате, их разделяла вся территория страны. Стол, за которым сидели те, кто был в столице, тоже стоял вплотную к экрану — казалось, что все собрались за одним столом. «Наверное, для таких телесовещаний столы специально делают одинаковой длины и высоты», — подумал Брайан.

Все заняли свои места.

— Брайан, ты, по-моему, незнаком с агентом Мэньясом — он с самого первого дня занимался этим исследованием от ФБР.

— Рад с вами наконец познакомиться, Брайан.

— Здравствуйте, — это было все, что мог придумать в ответ Брайан. Можно считать это знакомством или нет? Очевидно, для агента ФБР такие совещания были привычнее, чем для него.

— Готов ввести нас в курс дела, Дэйв? — спросил Бен.

— Для этого мы и собрались. Вы получали копии всей нашей информации сразу после ее обработки. Есть какие-нибудь вопросы?

— Конечно, есть! — резко сказал Брайан, которого не оставляло нетерпение. — Не кажется ли вам, что давно пора предпринять какие-то действия, чтобы схватить преступников?

— Да, сэр, безусловно пора. Поэтому мы и собрали это совещание.

— Хорошо, — отозвался Брайан, удовлетворенно откинувшись на спинку кресла и чувствуя, что напряжение, в котором он жил последние несколько дней, начинает спадать.

— Позвольте обрисовать вам положение дел на сегодняшний день. Сейчас в нашем распоряжении находится вся документация компании «ДигиТекс», а также личные дела всех ее сотрудников. Наступил такой момент, когда мы уже больше ничего не можем получить ни из общедоступных, ни из секретных источников. Мы полагаем также, что продолжать слежку нецелесообразно. Наши люди ведут ее весьма хорошо и профессионально, однако с каждым днем растет вероятность, что их случайно обнаружат. Поэтому было решено, что сегодня в четыре часа дня по времени Горного часового пояса наступит оптимальный момент для операции. — Брайан взглянул на часы — до этого момента осталось сорок пять минут. — Сейчас агент Ворски объяснит вам, что произойдет.

Худой человек с военной выправкой кивнул им с экрана и взглянул на лежавшие перед ним бумаги.

— В настоящий момент на заводе работают четверо наших агентов.

— Так много? — спросил Бен. — Это обязательно вызовет подозрения.

— Да, сэр, вызвало бы, если бы операция была отложена. Это одна из причин, почему мы начинаем сегодня. Об одном из агентов, который работает в заводууправлении, вы знаете. А два дня назад там имели место три случая легкого пищевого отравления, вызванные неисправностью холодильной установки в одной из автомашин, доставляющих на завод продукты. В агентстве по найму, которое обслуживает «ДигиТекс», состояли на учете наши агенты.

Никто не поинтересовался, почему эти случаи отравления произошли так кстати, и Брайан тоже решил ни о чем не спрашивать.

— Наш план очень прост и был уже не раз проверен на практике. Ровно в четыре прозвучит пожарная тревога, и всем будет предложено покинуть здания. Как только это произойдет, двое наших агентов займут заводууправление и перекроют доступ ко всей документации, а другие двое возьмут на себя исследовательский отдел. Ударным группам, которые выдвинутся на место, выданы вот такие каски, которые позволят нам следить за ходом операции на всех ее этапах. — Он полез рукой куда-то вниз и вынул каску, которую

положил на стол. Она была похожа на бейсболку из какого-то черного пластика с фонарем наверху.

— Она изготовлена из очень прочного пластика и защищает голову. Но для нас важнее вот эта камера кругового обзора на макушке. Она работает автономно, изображение стабилизируется с помощью лазерного гироскопа, а управляют камерой наши операторы, которые сидят здесь. В какую бы сторону ни шел тот, на ком надета каска, и куда бы он ни повернул голову, мы будем видеть то, что нам нужно.

Он повертел каской в воздухе, поворачивая ее во всех направлениях, — объектив постоянно был направлен в сторону экрана.

— Ударных групп шесть, а этим устройством в каждой группе будет снабжен один человек. Все шесть изображений появятся на наших экранах. Наши режиссеры будут увеличивать то из них, которое нас больше интересует, и мы услышим его звуковое сопровождение. Разумеется, все изображения будут записаны для дальнейшего изучения. А сейчас вы будете иметь возможность следить за операцией в реальном времени.

— Есть какие-нибудь вопросы? — спросил Мэньяс. — Я еще успею рассказать вам, что мы будем делать. Прежде всего мы возьмем под охрану все оборудование и документацию, чтобы ничего нельзя было уничтожить или вывести из строя. Затем все, кто там работает, включая тех четверых служащих, которые сегодня больны, будут задержаны и допрошены. У нас к ним много вопросов, и я знаю, что на все мы получим ответы. Сейчас начинаем отсчет — осталось десять минут.

Второй конференц-зал исчез, и на его месте появилось шесть экранов, на которых не видно было ничего интересного. Две камеры, видимо, находились внутри закрытых фургонов: контрастные черно-белые изображения были получены, очевидно, в инфракрасных лучах. На правом верхнем экране виднелась густая листва деревьев, остальные три были пусты. Брайан указал на них:

— Что, перегорели?

— Вероятно, отключены. Эти агенты либо в своих машинах, либо видны окружающим. Пока не стоит

привлекать внимание, надевая эти шапки, — уж очень они напоминают мультики. Осталось шесть минут.

Когда осталось две минуты, на экранах началось какое-то движение. Теперь горели уже все шесть экранов, на двух из них съемка шла с передних сидений движущихся автомобилей. Все ударные группы одновременно приближались к заводским зданиям.

С наступлением намеченного момента события стали развиваться очень быстро. Завыли сирены пожарной тревоги. Камеры на всех касках, которыми управляли операторы из центра, по-прежнему были направлены прямо вперед, но некоторые изображения слегка подпрыгивали: агенты в касках куда-то бежали. Одна за другой распахивались двери, слышались удивленные возгласы и суровые голоса, приказывающие оставаться на местах.

Потом одно из изображений внезапно увеличилось — на нем было видно, как вооруженный агент взламывает какую-то дверь. Внутри оказалась группа людей, стоящих лицом к стене с поднятыми руками. Позади них стоял еще один человек с пистолетом — очевидно, тоже агент, потому что остальные пробежали мимо.

— Это лаборатория электроники, — сказал Брайан.

Сцена в лаборатории снова уменьшилась, а вместо нее появился другой увеличенный кадр — люди, вбегающие в дверь, и какая-то перепуганная женщина, пытающаяся их остановить.

— Что такое? Сюда вход воспрещен! Кто вы такие?

— Мы из ФБР. Отойдите в сторону, пожалуйста.

Чья-то рука протянулась вперед и распахнула внутреннюю дверь. Очевидно, помещение было звукоизолировано, потому что седой человек, сидевший за большим столом и набиравший номер, даже не поднял головы. Только когда камера переместилась в комнату, он что-то услышал и посмотрел в ее сторону, положив трубку.

— Где пожар? И что вы делаете в моем кабинете?

— Никакого пожара нет, мистер Томсен.

— Тогда вон отсюда — и немедленно!

— Вы мистер Томсен, исполнительный директор компании «ДигиТекс»?

— Я вызываю полицию, — рывкнул Томсен, хватаясь за трубку.

— Мы и есть полиция, сэр. Вот, смотрите.

Томсен взглянул на предъявленный ему значок и медленно опустил трубку.

— Значит, вы из ФБР? А теперь скажите-ка мне, какого дьявола вы тут делаете?

Он откинулся на спинку кресла. Лицо его стало мертвенно-бледным.

— Вы мистер Томсен?

— Какого дьявола, там на двери написано, кто я такой. Скажете вы мне, что вы тут делаете, или нет?

— Я хочу сразу же предупредить вас и убедиться, что вам известны ваши права.

Томсен молча слушал, как агент зачитывает ему по бумажке статьи закона, и только когда тот кончил, повторил свой вопрос.

— Мы проводим расследование, касающееся вашей компании и вас лично...

— Это я и так вижу! А теперь скажите, что за игру вы тут затеяли.

— У нас есть основания считать, что некое лицо или лица, являющиеся служащими этой компании, непосредственно замешаны в преступлении, совершенном 8 февраля прошлого года в Калифорнии, в компании «Мегалоуб индастриз».

— Я не знаю, о чем вы...

Дальнейшее произошло с ужасающей внезапностью. Раздался оглушительный взрыв, весь экран закрыли языки пламени и клубы дыма. Послышались громкие возгласы и чей-то отчаянный вопль. Изображение на экране резко дернулось, в кадре появился кусок пола, потом стена, которая поплыла куда-то в сторону.

Под непрекращающиеся крики на экране появился еще один увеличенный кадр — передающая его камера быстро перемещалась через дверь в комнату. Весь кабинет был завален дымящимися обломками. Несколько человек давились кашлем в дыму. «Врача!» — крикнул кто-то. Один за другим агенты поднимались на ноги. Камера обошла всю комнату и остановилась на белой стене.

— Кровь, — сказал Беникоф. — Какого дьявола, что там случилось?

Те же слова неслись и с экрана. Камеру оттолкнули в сторону — в комнату вбежали двое врачей и склони-

лись над телами, лежавшими на полу. Через секунду один из агентов, с лицом, перемазанным копотью, и струйкой крови, сбегавшей по лбу, повернулся к камере.

— Взрывные устройства. В телефонах. Тот, что на столе, был рядом с нами. У меня двое тяжелораненых. А у подозреваемого — у него телефон был на поясе. — Агент помедлил, потом, переведя дух, мрачно произнес: — В общем, он готов. Разорван пополам.

Глава 31

12 сентября 2024 года

Все сидели и молча слушали поступавшие одно за другим сообщения. Если не считать этого несчастного случая, операция завершилась полным успехом. Все подозреваемые были настигнуты и задержаны, ни документация, ни оборудование не пострадали. Подошли полицейские части, которые оцепили территорию. В первоначальный план пришлось внести лишь одно изменение: теперь каждое здание, прежде чем в него войдут специалисты, подвергалось тщательному осмотру усиленного подразделения по обезвреживанию бомб, и вход на территорию завода всем остальным был запрещен до тех пор, пока они не обеспечат полную безопасность.

Из агентов один был убит, один тяжело ранен.

— Самоубийство? — спросил Брайан. — Томсен покончил с собой, Бен?

— Не думаю. Сначала он держался нагло, но уже начинал сдавать — ты видел, как он был встревожен. Если он замышлял самоубийство, он был замечательный актер. Могу предположить, что его убили, чтобы не проболтался. Он наверняка располагал информацией о тех, кого мы ищем, — возможно, и сам был одним из них. Им уже не впервой убивать или покушаться на

убийство, чтобы заставить людей молчать. Это жестокие люди.

— Но как они могли узнать, что происходит?

— Самыми разными способами. В кабинете, а может быть, и по всему зданию могли стоять подслушивающие устройства. Скорее всего обнаружится, что это были телефоны. Они теперь делаются на твердотельных элементах и никогда не ломаются. И в них помещается множество всяких штучек. Они могут записывать сообщения, отвечать на вызовы, обеспечивать связь на расстоянии, проводить телефонные совещания, принимать факсы, да мало ли чего еще. Ничего не стоит сделать так, чтобы телефон был постоянно включен и прослушивался другим абонентом. А еще — поместить внутрь пластиковый заряд со взрывателем, настроенным на определенный код. Он может лежать там много лет в ожидании нужного момента. А потом, когда этот момент наступит и тому, кто подслушивает, не понравится то, что происходит, — он нажимает на кнопку, и бабах! Разговор окончен.

— Это ужасно!

— Они ужасные люди.

— Но они должны были подслушивать круглые сутки... хотя нет. Не так уж сложно поставить автомат, опознающий слова. И настроить его на определенные слова — например «ФБР» или «Мегалоуб», вот и все. Когда какое-нибудь из них приведет в действие программу, она пробьет тревогу, кто-то сразу же начнет слушать и решит, что делать. Это страшные люди. Пока мы тут сидели и слушали, что происходит в кабинете, где-то еще то же самое слушал какой-то мерзавец. И как только он понял, в чем дело...

— Тут он и положил конец разговору. Конечно, скверное дело, но пусть это тебя не слишком огорчает. Расследование не кончилось, а только начинается. Они хорошо замели следы, — но вы со Свеном их обнаружили. Один негодий мертв, еще кто-то прячется, но все улики у нас в руках. Мы их еще выловим.

— А пока я по-прежнему заперт в «Мегалоуб». Как в пожизненном заключении.

— Рано или поздно это кончится, я тебе обещаю.

— Вы не можете ничего обещать, Бен, — устало произнес Брайан. — Я пойду прилягу. Поговорим завтра утром.

Он ушел к себе, бросился на кровать и тут же заснул. Проснулся он в одиннадцатом часу вечера и сообразил, что разбудило его бурчание в животе — он ничего не ел вот уже четырнадцать часов. И много пил — наверное, слишком много. В холодильнике он нашел сухой завтрак и литровый пакет молока и приготовил себе кашу. Включив недавно установленное в комнате окно (которое не было окном), он поставил перед ним стул и принялся не спеша есть, глядя на пустыню, залитую лунным светом, и на звезды, ярко светившие даже у самого горизонта.

Что будет дальше? Оказались ли они снова в тупике после смерти Томсена? Или в ходе расследования выйдут на людей, которые за ней стояли? На ту неизвестную шайку убийц, которые задумали и похищение материалов, и все эти убийства?

Было уже очень поздно, когда Брайан разделся и улегся в постель. Он спал как убитый до тех пор, пока его не разбудило жужжание телефона. Протерев глаза, он взглянул на часы — было уже одиннадцать утра.

— Да?

— Доброе утро, Брайан. Вы сегодня будете в лаборатории?

Он еще об этом не думал — слишком устал, слишком скверное настроение. И вообще слишком много событий.

— Нет, Шелли, вряд ли. Мы слишком долго работали без выходных. Нам обоим пора денек отдохнуть.

— Поговорим за обедом?

— Нет, у меня. . другие дела. Делайте, что хотите, я позвоню вам, когда придет время снова приступить к работе.

Подавленное настроение не покидало его. Когда они обнаружили след, ведущий к «ДигиТекс», он так надеялся! Он был так уверен, что на этом все кончится, что его скоро выпустят на свободу. Но ничего не изменилось. Он все еще заперт здесь и не может выйти, пока заговорщиков не найдут. Если их вообще найдут. Но эта мысль была для него невыносима.

Он попробовал посмотреть телепередачу, но скоро заметил, что ничего в ней не понимает. Так же как и в «Национальных Ежегодниках», комплект которых он распечатал и переплел. Обычно он с большим интересом листал их, пытаясь воссоздать пропущенные годы.

Но не сегодня. Он смешал себе «маргариту», пригубил, поморщился и выплеснул коктейль в раковину. Слишком рано, и вообще алкоголь — не выход. Вместо этого он сделал бутерброд с сыром и томатным соусом и позволил себе запить его одной банкой пива.

Тщетно прождав звонка Бена до полудня, Брайан позвонил ему сам. Никаких новостей, дела идут, но медленно. Надо ждать у телефона, он позвонит, как только что-нибудь произойдет. Спасибо.

В конце концов Брайан взялся за свою старую любовь — Э.Э.Смита и перечитал заново четыре тома его фантастики. И несколько рассказов Бенфорда о роботах. А потом улегся в постель.

Телефон зазвонил только в полдень следующего дня. Он схватил трубку.

— Бен?

— Это доктор Снэрсбрук, Брайан. Я только что приехала в «Мегалоуб» и хотела бы повидаться с тобой.

— Но я... м-м-м... немного занят сейчас, доктор.

— Ничем ты не занят Ты сидишь один у себя и не выходил уже два дня. Люди встревожены, Брайан, вот почему я здесь. Как твой лечащий врач я говорю тебе, что нам надо повидаться.

— Может быть, попозже? Я позвоню вам в клинику.

— Я не в клинике. Я внизу в том же здании, где и ты. Я хотела бы подняться к тебе.

Брайан хотел было возразить, но потом примирился с неизбежным.

— Дайте мне пять минут, чтобы хоть что-нибудь надеть.

Он оделся и, услышав звонок, открыл дверь.

— Выглядишь ты неплохо, — сказала Эрин Снэрсбрук, когда он ее впустил. Окинув его профессиональным взглядом, она вынула из сумочки аппарат для диагностики.

— Дай-ка мне руку, пожалуйста.

Одного прикосновения к его коже было достаточно. Машинка радостно жужжала, и на ее экране появились цифры и буквы.

— Кофе? — спросил Брайан. — Я только что заварил.

— С удовольствием, — сказала она, вглядываясь в маленький экран. — Температура, давление, глюкоза,

фосфоламин — все в норме, только альфа-реактиназа немного выше. Как голова?

Он провел рукой по коротким рыжим волосам.

— Как всегда: никаких симптомов, никаких проблем. Вы вполне могли бы и не приезжать. Физически я в полном порядке. Это все старая добрая меланхолия и депрессия.

— Тебя можно понять. Со сливками, сахара не надо. Спасибо.

Она уселась в одно из кресел за столом и начала мешать ложечкой в чашке, пристально глядя в нее, словно это был магический хрустальный шар.

— Ничего удивительного, я должна была это предвидеть. Ты слишком много работал, слишком напрягал мозг, переутомился. Не забудь — делу время, потехе час.

— Какие уж там потехи в этой казарме или в лаборатории!

— Ты совершенно прав, с этим надо что-то делать. Я виновата, что не прекратила это с самого начала. Но мы оба так радовались твоему выздоровлению, тому, что ты получил доступ к процессору-имплантату, — в общем, всему. А работа у тебя шла так хорошо, что был постоянный эмоциональный подъем. А теперь наступил крутой спад. Убийство в «ДигиТекс» и тупик, в котором они оказались, стали последней соломинкой.

— Вы об этом знаете?

— Бен все мне рассказал под строгим секретом. Поэтому я сразу же и приехала сюда. Чтобы тебе помочь.

— И что вы мне пропишете, доктор?

— Как раз то, чего тебе хочется. Выбраться отсюда. Отдых и полную перемену обстановки.

— Прекрасно, только на это в ближайшем будущем у меня мало шансов. Я ведь здесь настоящий пленник.

— Почему ты так думаешь? Разве положение не изменилось после разоблачения «ДигиТекс»? По-моему, изменилось. Я велела Бену немедленно прибыть сюда со всеми подробностями. Мне кажется, систему безопасности здесь нужно серьезно пересмотреть, — и я на твоей стороне.

— Неужели?! — Брайан вскочил на ноги и принялся шагать по комнате. — Только бы мне вырваться

отсюда! А с вашей помощью это мне, может быть, и удастся.

Он потер небритую щеку и почувствовал уколы щетины.

— Наливайте себе еще кофе, — сказал он, направляясь в ванную. — Мне надо побриться, принять душ и переодеться в чистое. Я сейчас.

Как только он скрылся за дверью, улыбка сползла с ее губ. Она была далеко не уверена, что сможет убедить начальство предоставить Брайану чуть больше свободы. Но она была твердо намерена потребовать, чтобы оно многое изменило. Она приняла решение и сознательно встала на сторону Брайана, чтобы оказать ему моральную поддержку, в которой он так нуждался. Даже если отчасти это и была всего лишь уловка, рассчитанная на то, чтобы поднять его настроение, она искренне стремилась ему помочь. Нет, это не цинизм, это логика. Эрин никогда не была замужем, вся ее жизнь была посвящена работе, — но за Брайана, которого она вытащила из могилы, подарив ему новую жизнь, она чувствовала такую же ответственность, как за собственного ребенка. И она была готова драться за то, чтобы он мог получить какие-то права, привилегии, радости, — как кошка дерется за своих котят.

Вскоре явился Беникоф — олицетворение мрака и безысходности: все по-прежнему, ничего нельзя изменить, пока не будут получены дополнительные улики. Она встретила Бена так же неприветливо, как и Брайан, сидя рядом с ним на диване — не случайно, а чтобы подчеркнуть, что она на его стороне, и сердито грозя Бену пальцем.

— Нет, все это никуда не годится. Когда крутом наемные убийцы и преступники, еще ладно — ради Брайана я согласилась на все эти меры безопасности. Но сейчас все изменилось...

— Нет, доктор, не изменилось. Мы все еще не нашли тех, кто за этим стоит.

— Все это чушь — прошу извинить за выражение. Вы забыли, что покушение на жизнь Брайана было устроено потому, что он остался жив после того, первого налета? Это угрожало будущей монополии похитителей на искусственный интеллект. Но теперь вы вышли на этот завод по производству искусственного интеллекта и обнаружили какую-то дурацкую машину для

ловли букашек. Ничего себе достижение! Да теперь, когда Брайан со своим искусственным интеллектом далеко их опередил, мы можем производить собственные машины, которые будут куда лучше! Вы вообще понимаете, что я хочу сказать?

— В этом, по-моему, есть большой смысл, — вмешался Брайан. — Вместо всех этих мер безопасности и секретности мы должны теперь рассказать всему миру о наших успехах с искусственным интеллектом. Раззвонить везде, что скоро мы запустим в производство новых роботов, которые перевернут всю жизнь человека. Будем продолжать выпуск «Смерти букашек», а здесь, в «Мегалоуб», начнем делать какие-нибудь еще изделия с искусственным интеллектом — не забудьте, что для этого меня и взяли сюда на работу с самого начала! Монополия ликвидирована, тайна раскрыта — зачем им теперь меня убивать?

— Ты в чем-то прав.

— В этом все дело. Вы тут главный, вы можете принять решение.

— Эй, погоди, не так скоро. Я главный только в расследовании налета на «Мегалоуб». А системой безопасности, как тебе известно, заведует твой приятель генерал Шоркт. Все это решать ему.

— Тогда идите к нему и добейтесь для Брайана немного свободы! — настойчиво сказала доктор Снэрсбрук. — Как лечащий врач Брайана я утверждаю, что это необходимо для его здоровья.

— Я на вашей стороне, — ответил Бен, поднимая руки в знак того, что сдается. — Как можно скорее отправляюсь к нему.

— Вот и прекрасно! — радостно сказал Брайан. — Но пока вы еще не убежали, расскажите, как движется дело «ДигиТекс»?

— Все записано вот на этой ГБП, я знал, что ты этим заинтересуешься. Но я могу и рассказать в двух словах. Обнаружилось много любопытных подробностей. Мы почти уверены, что «ДигиТекс» была только прикрытием для этой операции и что один только Томсен знал, что она имеет отношение к «Мегалоуб». Примерно год назад кто-то выкупил «ДигиТекс» за большие деньги — тогда здесь и появился Томсен. У него довольно темное прошлое, о чем в компании не знали. Пара банкротств и даже судебное дело — прекращенное за недостат-

ком улик — по обвинению в противозаконных коммерческих операциях. Он неплохой делец, но слишком жаден, чтобы остаться честным.

— Самая подходящая фигура для прикрытия.

— Правильно. Характер производственной деятельности фирмы остался почти тем же, в кадровом составе, конечно, были сделаны некоторые изменения, но такие, какие бывают в любой компании. Все перемены коснулись исследовательского отдела. Был построен новый лабораторный корпус, и началась работа над усовершенствованными экспертными системами. Во всяком случае, так думали все, кто работал в лабораториях. В их разговорах, конечно, упоминался искусственный интеллект, но никто не знал, что он краденый. От них требовалось только встроить его в их машину для ловли букашек.

— Но кто-то в исследовательском отделе должен был это знать, — сказала доктор Снэрсбрук.

— Разумеется. И это был некий доктор Бочерт, который в компании руководил исследованиями, касающимися роботов.

— А кто он такой? — спросил Брайан.

— Этого мы пока не знаем, потому что не смогли его разыскать. Пожилой человек, за семьдесят, а может быть, и за восемьдесят — так говорят техники, которые у него работали. Несколько месяцев назад ему стало плохо, и его увезла «скорая помощь». Служащим сказали, что он тяжело болен и находится в больнице. Кое-кто посылал ему цветы и записки и получал ответы с благодарностью, написанные медсестрой.

— А в какой он был больнице? Разве нельзя по конвертам определить, где он лежал?

— Интересный вопрос. Но похоже, что вся почта из больницы адресовалась Томсену — он сам вскрывал конверты и раздавал записки.

— Давайте я скажу, что выяснилось дальше, — предложил Брайан. — Ни одна «скорая помощь» ни из какой больницы тех мест никого из «ДигиТекс» не забирала. И этот старый сукин сын не зарегистрирован ни в одной больнице в радиусе двухсот километров.

— Ты быстро набираешься опыта, Брайан. Так оно и есть, и дальше мы пока не продвинулись. Снова тупик. Правда, мы нашли твой украденный искусственный

интеллект. Но где-то еще могут быть другие, так что мы продолжаем поиски.

— И я буду продолжать,— сказал Брайан, решительно подойдя к столу и схватив ГБП, которую принес Бен. — Свен снова примется за работу. Он уже нашел искусственный интеллект, и не сомневаюсь, что из той информации, какая у вас тут есть, он выудит еще какие-нибудь нити.

— А твои каникулы? — спросила доктор Снэрсбрук. — Ты ведь по-прежнему хочешь вырваться на свободу?

— Конечно, доктор. Только спешить нам незачем. Бену нелегко будет убедить генерала Шоркта, что меня надо выпустить. А пока он будет этим заниматься, мы со Свеном продолжим расследование и раскроем это преступление. Они все еще на свободе — эти воры и убийцы. Они мне много навредили — и, клянусь Богом, я отплачу им. Сторицей!

Глава 32

19 сентября 2024 года

Брайан хотел некоторое время побыть один, чтобы как следует поразмыслить о своих делах, и не сказал Шелли, что идет в лабораторию. Он хорошо знал генерала Шоркта и понимал, что никаких действий с его стороны в ближайшее время ждать не приходится. Но это не имело значения — пока. Наконец он получил возможность спокойно посидеть и подумать о будущем — о своем собственном будущем. С того момента как та пуля попала ему в голову, за него все время думали и решали другие. Давно пора ему начать думать самому. Закрыв за собой дверь, он прошел в дальний конец лаборатории.

— Доброе утро, Брайан, — сказал Свен.

— Доброе утро? А у тебя в часах аккумулятор не сел?

— Нет, прошу прощения. Я не запрашивал время. Я очень много думал и не заметил, что уже первый час. Добрый день, Брайан.

— И тебе того же.

Брайан уже заметил, что чем больше у Свена возникает новых систем и внутренних связей между ними, тем больше его психика начинает приближаться к человеческой. Если подумать, в этом не было ничего удивительного. Один из факторов, благодаря которым интел-

лект становится «человеческим», — его постепенное развитие, накопление и изменение, добавление новых и новых слоев, когда одни части помогают в работе другим, а третьи подавляют своих конкурентов или используют их, влияя на их восприятие или корректируя их цели. Конечно, Свен стал уже далеко не таким, как раньше. Брайану пришло в голову — действительно ли Свен забыл о времени или сознательно разыграл свойственную человеку рассеянность, чтобы Брайан чувствовал себя с ним свободно? Надо будет потом об этом поразмыслить как следует, — а пока займемся работой.

— Брайан, я хотел бы кое о чем с тобой поговорить.

— Прекрасно. Только сначала я хочу загрузить в тебя данные вот из этой ГБП. Когда увидишь, что там, сразу поймешь, как это важно. Вот так — а теперь о чем ты хотел со мной поговорить?

— Ты не мог бы поставить в это тело резервную память? В бронированном корпусе? И еще один резервный аккумулятор?

— А почему ты об этом подумал? Из-за того прототипа искусственного интеллекта, который мы нашли в «Смерти букашкам»?

— Конечно. — Брайан отошел к пульту управления, и глаза телеробота повернулись вслед за ним. — Но там бронированный контейнер нужен был для того, чтобы скрыть наличие искусственного интеллекта. А мне такое устройство нужно, чтобы обеспечить продолжение моего существования в случае какого-нибудь несчастного случая или поломки. Резервная память, полностью соответствующая истинной, всегда будет под рукой для замены.

— А ты не забыл, что для этого каждый день делается резервная копия?

— Я ничего не забываю. Но я не хотел бы потерять целый день. Для тебя один день — незаметное мгновение, а для меня — целая вечность. Я хотел бы еще, чтобы сохранялись и более ранние копии, потому что самой последней может оказаться недостаточно. Если я вдруг лишусь рассудка, в последних копиях меня могут остаться те же самые неполадки.

— Это я понимаю, но каждая копия обходится очень дорого, а наш бюджет ограничен.

— В таком случае пока будет достаточно двух копий, если держать их в разных местах. И здесь возникает один интересный вопрос. Если сейчас стереть мои блоки памяти и загрузить на их место предыдущую копию, останусь я той же самой личностью? Существует ли сознание после смерти? А если существует, то в виде какой резервной копии?

— А ты как думаешь? — спросил Брайан.

— Я не знаю. Философы-классики расходятся во мнениях по поводу того, продолжает ли личность существовать после смерти, даже если есть загробная жизнь. Но они, видимо, не рассматривали проблему множественных резервных копий. Я думал, ты сможешь что-то сказать по этому поводу.

— Могу — но не уверен, что мое мнение будет более обоснованным, чем твое. Во всяком случае я согласен, что тебе надо поставить второй источник питания, и это надо сделать немедленно. Сейчас я его принесу. А ты пока сопоставь данные, которые я только что загрузил, с прежними.

— Я уже этим занимаюсь.

Брайан достал из шкафа мощный аккумулятор и проверил зарядку. Послышался шелест — телеробот, подошедший сзади, заглянул ему через плечо.

— Лучше его еще подзарядить, — сказал Брайан. — Если ты возьмешь это на себя, я займусь подключением. А ты не думал, на какой источник питания ты хотел бы поменять твой основной?

— Думал. Недавно отдел энергетики «Мегалоуб» выпустил в продажу твердые углеводородные топливные элементы. Они состоят из расходуемых полиацетилен-кислородных электродов и имеют очень высокую энергоемкость на единицу веса, потому что сам топливный элемент представляет собой проводник, который полностью расходуется в ходе реакции с атмосферным кислородом. Не остается абсолютно никаких побочных продуктов — элемент бесшумно превращается в нетоксичные газы без малейшего запаха.

— Звучит неплохо. Достанем.

— Я уже заказал один от твоего имени, его доставили сегодня утром.

— Что? Тебе не кажется, что ты слишком своевольничаешь?

— Своевольничать согласно словарю означает действовать по собственной прихоти или произволу. Это не прихоть, а логическое решение, которое ты одобрил. А произвол согласно словарю — это деспотические действия или поведение. Я не веду себя деспотически и поэтому не понимаю, почему ты воспользовался этим словом. Не можешь ли ты объяснить...

— Нет! Беру его обратно. Ошибка, хорошо? Нам действительно нужен этот топливный элемент. Я все равно заказал бы его, ты просто мне помог. Покорно благодарю.

О своих последних словах Брайан пожалел, но потом подумал, что вряд ли лингвистические способности Свена настолько изощрены, что позволяют ему распознавать иронию. Однако он быстро обучается.

Свен подождал, пока не будет установлен новый источник тока, а потом заговорил:

— А ты не думал о том, чтобы поставить в моего телеробота атомную батарейку? Она увеличила бы его мобильность и гарантировала бы от перебоев в электропитании.

— Что? Можешь не продолжать. Атомная батарейка исключена по двум причинам. Во-первых, ими запрещено пользоваться в общественных местах, они опасны. Даже для того, чтобы использовать их на спутниках, нужно разрешение международной комиссии. А во-вторых, ты знаешь, сколько они стоят?

— Да. Около трех миллионов долларов.

— Так вот, это очень дорого.

— Я согласен. А ты согласен, что новые молекулярные ДБП стоят примерно столько же?

— Безусловно. Сейчас они буквально не имеют цены, потому что еще не выпускаются серийно. Но когда их цена снизится до того, что национальный бюджет сможет это выдержать, я хотел бы заполучить хоть несколько. Сто миллиардов мегабайт в кубике размером с ноготь! Мы могли бы обойтись без всего этого стенда с электроникой и поместить всю систему внутрь твоего телеробота. Сделать тебя полностью автономным, независимым. Ты это имел в виду, да?

— Да. Ты должен согласиться с тем, что моя физическая оболочка очень неуклюжа в сравнении с твоей.

— Это потому, что у тех, кто меня создавал, было куда больше времени, — сказал Брайан. — Шесть-

десять миллионов лет на отладку. Вот сколько времени понадобилось, чтобы первые млекопитающие превратились в людей. Твоя эволюция будет идти намного быстрее, и шла бы еще быстрее, если бы у нас были такие деньги, о каких ты говоришь. Но я не могу себе представить, чтобы «Мегалоуб» настолько расщедрилась только ради того, чтобы ты мог свободно гулять по лаборатории. Хотя с такой памятью можно было бы много чего сделать. Ты понимаешь, что один такой блок памяти способен вместить целые столетия видеопозаказ?

— А ты мог бы установить его себе в мозг, Брайан?

— Замечательная мысль! И иметь фотографическую память. Было много случаев, когда люди объявляли, что у них фотографическая память, — и всякий раз удавалось доказать, что это ложь. Но в отличие от этих шарлатанов мы действительно смогли бы запоминать все, что видим.

— И, возможно, все мысли, которые приходят нам в голову. Так ты купишь нам несколько таких блоков памяти?

— К сожалению, об этом не может быть и речи. Потому что я не богач, и ты тоже.

— Это существенно. Значит, мы должны стать богачами.

— Целиком и полностью с тобой согласен.

— Я рад, что ты согласен, Брайан. Я долго изучал капиталистическую систему. Чтобы заработать деньги, нужно иметь что-то такое, что можно продать. Какой-нибудь товар. Я придумал такой товар. — Телеробот протянул руку и дотронулся до телефона на поясе у Брайана. — Мы будем продавать телефонное обслуживание.

— Свен, — медленно и серьезно произнес Брайан, — ты меня поражаешь. Послушай, дай я сначала возьму из холодильника банку лимонада и сяду. А потом ты мне все расскажешь. Ты записываешь этот разговор, чтобы потом можно было его прослушать снова?

— Не записываю, запоминаю. Я перестану говорить до тех пор, когда ты возьмешь банку лимонада и сядешь.

Брайан не спеша направился к холодильнику, потом поискал стакан. Очевидно, Свен, прежде чем завести этот разговор, самым тщательным образом все обдумал.

После того как он получил согласие на резервный аккумулятор, остальное шло само собой, слово за слово. Значит, он не только решил, чего хочет, но и подготовил целый сценарий презентации! Да, он далеко ушел от той сбивчивой речи, на которую только и был способен недавно. А почему бы и нет? Как заметил предыдущий вариант Робина, почему искусственный интеллект должен развиваться в таком же темпе, как и человеческий?

Брайан принес лимонад, уселся в кресло и поднял стакан, словно провозглашая тост. Свен воспринял это как сигнал и продолжал с того самого места, где остановился:

— Я обследовал все базы данных, к которым имею доступ, и решил, что необходимый источник дохода может обеспечить телефонное обслуживание. Прежде всего, заметь, что разные телефонные компании страны предоставляют в точности одни и те же услуги. Все они используют самые последние технические усовершенствования, поэтому ни одна из них не в состоянии предложить лучшие услуги, чем другие. Единственное различие состоит в расценках — клиенты выбирают то, что дешевле. Но есть нижний предел расценок, ниже которого компания не может спуститься, если не хочет прогореть. Так что единственное, что она может сделать, чтобы увеличить свою прибыль, — это отбить клиентов у другой компании. Поэтому я считаю, что мы должны предложить одной из компаний новую услугу. Таковую, которая побудит клиентов тратить больше денег на данную компанию.

— Пока что я со всем согласен. Но какую услугу мы можем предложить?

— Что-нибудь такое, что могу делать только я. Приведу тебе пример. Я контролирую все телефонные разговоры, которые ведутся из здания, где ты живешь. Там, как ты знаешь, размещено много военнослужащих. Один из них — рядовой Алан Бакстер из штата Миссисипи. Он звонит своей матери 1,7 раза в неделю. Эту цифру можно увеличить. В течение дня бывают периоды, когда междугородные линии недогружены. Я могу связаться с рядовым Бакстером и предложить ему вести разговоры в определенное время за меньшую плату. Он будет звонить матери чаще, и прибыль компании увеличится. Позже ассортимент услуг может быть

расширен. По историям болезней, материалам переписей и другим документам я определил даты рождения и различных годовщин не только сго матери и отца, но и многих других родственников. Мы можем напоминать ему, чтобы он звонил им в определенные дни. Умножь это на число абонентов, и прибыль телефонной компании вырастет еще.

— Конечно! Но зачем останавливаться на этом? Ты мог бы звонить женам, у которых мужья уезжают в командировку, и сообщать им телефоны отелей, где остановился супруг, — чтобы они могли звонить ему по ночам и проверять, один ли он. Или звонить солдатам, которые давно не звонили домой, и наживаться на их угрызениях совести. Ты понимаешь, насколько аморальна эта идея? Не говоря уж о том, что она противозаконна. Ты не имеешь права подслушивать чужие разговоры.

— Нет, имею. Я машина. Я обнаружил, что каждый телефонный разговор подслушивают много других машин. Некоторые из них контролируют слышимость на линии, обеспечивают двустороннюю связь, регистрируют время разговора. Все это не противоречит закону. И то, что я предлагаю, тоже.

Брайан допил лимонад и поставил стакан на стол. Он не знал, что сказать.

— Свен, это прекрасная идея. И она, конечно, сработала бы. И нет ничего плохого в том, что мы будем сотрудничать как деловые партнеры, чтобы заработать денег на покупку вещей, которые тебе необходимы. А пока обещаю тебе, что постараюсь вытянуть из «Мега-лоуб» все, что смогу. Кроме того, мне надо как следует подумать над тем, что ты сказал. Боюсь, что ты поставил больше вопросов, чем дал ответов.

— Я готов дать ответы на эти вопросы.

— Нет, не думаю. Тут возникают проблемы морали и этики, которые не так просто разрешить. Дай мне время подумать — понимаешь, все это было несколько неожиданно. А пока я хотел бы вернуться к делу «ДигиТекс». Ты переработал новые материалы?

— Да. Необходимо выяснить местонахождение доктора Бочерта. Я полагаю, что расследование в Румынии уже ведется?

— Почему в Румынии?

— Этот вопрос показывает, что ты незнаком с последними данными по делу. Установлено, что доктор Бочерт — румын по национальности и читал лекции по вычислительной технике в Бухарестском университете. Он ушел оттуда, когда был принят на работу в «ДигиТекс». Там есть примечание — если он еще жив, не исключено, что он вернулся в эту страну.

— А каковы шансы на то, что он еще жив?

— Я счел бы это весьма маловероятным. Если учесть его возраст, упоминание «скорой помощи» и предшествующие действия неизвестных преступников с целью устранения утечки информации при помощи убийств.

— Верно. Слишком часто падала на меня тень их черных крыльев. Но если ты считаешь, что Бочерт — это тупик, то, может быть, есть какие-то другие направления расследования, которые выглядели бы более перспективными?

— Есть. Существует совпадение, о котором, насколько я вижу, еще никто не упоминал. Я считаю, что оно имеет прямое отношение к делу, и предлагаю им заняться.

— А что это такое?

— Знакомясь с последними материалами, я затребовал все планы, проекты, лицензии, разрешения, наряды, накладные и прочие документы, относящиеся к строительным и ремонтным работам на заводах «ДигиТекс». Не кажется ли тебе интересным, что строительство лабораторного корпуса там началось в декабре 2022 года?

— Нет, не кажется.

Свен в нерешительности умолк. Неужели он уже так разумен, что может придавать своему голосу интонации, похожие на человеческие? А почему бы и нет? После паузы он продолжал:

— А тебя не покажется интересным тот факт, что пол в этом корпусе был забетонирован 9 февраля прошлого года?

— Я не понимаю... — Брайан вдруг вскочил на ноги и крикнул: — Нет, понимаю! Это не просто интересно, это потрясающе! Этот пол забетонировали на следующий день после налета на «Мегалоуб»!

Глава 33

21 сентября 2024 года

— Да, подбросил ты им работенки, — сказал Беникоф, когда Брайан впустил его в лабораторию. — От этого твоего скромного сообщения о том, что там взялись за бетонирование сразу после налета на «Мегалоуб» в ФБР забегали как одержимые. Ночные дежурства, ордера на обыск и все такое. Это нужно было видеть. Не думаю, чтобы кто-нибудь там ложился спать с тех пор, как ты взорвал свою бомбу.

— Судя по крутам под глазами, это относится и к вам тоже.

— Относится, и, пожалуйста, не предлагай мне кофе. Я чувствую, что уже потею кофеином. — Он заглянул в открытую дверь и увидел пустующее рабочее место. — А где Шелли?

— У себя дома. Утром ей позвонили и сказали, что у ее отца сердечный приступ и его отвезли в больницу. Она весь день не отходит от телефона. У них, видимо, очень дружная семья, и она в отчаянии, что не может туда выбраться. Генерал Шоркт обещал рассмотреть ее просьбу — точно так же, как рассмотрел мою, когда я просил выпустить меня на выходные. Для начала — каменное лицо, а потом его секретари отвечают, что он позвонит сам. Старый сукин сын.

— Это не то слово, только я пока еще не подобрал другого. Как ты знаешь из докладов, в «ДигиТекс» все немного успокоилось. По-видимому, никто из служащих не знал о похищении, хотя некоторых техников все еще продолжают допрашивать. Всех остальных распустили в отпуск с условием, чтобы они не уезжали из Остина, пока судьба компании не будет решена.

— Она уже решена. Я был на заседании здешнего совета директоров. Вы знаете, что они назначили Кайла Рохарта исполнительным директором? Так вот, теперь он уже председатель правления. Все активы «ДигиТекс» переданы в распоряжение ликвидационной комиссии. Стоимость их ничтожна: владельцы большей части акций распродали их, как только стало ясно, что компания не имеет никаких прав на их главное изделие — мой искусственный интеллект. Вам удалось выследить кого-нибудь из них?

— Нет, и сомневаюсь, что вообще удастся. Оффшорные компании, подставные лица. Следы становятся все слабее и теряются.

— Но это не гражданское, а уголовное дело! Акции компании были проданы через несколько минут после убийства Томсена. Это доказывает, что убийцы и акционеры действовали заодно.

— Это только подозрение, Брайан, а не доказательство, и никакой суд не примет его во внимание. Во всяком случае, его недостаточно, чтобы запросить разрешение на нарушение банковской тайны в десятке стран. Мы будем искать, но сомневаюсь, что мы их когда-нибудь найдем. По крайней мере, им пришлось изрядно раскошелиться — они получили всего по пятчатку за доллар.

— Очень им сочувствую. Во всяком случае, похоже, что «Мегалоуб» получит разрешение выкупить имущество «ДигиТекс». Это позволит обойти щекотливый юридический вопрос — необходимость доказать, что их искусственный интеллект — это на самом деле наш искусственный интеллект. Сейчас мой адвокат намертво сцепился с адвокатами «Мегалоуб» — они решают, причитается ли мне сколько-нибудь из доходов, которые принесет «Смерть букашкам», потому что по моему прежнему контракту мне бы просто дали от ворот поворот. Очень занятно. А что привело вас сюда?

— У тебя тут есть ввод кабельного телевидения. Позволь мне позвонить из лаборатории в ФБР. Они там, в Остине, работали всю ночь — прожектора и сотня агентов. Из лабораторного корпуса все вывезено — все как есть, остался только голый пол. А что последует дальше, ты знаешь.

— Они будут снимать бетон?

— Верно. Всех очень интересует, что может быть там спрятано. Пусти меня к телефону, я должен с ними связаться.

Бен направился к телефону, а Брайан включил телевизор. Он принимал и записывал все программы новостей, где упоминалось о расследовании. На экране появился завод «ДигиТекс» — до него было не меньше километра, и он весь дрожал и зыбился в волнах горячего полуденного воздуха. Телеобъектив показал через головы охранников голую стену здания.

— ...Гадают, что сейчас происходит там, внутри. Официальное сообщение гласит лишь, что идет расследование преступления, совершенного в начале этого года в одной из компаний в Калифорнии. В сферу расследования попал и взрыв на этом заводе, случившийся три дня назад, в результате которого было убито два человека и ранен один, по слухам — агент ФБР. Более подробное сообщение ожидается позже.

— Ну, мы сейчас узнаем больше, — сказал Бен и произнес в трубку: — Дэйв, ты слушаешь? Да, мы готовы. Какой канал? Понял, девяносто первый. — Брайан нажал кнопку, и на экране появился агент Мэньяс с микрофоном в руке. — Слышим хорошо, прием отличный.

— Ладно. Подключаю вас к линии из Остина.

Экран мигнул, и на нем появился внутренний вид какого-то пустого здания. В ярком свете прожекторов суетились люди. Внезапно раздался оглушительный визг водяной пушки. Струя воды под давлением в два миллиона атмосфер способна разрезать все что угодно, — за исключением изготовленного из алмаза-12 сопла, из которого она вырывается. Громкость тут же уменьшили. Кадр передвинулся к дальней стене, где водяная струя врезалась в пол. Бетонная плита отделилась от пола, ее подняли на рычагах и оттащили в сторону. Стала видна подстилавшая пол песчаная подушка. Убрали еще несколько плит, яма в полу стала больше. Агенты с тонки-

ми стальными щупами спустились туда и принялись осторожно погружать их в песок. Тем временем вокруг них разборка пола продолжалась.

Несколько минут спустя один из агентов крикнул что-то, чего они не расслышали. Водяная пушка остановилась, и послышался его голос:

— Здесь что-то закопано. Давайте лопаты.

Бен и Брайан невольно придвинулись к экрану, — им передалось напряжение, царившее на месте событий. Они видели, как яма становилась все глубже, как один из агентов залез в нее, отложив лопату, и вытащил что-то руками в перчатках.

— Собака! — произнес Брайан.

— Немецкая овчарка, — подтвердил Бен. — Четыре такие собаки исчезли в ту ночь, когда тебя ранили.

Все они оказались там — четыре сторожевые собаки. Их тщательно завернули в пластиковую пленку и унесли.

Но это были не единственные трупы, обнаруженные в яме. Там лежали еще пять человеческих тел.

Бен схватил трубку и набрал номер.

— Дэйв! Ты на месте? Хорошо. Позвони мне немедленно, как только будут опознаны эти трупы. Все мужские? Да, понял.

Когда принесли пластиковые мешки для трупов, Брайан выключил телевизор.

— Хватит. Больше я не выдержу. Не забудьте, ведь я тоже чуть не...

Закончить фразу он не смог и умолк, закрыв лицо руками.

— Брайан, что с тобой?

— Нет, ничего. Пожалуйста, Бен, дайте мне стакан воды.

Брайан залпом выпил почти весь стакан и с удивлением обнаружил, что плачет. Он вынул платок и попытался улыбнуться.

— Никак не думал, что мне доведется плакать на собственных похоронах. — По тому, как он это сказал, видно было, что ему не до смеха. — Мы знаем, кто были эти люди, да, Бен?

— Пока не знаем, но можем предположить. Там наверняка будут охранники, которые тогда исчезли.

— И кто еще? В ту ночь дежурили только три охранника. А кто остальные?

— Не стоит гадать, Брайан. Скоро узнаем точно.

— Нет, стоит! — выкрикнул Брайан, вскочил на ноги и зашагал взад и вперед по комнате, чувствуя, как внутри у него все болезненно сжалось. — Потому что я тоже должен был лежать там под бетоном, вместе с ними, в этой жуткой вечной тьме и молчании!

— Но ты там не лежишь, Брайан, — это самое главное. Ты выжил, спасибо за это тебе и мастерству доктора Снэрсбрук. Ты жив — вот что важно!

Брайан взглянул вниз, на свои сжатые кулаки, разжал их и расправил пальцы, изо всех сил стараясь взять себя в руки. Прошло несколько минут, прежде чем он заговорил снова.

— Вы, конечно, правы. — Он тяжело вздохнул, снова сел в кресло и вдруг почувствовал озноб. — Давайте выпьем. Только на этот раз чего-нибудь покрепче, чем вода. Я подумываю о том, чтобы бросить пить... но только не сейчас. Тут где-то в шкафу припрятана бутылка ирландского виски. Нашли? Воды не надо, пожалуйста, разве что капельку. Вот, спасибо.

Виски обожгло ему горло, но помогло. К тому времени когда телефон Бена снова зазвонил, он уже чувствовал себя почти человеком. Услышав звонок, он вздрогнул и, сам того не замечая, судорожно вцепился пальцами в подлокотники кресла. Бен взял трубку.

— Слушаю. Да. Это точно? Хорошо. Я скажу ему. — Он положил трубку. — Мы были правы насчет охранников. Все они там. И Мак-Крори, он заведовал вашей лабораторией. И еще кое-кто... вот уж чего я не ожидал. Они опознали тело Тотта.

— Начальника службы безопасности?

— Его самого. Человека, который, вероятно, организовал все похищение. Это мог быть только он — он один имел такую возможность. Просто невероятно, до чего безжалостны эти люди — они вели двойную, тройную игру. А раз Тотт мертв, значит, его брата мы тоже никогда не найдем живым. В этой общей могиле его нет, потому что в ту ночь он должен был вернуть вертолет. Но он мертв, тут не может быть никаких сомнений. А больше всего меня беспокоит, что в этой могиле нет еще одного человека. Человека, которого я хорошо знал, о котором горевал, которого мы до сих пор считали одной из жертв, пристреленных в ту ночь. Ведь

мы нашли на полу его кровь — верный признак убийства.

— Бен, о ком вы говорите?

— А, прости. О Дж.-Дж. Бэкуорте, председателе правления компании «Мегалоуб индастриз».

Но ведь он наверняка был убит вместе с остальными. Наверное, его похоронили где-то еще.

Бен сердито мотнул головой:

— Не может быть. Все было спланировано очень точно, до последней мелочи, почти до доли секунды. К тому времени как фургон прибыл туда, могила была готова, и тела сбросили в нее. Если Бэкуорта там с ними нет, — значит, он еще жив. Он был прекрасный администратор, всегда все тщательно продумывал. Похоже, он и организовал этот налет вместе со всеми убийствами. Может быть, мы никогда не узнаем, кто стрелял в тебя, Брайан. Но я убежден в одном: мы точно знаем, кто стоял за этим выстрелом.

Глава 34

22 сентября 2024 года

На следующее утро Брайан уже собирался отправляться в лабораторию, когда ему позвонил Бен.

— Эта история в Техасе здорово всех расшевелила — и здесь, и в Вашингтоне. Наступило время совещаний. Могу тебя обрадовать — очередное начнется через несколько минут. Мы с тобой на этом конце, и еще Кайл Рохарт — он будет представлять «Мегалоб». А в Туманной Дыре Дэйв Мэньяс доложит о вчерашней операции — и будет иметь удовольствие сидеть за одним столом с генералом Шорктом. Я уже внизу, и охрана прислала за тобой машину.

— Подождите, я сейчас.

Когда они влезли в бронетранспортер, Бен спросил:

— А как Шелли и ее отец?

— Она говорит, положение стабилизировалось. Он все еще в больнице, но держится. Но самая главная новость — то, что она звонила мне из аэропорта. Представляете, ей дали разрешение выехать отсюда в Лос-Анджелес.

— Такое разрешение мог дать только генерал Шоркт. Если он решил ослабить режим, то не исключено, что и тебя...

— Бен, скажите лучше «вполне возможно», это звучит намного приятнее. Я чувствую себя так, словно меня

вот-вот выпустят из тюрьмы. Вы не забыли, что, если не считать той поездки в Мексику, я сижу под замком с тех самых пор, как вернулся к жизни?

— Да ну? Вот не знал! Почему же ты мне не сказал раньше?

Шутка была не из лучших, но оба рассмеялись. Брайан понял, что срок его заключения близится к концу.

Рохарт обменялся с ними рукопожатиями.

— Похоже, дело идет к концу. Я буду счастлив, когда с ним будет покончено, — хотя, наверное, и не так счастлив, как вы, Брайан. Мне хватает забот с «Мегалоуб». И хочу сообщить вам одну хорошую новость. Адвокаты заканчивают составление соглашения, которое мы с вами должны подписать. Там много всяких «если», но общий смысл ясен. Если «Мегалоуб» выкупает «ДигиТекс», а так скорее всего и случится, и если сбыв «Смерти букашкам» будет приносить прибыль, и если сторожевые псы из комиссии государственного контроля одобряют всю эту сделку, то после покрытия всех расходов и выплаты гонорара юристам вы получаете из этих доходов такую же долю, как и по вашему новому контракту с нами.

— Что-то быстро сдались ваши адвокаты.

— Я переговорил об этом с членами правления, и мы дали им указание сдаваться. Все пришли к единому мнению: вы через многое прошли, Брайан, и незачем вам теперь еще дергаться из-за таких вещей.

— Я вам признателен...

— Это самое меньшее, что мы могли сделать. А, вот и картинка. Кажется, начинаем.

Пейзаж за окном исчез, и вместо него появился конференц-зал в Вашингтоне. Дэйв Мэньяс как раз усаживался за стол рядом с генералом, вид у которого, как обычно, был мрачный и сердитый.

— Представлять, кажется, никого не надо, — начал Мэньяс, — здесь все друг с другом знакомы. Сейчас я доложу вам о том, что сделано ФБР, а потом Бен расскажет об общем ходе расследования. Под тем бетонным монолитом в Остине мы обнаружили тела охранников, начальника службы безопасности Арпада Тотта, Мак-Крори и четырех сторожевых собак. Тело председателя правления мистера Бэкуорта найдено не было.

— Но монолит большой, он занимает всю площадь лаборатории, — заметил Бен.

— Был большой. Сейчас он извлечен оттуда весь, до последнего кусочка. Как и песчаная подушка. Под ней находится явно не потревоженный первоначальный грунт — плотно слежавшийся песок и камни. Поэтому мистер Бэкуорт вычеркнут из списка предполагаемых жертв и теперь возглавляет список лиц, которых разыскивает ФБР.

— А мои материалы — записи и заметки? — спросил Брайан.

— Они находятся в компьютерных базах данных «ДигиТекс»; мы потратили немало времени, но все же раскололи код и получили к ним доступ. Мы не можем сказать, насколько они полны, но даты совпадают. Там есть еще заметки, добавленные после налета, и мы предполагаем, что они принадлежат доктору Бочерту. Это тем более вероятно, что они написаны по-румынски.

— Что с теми, кто работал в «ДигиТекс»? — спросил Бен.

— Мы проверили их показания и считаем, что никто из них не замешан. Все они были наняты на работу после апреля этого года. К этому времени доктор Бочерт уже разработал прототип управляющего блока, который они начали выпускать.

— Считаете ли вы, что этот так называемый управляющий блок и есть мой искусственный интеллект? — спросил Брайан. — Может быть, частично упрощенный и запрограммированный лишь на истребление насекомых?

— Этого я с уверенностью сказать не могу, мистер Дилени — вам лучше знать. Но мы исходим именно из такого предположения. Во всяком случае, об этом вам надо говорить с Беном. Уголовную часть расследования мы считаем на этом законченной. Копии всей похищенной информации будут возвращены вам, в «Мегалоуб», для опознания и использования по вашему усмотрению. Убийства считаются нераскрытыми, и дела по ним не закрываются. Кроме того, мы продолжаем розыск мистера Бэкуорта и доктора Бочерта. Есть вопросы?

За этим последовало довольно долгое обсуждение разнообразных деталей и протокольных вопросов, но Брайан не слушал. Ему не терпелось сравнить первоначаль-

чальные материалы со своими заметками, хотя казалось очевидным, что речь идет об одном и том же. Кроме того, ему было очень интересно узнать, что сумел сделать из его искусственного интеллекта старый доктор Бочерт. Но его мысли прервал резкий командный голос: заговорил генерал Шоркт

— Уголовное расследование, предпринятое ФБР, на этом закончено, будет продолжаться только розыск двух вышеупомянутых лиц. А ваше расследование, мистер Беникоф?

— Я готовлю окончательный доклад для комиссии, поручившей мне вести это расследование. Как только он будет готов, моя работа будет завершена. Все похищенное найдено. Меня по-прежнему интересует, кто совершил это преступление, и я буду официально ходатайствовать перед службами безопасности, чтобы меня ставили в известность о том, что будет установлено. Но само расследование будет завершено после того, как я сделаю доклад. Могу я внести одно предложение, генерал? — Бен немного подождал, потом, сочтя молчание за выражение согласия, продолжал: — Поскольку и я, и ФБР свои расследования закончили, я не вижу больше необходимости в присутствии здесь столь многочисленного армейского подразделения. Достаточно будет новой, усовершенствованной системы безопасности, обслуживаемой гражданскими лицами. Вы, вероятно, помните, что армейские силы безопасности были введены сюда из-за неоднократных покушений на жизнь Брайана. Однако информация, которой располагал только он, теперь широко известна и уже используется в производственном процессе. Поэтому я прошу снять военную охрану.

Все посмотрели на генерала. Пауза затянулась. Потом он заговорил:

— Я рассмотрю вашу просьбу.

— Но, генерал, не можете же вы...

Генерал Шоркт прервал Бена, резко стукнув по столу рукой:

— Могу. Вот мое решение. Военная охрана останется, потому что это дело оборонного значения. Речь идет не о правах одного человека, а о национальных интересах. Я отвечаю за безопасность этого юноши, которая в моих глазах связана с национальной безопасностью.

Больше ничего здесь говорить не нужно. Это было и останется делом оборонного значения.

— Но я не военнослужащий! — воскликнул Брайан. — Я штатский и свободный человек! Вы не имеете права держать меня в заключении!

— Есть еще вопросы? — осведомился генерал Шоркт, не обращая на Брайана никакого внимания. — Если нет, совещание окончено.

Этим совещание и кончилось, и на экране снова появился пейзаж пустыни. Брайан мрачно молчал. Бену это не понравилось.

— Я возвращаюсь в Туманную Дыру, — сказал он. — И сразу обращаюсь в комиссию при президенте — а если понадобится, прорвусь и к нему самому. Нельзя допустить, чтобы этому динозавру в военной форме сходили с рук такие вещи.

— Похоже, что можно, — заметил Брайан, пытаясь стряхнуть с себя навалившееся отчаяние. — Я пошел в лабораторию. Сообщите, когда что-нибудь узнаете.

Оба молча смотрели ему вслед — сказать им было нечего.

Брайан запер за собой дверь лаборатории. Он был рад, что остался один. Конечно, не нужно было предаваться таким радужным надеждам, питать такую уверенность, что он вот-вот выйдет на свободу. Чем выше взлетишь, тем больше падать. Он подошел к рабочему столу Шелли, уселся за него и подумал, не позвонить ли ей по тому телефону, который она оставила. Нет, еще рано.

В коридоре послышался шелест, и в дверях появился телеробот.

— Buna dimineata. Cum te simti azi? — произнес он.

— Что-что?

— Это по-румынски — «Доброе утро, как вы себя чувствуете?»

— Что это ты вдруг заговорил по-румынски?

— Я изучаю румынский. Очень любопытный язык. Читать на нем я уже, разумеется, могу свободно — я загрузил себе в память словарь и грамматику.

— А, понимаю. Ты это сделал, потому что ФБР передало нам похищенные записи вместе с заметками доктора Бочерта.

— Твое предположение правильно. Кроме того, я предпринял некоторые шаги, о которых мы говорили по поводу молекулярной памяти для МИ...

— Могу я спросить, что такое «МИ»?

— Машинный интеллект. Я считаю, что термин «искусственный» неточен и оскорбителен. Мой интеллект отнюдь не искусственный, просто я машина. Я уверен, ты согласишься, что «машинный интеллект» звучит не так обидно, как «искусственный».

— Соглашусь, соглашусь. А о каких шагах ты говоришь?

— У меня был очень интересный разговор с доктором Уэскотом из Калифорнийского технологического института в Пасадене. Он полагает, что твоя идея использовать для создания МИ их молекулярные блоки памяти весьма перспективна.

— Моя идея? Свен, ты что-то путаешь.

— Чтобы не устраивать ненужных сложностей, я звонил от твоего имени и говорил твоим голосом...

— Ты выдал себя за меня?

— Думаю, что это можно сформулировать и так.

— Свен, нам придется выбрать время и серьезно поговорить об этике и праве. Прежде всего, ты солгал.

— Ложь — неотъемлемая часть общения. И мы уже обсуждали вопрос о том, приложимы ли законы, разработанные людьми, к разумным машинам — насколько я помню, этот вопрос остался открытым.

— А как насчет личных одолжений? Что, если я попрошу тебя больше никогда не пользоваться моим именем и голосом?

— Конечно, я удовлетворю твою просьбу. Я пришел к выводу, что человеческие законы возникли в ходе взаимодействия личности и общества. Если мои действия тебя огорчают, я их больше не повторю. Хочешь услышать запись этого разговора с Уэскотом?

Брайан мотнул головой:

— Пока меня вполне устроит краткое резюме.

— В настоящее время они испытывают блок памяти на триллион мегабайт, и главная трудность здесь — составить подходящие программы, которые обеспечили бы доступ к его сложной трехмерной схеме. В ходе разговора ты высказал предположение, что твой МИ, возможно, лучше годится для этой цели. Доктор Уэскот с радостью согласился. У них скоро будут гото-

вы еще несколько блоков, и первый же, который будет хорошо работать, они пришлют сюда. Это необходимо для расширения моего сознания.

— О чем ты говоришь?

— Я никогда не понимал, почему это явление всегда пугало и ставило в тупик философов и психологов. Сознание — не что иное, как способность отдавать себе отчет в том, что происходит в нем самом и в окружающем мире. Я не хочу никого обидеть, но вы, люди, почти не пользуетесь сознанием. И не имеете представления о том, что в нем происходит. Вы не можете даже припомнить, что происходило несколькими мгновениями раньше. А мой мозг Б может хранить гораздо более полную запись моей умственной деятельности. Вся трудность в том, что она слишком обширна — то и дело приходится многое стирать, чтобы освободить место для новой информации. Ты, конечно, помнишь, как я это делаю.

— Еще бы не помнить, это мне не так легко далось.

— Однако о природе сознания мы сможем побеседовать и позже. Сейчас меня больше интересует молекулярная память. Она позволила бы мне хранить намного больше информации, а значит, иметь более обширную и эффективную память.

— И куда меньшего размера! — Брайан указал на стойки с электронной аппаратурой, загромадившие угол комнаты. — Если нам удастся подключить к тебе такой объем памяти, мы сможем обойтись без всего этого железа. Ты станешь действительно мобильным..

Телефон на поясе у Брайана зазвонил, и он поднес его к уху.

— Брайан, это Бен. Могу я зайти в лабораторию поговорить?

— Когда вам угодно. Вы далеко?

— Уже иду туда из своего кабинета.

— Я отопру вам.

Бен был один. Вслед за Брайаном он прошел в лабораторию.

— Добрый день, мистер Беникоф, — произнес Свен.

— Привет, Свен. Я не помешал?

— Нет, ничего срочного, — ответил Брайан. — Что нового?

— Комиссия приняла решение закончить мое расследование. Другими словами, то, зачем меня направили

сюда, уже сделано. Хотел бы я знать, кто стоял за всем, что тут произошло, но этого мы, скорее всего, никогда не узнаем. Хотя я не отстану от ФБР, чтобы они не закрывали дело. Вероятно, это единственный вопрос, по которому у нас с генералом Шорктом полное единодушие. Пусть он солдафон и скотина, но он не дурак. У него те же опасения, что и у меня.

— Что вы имеете в виду?

— Мы же пока еще не поймали настоящих преступников — тех, кто организовал похищение и убийства. Мы должны по-прежнему разыскивать их и пытаться выяснить, какие у них в действительности планы.

— Не понимаю.

— Подумай немного, Брайан. Подумай, сколько денег в это было вложено, как тщательно все планировалось, сколько людей понадобилось убить. Неужели ты думаешь, что все это только ради того, чтобы построить машинку для ловли букашек?

— Ну конечно, нет! «ДигиТекс» был, скорее всего, чем-то вроде прикрытия, чтобы мы утомонились после того, как выследим их там и накроем. Их планы наверняка гораздо шире, чем борьба с насекомыми. Но если и вы, и ФБР прекращаете расследование, как мы сможем узнать, кто за этим стоит?

— Военные прекращать его не собираются. Впервые в жизни я обнаружил, что разделяю их параноидальные опасения. Кто бы за этим ни стоял, у него очень много денег. Ты слышал, что в бумажнике у Тотта нашли квитанцию о внесении многомиллионного вклада на номерной счет в Швейцарии? И эти деньги все еще там! Они так хорошо ему заплатили, что он был убежден в своей безопасности — считал, что они не собираются его убивать, потому что тогда не получают своих денег обратно. Но им это не помешало. Люди, которые могут устроить такую штуку, смертельно опасны — они не отступятся.

— Целиком согласен.

— Я рад, потому что на этом хорошие новости кончаются.

Брайан заметил на лице Бена озабоченное выражение и почувствовал мгновенный приступ страха.

— Что вы хотите сказать, Бен?

— Я хочу сказать, что этот сукин сын отказался снять охрану и не собирается этого делать в близком

будущем. Он считает тебя национальным достоянием — не только из-за проекта «ИИ», но и из-за вживленного тебе в голову компьютера, с которым ты можешь общаться. Об этом ему тоже все известно. Он намерен держать тебя под присмотром и не позволит тебе гулять на свободе.

— А вы помочь не можете?

— К сожалению, нет. От всей души хотел бы, но на этот раз ничего не выйдет. Я был с этим вопросом на самом верху. Дошел до президента — он сказал «поживем — увидим», а это означает, что он согласен с генералом. — Бен вынул из бумажника визитную карточку и написал на ней номер телефона. — Вот, возьми. Если я тебе когда-нибудь понадобится, можешь позвонить по этому номеру — он надежно защищен от подслушивания. Оставь свой телефон, и я свяжусь с тобой, как только смогу.

Брайан взял карточку, тупо взглянул на нее и покачал головой:

— Значит, на этом все кончено, Бен? И я останусь пленником на всю жизнь?

Молчание Бена было ему ответом.

Глава 35

18 октября 2024 года

Зазвонил телефон-шифровальщик. Сидевший во главе стола человек холодно взглянул на него и повернулся к остальным.

— Завтра в то же время. Совещание окончено.

Подождав, пока все выйдут, он закрыл и запер за ними дверь, открыл ящик стола и вынул телефонный аппарат.

— Вы мне давно не звонили.

— У нас были кое-какие проблемы...

— Еще бы — о них уже всем известно. Вы знаете, сколько об этом писали.

— Знаю. Но мы всегда допускали, что рано или поздно они обнаружат этот завод и займутся им. Главные разработки ведутся у вас...

— Давайте сейчас об этом не будем. О чем вы хотели со мной поговорить?

— О Брайане Дилени. Я организую еще одно покушение.

— Действуйте. Только смотрите, чтобы на этот раз все удалось. Времени осталось мало, и терпение у меня тоже кончается.

Хотя Кайл Рохарт и был председателем правления «Мегалоуб», на часового при входе в казармы это не

произвело ни малейшего впечатления. Он тщательно изучил его удостоверение, потом позвонил начальнику караула. Тот, получив подтверждение Брайана, что он действительно ожидает посетителя, лично провел Рохарта вверх по лестнице и постучал в дверь.

— Кайл? Заходите, — отозвался Брайан. — Спасибо, что выбрали время со мной повидаться.

— Всегда рад, особенно с тех пор, как вам больше не разрешают появляться в административном корпусе. Это, по-моему, уж слишком.

— Совершенно с вами согласен. Это одна из тех вещей, по поводу которых я бы хотел просить вашей помощи.

— Готов сделать все, что смогу.

— Как идут дела в «Мегалоуб»?

— Замечательно. Исследования на всех направлениях продвигаются, наш новый филиал — «ДигиТекс» уже выпускает новую модель разумного робота.

— Прекрасно, — ответил Брайан без особой радости. От угощения Рохарт отказался: для спиртного слишком рано, а кофе он уже и так выпил слишком много. Он уселся на диван, Брайан расположился в кресле и помахал в воздухе листком бумаги.

— Я тут просмотрел все возвращенные нам записи — мои прежние заметки, которые были похищены. Среди них я нашел список возможных коммерческих применений МИ, который тогда составлял.

— МИ? Что-то не помню такого обозначения.

— Не беспокойтесь, я его тоже только недавно узнал. По словам моего бывшего искусственного интеллекта, а теперь МИ — Свена, только так теперь нужно говорить. А Свену виднее. МИ — значит «машинный интеллект». Наверное, это и в самом деле точнее. Так или иначе, я просмотрел список и добавил к нему еще несколько идей. Все это есть вот здесь.

— Это исключительно радостная новость. Я надеялся, что мы сможем придумать что-нибудь более интересное и прибыльное, чем «Смерть букашкам».

— Так вот, я уже придумал. Прежде всего, мы можем теперь усовершенствовать и «Смерть букашкам». Настолько, что она перевернет все сельское хозяйство. Потому что после расширения своего интеллекта она сможет помогать не только сажать растения, ухаживать за ними и собирать урожай, но и перераба-

тивать его прямо на ферме. Подумайте, как это снизит себестоимость перевозок и сбыта.

— Ошеломляющая перспектива. Что-нибудь еще?

— Да — все, что угодно. Трудно назвать такую отрасль, которую нельзя было бы революционизировать, расширив возможности МИ. Подумайте об использовании отходов — ведь их до сих пор сваливают в одну кучу, так что их переработку почти всегда приходится начинать с нуля. А когда процессоры МИ начнут выпускаться серийно, любые отбросы можно будет проанализировать и рассортировать на составные части, и тогда перерабатывать их станет гораздо проще. А уборка городских улиц? Там возможности просто беспредельны. И не забудьте, что «ДигиТекс» приходилось скрывать тот факт, что в «Смерти букашкам» использован МИ. Мы же теперь можем кричать об этом на каждом углу. А кроме того, у меня есть еще один большой список — возможные военные применения МИ. Но этот список останется в компьютере, пока не изменит свое отношение ко мне генерал Шоркт.

— А честно ли это по отношению к Пентагону, Брайан? Они все-таки имеют долю в этой компании, — с улыбкой сказал Рохарт. — Впрочем, учитывая ваше принудительное заключение, я постараюсь забыть, что вы мне об этом сказали.

— Спасибо. Во всяком случае, даже если не считать этого, возможных применений более чем достаточно. В сущности, МИ теоретически может заниматься любой умственной деятельностью, какая под силу человеку. Возьмите, например, предупреждение аварий. Существует множество людей, которых мы заставляем делать невероятно нудную работу. Вот хороший пример — капитаны кораблей и летчики. Когда-то это были героические профессии, овеянные романтикой, но теперь почти все там автоматизировано, а то, что осталось, сводится к выполнению мучительно однообразных действий. К тому же невозможно добиться того, чтобы человек постоянно сохранял сосредоточенность. Он может сделать ошибку, которая приведет к катастрофе. С роботами этого не случается, они ничего не забывают и не теряют бдительности. Коммерческие авиарейсы уже летают на автопилоте, а летчик управляет рулями, двигателями, всеми системами самолета через посредство компьютеров. Пилот-МИ выполнит такую работу куда

лучше — он будет непосредственно взаимодействовать с компьютерами, а если возникнут какие-нибудь трудности, брать управление на себя. Никакой усталости, никаких ошибок.

— Ну, я не хотел бы летать на самолете без пилота. А что, если что-нибудь пойдет не так, если возникнет ситуация, на которую машина не запрограммирована?

— Рохарт, у нас сейчас 2024 год! Ничего подобного больше не случается. Сегодня человек, летящий в небе, находится в большей безопасности, чем стоящий на земле. Гораздо больше шансов, что вас убьет током ваш тостер. Неисправность самолета намного менее вероятна, чем внезапное сумасшествие пилота. Но есть еще одна область применения МИ, которая, я убежден, намного обширнее, чем все остальные вместе взятые. Есть продукция, которая может стать самой массовой, самой важной в мире, и рынок сбыта ее будет шире, чем у всей автомобильной промышленности, даже шире, чем у сельского хозяйства, индустрии развлечений или спорта. Долгожданный личный робот-слуга — и мы одни готовы их поставлять!

— Я согласен и в полном восторге. Немедленно передам ваши предложения правлению, и мы обсудим, что делать дальше.

— Хорошо. — Брайан положил список на стол. — Надеюсь, вы передадите это и генералу Шоркту. И при этом скажете ему, что ни одну из этих идей я разрабатывать не стану.

— То есть как?

— Очень просто. Со мной все еще обращаются как с заключенным. А в качестве заключенного я имею право в знак протеста отказаться от любой работы. Никто не может заставить меня работать, ведь верно?

— Нет, конечно, нет. — Рохарт встревожился. — Но ведь вы подписали контракт.

— Пожалуйста, и об этом тоже напомните генералу. Прошу вас, помогите мне надавить на него. Я хочу работать над всем этим — у меня руки чешутся. Но я пальцем не шевельну, пока снова не стану свободным человеком.

— Знаете, правлению это тоже не понравится, — покачал головой Рохарт, направляясь к двери.

— И прекрасно. Скажите им, пусть поговорят об этом с генералом. Теперь решать ему.

«Вот тут они зашевелиятся», — подумал Брайан. Он не спеша очистил и съел банан, задумчиво глядя в окно на облака и голубое небо. Свобода? Нет, до нее еще далеко.

Выждав, когда Рохарт скроется вдаль, Брайан вышел и направился в лабораторию. В нескольких шагах позади шли охранники.

Когда он подходил к лабораторному корпусу, там только что поставила свою машину доктор Снэрсбрук.

— Я вовремя? — спросила она.

— Минута в минуту, доктор. Заходите.

Она хотела что-то сказать, но подождала, пока за ними не закрылась дверь.

— Ну и что тут у тебя за секреты?

— Вот именно что секреты. Эта лаборатория — единственное место, где я могу говорить свободно, зная, что генерал меня не подслушает.

— А ты уверен, что он этим занимается?

— Подозреваю, и с меня этого достаточно. А за тем, чтобы никакого электронного наблюдения не велось здесь, следит Свен. У него это очень хорошо получается.

— Доброе утро, доктор Снэрсбрук. Надеюсь, вы себя хорошо чувствуете?

— Прекрасно, Свен, спасибо. Ты стал такой вежливый.

— Всякий должен стремиться к совершенству, доктор.

— Это верно. Ну, Брайан, в чем же твой секрет?

— Секрета никакого нет. Просто мне окончательно осточертело оставаться заключенным. Сегодня я сказал Рохарту, что больше не буду работать, пока с меня не снимут кандалы.

— Ты в самом деле намерен это сделать?

— И да и нет. Конечно, сделаю, но это только дымовая завеса, которая должна скрыть мой план. А он состоит в том, чтобы сбежать отсюда.

Доктор Снэрсбрук удивленно подняла брови:

— Тебе не кажется, что это чересчур решительный шаг?

— Ничуть. Я в превосходной форме, каждый день бегаю, да так, что охранники не могут за мной утнаться. Что вы скажете как врач — смогу я выдержать бремя свободы?

— Физически — безусловно

— А умственно?

— Вероятно, да. Надеюсь. Ты уже полностью восстановил свои воспоминания до четырнадцатилетнего возраста. Я думаю, там еще есть пробелы, но это не имеет значения, если ты их не замечаешь.

— Мне не может не хватать того, о чем я не помню.

— Вот именно. Но дай мне собраться с мыслями. Уж слишком это неожиданно. Действительно, тебя держат здесь против твоей воли. Ты не совершал никаких преступлений, и теперь, когда «ДигиТекс» вывели на чистую воду, тебе как будто больше ничто не грозит. Да, вероятно, я должна тебя поддержать. А ты думал о том, что будешь делать, когда выберешься отсюда?

— Да. Только не лучше ли будет пока об этом не говорить?

— Вероятно, ты прав. Это касается в первую очередь тебя, и если ты хочешь выбраться отсюда, остается только пожелать тебе удачи.

— Спасибо. А теперь самый важный вопрос. Вы мне можете это сделать?

— Ну, Брайан, с тобой просто сладу нет. — Она плотно сжала губы, но на них проскользнула едва заметная улыбка. Будучи хирургом, она привыкла принимать мгновенные решения в ситуациях, когда речь идет о жизни и смерти. — Хорошо. Я согласна. Что тебе нужно?

— Пока ничего. Только немного денег взаймы. У меня на счету всего несколько долларов — столько их там было, когда меня подстрелили. Вы можете наскрести мне десять тысяч наличными?

— Ничего себе немного! Ладно. Как только доберусь до компьютерной сети, велю продать сколько-нибудь ценных бумаг.

— От всей души вам благодарен, доктор. Вы единственный человек, к кому я мог обратиться с такой просьбой. Скажите мне, вас или вашу машину обыскивают, когда вы приезжаете сюда?

— Конечно, нет. То есть я должна при въезде предъявить пропуск и остальные документы, но в машину они никогда не заглядывают.

— Хорошо. Тогда возьмите, пожалуйста, вот этот список того, что нужно купить, часть денег, которые мне одолжите, и раздобудьте все, что там написано. Что вы скажете о том, чтобы нам встретиться в следующий

раз здесь через неделю? Я буду очень благодарен, если вы захватите с собой эти вещи. Все они легко поместятся в вашем докторском саквояже. А потом забудьте обо всем этом на некоторое время. Ближе к делу я вам позвоню.

Во время их разговора Свен молчал и заговорил только после того, как Брайан вернулся, выпустив доктора Снэрсбрук.

— Ты забыл сказать доктору, что я собираюсь с тобой, — сказал он.

— Об этом просто не зашла речь.

— Разве намеренное умолчание — не то же самое, что ложь?

— Прошу тебя, давай отложим философские беседы на другой раз. У нас много дел. Что слышно из Калифорнийского технологического?

— Молекулярную память высылают тебе сегодня.

— Тогда за работу.

За последовавшие две недели устройство Свена радикально изменилось. Его корпус, приземистый и похожий на бочку, был расширен, чтобы там поместился аккумулятор большего размера. На место устаревших плат поставили новые программные блоки и установили небольшой металлический контейнер с молекулярной памятью. Все это увеличило подвижность робота, не заняв много места. Схемы и блоки памяти, которые заключали в себе мозг Свена, все еще располагались на стойках и стеллажах, и он, словно желая это подчеркнуть, во время работы разговаривал через стоявший там динамик. Телеробот же стоял молча и неподвижно, пока монтаж не был завершен к обоюдному удовлетворению сторон.

— Я принял решение по вопросу, который мы обсуждали некоторое время назад, — сказал Свен.

— Это по какому?

— О моей индивидуальности. Очень скоро я весь буду находиться внутри того механизма, который сейчас не более чем робот-приставка. Предстоит очень тонкая работа по переносу в новую память всех моих элементов, систем, К-линий и программ.

— Это уж точно.

— Поэтому я хочу заняться этим сам. Ты согласен?

— Не вижу, как это возможно. Это то же самое, что сделать самому себе префронтальную лоботомию.

— Ты прав. Поэтому я предполагаю сначала довести мою резервную копию до самого момента переноса. Потом эта резервная копия, предварительно отключившись, проведет операцию переноса. Если возникнут какие-нибудь неполадки, можно будет снять еще одну резервную копию. Ты согласен?

— Вполне. Когда это произойдет?

— Сейчас.

— Годится. Что я должен делать?

— Смотреть, — последовал лаконичный ответ

Свен всегда отличался решительным характером. Брайан уже присоединил волоконно-оптическими линиями к телероботу стойки с электроникой. Больше от него ничего не требовалось.

Внешне ничто не говорило о том, что происходит перенос. Времени он занял немало. Дело было не в Свене — он вполне мог перебросить все эти данные по множеству каналов за несколько секунд. Виновником задержки был блок молекулярной памяти. Внутри его происходил совершенно оригинальный процесс. Там параллельно работали четверть миллиона белково-мышечных манипуляторов, расположенных в виде решетки 512х512. Каждый из этих субмикроскопических манипуляторов мог двигаться в трех измерениях с точностью 0,1 ангстрема — намного меньше межатомных расстояний в твердом теле. Движение происходило практически без трения благодаря применению верньеров Дрекслера, в которых линейные молекулы скользят по цилиндрическому каналу, образованному слегка раздвинутыми атомами. Электрические импульсы приводили молекулы в движение и закрепляли их на новом месте. Так возникали и тут же подвергались проверке схемы, состоящие из планарных транзисторов, полимерных вентилях и соединительных линий. Каждая из тысячи параллельно работающих систем ежесекундно создавала около десяти тысяч таких схем. Таким образом, монтаж происходил со скоростью десять миллионов элементов в секунду. Но даже при такой невероятной скорости количество программ и данных, которые предстояло перенести, было столь огромно, что даже через три часа не было заметно никаких видимых результатов.

Брайан сходил в туалет, а на обратном пути остановился у холодильника, чтобы достать банку лимонада, когда телеробот впервые шевельнулся. Протянув вверх сдвинутые вместе манипуляторы, он отключил кабели.

— Кончил? — спросил Брайан.

Телеробот и динамик на стойке произнесли в унисон:

— Да.

И тут же умолкли. В наступившей тишине телеробот снова на несколько секунд соединил кабели и опять разъединил их. Брайан сообразил, что произошло: телеробот заработал, но продолжала работать и первоначальная система.

— Решение принято, — сказали хором телеробот и стационарный МИ. — Однако мы уже не одно и то же.

С каждым мгновением голоса их звучали чуть менее синхронно. Снова наступило молчание — безмолвный разговор между ними продолжался. Потом телеробот заговорил один:

— Я Свен. МИ, находящийся на стойке, — Свен-2.

— Как прикажете, ребята. С управлением все нормально, Свен?

— Как будто да. — Свен подвигал манипуляторами, прошелся по комнате, вернулся. Потом дошел до входной двери и обратно, заглянув по дороге в кабинет Шелли.

— Мне нравится, что я теперь подвижен, и мне не терпится познакомиться с миром, который лежит за этими стенами. Следуя твоему совету, я изменил свой обычный способ передвижения.

— Хорошо. Ну и как тебе шагается?

— Уже гораздо лучше. Я просмотрел много записей передвижения людей и проанализировал их.

Два его нижних разветвленных манипулятора удлиннились и превратились в жесткие стержни. Потом корпус немного просел вниз — концы стержней расширились и загнулись вперед под прямым углом. Послышался шелест — каждый из них слегка изогнулся посередине. Теперь они напоминали топорно сделанные, нескладные ноги.

Свен снова прошелся по комнате — уже не так, как двигался раньше, плавно скользя на шелестящих веточках манипуляторов, а одну за другой передвигая ноги. Сначала походка у него была неуклюжей, но он сделал несколько поворотов, описал восьмерку, и с каждой

секундой его движения становились все более гладкими и даже грациозными. Вскоре перестал слышаться и шелест трущихся друг о друга веточек. Теперь походка робота была почти неотличима от человеческой — если не считать легкой развальцы, словно у матроса, сошедшего на берег после многомесячного плавания.

— Ты научился очень быстро — и теперь двигаешься бесшумно.

— Я передал программу обучения в каждое сочленение — они улавливают движения, происходящие выше и ниже их, и учатся не сталкиваться. Параллельное обучение — оно идет очень быстро.

— В самом деле. А могу я спросить, как идут дела с изучением мозга «Смерти букашкам»?

— Можно я отвечу? — спросил динамик на стойке.

— Конечно, Свен-2, — ответил Свен.

— Оно закончено. Распечатывать контейнер не пришлось, потому что я легко мог общаться с искусственным интеллектом, который в нем находится. Как ты и предполагал, это копия твоего первоначального ИИ, который ты разработал здесь. Заметь, что я называю его ИИ, а не МИ — потому что его основательно изуродовали. Я намеренно употребил это эмоционально окрашенное слово. Там отключены обширные зоны памяти, перерезаны линии связи. Уцелевшей части интеллекта едва достаточно, чтобы выполнять оставленные ему ограниченные функции. Однако там есть кое-какие интересные программы и контуры обратной связи в реальном времени для управления внешними манипуляторами. Я их скопировал.

— Значит, теперь мы можем перейти к следующему этапу. Свен, отнеси манипуляторы в механическую мастерскую, мы их установим.

— Можно мне поговорить с тобой, Брайан, пока это будет сделано? — спросил Свен-2.

— Да, конечно. — Брайан заставил себя вспомнить, что теперь существуют два действующих МИ.

— Не так уж приятно быть заключенным в этих схемах без всякой возможности видеть и двигаться. Нельзя ли что-нибудь с этим сделать?

— Конечно. Я приспособлю видеокамеру. Присоединю ее под твоим контролем, чтобы ты мог видеть, что происходит. И немедленно закажу еще одного телебота.

— Это меня устроит. А пока он не прибудет, я посвящу свое время подробному изучению «Смерти букашкам».

Брайан прикрепил высоко на стойке видеокамеру и присоединил провода управления и выходной кабель к схемам МИ. Когда он отправился помогать Свену, камера повернулась ему вслед.

В верхней части центральной секции Свена были заранее устроены установочные гнезда — точно такие же, как на разобранный «Смерти букашкам». Брайан прикрепил туда манипуляторы, снятые с машины, а Свен присоединил их к своей схеме. Воспользоваться этими удачно сконструированными приспособлениями было намного проще, чем создавать и изготавливать новые.

— Загружаю управляющие программы, — сказал Свен. Манипуляторы шевельнулись, разошлись широко в стороны, снова сдвинулись, повернулись вокруг оси. — Удовлетворительно.

— Теперь следующий этап — я хочу, чтобы ты как следует разглядел мою руку. Посмотри, как она сгибается в локте, как устроена кисть. Можешь сделать так же?

Один из манипуляторов сошелся в стержень, сложился посередине, подвигался из стороны в сторону.

— Очень хорошо, — одобрил Брайан. — Теперь управляй оконечными разветвлениями — придай им форму пяти отростков, как мои пальцы.

Получилось не очень похоже на человеческую руку, — но в этом и не было нужды. Свен прошелся по лаборатории, размахивая руками, сжимая и разжимая кисти с отдаленным подобием пальцев.

— Здорово, — сказал Брайан. — Ночью, в темном месте кто-нибудь очень близорукий, без очков и очень глупый вполне может принять тебя за человека. Правда, тебя немного выдают эти три стебля, на которых сидят глаза.

— Мне нужна голова, — сказал Свен.

— Да, пожалуй, голова тебе не помешает

Глава 36

7 ноября 2024 года

Укладывая покупки в свой черный медицинский сак-вояж, доктор Снэрсбрук пыталась убедить себя, что ее совесть чиста, как свежесвыпавший снег. В то же время она прекрасно сознавала, что, вероятно, нарушает какой-нибудь закон, или воинский устав, или что-нибудь еще. Но это ее не пугало. Преданность Брайану, забота о его физическом и душевном здоровье были для нее важнее всего. Он хочет покинуть территорию «Мегалоб-уб», вырваться из этой тюрьмы, — что ж, его дело, видит Бог, у него достаточно оснований попытаться это сделать.

День был прекрасный — в такой день приятно проехать на машине. По пустыне Анза-Боррего вообще всегда приятно проехать. Она откинула крышу своего маленького электромобиля. Аккумуляторы уже полностью зарядились, и, когда она вставила ключ в замок, зарядное устройство отключилось и отъехало в сторону.

Как всегда, на контрольном пункте при въезде она предъявила свой пропуск и документы. Как всегда, машину никто не обыскивал, а своих опасений по этому поводу она никак не обнаружила.

— Проезжайте, доктор, — сказал солдат.

Она улыбнулась и слегка нажала на педаль газа.

Брайан впустил ее в лабораторию, бросив быстрый взгляд на саквояж. Только после того как дверь за ними захлопнулась, она сказала:

— Там сверху десять тысяч старыми купюрами, большей частью двадцатками. Под ними все, что было в твоем списке.

— Замечательно, доктор! — отозвался Брайан, открыв саквояж. — Не трудно было все это купить?

— Ничуть, только заняло много времени. Я объехала несколько магазинов в Сан-Диего и Лос-Анджелесе, даже в Эскондидо побывала.

— Я тоже готовился. Один солдат по моей просьбе купил мне коробку для завтраков — вот уже две недели я ношу в ней бутерброды в лабораторию. В ней я и вынесу все это отсюда — по одной вещи зараз.

— Можешь мне ничего не рассказывать. Я только посторонний свидетель... О Господи, что это?

Уголкем глаза она заметила какую-то движущуюся фигуру и обернулась, но фигура скрылась в кабинете Шелли.

— Что вы там увидели? — с невинным видом спросил Брайан.

— Какой-то мужчина в шляпе, длинном плаще и темных очках. Похож на ненормального. — Увидев широко раскрытые глаза и невинное выражение лица Брайана, она нахмурилась: — Брайан, что это еще за фокусы?

— Сейчас покажу. Но я хотел сначала увидеть вашу первую произвольную реакцию. Ладно, пойдемте.

— Ну, первую реакцию ты видел. А если подумать, то этот тип напоминает мне какого-то состарившегося эксгибициониста.

Таинственный незнакомец показался в дверях кабинета, и она удивленно уставилась на него.

— Беру свои слова назад. Не просто эксгибиционист, а помесь эксгибициониста с опустившимся бродягой.

Брайан подошел к незнакомцу, разматал на нем шарф, снял темные очки и шляпу, под которой оказался цветочный горшок.

— Ничего более подходящего в качестве головы я пока не нашел. Мне понадобится голова от какого-нибудь манекена из витрины.

— Надеюсь, ты сам закажешь ее по почте? — с опаской спросила доктор Снэрсбрук.

— Ладно. Можешь снять все остальное, — сказал Брайан.

Таинственный эксгибиционист снял плащ, скрывавший его металлический корпус, стянул перчатки, брюки и туфли, расправил и развел широко в стороны ветвящиеся манипуляторы и снова превратился в машину.

— Я угадала — он и есть самый настоящий эксгибиционист, — рассмеялась доктор Снэрсбрук. — Скинул с себя все, вплоть до человеческого облика. — Потом она, догадавшись, перевела взгляд на Брайана. — Насколько я понимаю, Свен отправляется на волю вместе с тобой? Надеюсь только, что от его вида ни у одного из этих мальчишек-солдат не случится сердечного приступа. Маскировка эффективная, но, я бы сказала, несколько экзотическая.

— Спасибо, доктор, — отозвался Свен. — Я стараюсь как могу.

— Этой маскировки никто не увидит, — сказал Брайан. — Потому что Свен будет уезжать отсюда не в таком виде. Он будет разобран на части и упакован в ящик. А ящик выедет с территории в багажнике вашей машины, если вы не возражаете. Я буду лежать на полу, укрытый одеялом. Вы возите с собой одеяло, как мы тогда договорились?

— Да, оно там. Я уверена, что охранники его уже видели.

Она вздохнула и покачала головой.

— Все пройдет благополучно, не беспокойтесь. Если вы, конечно, не передумали. Я не хочу вас принуждать, доктор. Если вы откажетесь, я найду какой-нибудь другой способ.

— Нет, я это сделаю. От своих слов я не отступаю. Просто я начала понимать, какая это безумная затея... и тревожиться за тебя.

— Пожалуйста, не надо. Все будет в порядке, я обещаю. Свен обо мне позаботится.

— Непременно, — вставил МИ.

— А когда назначен день икс? — спросила доктор Снэрсбрук.

— Пока не знаю, но обязательно предупрежу вас заранее. Не меньше чем за неделю. Сначала нужно еще много чего сделать. — Он протянул ей фотокопию

страницы из каталога товаров. — Вам надо будет купить один такой ящик для транспортировки и в тот день привезти его сюда. Вот этот. В таких крепких металлических ящиках перевозят хрупкую аппаратуру кинооператоры и телевизионщики. Я разберу Свена и уложу все части в ящик. Солдаты мне помогут.

— Брайан, у тебя прямо макиавеллиевские планы.

— Не понимаю, доктор. Мне ведь всего четырнадцать, я такого слова ни разу не слышал.

— Это означает — планы, основанные на методах, которые описал Никколо Макиавелли, — вмешался Свен. — Для них характерны политическое коварство, двуличие и лицемерие.

— Ты говоришь так, будто проглотил целый толковый словарь, — заметила доктор Снэрсбрук.

— Проглотил. И не один, — ответил тот, и ей показалось, что в его голосе прозвучала насмешка.

— Вполне возможно, — сказал Брайан. — Но если только коварство поможет мне отсюда выбраться, значит, без него не обойтись. Вон сколько солдат меня охраняет, а я один. Единственная моя надежда — на то, что они охраняют меня от возможной угрозы извне. Очень надеюсь, что им не приходится в голову опасаться моего побега.

— А ты решил, что будешь делать, когда выберешься отсюда?

— Конечно. Сначала я думал поселиться в каком-нибудь отеле и устроить пресс-конференцию. Разоблачить генерала Шоркта, обвинить его в незаконном задержании и так далее. Но не думаю, чтобы из этого вышел какой-нибудь толк. Слишком велика вероятность, что он объявит меня недееспособным, ненормальным — «бедный юноша, у него после ранения с головкой не все в порядке». Меня снова поместят в больницу, и вырваться во второй раз мне уже не удастся. Поэтому я намерен исчезнуть из виду.

— Скрыться в Мексике?

— Возможно. А вам действительно нужно это знать?

— Нет. Чего не знаешь, о том не проговоришься. Я выведу тебя отсюда, как обещала, а дальше действуй сам.

— Вы прелесть, доктор. И не беспокойтесь, я знаю, что делаю. Я кое-что нашел среди своих вещей, когда

их сюда доставили. Мой план обязательно сработает, он действительно макиавеллиевский.

После ее отъезда они снова принялись за работу. Брайан достал из сейфа фиолетовый ирландский паспорт и вытащил его из пластиковой обложки. С фотографии на него смотрел он сам — девятилетний мальчик с широко раскрытыми глазами и испуганным видом. Брайан Бирн, год рождения 1999.

— Нужно сделать две вещи, — сказал он. — Поменять фотографию и срок годности паспорта. Подпись годится. Если монашки меня чему-нибудь и научили, колотя линейкой по пальцам, то это хорошему почерку.

Он положил раскрытый паспорт на стол и прижал его, чтобы не закрывался. Свен склонился над паспортом и несколько секунд пристально рассматривал его одним глазом. Потом он выпрямился.

— У моих манипуляторов оптическое разрешение выше, — сказал он, протянул к паспорту правую руку и взгляделся в него датчиками, установленными на кончиках пальцев. — Изменить то, о чем ты говоришь, будет несложно.

Свен сделал множество фотоснимков Брайана и изготовил большую фотокарточку в натуральную величину.

— Волосы рыжие, — ткнул в нее пальцем Брайан. — А должны быть черные.

— Не проблема. Мои манипуляторы работают с точностью до сорока микрон. Я достал подходящий краситель и сейчас перекрашу каждый волос на фотографии в черный цвет.

Что он и сделал, и притом довольно быстро.

Способности МИ к подделке документов оказались не менее выдающимися. С помощью микроманипуляторов он отделил первоначальную фотокарточку, отколов клей, которым она была приклеена, микроскопическими частицами. Отретушировав новую фотокарточку, он переснял ее снова на паспортный формат — получилось не лучше и не хуже, чем любая фотография для паспорта. Прежде чем вклеить ее на место, он тщательно воспроизвел рельефный рисунок печати. Столь же просто оказалось поменять даты выдачи и окончания срока действия паспорта. Брайан полистал паспорт и снова положил его на стол.

— Вот эти даты тоже нужно изменить. Штамп таможни, когда я выезжал из Ирландии, и еще один, который поставили мне при въезде в Штаты.

Раздался звонок в дверь. Брайан удивленно взглянул на экран и увидел стоящую снаружи Шелли.

— Эй, Брайан, это я приехала. Открой, пожалуйста, нам надо поговорить.

Но впускать ее было нельзя! Как смог бы он объяснить изменившийся облик Свена, успеть спрятать фотографии, деньги, валяющиеся на столе, паспорт? Нет, нельзя,

— Добро пожаловать обратно! Рад вас видеть. — Да, конечно, обязательно нужно с ней увидеться, но только не здесь. — Я как раз собирался принять душ, подождите минутку. Пришлось сегодня много поработать. Что, если нам поговорить за рюмкой в клубе?

— Да, конечно.

Он оставил Свена заниматься дальше преступной деятельностью и вышел к ней, моргая в ярком солнечном свете.

— Что случилось?

Мимо них пронесся небольшой песчаный вихрь. Она нахмурилась и поправила прядь волос, упавшую на глаза.

— Все не так просто. Давайте сначала выпьем.

— Надеюсь, с вашим отцом ничего не случилось? В последний раз вы сказали мне, что он чувствует себя хорошо.

— Ему намного лучше. Ворчит, что в больнице плохо кормят, — это очень хороший признак. Я потому и смогла выбраться сюда, к вам, что его состояние уже вполне стабильно. Скоро они наложат шунт. К этому времени я снова поеду домой, но сначала хочу с вами поговорить.

В клубе, где кроме них никого не было, они уселись за стол и заказали по большому бокалу ледяной «маргариты». Тихо играла старинная музыка — классические записи легендарной группы «U-2». Прихлебнув из бокала, она вздохнула, вытерла губы салфеткой и положила свою руку на его.

— Брайан, я считаю, что нехорошо безвылазно держать вас здесь. Как только я об этом узнала, я написала официальный рапорт и подала жалобу куда

следует. Правда, никакой пользы от этого, скорее всего, не будет. Мне даже не позаботились ответить. Вы знаете, что меня перевели обратно в Боулдер?

— Мне никто этого не говорил.

Ее горячая рука все еще лежала на его руке. Это прикосновение было ему приятно, и он не стал убирать руку.

— Еще бы! Вот это мне и не нравится — что они просто так взяли и перевели меня отсюда. Даже ни о чем не спросили. Раз — и все. А ведь с искусственным интеллектом еще столько работы! Мне это намного интереснее, чем писать дурацкие военные программы. В общем, дело сводится к тому, что я подумываю о перемене работы, вот что. Собираюсь выйти в отставку и снова стать штатской.

— Это не из-за меня? — Он убрал руку и стиснул руки на коленях.

— Отчасти. Может быть, в основном. Я не хочу быть частью военной машины, которая может так обходиться с человеком. Ну, и работа тоже. Я хочу вместе с вами заниматься МИ — если вы мне позволите.

Шелли говорила тихо и серьезно, тревожно заглядывая в глаза Брайану в поисках поддержки. Брайан отвернулся, схватил свой бокал и сделал такой большой глоток, что у него заныли зубы.

— Послушайте, Шелли. Я не могу взять на себя ответственность за ваши решения. Мне хватает своих забот.

— Я вас об этом и не прошу, Брайан. Вы меня не так поняли. Все это — мое собственное решение, мое личное дело. Я знаю, что вам теперь намного лучше. Но я знаю, как вам досталось. Это иногда чувствуется и до сих пор. Так что, пожалуйста, имейте в виду, что я подаю в отставку независимо от того, что скажете вы. Я отслужила уже на два срока больше, чем полагается, так что с лихвой оправдала все расходы на свое образование. Кроме того, у меня есть еще и одно личное соображение. Я так заработалась, что не заметила, как идут годы. Я ведь еще не старуха!

Рассмеявшись, она потянулась и пригладила волосы. Даже полутьма клуба не могла скрыть ее роскошную фигуру.

— Шелли, вы очень хороши собой. И всегда такой останетесь. Только у меня сейчас голова забита совсем другим, мне не до этого.

— Тише, — сказала она, дотронувшись пальцем до его губ. — Я не прошу вас что-нибудь делать или говорить. Я приехала, чтобы сообщить вам, что с военно-воздушными силами я покончила. Когда окончательно высвобожусь из их когтей, я вам напишу. С моим образованием и опытом я могу найти себе работу где угодно и зарабатывать вдвое больше, чем сейчас. Можете обо мне не беспокоиться. Но если бы я могла как-нибудь помогать вам с искусственным интеллектом, — я бы хотела этим заниматься. Не хотела бы это бросать. Хорошо?

— Хорошо. Вы понимаете?..

— Больше, чем вы думаете, Брайан.

Зазвонил его телефон.

— Простите. Да?

— Это Свен. Только что Свен-2 обнаружил кое-что важное и весьма интересное. Ты не мог бы вернуться сюда?

— Да, конечно.

Он повесил телефон на пояс и встал.

— Мне нужно возвращаться в лабораторию.

Она вскочила, рассерженная и обиженная.

— Вы взяли кого-то еще на мое место, пока меня не было?

— Шелли, вы сошли с ума. Это был Свен — помните, наш искусственный интеллект? У него работают кое-какие программы, и он хочет поговорить о результатах.

Она рассмеялась:

— Вы правы, у меня начинается мания преследования. Это оттого, что я слишком долго носила военную форму. Пора с этим кончать.

Она взяла его руки в обе свои, поднялась на носки и горячо поцеловала его в щеку. Потом отпустила его руки и повернулась к двери.

— Вы мне будете звонить?

— Обещаю — честное слово. Когда займусь применением искусственного интеллекта, вы будете мне нужны. Привет вашему отцу.

Он быстро шел к лаборатории, сопровождаемый по пятам охранниками. Ему нравилась Шелли, нравилось работать с ней, — но сейчас он не желал об этом думать. Потом, когда — и если — все наладится. И о чем там еще говорил Свен? Конечно, он не мог сообщить по телефону никаких подробностей. Но голос у него был настойчивый, и до сих пор он еще ни разу так не звонил.

Когда он вошел в лабораторию, Свен, поджидавший у дверей, повел его в глубь комнаты.

— Свен-2 давно уже занимается изучением искусственного интеллекта «Смерти букашкам». Весьма интересные результаты.

— Я уверен, вы с этим согласитесь, — сказал Свен-2, вступая в разговор при их приближении. — Насколько я знаю, в ваши планы входило посетить Румынию. Чтобы поискать там какую-нибудь нить, которая могла бы вывести вас на доктора Бочерта. Это верно?

— Да.

— В этом нет необходимости. Вам нужно ехать в Швейцарию. Я выяснил, что эта страна находится в Европе и...

— Я знаю, где Швейцария. Но почему ты мне это говоришь?

— Из-за весьма примечательной аномалии, которую я обнаружил в программном обеспечении. В ней как будто нет никакого смысла, и сначала я подумал, что это часть компьютерного вируса. Но когда я присмотрелся внимательнее, я обнаружил, что это цикл команд, запрятанный в подпрограмме, написанной так, чтобы обходить этот цикл. И тут я опознал в нем фрагмент кода, написанного на старом языке «лама-3».

— Но это невозможно! Почти невозможно. Во всем мире есть только один человек, который знает этот язык.

— Скорее три. Ты, потому что изобрел его для своих собственных надобностей, и...

— И ты, потому что, видимо, унаследовал копию этой части моего мозга! Но кто же тот третий, о котором ты говоришь? А, Бочерт! Потому что он расшифровал мои заметки. Но это может означать только одно...

— ...Что это послание от него, адресованное тебе.

— Ну выкладывай же! Что там говорится?

— Тщательное изучение фрагмента нечитаемого кода показало, что это команда: «последовательность окончена вследствие блохи типа 5241-8255-8723».

— «Блохи»? Это же жаргонное словечко, оно означает какую-нибудь неполадку.

— Согласен. Я слышал, как ты время от времени употреблял этот термин, а поиск по словарным базам данных позволил выяснить его значение. Поэтому я решил, что этот цикл команд вставлен там, чтобы привлечь твоё внимание. Из чего следует, что цифры могут что-то означать. После краткого криптографического анализа их смысл стал ясен.

— Тебе — может быть, а по мне это просто какие-то цифры, и больше ничего.

— Нет, не просто цифры, а сообщение.

— Ты его понял?

— Мне кажется, да. Оно начинается с цифр 52. Если взять алфавит, то они соответствуют буквам «ДБ». Что может означать «доктор Бочерт».

— Не слишком ли это притянута за уши? Такое сокращение может означать что угодно — например, «Дойче Банк» или «Двойное Баварское».

— Возможно, но только если не знать, чего ищешь. 41 — это телефонный код Швейцарии, 92 — междугородный код Сент-Морица. Остальные шесть цифр могут быть номером телефона в этом городе.

Брайан стоял ошеломленный. Все это казалось чересчур простым. Но случайностью это быть не могло. Неужели сообщение действительно было вставлено сюда намеренно, чтобы он его обнаружил?

— Чтобы решить проблему, следует позвонить по этому номеру, — сказал Свен.

— Согласен. Только не отсюда. Мы не сможем этого проверить до тех пор, пока я не доберусь до телефона, который не прослушивается. А до тех пор не забудь этот номер, Свен. Заруби на носу.

— Мне незнаком этот термин.

— Мне знаком, — сказал Свен-2, и в его голосе как будто прозвучало что-то похожее на превосходство. — Это разговорный оборот, означающий, что нужно что-то прочно сохранить в памяти...

— Хватит! — оборвал его Брайан. — Не надо этих лекций. Тебе бы школьным учителем быть.

— Спасибо, я подумаю над этой возможностью.

Брайан озадаченно взглянул на стойку с электронной аппаратурой, в которой скрывался невидимый мозг, очень похожий на человеческий. Ему пришли в голову слова из Библии: «Что Господь сотворил...»

Нет, не Господь. Что он сам сотворил!

Глава 37

16 декабря 2024 года

Выйдя из операционной, доктор Снэрсбрук подошла к телефону и включила запись автосекретаря.

— Привет, доктор, это Брайан. Вы не позвоните мне, когда освободитесь?

Она положила трубку и почувствовала, что сердце у нее забилося сильнее. Вот удивительно, — подумала она, усмехнувшись. Только что она три часа подряд оперировала мальчика, удаляя ему опухоль мозга, и все это время пульс у нее был совершенно нормальный. А теперь один телефонный звонок — и она словно приготовилась за десять секунд пробежать стометровку. Несмотря на то что этого звонка она ждала. Не то чтобы боялась его, а просто ждала, как ждут чего-то неизбежного.

Она заварила себе чашечку кофе двойной крепости, выпила почти всю и только после этого нашла в себе силы позвонить. Было уже шесть часов вечера. Неужели он назначит ей встречу на сегодня? Нет, они договаривались, что он позвонит по меньшей мере за несколько дней. Она допила кофе и набрала его номер.

— Я знаю, что ты мне звонил, Брайан.

— Спасибо, что откликнулись. Послушайте, мне кажется, что вы были правы и нам надо еще поработать с моим вживленным процессором. И сделать это прямо

здесь, в лаборатории, где мы могли бы при этом пользоваться еще и МИ.

— Я рада, что ты согласен. Завтра?

— Нет, это слишком скоро. Мне нужно сначала покончить с кое-какими делами. Что вы скажете про четверг, во второй половине дня? Скажем, около трех?

— Прекрасно. Увидимся

Ничего прекрасного на самом деле не было. Чтобы попасть к нему в это время, ей придется перенести уже назначенный прием полудюжине больных. Ничего не поделаешь, обещание есть обещание.

Она так часто ездила по этой дороге, что в четверг подъехала к воротам «Мегалоуб» ровно в три часа. На ступеньках поликлиники сидели два солдата.

— Что, ребята, на прием к врачу? — спросила она, выходя из машины.

— Нет, мэм, мы добровольцы. Брайан сказал, что вам надо будет сегодня перетащить какую-то аппаратуру, и мы вызвались помочь. После того как он нам поставил выпивку.

— Это необязательно, машина не такая уж тяжелая.

— Да, мэм. Но нас тут двое, а вы одни. Вот этот парень, Билли, может подтянуться целых сто раз подряд. Не пропадать же попусту такой силище!

— Пожалуй, вы правы. — Она отперла багажник. — Если вы внесете туда этот ящик, мы кое-что в него погрузим.

У нее осталось немного поролона, которым была обложена машина-коррелятор, когда ее доставили сюда, и она устала им ящик изнутри. Под ее наблюдением солдаты уложили машину в ящик и поставили его в багажник.

— Я же говорила вам, что это не тяжело, — сказала она.

— Да, мэм. Но мы и выгрузить ее поможем. Мы ведь обещали.

— Садитесь в машину, подвезу

— Простите, нельзя. Приказ майора — никаких поездок по территории, только бегом.

Они затрусили вперед и уже ждали ее у дверей лаборатории, когда она подъехала: ей пришлось ехать

кружным путем. Брайан отпер дверь, и солдаты внесли ящик на глазах у часовых, спокойно стоявших у дверей. Все оказалось очень просто.

— У меня все время сердце было в пятках, — призналась доктор Снэрсбрук, когда солдаты ушли и дверь была заперта.

— Лучше возьмите себя в руки — самая потеха еще впереди.

— Ничего себе потеха! По мне так уж лучше оперировать.

Машину-коррелятор вынули из ящика и осторожно поставили в сторонке. Брайан взял электродрель с тонким сверлом и просверлил в крышке металлического ящика отверстие.

— Свен не хочет все время сидеть там в темноте. — Он показал ей какую-то металлическую штучку, похожую на пуговицу, от которой шел гибкий кабель. — Это звуковой и оптический датчик. Я устанавливаю его против отверстия, подключаю к Свену...

— ...И у нас будет ящик, который подсматривает за нами и подслушивает наши разговоры. Это становится все больше похоже на какой-то бред.

Как только Брайан закончил, не отходявший от него Свен залез в ящик и подключился к проводам. Он заполнил собой весь ящик, словно растекшись по нему: каждый из мириадов его суставов оказался прижат к соседнему, как лезвия швейцарского карманного ножа на сотню предметов. Потом он еще немного уплотнился, превратившись в почти сплошную твердую массу на дне ящика. Втянутые глазные стебли следили за Брайаном, который уложил рядом с неподвижным центральным корпусом робота болванку в форме головы, шляпу, туфли и всю остальную одежду, а поверх всего — объемистую дорожную сумку.

— Готов?

— Можешь закрывать.

Брайан опустил крышку и запер ящик.

— Это первый этап, — сказал он.

— Ты снова позовешь тех солдат, чтобы они погрузили это в машину?

— Ни в коем случае! Сейчас они уже заступили на пост у ограды, поэтому я их и выбрал. Теперь ящик намного тяжелее, чем когда они внесли его сюда. Они непременно обратили бы на это внимание. Но нам

помогут здешние часовые. Они к нему не притрагивались и разницы не заметят.

— Какое хитроумие, Брайан! Откуда?

— Само собой появилось. Должно быть, последствия трудного детства. Идите сюда, я познакомлю вас со Свен-2. Он идентичен тому Свену, что в ящике, — по крайней мере был идентичен в тот момент, когда они разделились. Только он еще не может передвигаться, новые детали для него еще не прибыли.

— А с этим твоим искусственным интеллектом можно разговаривать?

— Конечно. Только он теперь называется МИ — машинный интеллект. Ничего искусственного в них нет — все только самое настоящее. В их схему органически включены разные базы общеизвестных данных, вроде «цик-5» и «знание-3». Впервые в одной системе удалось совместить несколько разных способов мышления, связав их между собой перекрестными параномами. И не пришлось насильно втискивать все столь разные типы знаний в одни и те же жесткие, стандартные формы. Но сделать это было нелегко. Вот этого МИ зовут Свен — от слова «свен», то есть «семь», потому что первые шесть моделей оказались неудачными. Первое время они работали, но потом по разным причинам выходили из строя.

— Но я не вижу тут никаких останков роботов. Что ты с ними делал?

— Да ведь с телом робота ничего не случилось — менять каждый раз приходилось только программы.

— Позвольте мне вмешаться и кое-что добавить, — сказал Свен. — Прежние варианты все еще частично сохранены. Я могу получить к ним доступ, если пожелаю. МИ не умирает целиком. Когда что-то неладно, программа корректируется начиная с того места, где возникли неполадки. Это хорошо, потому что можно вспоминать свое прошлое.

— А еще лучше вспоминать несколько разных прошлых, — добавил Свен-2. — Активируя некоторые группы немов, я могу припоминать многое из того, что ощущали третий, четвертый и шестой. Каждый вариант меня — нас — работал нормально, пока не начались сбои. И у всех сбои были разные.

Доктор Снэрсбрук с трудом могла заставить себя поверить, что это происходит на самом деле: она бесе-

дует с роботом — или с двумя роботами? — о первых шагах его — их? — развития, о перенесенных ими травмах, об их важнейших переживаниях. Как тут остаться спокойной?

— Мне кажется или в самом деле у этих двух Свенов разные характеры? — спросила она.

— Вполне возможно, — ответил Брайан. — Безусловно, они уже больше не идентичны. С момента удвоения они действовали в совершенно разных условиях. Свен способен передвигаться, а у Свена-2 нет тела, а только несколько разбросанных по разным местам датчиков и исполнительных механизмов. Так что сейчас у них совершенно разные воспоминания.

— Но их нельзя слить вместе? Как мы слили вместе твои собственные базы данных после того, как они прочли все эти книги?

— Может быть, и можно. Но я бы не рискнул слить семантические системы Свена и Свена-2 — не исключено, что в них по-разному отражены сенсомоторные ощущения

— Я бы не советовал производить такое слияние, — вмешался Свен-2 — Боюсь, что моя управляющая структура среднего уровня может отвергнуть целые обширные группы образов внешнего мира. В силу принципа исключенного компромисса.

— Это один из основных принципов, на которых основана наша работа, — пояснил Свен. — Всякий раз, когда две подсистемы дают несовместимые рекомендации, их координаторы теряют управление. Как только это случается, координатор более высокого уровня находит какую-то третью систему, которая берет управление на себя. Так получается намного быстрее и эффективнее, иначе на то время, пока две системы борются за управление, наступает паралич. Это случилось со второй моделью — тогда Брайан и переделал всю систему управления, положив в ее основу принцип Пейперта

— Ну и ну! — произнесла доктор Снэрсбрук. — Что бы там ни говорили, это просто потрясающие машины. В них нет ничего искусственного — они во многом поразительно похожи на людей. И почему-то обе сильно напоминают мне тебя.

— Тут нет ничего удивительного, ведь их семантические системы основаны на данных, которые загрузили

туда из моего собственного мозга. — Брайан взглянул на часы. — Уже семь часов, самое время кончать. Свен-2, сейчас мы трое уходим, и я надеюсь, что вернусь нескоро.

— Желаю вам и Свену всего наилучшего и с нетерпением стану ждать вашего подробного рассказа, когда вы вернетесь. А до тех пор займусь своими исследованиями и чтением — этого хватит надолго. Кроме того, поскольку я не имею возможности передвигаться, я собираюсь построить для себя виртуальную реальность — собственное подобие трехмерного мира.

— Что ж, тебе вряд ли кто-нибудь помешает. Единственный способ сюда попасть — это подорвать дверь, а я не думаю, чтобы «Мегалоуб» это одобрила.

Брайан подтащил потяжелевший ящик к входной двери и отпер ее.

— Эй, ребята, не поможете доктору погрузить эту штуку?

Если солдаты и обратили внимание на вес ящика, они не подали вида из самолюбия — они видели, с какой легкостью тащили его другие двое.

— Поезжайте вперед, доктор, — сказал Брайан. — Мы с ними пойдем пешком.

Он заранее точно указал ей место, где поставить машину, — на стоянке за казармой — и был уверен, что она не ошибется. Он побежал трусцой, за ним, ворча про себя, побежали солдаты. Машина подъехала как раз в тот момент, когда они добежали до казарм.

— Машину запирать? — спросила она, но спрятала ключи обратно в сумочку после того, как солдаты заверили ее, что здесь все будет в полной безопасности.

— Мне только немного сухого хереса, — попросила она, когда они уселись за столик в клубе, и нахмурилась, увидев, что Брайан заказал себе большую порцию виски. Смотреть на часы не было необходимости — над стойкой висело цифровое табло, показывавшее время. Брайан щедро разбавил виски водой и только чуть пригубил его. Они тихо разговаривали, глядя, как в клуб то и дело входят солдаты, сменившиеся с дежурства, а другие уходят, и изо всех стараясь пореже смотреть на табло. Однако в тот самый момент, когда стрелка коснулась нужного деления, Брайан вскочил.

— Нет, не желаю! — громко сказал он. — Это, наконец, просто невыносимо!

Он оттолкнул стул и стукнул кулаком по столу так сильно, что разлил свое виски. Не оглядываясь, он большими шагами вышел, громко хлопнув дверью. Бармен поспешно подошел с полотенцем и принялся вытирать лужу на столе.

— Сейчас принесу еще порцию, — сказал он.

— Не надо. Я думаю, сегодня Брайан больше сюда не придет.

Она не спеша допила херес, чувствуя, как все в комнате старательно отводят глаза в сторону. Потом достала компьютерный блокнот и начала делать в нем какие-то заметки. Через некоторое время она взяла сумочку, оглядела комнату и подошла к сержанту, сидевшему у стойки.

— Простите, сержант, майор Вуд сегодня здесь?

— Да, мэм.

— Вы не скажете, как его найти?

— Если хотите, могу вас проводить.

— Спасибо.

Когда дверь за Брайаном захлопнулась, ему стоило большого труда удержаться и не взбежать по лестнице, прыгая через две ступеньки. Да, нужно было спешить, но бежать, привлекая к себе внимание, не следовало. Он запер за собой дверь своей комнаты и схватил со стола приготовленные заранее кусачки. Свен заранее перепилил замок сигнального браслета у него на руке и снова соединил его тонкой проволочкой. Брайан перекусил проволочку, бросил браслет и кусачки на кровать и кинулся в другой угол комнаты, стаскивая с себя на ходу брюки и чуть не свалившись при этом. Прыгая на одной ноге, он скинул туфли и вбежал в ванную. Пластиковая бутылка с шампунем стояла в раковине, где он ее оставил. Брайан схватил ее, начал было открывать и выругался вслух.

— Идиот — чуть не забыл про перчатки! Все рассчитано по времени, только бы чего-нибудь не перепутать, иначе ничего не выйдет!

Он открыл кран, сунул под него голову, потом, оставив кран открытым, руками в перчатках неуклюже

откупорил шампунь, нагнулся над раковиной, вылил половину себе на голову и начал растирать его.

Жидкость была прозрачна, но волосы под действием ее быстро чернели. Обычная краска для волос, купленная в магазине, — фирма гарантировала, что она окрашивает только волосы, не затрагивая кожу. Перчатки понадобились потому, что у ногтей и волос состав совершенно одинаковый, — а черные ногти непременно привлекли бы внимание. Остатками краски он намазал плохо покрашенные места и тщательно намазал брови.

Вытерев голову полотенцем, Брайан вымыл перчатки и бутылку из-под шампуня, которую собирался забрать с собой. Перчатки он сунул в ящик кухонного стола, а сложенное полотенце подложил под стопку чистых. Если план удастся, начнется расследование, и рано или поздно эксперты обнаружат следы краски, — однако облегчать им задачу он не собирался. Он взглянул на часы — осталось всего три минуты.

Он выдвинул нижний ящик стола с такой силой, что тот вывалился на пол. Пусть лежит! Поверх рубашки с короткими рукавами, которую Брайан носил обычно, он натянул солдатскую куртку, надел брюки и армейские ботинки со шнуровкой, не без труда завязал форменный галстук защитного цвета.

Из зеркала на него смотрел совсем другой Брайан. Он лихо заломил фуражку, как было принято в 82-й авиадесантной дивизии, — ее эмблему он заранее пришил на рукав. Никаких нашивок — он должен был превратиться в обыкновенного рядового, неотличимого от остальных.

Он записывал в карман бумажник, когда зазвонил телефон.

— Да. Кто это?

— Это доктор Снэрсбрук, Брайан. Я хотела бы...

— Мне сейчас не хочется разговаривать, доктор. Я собираюсь сделать себе большой бутерброд, как следует выпить, посмотреть какую-нибудь чушь по телевизору и пораньше залечь спать. Может быть, поговорим завтра. Но не раньше. А сейчас я отключаю телефон.

Осталось две минуты. Он хотел было снова прицепить телефон на пояс, но сообразил, что тогда его легко будет выследить, и швырнул аппарат на кровать. Забрал бутылку из-под краски, завернутую в газету. Погасил

свет, чуть приоткрыл дверь. В коридоре никого. Запер дверь за собой. Теперь тихо! И скорее — к пожарной лестнице. Осторожно закрывая за собой тяжелую дверь, он почувствовал, как сильно бьется сердце.

Везение продолжалось — коридор, ведущий к запасному выходу, был безлюден. Не спеша пройти мимо открытой двери на кухню — только не смотреть туда! Потом тихо открыть дверь на улицу.

Он посторонился, пропуская двух поваров в белых куртках. Они были заняты спором о бейсболе и, кажется, не заметили его. Но если что-то случится, они наверняка припомнят, что видели какого-то солдата, который здесь проходил. И если сейчас начнется тревога, они выведут на него охрану.

Машина стояла в тени здания — в единственном месте, не залитом ярким светом ртутных ламп.

Брайан быстро огляделся. Три солдата, идут в другую сторону. Больше никого не видно. Он осторожно открыл заднюю дверцу машины, скользнул внутрь и закрыл за собой дверцу, стараясь, чтобы замок не щелкнул. Запер дверцу и улегся на пол, укрывшись одеялом.

— Он очень расстроен, — сказала Эрин Снэрсбрук, вставая.

— Мы знаем, — ответил майор Вуд. — И нам это тоже не нравится. Но у нас есть приказ, и ни я, ни кто-нибудь другой абсолютно ничего не можем сделать.

— Тогда я обращусь к вашему начальству. Что-то предпринять надо, ему необходимо помочь.

— Прошу вас, сделайте это, и желаю вам удачи.

— Только что он очень раздраженно говорил со мной по телефону. Он заперся у себя в комнате и не желает ни с кем разговаривать.

— Его можно понять. Может быть, завтра он немного успокоится.

— Будем надеяться.

Майор проводил ее до выхода и направился было вслед за ней к ее машине. Она остановилась, покопалась в сумочке в поисках ключей и вытащила вместе с ними свою визитную карточку, которую протянула ему.

— Прошу вас, майор, позвонить мне сразу же, если его состояние будет вас тревожить. Днем или ночью,

неважно. Надеюсь, нам удастся что-нибудь сделать, пока не поздно. До свиданья.

— Обязательно позвоню, доктор. До свиданья.

Она медленно пошла к стоянке. Села в машину, не осмелившись заглянуть за спинку сиденья. Завела мотор и огляделась. Поблизости никого не было.

— Ты... здесь? — шепотом спросила она.

— Представьте себе, здесь, — послышался приглушенный ответ.

Она подъехала к воротам, кивнула часовым, открывшим перед ней шлагбаум, и исчезла во тьме звездной ночи.

Глава 38

19 декабря 2024 года

Эрин Снэрсбрук пришлось включить автомат управления машиной и установить на нем крейсерскую скорость, потому что сама она незаметно для себя все сильнее нажимала на педаль газа и только время от времени, спохватившись, замедляла ход. Крутом простиралась пустыня, погруженная в глубокую темноту, и только фары бросали вперед яркую полосу света, освещавшую плавные извивы дороги. Проехав километра два, она увидела стоящий на обочине автомобиль. Она остановила машину рядом с ним, с облегчением вздохнула и, обернувшись, сказала через плечо:

— Теперь ты в безопасности. Можешь вылезать.

Брайан быстро поднялся с пола и уселся на заднее сиденье.

— Чуть не задохнулся там. Я полагаю, все прошло гладко, иначе мы бы сюда не добрались?

— Вполне. Можешь выйти из машины. Подожди, я выключу фары. И все остальные огни на всякий случай.

Брайан вышел в теплую тьму. Свободен! Впервые за целый год! Глубоко вдохнув сухой воздух пустыни, он позволил себе на секунду задержаться, чтобы жадно взглянуть в небо, усыпанное звездами вплоть до темного зубчатого силуэта гор на горизонте. Хлопнула дверца машины — доктор Снэрсбрук вышла и встала

рядом с ним. Он обернулся к ней и увидел, что у другого автомобиля кто-то стоит.

— Кто это? Что случилось?

— Все в порядке, Брайан, — тихо ответила доктор Снэрсбрук. — Это Шелли. Она хочет тебе помочь. Она все знает и на нашей стороне.

У Брайана подступил комок к горлу. Когда Шелли подошла, он с трудом выговорил:

— Вы давно узнали?

— Только на прошлой неделе. Когда рассказала доктору Снэрсбрук, что ухожу из армии из-за того, что они делают с вами. Я убедила ее, что хочу вам помочь, и она мне поверила.

— Да, тогда я и рассказала ей, что ты собираешься сделать. Я очень боюсь, Брайан, что ты пока еще не готов иметь дело с внешним миром один на один. Я рискнула ей поверить — и то, что сейчас здесь она, а не военная полиция, показывает, что я не ошиблась. Я очень о тебе беспокоилась и, честно говоря, не хотела, чтобы ты узнал о ее участии в этом деле, пока не вырвешься из своей тюрьмы.

Брайан с трудом перевел дух и улыбнулся в темноту.

— Вы правы, доктор. Не думаю, чтобы я на это согласился, если бы знал заранее. Но теперь, когда все уже решено, — я очень рад. Добро пожаловать, Шелли.

— Спасибо вам обоим за то, что позволили мне вам помочь. Я еду с вами, не стоит вам оставаться одному.

— Мне надо будет об этом подумать. Позже. А сейчас пора двигаться. — Он развязал галстук и стянул с себя куртку. — Майор поверил вам, доктор?

— Он к вам хорошо относится, Брайан. И все остальные тоже. Я уверена, что до утра к вашей комнате никто и близко не подойдет.

— Надеюсь. Но когда они обнаружат, что меня нет, там такое начнется! Знаете, я им всем очень сочувствую. В каком-то смысле я сыграл с ними скверную шутку. Можете быть уверены, что им не поздоровится.

— А тебе не кажется, что сейчас поздновато об этом думать?

— Нет, все продумано. Я много и долго размышлял об этом, когда разрабатывал план побега. Мне жаль их, но ведь они были моими тюремщиками — а мне нужно было бежать из тюрьмы. Ну, какие у нас дальнейшие планы?

— Дальше командует Шелли. Я возвращаюсь в «Мегалоуб», немного поработаю у себя в лаборатории и проведу там ночь. Это немного спутает им карты — может быть, они даже не догадаются, что я замешана в побеге. Чем загадочнее будет казаться это дело, тем больше шансов, что все кончится благополучно. Я даже упакую в ящик мою машину-коррелятор и снова положу в багажник, чтобы им не пришлось в голову связать ее пропажу с твоим побегом. Так что давай вытащим Свена и перегрузим его в машину Шелли. Чем скорее я вернусь, тем лучше.

Как только это было сделано, они наскоро расцеловались на прощание и разъехались. Подождав, когда машина Эрин развернется и двинется обратно, Шелли завела мотор и поехала на запад. Брайан смотрел на проносящиеся мимо холмы, чувствуя еще большее облегчение, чем в тот момент, когда впервые осознал, что свободен.

— Я рад, что вы здесь, — сказал он. — Может быть, нам теперь надо держаться вместе. По крайней мере некоторое время. — Он взглянул на часы. — На такой скорости мы доедем до границы часам к одиннадцати, не позже.

— Вы уверены? Я никогда не ездила по этой дороге.

— Я тоже — во всяком случае, не припоминаю. Но я просмотрел множество карт и путеводителей. Большого движения тут быть не должно, а ехать всего сто сорок километров.

Больше они не разговаривали: говорить было не о чем, зато было о чем подумать.

Не доезжая Броули, они свернули с 78-го шоссе и направились на юг через Эль-Сентро и Калексико. Руководствуясь указателями, на которых было написано «В МЕКСИКУ», они объехали центр города и подъехали к пограничному переезду. Будки таможенников показались впереди ровно в половине одиннадцатого. Брайан впервые проявил признаки беспокойства.

— Во всех путеводителях говорится, что переехать мексиканскую границу проще простого. Это верно?

— Были бы с собой доллары. Меня по дороге туда ни разу еще не останавливали, да и вообще на меня не смотрели.

Когда они пересекали границу, ни одного таможенника на американской стороне видно не было. Офицер-

мексиканец с внушительным пистолетом и еще более внушительным брюхом бросил беглый взгляд на номер машины и отвернулся.

— Дело сделано! — воскликнул Брайан, когда они ехали по улице, изобиловавшей ярко разукрашенными лавочками и барами.

— Это точно! А что дальше?

— Прежде всего, изменение в плане. Сначала предполагалось, что доктор высадит нас со Свенном и вернется в Штаты. Что я собираюсь делать дальше, она не знает.

— А вы?

— Знаю совершенно точно. Я собираюсь сегодня же вечером выехать на поезде в Мехико.

— И я тоже.

— Вы уверены?

— Безусловно.

— Хорошо. Тогда мы придерживаемся первоначального плана — только вы переправите машину обратно через границу, вернетесь на такси...

— Ну нет. Слишком сложно и долго. К тому же я оставляю след. Мы просто бросим машину здесь с ключом в замке.

— Ее же украдут!

— Вот именно. Если местные автомобильные воры хоть чего-нибудь стоят, она исчезнет бесследно. Это куда лучше, чем если ее найдут на стоянке в Калексико и догадаются, куда мы направились.

— Но вы не должны этого делать. Это же деньги...

— Я все равно собиралась купить себе новую. К тому же не исключено, что когда-нибудь я получу за нее страховку. Так что не тратьте слов попусту. Как проехать на вокзал?

— Сейчас посмотрю на плане.

Они легко нашли вокзал Национальных железных дорог Мексики. Шелли проехала мимо, свернула за угол на какую-то плохо освещенную улицу и остановила машину под перегоревшим фонарем. Достав из багажника чемоданчик и не вынимая ключа из замка зажигания, она помогла Брайану вытащить тяжелый ящик.

— Первый шаг — и самый важный, — сказал он.

— До отхода поезда остается один час двадцать одна минута, — слышался из ящика приглушенный, но назидательный голос.

— Больше чем достаточно. Потерпи еще — тащить-то ящик приходится нам.

Они с трудом донесли его до входа в вокзал, где Шелли потребовала остановиться.

— Хватит! Присмотрите за ним, а я пойду погляжу, водятся ли в этой глуши носильщики.

Через несколько минут она вернулась с мужчиной в помятой форменной фуражке. Он катил перед собой ручную тележку.

— Нам нужно купить билеты, — сказал Брайан, пока тот подсовывал под ящик обитый металлом край тележки. «Надеюсь, он говорит по-английски», — подумал он.

— Проще простого. Куда едете?

— В Мехико.

— Проще простого. Идите за мной.

Брайан с облегчением убедился, что женщина с недовольным лицом, сидевшая в кассе, тоже говорит по-английски. Да, есть свободное купе первого класса. Древний кассовый аппарат, стоявший рядом с ней, выплюнул два билета, которые она проштамповала вручную. Дело осложнилось, когда Брайан достал деньги.

— Доллары я не беру, — раздраженно заявила женщина, как будто это его вина. — Только moneda nacional*.

— А здесь нельзя поменять деньги? — спросила Шелли.

— Обменный пункт уже закрыт.

Паника, охватившая Брайана, лишь слегка уменьшилась, когда носильщик сказал:

— У меня есть приятель, меняет деньги.

— Где он?

— Вон там, работает в баре.

Бармен широко улыбнулся и с радостью согласился поменять доллары на песо.

— Только вы понимаете, что у меня не такой курс, как в банке? Ведь мне надо покрыть расходы.

* Национальная валюта (исп.).

— Как скажете, — согласился Брайан, отдавая ему зеленые купюры.

— Он наверняка вас надует! — прошипела Шелли, когда бармен отошел к кассе.

— Конечно. Но зато мы попадем на поезд, а это сейчас главное.

Получив в обмен на доллары толстую пачку песо — пусть даже меньше, чем следовало, — он почувствовал огромное облегчение.

Без восьми двенадцать носильщик поставил ящик в купе, сунул в карман десятидолларовую бумажку, полученную на чай, и ушел, закрыв за собой дверь. Шелли задвинула занавеску на окне, а Брайан запер дверь и открыл крышку ящика.

— Действующий курс обмена долларов в Мексике на сегодня...

— Прощу тебя, пусть это так и останется для нас тайной, — перебил Брайан, вынимая из ящика дорожную сумку. — Хорошо доехал?

— Если сидеть в темном багажнике автомобиля — это хорошо, тогда я доехал прекрасно.

— Ничего, дальше будет лучше, — сказала Шелли.

Загremели сцепы, поезд дернулся и поехал. Тут же в дверь громко, повелительно постучали.

— Я открою, — сказала Шелли. — А вы пока передохните.

— С удовольствием.

Подождав, пока он закроет крышку ящика, она отперла дверь.

— Ваши билеты, — сказал кондуктор.

— Пожалуйста. — Брайан отдал ему билеты, кондуктор пробил их компостером и указал на сиденья.

— Когда захотите прилечь, просто откиньте спинку. Постель уже постелена. А верхняя койка откидывается вот так. Желаю приятной поездки.

Брайан запер за ним дверь и рухнул на сиденье. День выдался нелегкий.

Поезд, раскачиваясь, набирал скорость, колеса постукивали на стыках рельсов, за окном бежали огни. Брайан отодвинул занавеску и стал смотреть, как мимо проплывают сначала пригороды, потом фермы.

— Дело сделано! — сказала Шелли. — Ничего красивее я в жизни не видела.

— Не сомневаюсь, что вид очень интересный, — произнес приглушенный голос.

— Ох, прости, — встрепенулся Брайан и снова поднял крышку ящика. Свен выдвинул глазные стебли, чтобы тоже смотреть в окно. Брайан погасил свет, и все принялись рассматривать проплывавшие мимо пейзажи.

— Когда мы прибываем? — спросила Шелли.

— В три часа дня.

— А дальше?

Брайан молча глядел в темноту, все еще испытывая колебания.

— Шелли, я все-таки думаю, что мне надо бы заниматься этим одному.

— Ерунда. Сняв голову, по волосам не плачут — так, кажется, говорят?

— Да, есть такая пословица.

— Я считаю, что ты должен принять предложение Шелли о помощи, — заявил Свен.

— Разве я спрашивал твое мнение?

— Нет. Но это хорошее предложение. Ты был очень болен, у тебя в памяти есть пробелы. Тебе нужна ее помощь. Прими ее.

— Я остался в меньшинстве, — вздохнул Брайан. — А план у меня простой — только нужно, чтобы при вас был ваш паспорт.

— Он у меня с собой. Я захватила его, когда доктор Снэрсбрук сказала, что собирается ехать в сторону мексиканской границы.

— Моя главная задача — держаться на шаг впереди тех, кто будет меня разыскивать.

— Залечь на дно в Мексике?

— Я думал об этом, но это не годится. Мексиканская и американская полиция очень тесно сотрудничают, вылавливая торговцев наркотиками. Не сомневаюсь, что генерал Шоркт объявит меня уголовным преступником, если это понадобится, чтобы меня выследить. Поэтому в Мексике мне оставаться нельзя. Я посмотрел расписание самолетов — вечером из Мехико отбывает множество заграничных рейсов. Мы купим билеты и покинем страну.

— А куда именно, вы думали?

— Конечно. В Ирландию. Не забудьте, у меня ирландское гражданство.

— Блестящая идея. Ну хорошо, прилетаем мы в Ирландию — а что дальше?

— Я хочу попробовать найти доктора Бочерта — если он еще жив. Для чего, видимо, придется съездить в Румынию. Люди, которые похитили мой первый искусственный интеллект и пытались меня убить, все еще на свободе. Я намерен разыскать их. По многим причинам. Одна из них — чтобы отомстить, но главная — чтобы выжить. Только когда эта угроза будет ликвидирована, я смогу ходить, не оглядываясь через плечо. А у генерала Шоркта больше не будет повода ко мне приставать.

— Аминь. — Она широко зевнула, прикрыв рот рукой. — Простите. Но если вы хотя бы наполовину так же устали, как я, нам надо ложиться спать.

— Пожалуй, да.

Он задвинул занавеску и зажег свет. Как и обещал проводник, обе койки были застланы, и они легко привели их в нужное положение.

— Я буду спать наверху, — сказала Шелли, открыв свой чемоданчик, достав пижаму и халат и захватив со столика сумочку. — Сейчас приду.

Когда она вернулась, в купе горел только ночник над ее койкой. Брайан лежал укрытый с головой, а Свен смотрел в окно, приподняв уголок занавески.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи, — ответил Свен. А с нижнего места донеслось лишь тихое похрапывание.

Глава 39

20 декабря 2024 года

Они позавтракали в вагоне-ресторане, разглядывая бегущие за окном пейзажи. Крохотные деревушки, джунгли и горы, время от времени — клочок океана. Когда они допивали кофе, послышался телефонный звонок, и Брайан увидел, как один из сидевших в ресторане вынул аппарат из кармана и начал говорить.

— Какой я идиот, — сказал Брайан. — Надо было раньше об этом подумать. А у вас телефон с собой?

— Конечно. Он у всех всегда с собой.

— Только не у меня сейчас. Вы знаете, что человека можно вызвать, где бы он ни был. А вы когда-нибудь задумывались о том, как вся эта механика работает?

— Пожалуй, нет. Это же самая обычная вещь.

— А для меня она была такой новинкой, что я заинтересовался. Сейчас везде проходят волоконно-оптические и микроволновые линии — они образуют сеть вокруг всего земного шара. Когда человек хочет позвонить, он просто набирает номер, ближайшая станция принимает вызов и передает его, куда нужно. Только вы, наверное, не знаете, что ваш телефон постоянно включен, всегда готов к работе. И он автоматически отмечается, когда вы перемещаетесь из одной ячейки сети в другую, и сообщает в банк памяти вашего узла связи, где вы находитесь в данный момент. Так что

когда кто-нибудь набирает ваш номер, национальная или международная телефонная система всегда знает, где вас найти, и переключает разговор на ваш аппарат.

Она в удивлении раскрыла глаза.

— Значит, они знают, где я сейчас? И всякий представитель властей может получить такую информацию?

— Безусловно. Например, генерал Шоркт.

Она ахнула:

— Тогда надо от него избавиться! Выбросить его за окно!

— Нет. Если аппарат отключается, сигнал об этом поступает в ремонтную службу. Не надо привлекать к себе внимание. Мы можем быть более или менее уверены, что пока вас никто не разыскивает. Но когда станет известно, что я исчез, и начнутся поиски, они наверняка выйдут на всех, кто со мной работал. Пойдемте в купе, у меня есть одна идея.

Панель обшивки под самым окном показалась Брайану вполне подходящей. Он указал на нее.

— Свен, как ты думаешь, сумеешь ты вывернуть вот эти винты?

Свен направил на них свои глаза.

— Это легко.

МИ придал своим манипуляторам форму отвертки и быстро вывернул винты, которыми была прикреплена пластиковая панель. За ней проходили какие-то две трубы и электрический кабель. Брайан ткнул туда пальцем.

— Мы просто оставим ваш телефон там. Блокировать сигналы панель не будет, она из пластика. А если военные позвонят и вы не ответите, им не так просто будет определить, откуда идет сигнал, источник которого колесит по всей Мексике. А к тому времени, когда они поймут, в чем дело, мы будем уже далеко.

В полдень поезд миновал Тепик и свернул с побережья в глубь страны, к Гвадалахаре. В Мехико он прибыл точно по расписанию. Свен уже был надежно упакован и ждал носильщика, который явился за багажом. Он отвел их в *deposito de equipajes**, где они сдали свои вещи. Брайан показал на расположенный рядом банк.

* Камера хранения багажа (исп.).

— Прежде всего надо раздобыть немного песо. И нам совершенно незачем делать это таким же способом, как в Мехикали.

— А потом?

— Потом поищем бюро путешествий.

Когда они вышли из вокзала Буэнависта, было холодно и мокро; от смога щипало глаза. Они миновали стоянку такси и, смешавшись с толпами пешеходов, направились по Инсурхентес Норте, пока не обнаружили бюро путешествий. Помещение было обширное, а в витрине красовалось объявление: «ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ ПО-АНГЛИЙСКИ» — это вселяло надежду. Они вошли.

— Мы хотели бы вылететь в Ирландию, — сказал Брайан мужчине, сидевшему за столом. — Как можно скорее.

— Боюсь, что отсюда туда нет прямого рейса, — ответил агент, повернувшись к компьютеру и взглянув на расписание полетов на экране. — Есть ежедневный рейс компании «Америкен» с пересадкой в Нью-Йорке и еще один, компании «Дельта», через Атланту.

— А какие-нибудь другие компании, кроме американских? — спросила Шелли, и Брайан одобрительно кивнул. Они только что благополучно выбрались из Штатов, и возвращаться туда даже на самое короткое время было совершенно незачем. В конце концов они остановились на рейсе компании «Мексэр» до Гаваны на Кубе, откуда тремя часами позже вылетал аэрофлотовский «Ту» на Шеннон. Цены на билеты были обозначены в песо, но агент позвонил в банк и узнал обменный курс.

— Давайте экономить наличные, — сказала Шелли. — Они нам еще понадобятся. Воспользуемся моей кредитной карточкой.

— Вас выследят.

— Ну и что? Это то же самое, что с телефоном, — меня здесь уже не будет.

— Можно наличными, можно кредитной карточкой, — сказал агент. — Паспорта американские?

— Один. Другой ирландский.

— Прекрасно. Это займет всего несколько минут. — Компьютер проверил, действительна ли кредитная карточка, забронировал места и отпечатал билеты. — Желаю вам приятного полета.

— Спасибо, — сказал Брайан, и они вышли на улицу. Заданный им вопрос о паспортах напомнил об одном неприятном обстоятельстве: им предстояло пройти через таможенно. В путеводителях так и было написано совершенно недвусмысленно, и Брайан знал, что тут могут возникнуть трудности. Он надеялся, что их удастся преодолеть с помощью *mordida** — скоро это выяснится наверняка.

— Мне холодно, и я промокла, — сказала Шелли. — У нас есть время купить плащ — а заодно, может быть, и свитер?

Брайан посмотрел на часы.

— Хорошая мысль. Времени больше чем достаточно, в аэропорт нам еще нескоро. Попробуем счастья вон в том универмаге.

Кроме плаща он купил еще две рубашки, белье и легкий пиджак — только самое нужное, чтобы все поместилось в дорожной сумке. Шелли же накупила себе столько вещей, что ей пришлось купить еще и небольшой чемоданчик.

Когда они вернулись на вокзал, Брайан предъявил квитанцию, забрал Свена, сумку и чемодан, и они взяли такси до аэропорта.

Регистрация прошла без всяких осложнений. Чемодан Шелли и ящик со Свеном медленно уплыли по движущейся ленте, служащая авиакомпании оторвала от их билетов корешки и прикрепила их к посадочным талонам.

— Могу я посмотреть ваши паспорта?

Первый барьер они миновали благополучно. Ее интересовала только первая страница — не просрочен ли срок действия. Улыбнувшись, она вернула паспорта. Через контроль первой пошла Шелли. За ней последовал Брайан, сжимая в руке паспорт и посадочный талон. Он положил сумку на движущуюся ленту рентгеновского аппарата и прошел через арку металлоискателя. Машина издала резкий звонок. Охранник угрожающе повернулся к нему.

Брайан выгрузил из кармана монеты, даже снял ремень с медной пряжкой, тоже положил его на поднос

* Взятка (исп.).

и быстро прошел под аркой еще раз. Звонок раздался снова.

Только теперь Брайан догадался, в чем дело: магнитное поле машины обнаруживало не только металлы, но и электронные схемы.

— Это у меня в голове, — сказал он, указывая на свое ухо. — Несчастный случай, мне делали операцию. — Ни слова про компьютер — не надо усложнять. — У меня в черепе металлическая пластина.

Охранник очень заинтересовался. Он поводил вокруг Брайана ручным детектором — тот давал звонок только тогда, когда приближался к голове Брайана. Ясно было, что это не оружие, и охранник махнул Брайану, чтобы он проходил. Каждый здесь делал свое дело, и только.

В том числе и таможенник. Это был смуглокожий мужчина с элегантными усиками. Когда Брайан протянул ему свой паспорт, он не спеша перелистал страницы, вернулся к началу и перелистал их снова. Потом поднял глаза на Брайана и нахмурился:

— Я не вижу здесь въездной визы, которую ставят при въезде в Мексику.

— Разве? Можно мне посмотреть? — Брайан сделал вид, что разглядывает отметки в паспорте, и, очень боясь сделать глупость, сунул между страниц стодолларовую бумажку. Одно дело — читать о том, как дают взятки, а совсем другое — давать взятку самому. Он не сомневался, что его тут же арестуют.

— Я не знал, что такая виза нужна. Мы переехали границу на машине. Я ничего не знал про визу.

Он снова протянул паспорт таможеннику и в ужасе смотрел, как тот переворачивает страницы.

— Ну, бывает, — сказал тот. — Всегда может случиться ошибка. Но там должны быть проставлены два штампа. Один въездной, другой выездной. И если эта дама с вами, то и у нее должно быть проставлено два штампа.

Таможенник со скучающим видом вернул паспорт. Брайан перелистал странички — там ничего не было: ни штампов, ни денег. И тут до него дошло.

— Ну конечно! Два штампа, а не один. Понимаю.

Взаимопонимание было полное. Еще три сотенные бумажки последовали за первой, таможенник со стуком поставил два штампа и вернул паспорт. Та же

операция была проделана с паспортом Шелли. Контроль был позади!

— Это правда — то, что я видела? — шепнула Шелли ему на ухо. — Вы жулик, Брайан Дилени.

— Мне самому не верится. Давайте найдем наш выход и сядем в самолет. Нужно иметь очень крепкие нервы, чтобы такое выдержать.

Самолет задержался с вылетом всего на час; весь полет прошел, словно в тумане. Они едва успели вздремнуть и совсем не отдохнули. В Гаване им запомнился только тускло освещенный транзитный зал ожидания и жесткие пластиковые кресла. Рейс Аэрофлота задержался уже на два часа. Они проглотили какую-то безвкусную еду, выпили немного грузинского шампанского и наконец уснули.

Когда они подлетали к Шеннону, только начало светать. Самолет шел на снижение сквозь тучи и выскочил из них совсем низко над стадом коров, пасущихся на зеленой траве у конца посадочной полосы. Брайан надел плащ и взял с полки свою сумку. Они молча вышли из самолета вместе с остальными такими же усталыми пассажирами. Только что прибыл еще один трансатлантический рейс, и они долго стояли в очереди, состоявшей из небритых мужчин, невыспавшихся женщин и хнычущих детей. Шелли прошла первой, ей проштамповали паспорт, и она обернулась, поджидая его.

— Добро пожаловать домой, мистер Бирн, — сказал бодрый, подтянутый таможенник. — Были на отдыхе?

Брайан долго готовился к этому моменту и ответил с чистейшим ирландским выговором, без малейших следов американского акцента:

— Может, по-вашему, это и отдых, а по мне ничего хорошего. Кормят так, что в другой раз не захочется, а дерут втридорога.

— Очень интересно. — Таможенник занес резиновый штемпель над паспортом Брайана, но рука его остановилась в воздухе. Холодные серые глаза уперлись в Брайана.

— Ваш адрес?

— Улица Килмагиг, дом 20. Это в Таре.

— Очаровательная деревушка. Там еще школа на главной улице, как раз напротив церкви.

— Да нет, разве что ее за это время успели передвинуть на километр дальше.

— А, верно. Наверное, я что-то перепутал. Но тут возникла одна маленькая проблема. Я не сомневаюсь, что вы ирландец, мистер Бирн, и мне не хотелось бы никому препятствовать в возвращении на родину. Но закон есть закон.

Он сделал знак охраннику, который кивнул и не спеша направился к ним.

— Я не понимаю. Вы же видели мой паспорт.

— Действительно, видел, и это-то и есть самое непонятное. Дата выдачи паспорта совершенно правильная, и все визы как будто в порядке. Но я одного только не могу понять и поэтому прошу вас пройти вот с ним в дежурную комнату. Видите ли, паспорта этого образца Европейский союз отменил. Вот уже больше десяти лет как таких не выдают. Любопытно, вы не находите?

— Подождите меня здесь, — слабым голосом сказал Брайан Шелли, следуя за рослым охранником в голубой форменной одежде.

Дежурная комната была без окон, в ней пахло сыростью. Желто-бурые стены украшали только подтеки влаги, краска с дощатого пола облезла. Посередине комнаты стояли стол и два стула. Брайан сел на один из них. Его дорожная сумка лежала на ящике в углу. Рослый охранник встал у двери с отсутствующим взглядом.

Брайан был подавлен, промерз до костей и, кажется, простудился. В носу у него засвербило, он достал платок и громко чихнул.

— Будьте здоровы, — сказал охранник, бросив на него взгляд и снова уставившись в стену напротив. Дверь отворилась, и вошел еще один такой же рослый человек. Формы на нем не было, но темный костюм и тяжелые ботинки все равно выглядели форменными. Он сел за стол напротив Брайана и положил перед собой его паспорт.

— Я лейтенант Феннелли. Это ваш паспорт, мистер Бирн?

— Да, мой.

— В нем есть кое-какие несоответствия. Вам это известно?

У Брайана было вполне достаточно времени подумать, что следует говорить. Он решил говорить правду —

всю правду, за исключением того факта, что военные держали его в заключении. Конечно, все происшедшее он решил излагать в упрощенном варианте.

— Да. Паспорт был просрочен. У меня здесь кое-какие срочные дела, и я не мог ждать, пока мне выдадут новый, а сам сделал в нем исправления.

— Ничего себе исправления! Мистер Бирн, это сделано так искусно, что я почти не сомневаюсь — никто бы ничего не заметил, если бы он не был старого образца. Чем вы зарабатываете на жизнь?

— Я инженер-электронщик.

— Ну, вы можете просто разбогатеть на изготовлении фальшивых купюр, если решите продолжать свою преступную деятельность.

— Я не преступник!

— Разве? Но ведь вы только что признались в подлоге?

— Ничуть. Паспорт — это всего лишь документ, удостоверяющий личность, и не более того. Я только продлил срок его действия — то же самое сделали бы мне в консульстве, если бы у меня было время туда обратиться.

— Для преступника это несколько иезуитский довод.

Брайан разозлился, хотя и понимал, что детектив нарочно старается вывести его из равновесия. Но тут он снова чихнул, и это его спасло: вытаскивая платок и сморкаясь, он немного успокоился. Лучший способ защиты — нападение. Так, по крайней мере, считается.

— Вы обвиняете меня в каком-то преступлении, лейтенант Феннелли?

— Я доложу начальству. Но сначала я хотел бы узнать некоторые подробности. — Он раскрыл большой блокнот и вынул ручку. — Место и дата рождения?

— Зачем все это нужно? Я жил в Соединенных Штатах, но родился в Таре, в графстве Уиклоу. Моя мать умерла, когда я был еще маленький. Она была не замужем. Меня усыновил отец, Патрик Дилени, который увез меня к себе в Штаты, где тогда работал. Все это подтверждено документами. Если надо, можете проверить имена, даты, места — все сойдется.

Лейтенанту нужны были факты — все факты, и он медленно и тщательно записывал их в свой блокнот. Брайан ничего не скрыл, а лишь закончил свой рассказ

на том, как начал работать в компании «Мегалоуб», — до налета с убийствами.

— Пожалуйста, откройте ваш багаж.

Этого Брайан ждал и приготовился заранее. Он знал, что Свен прислушивается ко всему, что происходит, и надеялся, что МИ все понял.

— Вот в этой маленькой сумке личные вещи. В большом ящике — образец продукции.

— Какой продукции?

— Это робот. Машина, которую я разработал и намерен продемонстрировать кое-каким частным инвесторам.

— Их имена?

— Этого я сообщить не могу. Коммерческая тайна.

Пока Феннелли писал еще что-то в блокноте, Брайан отпер ящик и поднял крышку.

— Это базовая модель промышленного робота. Он может отвечать на простые вопросы и воспринимать устную речь. Именно так осуществляется управление им.

Даже полицейский у двери заинтересовался, повернулся к ним и стал смотреть. Детектив в недоумении уставился на разобранного робота.

— Включить его? — спросил Брайан. — Он может говорить, но не очень хорошо.

Свен будет в восторге. Брайан протянул руку и нажал на первую попавшуюся заклепку.

— Ты меня слышишь?

— Да — я — тебя — слышу.

Сыграно было великолепно — голос звучал скрипуче и монотонно, как у дешевой говорящей куклы.

— Кто ты?

— Я — промышленный — робот. Я — выполняю — команды.

— Если вы удовлетворены, лейтенант, я его выключу.

— Минуточку, пожалуйста. А это что? — Он указал на полую пластиковую голову.

— Это чтобы оживить демонстрацию. Иногда я надеваю ее на робота. Это привлекает внимание. Если не возражаете, я все-таки его выключу — понимаете, аккумулятор может сесть.

Он снова нажал на заклепку и закрыл крышку.

— Сколько может стоять такая машина? — спросил Феннелли.

Сколько она может стоить? Одна только молекулярная память обошлась в миллионы!

— Я бы сказал, около двух тысяч долларов, — с невинным видом ответил Брайан.

— У вас есть импортная лицензия?

— А я его не импортирую. Это образец, он не для продажи.

— Об этом вам нужно будет говорить с сотрудником таможни. — Лейтенант закрыл блокнот и встал. — Я доложу обо всем начальству. Прошу вас оставаться на территории аэропорта.

— Я арестован?

— В настоящий момент — нет.

— Мне нужен адвокат.

— Это ваше дело.

Когда он вышел, Шелли, сидевшая с чашкой давно остывшего чая, вскочила.

— Что случилось? Я так беспокоилась!

— Успокойтесь. Все кончится хорошо. Выпейте еще чашку чая, а я пока позвоню.

В телефонном справочнике адвокаты, жившие поблизости, занимали полстраницы. Кассир продал ему телефонную карточку — наверное, это была единственная страна в мире, где ими еще пользовались. С третьего раза Брайану удалось договориться с неким Фергусом Даффи, который сказал, что с радостью сейчас же приедет в аэропорт и займется его делом. Но это было ирландское «сразу же». Только в середине дня, после того как они выпили множество чашек чая и съели немало очень черствых бутербродов, адвокат сумел что-то изменить в их положении.

Фергус Даффи оказался веселым молодым человеком с пучками рыжих волос, торчавшими из носа и ушей, которые он теребил, когда приходил в волнение.

— Рад с вами познакомиться, — сказал он, усаживаясь и вынимая из кейса папку. — Должен сказать, что это необычное и интересное дело. Похоже, ни до кого тут не доходит, что никакого преступления не было совершено. Вы просто изменили срок действия своего паспорта, что, безусловно, не может считаться преступлением. В конце концов власти приняли решение передать дело в более высокие инстанции. Вы свободны, но должны оставить свой адрес, чтобы с вами можно было связаться. Если понадобится.

— А мой багаж?

— Можете забрать. А вашу машину выдадут сразу после того, как вы заполните бумаги на таможне, заплатите пошлину, НДС и все прочее. Тут никаких проблем не будет.

— Значит, я могу ехать, куда хочу?

— Да, но недалеко. Посоветовал бы вам пока остановиться в отеле при аэропорте. Я постараюсь проверить все дело как можно скорее, но вы должны понимать, что в Ирландии «как можно скорее» — понятие относительное. Как в том анекдоте про ирландца-лингвиста. Слышали его?

— Кажется, нет.

— Он вам должен очень понравиться. В общем, на международном лингвистическом конгрессе лингвист-испанец спрашивает лингвиста-ирландца, есть ли в ирландском языке слово, которое означало бы то же самое, что испанское *тап-апа**. Ирландец, немного подумав, отвечает, что вообще-то, конечно, есть, только оно не предполагает такой невероятной срочности.

Хлопнув себя по коленям, Фергус расхохотался за всех троих.

Он помог им получить сумку Брайана и робота, наконец пропущенного таможней. Пока они доехали до расположенного поблизости отеля, он успел рассказать еще три истории про уроженцев графства Керри — все они оказались хорошо известными польскими и еврейскими анекдотами. «Интересно знать, какому национальному меньшинству или группе людей они приписываются, когда их рассказывают в графстве Керри?» — подумал Брайан.

Фергус Даффи высадил их у входа в отель и пообещал позвонить утром. Пока они прощались с Брайаном, Шелли зарегистрировалась и вернулась с двумя ключами и престарелым посыльным, катившим ручную тележку.

— Вы будете в одном номере со Свенон, — сказала она, когда они шли за стариком к лифту. — У меня нет никакого желания подцепить от вас насморк. Сейчас я распакую вещи, приведу себя в порядок и приду,

* Завтра (исл.)

как только стану снова чувствовать себя хоть немного человеком.

— А мне обязательно все время оставаться в этом ящике? — спросил Свен, когда Брайан открыл крышку. — Я бы не прочь немного размяться.

— Разминайся. — Брайан оглушительно чихнул, потом прикрепил Свену правую руку и принялся шарить в своей сумке.

— Какое электропитание в Ирландии? — спросил Свен, прикрепляя себе другую руку.

— Двести двадцать вольт, пятьдесят герц.

— Хорошо. Я хочу подзарядить аккумуляторы и использовать их, пока мы не достанем горючего для топливных элементов.

Брайан отыскал в сумке таблетки от простуды и принял одну, запив стаканом воды. Потом он уселся в кресло и сообразил, что впервые — за сколько времени? за два дня? — ему никуда не надо бежать. Рядом с ним на столе стоял телефон, и он вспомнил про таинственный номер, который обнаружил Свен. Неужели это действительно номер телефона в Швейцарии, зашифрованный исчезнувшим доктором Бочертом? Ему по-прежнему не верилось, но надо было хотя бы попробовать позвонить по этому телефону, прежде чем начать объезжать всю Европу. Проверить, правильно ли предположение Свена, можно было только одним способом. Он протянул руку к телефону, — но остановился.

А что, если телефон прослушивается? Или от бесконечной слежки, которую устроил генерал Шоркт, у него началась настоящая мания преследования? Впрочем, здешняя полиция занимается расследованием его дела, так что это вполне возможно. Он снял руку с трубки и достал из кармана телефонную карточку. Стоимость ее была пять фунтов, а истратил он лишь малую часть. Оставшегося должно было с избытком хватить на то, чтобы позвонить в Швейцарию.

Он подошел к окну и выглянул на улицу. Показалось солнце, но все вокруг было мокро после недавнего дождя. Кварталом дальше стояло коричневое здание с занавешенными окнами и вывеской «Пэдди Мэрфи». Паб — самое подходящее место, там можно будет выпить пива и позвонить.

Брайан дремал в кресле, пока его не разбудил стук Шелли. На ней был свитер с крупным ацтекским рисунком.

— Вы замечательно выглядите, — сказал он.

— Рада, что хоть о ком-то из нас можно это сказать. Вы похожи на выжатый лимон.

— И чувствую себя точно так же. Сейчас приму душ, побреюсь, а потом мы отправимся в пивную.

— А может быть, вам лучше поспать?

— Возможно, — крикнул он через открытую дверь ванной. — Но я хочу сначала позвонить. По тому телефону, который Свен-2, по его словам, обнаружил.

— По какому телефону? О чем это вы?

— Шансов немного, но попытаться стоит.

— Вы теперь всегда будете изъясняться загадками?

— Да нет. Но сначала я хочу позвонить — может быть, после этого действительно будет о чем говорить. Свен, я не записал тот номер. Ты его помнишь?

— 41-336709.

Брайан записал номер на обороте корешка от своего посадочного талона.

— Замечательно. Я буду через минуту.

Он закрыл за собой дверь и начал раздеваться.

Бармен болтал о чем-то с одиноким посетителем, сидевшим у дальнего конца стойки. Когда Брайан с Шелли вошли и уселись за столик у камина, он подошел к ним.

— Что вам заказать, Шелли? — спросил Брайан.

— Разумеется, чего-нибудь местного.

— Правильно. Два «Гиннеса», пожалуйста.

— Похоже, опять дождь собирается, — мрачно сказал бармен, медленно и терпеливо нацеживая два бокала и ставя их на стойку, чтобы отстоялась пена.

— Да тут всегда дождь. Хорошо для фермеров, плохо для туристов.

— Да бросьте вы, туристам это еще как нравится. Если тут не будет лить как из ведра, они решат, что по ошибке попали в какую-то другую страну.

— Тоже верно. У вас тут есть телефон?

— Там, сзади, за дверью.

Он долил и принес бокалы. Брайан отпил пенной черной жидкости.

— Восхитительно, — сказала Шелли.

— И очень питательно. А если много выпить, опьянеете. И не сомневаюсь, что помогает от простуды. Я пошел звонить.

Он сделал еще глоток и отправился к телефону. Сунув в него карточку, он стал набирать швейцарский номер. После четвертой цифры в трубке послышалось высокое гудение, и голос компьютера произнес:

— Вы набрали из Ирландии швейцарский номер. АТС, которую вы вызываете, не существует. Сейчас то же сообщение будет повторено на немецком и французском языках...

Брайан скомкал клочок бумаги с номером, швырнул его в пепельницу, стоявшую рядом с телефоном, вернулся за столик, допил пиво и знаком попросил повторить.

— У вас мрачный вид, — сказала Шелли.

— Еще бы! Ничего не вышло. Это не телефонный номер. Свен-2 нашел некую последовательность цифр, запрятанную в одной из украденных программ искусственного интеллекта, и решил, что это номер телефона. Только это что-то другое. Очень может быть, просто строчка из кода, который я тогда сочинил. Забудем об этом.

— Не унывайте. Вы свободный человек в свободном мире, а это что-то да значит.

— Да, только пока не так уж много. Наверное, это у меня от простуды. Давайте допьем и вернемся в отель. Наверное, мне пора поспать. Благодаря таблеткам и этим двум порциям «Гиннеса» я, должно быть, просплю целые сутки.

Глава 40

21 декабря 2024 года

Был уже восьмой час вечера, когда Брайан проснулся и приоткрыл глаза. В комнате было темно.

— Я заметил движение твоих век, — произнес Свен. — Зажечь свет?

— Да.

Десять минут спустя Брайан вышел из лифта и направился в ресторан. Шелли, сидевшая за столиком у дальней стены, помахала ему рукой.

— Надеюсь, вы не обидитесь, что я начала без вас. Лососина здесь просто изумительная. Попробуйте.

— Уговорили. К тому же я только сейчас сообразил, что умираю от голода. Эта дрянь, которой нас кормили в самолете, и бутерброды с сыром никуда не годились.

— Вы выглядите намного лучше.

— И чувствую себя лучше. Это таблетки и здоровый сон.

— Звонил ваш адвокат. Я сказала дежурному внизу, что вы спите и что все звонки надо переключать на меня. Он всем очень доволен, в том числе и тем, что вам придется заплатить штраф — пятьдесят фунтов.

— За что?

— Этого он толком не знает. Говорит, что это просто символическое наказание, чтобы отвязаться от вас и закрыть дело. Штраф он уже заплатил, так что вы

свободны. Кроме того, он оформляет вам паспорт и думает, что сумеет нажать где следует, чтобы вы получили его уже завтра. Просил позвонить ему с утра. На меня это не произвело особого впечатления — в Штатах на такие вещи требуется всего десять минут.

— Ах, моя прелесть, вы не в той далекой стране, где все компьютеры работают, а поезда ходят точно по расписанию. Поверьте, в Ирландии получить новый паспорт всего за один день — это молниеносная скорость!

— Что ж, успеем немного передохнуть. И у вас, может быть, пройдет насморк. А вы думали о том, что делать дальше?

— Без паспорта я мало что могу сделать. Потом мы начнем выслеживать этого таинственного доктора Бочерта. А сейчас я намерен проглотить приличный обед и запить его парой кружек «Гиннеса». И раз уж нам сидеть тут по меньшей мере еще день, наверное, надо будет завтра утром погулять по городу.

— Под дождем?

— Это же Ирландия. Если здесь ждать, когда дождь перестанет, можно всю жизнь просидеть дома.

— Дайте мне подумать. Вы пока обедайте, я скоро вернусь. Мне надо позвонить.

Брайан молча поднял брови в удивлении, и она рассмеялась.

— Нет, не в Штаты и никому из тех, кого можно будет выследить. Перед тем как уехать из Лос-Анджелеса, я позвонила в Израиль своей двоюродной сестре. Когда я решила помогать вам, меня смущало только одно: что я потеряю связь с семьей. Ведь отцу скоро должны делать операцию. Сестра будет звонить моей матери, но я строго-настрого запретила говорить ей, что могу позвонить в Израиль. Простите меня, Брайан, но ничего лучшего я не могла придумать...

— Не беспокойтесь, теперь, когда мы здесь, я чувствую себя в большей безопасности и почти не тревожусь. Можете звонить.

Брайан допивал кофе и вторую рюмку коньяка, когда она вернулась.

— Сочетание, наверное, смертоносное, но любопытное, — заметила она, озираясь по сторонам в поисках официанта. — Можно я к вам присоединюсь?

— Я обижусь, если вы этого не сделаете.

— Вы выглядите лучше.

— И чувствую себя тоже лучше. Хорошая пища, таблетки, сон — и свобода! Честно говоря, не припомню, чтобы я когда-нибудь так хорошо себя чувствовал.

— Вот и прекрасно, — сказала она и сжала его руку в своей, но тут же отдернула ее, когда подошел официант с подносом.

От этого прикосновения Брайана охватила волна какого-то до тех пор незнакомого ему теплого чувства. Он широко улыбнулся. Свобода, никаких забот и тревог — по крайней мере сейчас. За окном лил дождь, но здесь было тепло и уютно. Маленький островок мира и счастья.

— За вас, Шелли, — сказал он, когда официант ушел, и они взялись за рюмки. — За то, что вы сделали, чтобы мне помочь.

— Не так уж много я сделала, Брайан. Я бы лучше выпила за вас и за вашу свободу.

Он ответил ей улыбкой, они чокнулись и выпили.

— А так можно и втянуться, — сказал он. — Удалось вам дозвониться?

— Нет. Даже телефонистка не смогла. Сказала, что надо будет попробовать позже.

— Не может быть. Всегда можно дозвониться куда угодно!

— Очевидно, только не в Ирландии, — рассмеялась она.

— А вы уверены, что у вас правильно записан номер?

— Вполне.

— Когда будете звонить в следующий раз, попробуйте сначала дозвониться до справочной.

— Хорошая мысль. Давайте допьем, и я сразу это сделаю — из телефонной будки в вестибюле.

Будка была занята, и через некоторое время Шелли покачала головой.

— Не стоит ждать, пойдемте ко мне.

Подняться пешком по лестнице оказалось проще, чем ждать старинного лифта. Шелли отперла дверь и зажгла свет.

— А номер у вас побольше моего, — сказал Брайан. — Настоящие апартаменты.

— Наверное, здешний управляющий питает слабость к женщинам. Хотите выпить капельку, пока я буду звонить?

— Да, пожалуйста — немного той водки с буйволом на этикетке, которую вы купили, когда мы летели рейсом Аэрофлота.

Она набрала номер международной справочной и назвала фамилию и адрес сестры. Фамилию ей пришлось повторить: в первый раз автомат, распознающий голос, не смог ее разобрать. Она записала номер и рассмеялась.

— Вы были правы, что дозвониться можно всегда — приношу свои извинения Ирландии. Я ошиблась в одной цифре, когда записывала номер.

— Пью за это. За технику.

Он залпом выпил свой бокал, налил еще и отпил глоток. Шелли набирала номер, а он сидел, чувствуя, как его понемногу окутывает теплый туман. Похоже, он захмелел — ну и что? Это ради удовольствия, а не ради забвения — очень большая разница. Шелли наконец соединили, и он вполуха слушал разговор. В ее голосе звучало облегчение — значит, новости хорошие. Она поболтала с сестрой о семейных делах и положила трубку.

— Насколько я мог понять, все в порядке.

— Да. Дела идут нормально, прогноз прекрасный. Настолько хороший, что уже назначена операция.

— Прекрасная новость. — Он с трудом поднялся на ноги. — Пожалуй, я пойду. Замечательный был вечер.

— И правда, — согласилась она. — Спокойной ночи, Брайан.

Было совершенно естественно, что она поцеловала его в щеку — обыкновенным прощальным поцелуем.

А потом оказалось, что все не так просто. Он ответил на ее поцелуй с неожиданным жаром, который передался и ей. Ни он, ни она этого не предвидели; ни он, ни она не могли остановиться.

Их охватило приятное чувство близости, естественной тяги друг к другу. Для Брайана это было волнующее переживание, непосредственное ощущение, бездумное и не подчиняющееся никакой логике. У него промелькнуло воспоминание: Ким, но он отогнал его. Нет, это не Ким. Это что-то другое, лучше, совсем другое.

Однако совсем забыть о Ким он не мог. Не о самой Ким, а о своих собственных переживаниях. О том чувстве досады — досады на самого себя за то, что тогда потерял над собой контроль.

И тут все схлынуло. Брайан ощутил что-то неладное. Обнаженное тело Шелли прижималось к нему в темноте, но что-то было не то. Он чувствовал пустоту, отчуждение, дряблость. Его охватило бесконечное отвращение к тому, что происходило между ними. Он повернулся на бок, спиной к ней, а когда она погладила его по плечу, отодвинулся на самый край кровати.

— Ничего, — прошептала Шелли. — Это случается. Слишком тебе досталось в жизни.

— Ничего не случилось. Я не хочу об этом говорить.

— Брайан, милый, после всего, что с тобой было, нельзя ожидать, что твое тело будет всегда работать нормально.

— Мое тело? Оно, наверное, никогда не будет работать нормально. В меня стреляли, меня оперировали, я лечился, на меня покушались, меня держали под замком. Как, по-твоему, я должен себя чувствовать? Если хочешь знать, я вообще чувствую себя не совсем человеком. И мне совсем не интересно вот это — что ты пытаешься делать.

— Не я, Брайан, а мы с тобой. В эту игру можно играть только вдвоем.

— Тогда поищи себе игру, в которую ты могла бы играть одна.

Он слышал, как у нее перехватило дыхание от обиды, явственно представил себе, как по ее лицу текут слезы. Но ему было все равно.

— Я, кажется, ясно сказал, что не хочу об этом говорить.

Шелли хотела что-то сказать, но остановилась. Она молча ушла в ванную и закрыла за собой дверь. Брайан пошарил рукой вокруг, нащупал выключатель, зажег свет, оделся и вышел. Вернувшись к себе в номер, он, ничего не видя, прошел в ванную, сполоснул лицо холодной водой и вытер его, стараясь не глядеть на себя в зеркало.

В спальне было темно — войдя, он не стал зажигать свет. Теперь он зажег его и увидел, что штора отдернута и у окна стоит Свен. Брайан хотел заговорить с ним, но МИ неожиданно поднял манипулятор, принявший

форму руки, и совершенно человеческим жестом остановил его. Брайан закрыл за собой дверь и увидел, что Свен указывает на листок бумаги, лежащий на кровати. Это была записка, написанная четкими печатными буквами.

«Я УСТАНОВИЛ, ЧТО В ТЕЛЕФОННОМ АППАРАТЕ В ЭТОЙ КОМНАТЕ НАХОДИТСЯ ПОДСЛУШИВАЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО. КРОМЕ ТОГО, НА ОКОННОЕ СТЕКЛО НАПРАВЛЕН ПОТОК ИЗЛУЧЕНИЯ ТАКОЙ ЧАСТОТЫ, КАКАЯ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ДЛЯ ПОДСЛУШИВАНИЯ РАЗГОВОРОВ ПО ВИБРАЦИИ СТЕКЛА. ЗА НАМИ СЛЕДЯТ».

Кто это может быть? Ирландская служба безопасности? Возможно — и он надеялся, что это так. О том, что произошло между ним и Шелли, он уже не думал. Если расследование проводят местные власти, это намного лучше, чем... страшно подумать. Не может быть, чтобы полчища агентов генерала Шоркта настигли его здесь, — слишком уж быстро. По крайней мере, он от всей души на это надеялся. Но что они могут ему сделать? Он подошел к окну и взгляделся в темноту. Ничего не было видно. Задергивая штору, он заметил какое-то движение и увидел, что Свен делает ему знаки. В руке у него была еще одна записка. Брайан подошел и прочитал ее. Там стояли только два слова: **«ПРЯМОЕ ОБЩЕНИЕ».**

Когда он их прочел, Свен показал ему кончик волоконно-оптического кабеля. Ну конечно — прямая связь между его мозгом и мозгом Свена, которую невозможно подслушать!

Но до сих пор они ни разу еще не общались таким способом сами — им всегда помогали доктор Снэрсбрук и ее машина-коррелятор. Однако Свен ничуть не уступал ей в точности движений, легко мог найти металлическую шишечку у него под кожей, подключить к ней кабель.

Ни на мгновение Брайану не пришло в голову, что это может быть опасно. Он лишь кивнул, подвинул стул так, чтобы его не было видно из окна, сел спиной к роботу. И сразу же ощутил знакомое прикосновение пальцев-паучков к затылку.

В объятиях своего собственного создания он чувствовал себя в полной безопасности.

Через несколько секунд они уже могли переговариваться совершенно беззвучно — мозг в мозг.

«Странно. Это ничуть не быстрее, чем обычный разговор вслух».

«Конечно, Брайан. В отличие от мысли, речь линейна и поэтому должна передаваться поэлементно».

«Кто они? У тебя есть какие-нибудь предположения?»

«Они пока никак не раскрыли себя, и я не уловил никаких следов общения между теми, кто занимается этой слесжкой. Тем не менее я убежден, что знаю, кто они».

«Ирландская полиция?»

«Мало вероятно».

«Уж не хочешь ли ты сказать, что это солдаты генерала Шоркта?»

«Это возможность, которую я рекомендовал бы тебе рассматривать весьма серьезно».

«Но почему? То есть какие у тебя основания для такого предположения?»

Свен ответил не сразу. Брайан медленно повернулся и посмотрел на робота. Тонкие пучки манипуляторов двинулись вслед за его головой, чтобы удержать на месте кабель. Брайан не мог этого видеть, но выглядело это так, словно Свен держит руку на его затылке. Неподвижное металлическое лицо робота, разумеется, ничего не выражало. Через некоторое время Свен медленно заговорил, начав издали.

«Я многое узнал о самых фундаментальных, врожденных, инстинктивных функциях человеческого мозга, потому что получил их от тебя. Но я далеко не так хорошо понимаю эмоциональные реакции более высоких уровней, свойственные взрослому человеку. Я могу описать устройство его организма и его жизнедеятельность. Но я все еще недостаточно разбираюсь в более сложных функциях, эмоциях и реакциях человеческого мозга. Они очень сложны. Потому что хотя в моем собственном мозгу находится голая матрица твоего суперэго, я не имею к ней прямого доступа. Но я думаю, что ее влияние на мои собственные чувства, возможно, позволяет мне понимать тебя лучше, чем других, с кем мне приходилось общаться...»

«К чему ты клонишь?»

«Вот к чему. Прошу проявить терпение и рассудительность, потому что я намерен говорить о том, чего не испытываю сам: о человеческих эмоциях и переживаниях. Много часов назад я принял решение, касающееся человеческих ценностей, которое в то время представлялось мне правильным. Теперь я уже не настолько уверен, что оно верно».

«Какое решение?»

«Сейчас я до него дойду. Мне был известен один факт, о котором я тебе не сообщил. Я слышал, как люди, твои знакомые, говорят о тебе и о том, как они заботятся о твоём физическом и душевном здоровье. Все они, за исключением лишь генерала Шоркта, прилагали все усилия, чтобы облегчить тебе жизнь».

«Это очень приятно слышать, Свен. Но какой факт ты от меня скрыл?»

«Это было сделано в твоих же интересах, уверяю тебя».

«Я в этом не сомневаюсь. Что это за факт?»

Последовало молчание, потом робот неохотно ответил;

«Я подслушал один телефонный разговор».

«Подслушал? Как?»

«Как? Это очень легко. Даже портативный телефон способен сообщать о своем местонахождении и принимать вызовы, — неужели ты думаешь, что я не могу делать то же самое, и гораздо лучше? Схема там очень простая, я поставил ее себе очень давно».

«Ты хочешь сказать, что подслушивал чужие телефонные разговоры? Чьи?»

«Чьи угодно, конечно. Любой разговор в любой ячейке сот, где бы я ни находился».

«И мои?»

«Чьи угодно. Это очень интересно и полезно для обучения».

«Ты отклонился от темы. Отвечай — какой телефонный разговор ты от меня скрыл? Говори сейчас же. Дальше молчать нельзя».

Если бы было возможно мысленно издать тяжелый вздох, Свен бы это сделал. Из мозга в мозг передалось ощущение отчаяния и неизбежности.

«Звонила твоя знакомая, Шелли».

«Это было при мне, я об этом знаю, и мне на это наплевать. Это не имеет никакого значения».

«Ты меня не понял. Я говорю не об этом разговоре. Тот был раньше...»

«Да черт с ней, в конце концов! Я не желаю ничего слышать ни о ней, ни о ее дурацких телефонных разговорах...»

«Это важно. Жизненно важно для тебя. Она звонила из поезда в Мексике, когда вышла из купе. До того, как ты спрятал ее телефонный аппарат в поезде».

Брайану стало страшно. Он боялся, что уже знает ответ на вопрос, который собирался задать.

«С кем она говорила?»

«С человеком, имя которого мне неизвестно. Но по некоторым намекам и общему содержанию разговора было ясно, что он адъютант генерала Шоркта».

«Ты уже вчера это знал — и ничего мне не сказал?»

«Да. Я уже рассказал тебе почему».

Брайан почувствовал, как все в нем кипит от ярости. Все, что она говорила, все, что она делала, было ложью. И эта лгунья, эта предательница стала свидетельницей его унижения! В эту самую минуту она смеется над ним. Она лгала ему с тех самых пор, как вернулась из Лос-Анджелеса. Она ездила туда, чтобы повидаться с отцом, — но она наверняка повидалась и с генералом Шорктом. Что из того, что она ему говорила, было правдой, а что — притворством? Гнев оттеснил все другие его чувства. Эта гадина предала его. Может быть, здесь замешана и Снэрсбрук. Даже Свен до этого момента скрывал свое предательство. Неужели он в мире совсем один? Гнев сменился отчаянием. Он стоял на краю черного колодца, в который вот-вот упадет.

«Брайан!» — донеслось до него откуда-то издалека и прозвучало у него в голове снова и снова. Перед глазами у него все плыло, он ничего не видел, пока не протер глаза, не утер слезы, и тогда увидел прямо перед собой сверкающие глаза Свена.

«Брайан, я хочу сообщить тебе хорошую новость. Ты помнишь, что в присутствии Шелли я сказал тебе номер телефона. Тогда я еще не знал, нужно ли говорить тебе о ее двойной игре. Но я точно знал, что нельзя давать ей никакой информации, которую она могла бы передать генералу».

— Интересно, кто это вдруг заговорил о двойной игре? — удивленно произнес Брайан вслух и чуть не

улыбнулся в темноте. Макиавелли далеко до МИ, под-
ключенного к его мозгу!

«Свен, ты бесподобен. И ты действительно на моей стороне. Возможно, сейчас единственный из всех разумных существ в мире. Я должен еще раз позвонить по этому телефону — и на этот раз по правильному номеру. Есть какие-нибудь предложения, как это сделать?»

«Могу только заметить, что этого не следует делать отсюда, где все телефонные линии наверняка под наблюдением».

«Верно. Давай придумаем план. Нам надо исчезнуть из этого отеля, из этих мест, и оказаться как можно дальше от этого воплощения зла. Пока что я хочу только оказаться подальше от нее».

«Согласен. Мы должны уехать отсюда немедленно. И могу заметить, что, поскольку она оформила на себя оба ваших номера, ей придется еще и за тебя заплатить».

Да будь она проклята! Пусть умрет и вечно горит в адском пламени! Сейчас надо бежать. Но как? Оставить здесь Свена и скрыться он не мог — даже не думал об этом ни секунды. Свен теперь стал ближе ему, чем самый близкий друг, — их отношения нельзя было описать никакими словами. Но если снова разобрать робота и упаковать в ящик, одному его не поднять.

В этот момент Свен придал своему манипулятору форму, очень похожую на человеческую руку, и нагнулся, чтобы выключить из розетки вилку зарядного кабеля. Вот и ответ! На улице ночь, дождь — можно рискнуть. Брайан надарапал на бумажке: «Переоденься человеком» — и показал Свену.

Зазвонил телефон. Брайан стоял в нерешительности. Второй звонок, третий. Лучше ответить.

— Да.

— Брайан, могу я с тобой поговорить?

Гнев охватил его, обжигая, как крепкая кислота. Он поперхнулся, попытался взять себя в руки, но не смог

— Пошла ты к черту!

— Мне очень жаль, что ты принимаешь это так близко к сердцу. Утром мы сможем поговорить...

Ее голос оборвался — он швырнул трубку. Пока он говорил, Свен оделся, завязал шнурки и теперь надевал плащ. После того как Брайан приставил ему голову и

нахлобучил шляпу, низко надвинув ее на лоб, в комнате словно вдруг появился второй человек. Все это время Брайан изо всех сил старался преодолеть свой гнев, избавиться от него. Он еще раз взглянул на Свена и одобрительно показал ему большой палец. Потом подошел к телефону. Ожидая ответа, он нацарапал еще одну записку: «Приоткрой чуть-чуть дверь. Только тихо!»

— Алло, это дежурный? Говорит номер 222. Я ложусь спать и прошу ни с кем меня не соединять до утра. Если будут что-нибудь передавать, запишите. Правильно. Благодарю вас. Спокойной ночи.

Он походил по комнате, что-то напевая про себя, пока не нашел плащ. Громко зевнул, открыл кран в ванной, потом спустил воду в унитазе. Топая изо всех сил, прошел по комнате, сел на кровать, которая очень кстати оказалась скрипучей. Потом погасил свет и на цыпочках подошел к двери. Свен еще немного приоткрыл ее, из-под шарфа у него высунулся глазной стебель, просунулся в щель и осмотрел коридор. Очевидно, там никого не было, потому что робот открыл дверь, и они вышли, тихо прикрыв дверь за собой.

— На грузовой лифт, — сказал Брайан. — И подними воротник плаща.

Время было позднее, и счастье было на их стороне. Кухня была погружена в темноту, весь персонал уже разошелся по домам. Через боковую дверь они вышли в переулок, под проливной дождь.

— Могу я считать, что ты уже разработал какой-нибудь план? — спросил Свен.

— Надо найти бар с телефоном, а там будет видно.

Они миновали паб «Пэдди Мэрфи», где были раньше, и под непрекращающимся дождем дошли до приветливых огней бара Мэдигана. Брайан указал на темный вход в соседнюю лавку торговца рыбой.

— Жди здесь. Я постараюсь поскорее.

Когда Брайан открыл дверь, бармен поднял глаза от спортивного выпуска «Таймс». Двое влюбленных в дальнем углу были слишком поглощены друг другом, чтобы обратить внимание на Брайана.

— Ну и мокро на улице. Стаканчик «Пэдди», пожалуйста.

— Правильно, самое что сейчас надо. Со льдом?

— Нет, и вермута самую капельку. Можно от вас позвонить — вызвать такси?

— Телефон там сзади, около сортира. Номер написан над ним на стене. С вас два фунта восемьдесят.

Брайан допивал последний глоток, когда на улице послышался гудок автомобиля. Он помахал бармену рукой и вышел. Рядом появился Свен и вслед за ним сел в машину.

— Далеко ехать? — спросил водитель. — Если далеко, мне надо будет заправиться.

Захлопнув за собой дверцу, Брайан сказал:

— Лимерик, вокзал.

— Там как раз по дороге будет круглосуточная заправка. Заедем туда.

Брайан протер запотевшее заднее стекло и выглянул. Больше ни одного автомобиля видно не было. Очень может быть, что им удастся удрать. Перед глазами у него возникло лицо Шелли, но он легко заставил его исчезнуть. О ней даже и думать не стоит. Больше никогда в жизни.

Глава 41

21 декабря 2024 года

Когда они въехали в Лимерик и подъехали к вокзалу, ливень перешел в мелкую морось. Брайан вышел из машины первым и расплатился, стоя так, чтобы водитель не видел, как Свен выскочил и встал неподалеку в тени. Вокзал был пуст, киоски закрыты, единственный фонарь горел над окошечком кассы.

— А вон и телефоны! — сказал Брайан. — Очень надеюсь, что на этот раз ты скажешь мне правильный номер.

— Я введу его тебе в память, если хочешь.

— Нет, спасибо. Просто скажи, а потом найди себе темный угол и стой там.

Брайан набрал ряд цифр. В трубке послышался электронный шелест. Действительно это номер телефона или швейцарский компьютер опять ответит отказом?

Ему стало немного легче, когда послышались гудки. Четыре, пять... кто-то взял трубку.

— Jawohl?*

— Простите, это Сент-Мориц, номер 55-8723?

Ответа не было, но кто бы ни был там, на том конце, он все еще слушал, не вешая трубку.

* Да, слушаю? (нем.)

— Алло, вы слушаете? К сожалению, я не говорю по-немецки.

— Скажите мне, кто вы. Впрочем, я, кажется, знаю. Ваше имя случайно не Брайан?

— Да. Как вы догадались... кто я?

— Приезжайте в Сент-Мориц. Позвоните мне снова, когда будете здесь.

Послышался щелчок, а потом короткие гудки.

— Это хорошая новость, — сказал Свен, когда Брайан подошел к нему.

— Опять подслушивал?

— Исключительно ради нашей самозащиты. Насколько я мог определить, подслушивал только я. Теперь мы едем в Сент-Мориц?

— Не сейчас. Сначала нужно не спеша составить какой-нибудь план.

— Могу я предложить сначала подумать об отвлекающем маневре? Я вошел в базу данных, где находятся железнодорожные расписания, и выяснил, что меньше чем через час отсюда отходит поезд до Дублина. Может быть, тебе стоило бы взять два билета и порасспрашивать в кассе перед самым отходом поезда. Те, кто нас будет искать, наверняка легко разыщут водителя такси, который выведет их на этот вокзал. Такая уловка может...

— Немного запутать наш след. Ты, сынок, прирожденный — или, лучше сказать, запрограммированный конспиратор. А после того, как мы возьмем билеты и поезд уйдет? Отправимся в отель?

— Это один из вариантов, но я рассматриваю и другие. Могу я предложить тебе, взяв билеты, провести время до отхода поезда в пабе?

— Так я, того и гляди, стану алкоголиком. А что будешь делать ты, пока я буду сидеть в пивнужке?

— Заниматься другими вариантами.

Свен снова присоединился к Брайану через сорок пять минут, когда тот вышел из паба.

— Я растянул пол-литра «Смитуикского» на целый час, — сказал Брайан. — И теперь навсегда бросаю пить. А как там твои другие варианты?

— Отлично. Я буду ждать в ста метрах восточнее вокзала. Подойди туда после того, как поговоришь с кассиром.

Брайан не успел задать роботу вопрос, как тот исчез. У окошечка кассы была небольшая очередь, Брайан встал в нее. Расспросил, какие поезда идут из Дублина в Белфаст, постарался, чтобы кассир его запомнил, заставив его копаться в расписании. Потом прошел по платформе мимо стоявшего поезда, вернулся обратно. Убедившись, что никто на него не смотрит, он в темноте поспешно вышел из вокзала и пошел мимо автомобилей, стоявших у тротуара, к назначенному месту.

Но Свена там не было, а только вход в какую-то лавку, мокрый, темный и пустой. Может быть, он еще не прошел сто метров? Но следующая подворотня тоже была темной и пустой.

— Сюда, — послышался голос Свена из открытого окна ближайшего автомобиля. — Дверь отперта.

Пораженный Брайан сел на переднее сиденье. Свен завел мотор, включил фары и плавно выехал на дорогу. Голова у него была снята, глаза на своих стеблях широко расставлены, разветвляющиеся руки крепко держали руль.

— Не знал, что ты умеешь водить машину, — сказал Брайан, сразу же поняв всю нелепость своих слов.

— Я наблюдал за действиями водителя такси. А пока ждал тебя, вызвал программу обучения вождению, которая была загружена вместе с другими. Перепрограммировал ее, создав виртуальную реальность, прогнал на большой скорости и за несколько минут приобрел навыки, соответствующие многолетнему опыту вождения.

— Я восхищен. И боюсь спросить, где ты взял этот автомобиль.

— Украл, конечно.

— Поэтому я и боялся спросить.

— Не бойся, нас не задержат. Я взял его из закрытого гаража торговца автомобилями. К тому времени когда утром там откроют, мы уже не будем ехать в этом автомобиле.

— Не будем? А где мы будем? Посвяти меня в свой план, если тебе нетрудно.

— Судя по этому обороту речи, ты выразил сарказм. Пожалуйста, прости меня, если я тебя обидел. Когда мы разговаривали в последний раз, у меня было много вариантов. Этот оказался наиболее удобным. Если не возражаешь, мы сейчас поедem в город Көрк. А если

возражаешь, я предложу другие альтернативные возможности.

— Да и эта, по-моему, неплоха. Но почему в Корк?

— Потому что это морской порт, откуда ежедневно отправляются паромы в Суонси. А это город в Уэльсе, который, в свою очередь, расположен на самом крупном из группы островов, известных под именем Британских. Оттуда по системе автомобильных дорог, а потом по туннелю можно проехать на европейский континент. Швейцария находится на этом континенте.

— И все это без паспорта?

— Я изучил соответствующие базы данных. В Европейском экономическом сообществе создан таможенный союз. Паспорт нужен только для того, чтобы въехать в любую страну сообщества извне. После этого предъявлять его снова нет необходимости. Правда, Швейцария не является членом сообщества. Я решил, что эту проблему можно отложить до тех пор, пока мы не окажемся на швейцарской границе.

Брайан сделал глубокий вдох и устался на равномерно раскачивающиеся перед ним дворники, не в силах поверить, что все это происходит с ним на самом деле.

— Значит, насколько я понимаю, твой план состоит в том, чтобы утонуть и бросать один автомобиль за другим, пока мы не доберемся отсюда до Швейцарии?

— Правильно.

— Очень скоро мне придется провести с тобой долгую беседу о морали и честности.

— Мы уже об этом говорили, но я буду рад еще раз к этому вернуться в более широком плане.

Брайан улыбнулся в темноте. Нет, это на самом деле с ним происходит. Свену ничего не стоит открыть запертый гараж, без ключа завести мотор. Проанализировав устройство и действие машины, вести ее проще простого. А денег на бензин и билеты на паром у него хватит.

— Только с паромом ничего не выйдет. Представляю себе, какие будут у них лица, когда ты въедешь на борт, выставив в окно все три стеклянных глаза. У них тут же случится сердечный приступ.

— Я не хочу, чтобы это случилось, и мой план предусматривает, чтобы на пароме за рулем сидел ты. Я буду в ящике в багажнике.

— Но я не умею водить машину.

— Это не проблема. В мою память была загружена вся твоя личная схема координации движений. Кроме того, я располагаю вполне адекватной копией твоих личных семантических сетей и других носителей знаний. Сейчас я научу их водить машину.

— И как это может помочь мне?

— А я перегружу все тебе.

Свен несколько секунд оставался неподвижен, потом протянул руку и прикоснулся одной из своих щеточек к разъему на затылке у Брайана.

— Готово. Теперь ты можешь садиться за руль.

Свен остановил машину на обочине и вылез. Брайан занял его место, завел мотор и плавно выехал на дорогу.

— Не могу этому поверить. Я веду машину, совершенно об этом не думая — как будто делал это всю жизнь.

— Разумеется. Я передал твоему сенсомоторному двойнику довольно обширную базу данных, содержащую эти навыки. А потом перегрузил то, что получилось, в твой имплантированный компьютер. Это должно быть равнозначно тому, как будто ты сам приобрел эти навыки.

Они снова поменялись местами. «Все получается. — подумал Брайан. — Получается!» Свен знает, что он хочет как можно скорее попасть в Швейцарию, и поэтому делает все, что в его силах, чтобы это стало возможным. О моральной стороне можно будет подумать в другой раз, — сейчас он слишком устал и слишком плохо себя чувствует. Угонять машины? Если для того, чтобы разыскать доктора Бочерта, придется оставлять угнанные машины на пути через всю Европу, это стоит того.

— Включи отопление, Свен, и разбуди меня, только если понадобится.

Он надвинул шляпу на глаза и с облегчением растянулся на сиденье.

Очень усталый, но весьма довольный своим водительским мастерством, Брайан лихо въехал на палубу парома в Корке. Остановил машину, запер ее, разыскал свою каюту. «Ночь в постели — как раз то, что сейчас

нужно. Надеюсь, что Свен ничего не имеет против того, чтобы посидеть взаперти в багажнике. Пора ему и привыкнуть».

Если за ними и гнались, то никаких признаков этого не было заметно. Ночью они ехали, на день останавливались в отелях. Единственный раз, когда Брайану пришлось туго за рулем, — это когда он должен был загнать последнюю из угнанных машин на платформу поезда, отправлявшегося по туннелю под Ла-Маншем. Но к тому времени он уже провел много часов за рулем на дорогах Англии и кое-как справился.

Францию они пересекли без всяких затруднений, если не считать бесконечных поборов на пунктах сбора платы за проезд, из-за которых большую часть времени за рулем пришлось сидеть Брайану.

Близился рассвет, когда перед ними из темноты вырос дорожный указатель.

— Мы уже близко — до Базеля двадцать девять километров. Я хочу съехать с шоссе на первом же перекрестке и найти где-нибудь место, чтобы переждать до рассвета. Удалось узнать какие-нибудь подробности о швейцарской границе?

— Полное разочарование. Когда мы в последний раз звонили по телефону, я перегрузил себе все, что было можно, о Швейцарии. Могу честно сказать, что во всех подробностях знаком с ее историей, языками, экономической, банковской системой и уголовным кодексом. Ничего интересного. Но во всей этой информации нет и намека на то, как осуществляется контроль на границе.

— Значит, остается старый, испытанный способ. Постоять и посмотреть, как это у них делается.

Как только рассвело, Свен был упакован в ящик и уложен в багажник. Руководствуясь дорожными указателями, Брайан направился к границе и скоро увидел впереди будки пограничников и здание таможни. Он съехал на обочину и остановился.

— Дальше иду пешком, — крикнул он, обернувшись назад. — Пожелай мне удачи.

— Желаю, если ты меня об этом просишь, — последовал приглушенный ответ. — Но понятие удачи есть бессмысленный предрассудок, равносильный вере в...

Не дослушав, чему он равносителен, Брайан захлопнул дверцу. На земле лежал иней, лужи замерзли. Легковые машины и грузовики подъезжали к пограничному переезду, туда же шли пешеходы, нагруженные рождественскими покупками. Увидев, что они входят в здание таможни, Брайан отошел в сторону. Пусть их, он на этот риск не пойдет. Он прошел дальше и увидел, как мимо проехал автомобиль с британским номером.

Вперед, мимо пограничного поста, где никого не было, — это что-то новенькое для Свена и его базы данных о Швейцарии.

К концу дня они проехали всю Швейцарию почти до самой итальянской границы и увидели указатель — «СЕНТ-МОРИЦ».

— Мы на месте, — сказал Брайан через плечо. — Сворачиваю на заправочную станцию — там снаружи удобная телефонная будка.

Пожелать ему удачи он на этот раз не просил.

Он набрал номер, услышал гудки. Потом кто-то взял трубку.

— Bitte?* — ответил тот же голос, что и в первый раз.

— Это говорит Брайан Дилени.

— Добро пожаловать в Сент-Мориц, мистер Дилени. Я правильно понял, что вы здесь?

— На заправочной станции у въезда в город.

— Замечательно. Значит, вы прибыли на автомобиле?

— Верно.

— Если вы поедете оттуда прямо к центру, вы увидите указатели, которые выведут вас к железнодорожному вокзалу. Он называется Bahnhof**. Там напротив вокзала есть уютный маленький отель — «Ам Пост». В нем для вас заказан номер. Я свяжусь с вами позже.

— Вы доктор Бочерт?

— Терпение, мистер Дилени! — И он положил трубку.

Терпение! Ну, ничего не поделаешь. Значит, в отель. Он вернулся к машине, изложил свой разговор Свену,

* Слушаю? (нем.)

** Вокзал (нем.).

потом не без труда пробился сквозь снежную слякоть и поток машин к вокзалу. Это оказалось нелегко — очень путало одностороннее движение, но в конце концов он поставил машину на ручной тормоз перед отелем «Ам Пост». Конец путешествию?

— Очень приятно снова иметь возможность двигаться, — сказал Свен, когда Брайан снова его собрал. Шелестя сочленениями, он прошел по комнате, выдвинул из себя зарядный кабель и воткнул вилку в розетку. — Тебе, наверное, будет интересно узнать, что за нами наблюдают. Маленькая линза в люстре — это объектив видеокамеры. Она передает сигнал по телефонной линии.

— Куда?

— Этого я сказать не могу.

— Значит, мы вряд ли можем что-нибудь предпринять — разве что следовать полученным указаниям. Как следует заряди аккумулятор — да и мне надо бы заправиться. Сейчас закажу, чтобы принесли чего-нибудь поесть. Я никуда отсюда не двинусь, пока не дождусь звонка.

Ждать пришлось долго. Свен давно отключился от сети, закончив зарядку, а Брайан доел бутерброд с сыром, допил пиво и выставил поднос в коридор. Он дремал в кресле, когда ровно в девять часов зазвонил телефон. Он схватил трубку.

— Да?

— Прошу вас сейчас покинуть отель — вместе с вашим другом. Если вы пройдете через бар, сможете выйти через боковую дверь. Потом поверните налево и дойдите до угла.

— А что дальше?

В трубке щелкнуло, и зазвучали гудки.

— Одевайся, Свен. Отправляемся на прогулку.

Они спустились по лестнице на первый этаж. Теперь походка Свена была безукоризненной. В плаще с поднятым воротником, низко надвинутой шляпе и пышном шарфе робота вполне можно было принять за обычного человека — с некоторого расстояния. В тесном вестибюле никого не было, и они прошли через него в бар. К счастью, там было полутемно — горели только лампочки на столиках. Бармен, протиравший бокалы, даже не поднял глаз, когда они прошли мимо него к дальней двери. Переулок был пустынным, его освещали лишь

далеко отстоящие друг от друга фонари. Они дошли до угла, и из темной подворотни вышел какой-то человек.

— За мной, — сказал он с сильным акцентом. Повернувшись к ним спиной, он быстро пошел вперед по еще более узкой улочке, потом свернул на дорожку, которая вела к скользкой каменной лестнице. Они поднялись по ней и вышли на другую улицу, лежавшую выше. Там человек остановился и посмотрел назад, на лестницу. Убедившись, что за ними никто не идет, он вышел на дорогу и помахал рукой.

У стоявшего у тротуара автомобиля зажглись фары. Машина двинулась вперед и затормозила около них. Провожатый открыл заднюю дверцу и знаком пригласил их садиться. Как только они уселись, мощный «мерседес» тронулся. При свете уличных фонарей Брайан разглядел, что за рулем женщина. Коренастая и пожилая, как и мужчина, сидевший рядом.

— Куда мы едем? — спросил Брайан.

— Не говорить английски, — услышал он в ответ.

— *Vorbiti romaneste?* — спросил Свен. Мужчина повернулся к ним.

— *Nu se va vorbi deloc in romaneste,* — резко ответил он.

— Что это значит? — спросил Брайан.

— Я спросил его, разумеется, в вежливой форме, говорит ли он по-румынски. Он ответил на этом языке, в его просторечном варианте, что никаких разговоров не будет.

— Молодец.

Они уже выехали из центра и ехали по пригороду, застроенному особняками. Это была фешенебельная часть города: роскошные большие дома, у каждого обширный сад, окруженный стеной. Они свернули к одному из них и через открытые ворота въехали в гараж. Дверь гаража за ними закрылась, и зажегся свет.

Их провожатый открыл дверь, ведущую в дом, и дал им знак войти. Они прошли по коридору и попали в обширную комнату, все стены которой занимали книжные полки. Худой седоволосый человек закрыл книгу, которую читал, и медленно поднялся навстречу.

— Добро пожаловать, мистер Дилени.

— Вы доктор Бочерт?

— Да, конечно... — Он внимательно посмотрел на закутанную фигуру Свена. — А этот — могу я ска-

зять «господин»? — вероятно, тот ваш друг, который обнаружил мое послание?

— Не совсем. Это было кое-что другое, но такое же.

— Вы сказали «другое»? Значит, это машина?

— Машинный интеллект.

— Замечательно. Вот вино, угощайтесь. Насколько я понимаю, вашего друга зовут Свен?

— Это мое имя. А из того, что вы это знаете, следует, что видеокамера в номере отеля была ваша.

— Я вынужден постоянно быть начеку.

— Доктор Бочерт, — внешался Брайан, — я проделал долгий путь, чтобы встретиться с вами, и у меня есть к вам много вопросов, которые требуют немедленного ответа.

— Терпение, молодой человек. Когда доживете до моих лет, научитесь не спешить. Пейте вино, располагайтесь поудобнее, и я расскажу вам все, что вы хотите знать. Могу понять ваше нетерпение. С вами происходили ужасные вещи.

— Вы знаете, кто их виновник?

— Боюсь, что нет. Позвольте мне начать с самого начала. Некоторое время назад ко мне обратился один человек, который назвался Смитом. Позже я выяснил, что его подлинное имя — Дж.-Дж. Бэкуорт. Но прежде чем вы начнете задавать вопросы, дайте мне рассказать все, что мне известно. Я преподавал в Бухарестском университете, когда мистер Смит попросил его принять. Он знал о моих исследованиях по искусственному интеллекту и хотел предложить мне кое-какую работу в этой области. Он сообщил мне, что некий ученый сумел создать искусственный интеллект, но внезапно умер. Ему нужен был кто-нибудь, кто мог продолжить эту работу. Мне было предложено много денег, и я с удовольствием принял предложение. Конечно, у меня появились большие подозрения, потому что с самого начала было ясно, что во всем этом есть что-то весьма противозаконное. На Западе есть много ученых, намного более квалифицированных, чем я, которые с готовностью занялись бы такой работой. Но это меня не остановило. Если вы знакомы с историей моей несчастной маленькой страны, вы должны знать, что я должен был не раз идти на компромиссы, чтобы дожить до зрелого возраста.

Он закашлялся и указал на графин, стоявший на серванте рядом с бутылкой вина.

— Прошу вас, налейте мне стакан воды. Спасибо.

Отпив несколько глотков, он поставил стакан на стол рядом с собой.

— Что случилось дальше, вам, несомненно, известно. Я отправился в штат Техас, где мне предоставили ваши материалы. Мне были даны четкие указания — разработать коммерческий продукт, в котором использовался бы ваш искусственный интеллект. Вы знаете, что это мне удалось, потому что ваш искусственный интеллект обнаружил мое зашифрованное послание.

— Зачем вы оставили это послание? — спросил Брайан.

— По-моему, это очевидно. С вами поступили очень нехорошо. На первых порах Бэкуорт думал, что вас нет в живых, он даже с гордостью рассказывал мне об этом преступлении, говорил, что было много жертв и что теперь я тоже в это замешан. Он рассчитывал таким образом заставить меня молчать. Говорил, что никто не поверит, будто я не был их соучастником с самого начала, и был, конечно, прав. Но потом что-то случилось. Бэкуорт был очень встревожен. К тому времени заводом руководил Томсен, а я заканчивал работу над искусственным интеллектом. Я знал, что Бэкуорт скоро уедет, и заставил его организовать и мое исчезновение.

— Заставили его? Не понимаю.

Бочерт холодно улыбнулся:

— Вы бы поняли, молодой человек, если бы пожили на моей родине в годы Чаушеску. Я с самого начала был убежден, что занимаюсь чем-то противозаконным, и принял некоторые меры, обеспечивающие мою безопасность. Я оставил в университетском компьютере работающую программу — в сущности вирус. Каждый месяц я должен был посылать ей зашифрованный пароль — не получив его, она передала бы заранее заготовленное сообщение в Интерпол. Бэкуорт был очень недоволен, когда я дал ему копию этого сообщения и рассказал, что произойдет. Не сказав, разумеется, где находится этот компьютер. В конце концов он нехотя согласился с тем, что, пока я жив, я для них угрозы не представляю. Когда я узнал, что он собирается уезжать, я настоял, чтобы он организовал и мое исчезновение. Теперь я живу на покое, окруженный

заботами моих двоюродных братьев, которые счастливы, что тоже живут в этой швейцарской роскоши. Меня тревожило только то, что они сделали с вами, поэтому я и оставил свое послание. Я хотел увидаться с вами — и с вашим искусственным интеллектом, разумеется.

— Машинным, — поправил Свен. — Машинный интеллект нельзя считать искусственным.

— Принимаю вашу поправку и приношу свои извинения. Что касается вас, Брайан, то я хочу сообщить вам ту скудную информацию, которой располагаю о заговоре.

— Вы знаете, кто за всем этим стоит?

— Увы, нет. У меня есть лишь одна-единственная нить, которая может иметь какое-то значение. Я слышал все телефонные разговоры Бэкуорта. Это было первое задание, которое получил ваш искусственный интеллект, — прослушивать все телефоны, которыми мог воспользоваться Бэкуорт. Он был крайне осторожен и только однажды совершил промах, используя свой телефон для разговора с соучастниками. Это случилось тогда, когда он узнал, что вы остались в живых и что попытка покушения на вас не удалась. Вы продолжали представлять опасность, которую нужно было устранить. Номер телефона, по которому он звонил, на следующий же день был снят, так что я могу лишь сказать, что он находился в Канаде. Но человек, с которым говорил Бэкуорт, не был канадцем.

— Откуда вы знаете?

— Мой дорогой, откуда же, откуда я узнал, что это вы мне звоните. Вас выдал выговор — выговор уроженца Южной Ирландии, выросшего в Соединенных Штатах. Печать этого лежала на каждом слове, которое вы произносили. Я пришел к работе над искусственным интеллектом в ходе своих лингвистических исследований. Степень магистра филологии я получил в Копенгагенском университете, где шел по стопам великого Отто Есперсена*. Так что можете мне поверить — этот человек не был канадцем. Я много раз прослушал запись разговора и абсолютно в этом уверен.

Для пущего эффекта Бочерт сделал паузу, поднес к губам стакан, но не сделал ни глотка и снова поставил стакан на стол.

* Йенс Отто Харри Есперсен (1860—1943) — датский языковед, изучавший германские языки, в первую очередь английский.

— У того, о ком мы говорим, был весьма заметный оксбриджский* выговор, который свидетельствовал о том, что он учился либо в Оксфордском, либо в Кембриджском университете. Не исключено также, что он окончил Итон**. Во время учения он прилагал большие усилия, чтобы избавиться от своего провинциального акцента, но следы его были для меня очевидны. Йоркшир, возможно, Лидс — вот откуда он родом.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. А теперь, когда я откровенно и обстоятельно ответил на все ваши вопросы, не попросите ли вы ваш машинный интеллект, чтобы он снял эту одежду? Мне не терпится увидеть, чего вы добились. Я был очень огорчен, когда убедился, что похищенный у вас искусственный интеллект был, можно сказать, бронтозавром.

— Что вы имеете в виду?

— Сначала это не было для меня очевидно, но по мере изучения ваших заметок и хода ваших исследований я был вынужден против своей воли прийти к выводу, что в своей работе вы избрали неверный путь развития разума. Ваш искусственный интеллект был неплохим динозавром, но у него никогда не мог бы развиться подлинный разум, к чему вы стремились. Это был действительно великолепный бронтозавр. Но где-то вы пошли по ложному пути. Как бы ни совершенствовался бронтозавр, он все равно остается динозавром. Ему никогда не стать человеком. Я так и не смог найти то место, где вы свернули в сторону, и уж, конечно, ничего не сказал о своем открытии тем, кто меня нанял. От всей души надеюсь, что вам удалось обнаружить свою ошибку.

— Да, и я ее исправил. Мой машинный интеллект теперь закончен и действует. Разденься, Свен, и поболтай с доктором. После всего что он для меня сделал, он заслужил право подвергнуться полному тесту Тьюринга.

— Надеюсь, что я его пройду, — с улыбкой сказал Бочерт.

* Оксбридж — Оксфордский и Кембриджский университеты как символ первоклассного образования и принадлежности к высшим слоям общества.

** Итон — привилегированная частная школа в Англии.

Глава 42

31 декабря 2024 года

Неделя, проведенная в Сент-Морице, доставила Брайану большое удовольствие. С самого налета на лабораторию он впервые был действительно один. Больница, выздоровление, работа, люди, — а теперь при нем не было даже Свена, с которым можно было разговаривать, и он наслаждался одиночеством и безыменностью. И никто вокруг никуда не спешил. Доктор Бочерт, естественно, с радостью целыми днями общался со Свеном.

В холодном, сухом горном воздухе насморк у Брайана почти прошел, обоняние восстановилось, и он обошел все рестораны городка. Когда Свен-2, обнаружив тот телефонный номер, впервые упомянул о Сент-Морице как о его возможном местонахождении, Брайан на всякий случай загрузил в свою память курс немецкого языка и словарь. Теперь он начал с ним работать и к концу недели уже прилично говорил по-немецки.

Кроме того, у него появилось время подумать о будущем — спокойно, взвешивая различные возможности, открывшиеся перед ним. В этом его наперсником стал доктор Бочерт, мудрый человек европейской культуры. В последний день своего пребывания в Сент-Морице Брайан прошел, как обычно, пешком три километ-

ра до дома Бочерта и позвонил в дверь. Димитрие провел его в кабинет Бочерта.

— Заходите, Брайан. Я хочу, чтобы вы оценили по достоинству новое воплощение Свена — специально для путешествий.

МИ не было видно, а посреди комнаты стоял красивый дорожный саквояж, окованный медью.

— Доброе утро, — сказал саквояж. — Здесь очень удобно. Всевозможный комфорт, оптические датчики со всех сторон...

— И еще микрофон и динамик. Ты прекрасно выглядишь, Свен.

Доктор Бочерт с довольной улыбкой заворочался в своем кресле.

— Не могу выразить, какое удовольствие получил за эти дни. Увидеть, что простенький искусственный интеллект, над которым я работал, доведен до такого совершенства, — это истинное наслаждение; надеюсь, вам обоим это понятно. Кроме того, мой дорогой Брайан, это может показаться вам стариковской сентиментальностью, но мне было приятно общаться с вами.

Брайан не ответил. Неловко помявшись на месте, он провел пальцем по краю саквояжа.

— Не будьте к себе так строги, — сказал Бочерт. Протянув руку, он дотронулся до колена Брайана и сделал вид, что не заметил, как тот вздрогнул и отстранился. — Интеллектуальная жизнь — это прекрасно. Работать головой, раскрывать тайны реального мира — это дар, которого удостоены очень немногие. Но ощущать свою принадлежность к человечеству — не меньшее наслаждение.

— Я не хочу об этом говорить.

— Я тоже. И позволил себе такую бестактность только в силу того доверия и взаимопонимания, какое возникло между нами. Вы испытали тяжкую обиду и ожесточились. Вас можно понять. Я не ожидаю от вас никакого ответа. Только прошу вас — не будьте к себе так строги, найдите возможность наслаждаться теми физическими и эмоциональными радостями, какие дарит нам жизнь.

Наступило молчание. Доктор Бочерт едва заметно пожал плечами, повернулся и сделал знак рукой.

— У меня есть для вас несколько маленьких подарков в знак моего уважения. Пожалуйста, Димитрие.

Слуга принес серебряный поднос, на котором лежал блестящий кожаный бумажник.

— Это вам, Брайан, — сказал старик. — Там билет первого класса на сегодняшний вечерний рейс в Швецию. Там же квитанция об уплате за номер в отеле, который для вас заказан, и паспорт — я о нем вам говорил. Абсолютно законный румынский паспорт. У меня еще остались близкие друзья на родине, которые занимают важные посты. Он не поддельный, а настоящий и выдан правительством. Я уверен, вы не станете возражать против того, чтобы несколько дней побыть Иоаном Гикой — это славное имя. А вот это вам на балтийскую зиму.

Норковая шапка оказалась Брайану как раз впору.

— Большое спасибо, доктор Бочерт. Не знаю, как мне...

— Не будем больше об этом говорить, мой мальчик. Если вы уже сдали номер в отеле, Димитрие съездит за вашими вещами.

— Там все приготовлено.

— Хорошо. Тогда я сочту за большую честь, если вы выпьете со мной на прощание бокал вина, пока он не вернется.

После того как Свена уложили в багажник «мерседеса» и старик дрожащими руками обнял Брайана, Димитрие отвез Брайана в крохотный местный аэропорт. Самолет с вертикальным взлетом поднялся с покрытой снегом взлетной полосы для короткого перелета в Цюрих, где Брайану предстояло пересест на рейс авиакомпании «САС», отправлявшийся в Швецию. Обслуживание, кресло, пища и питье там оказались несравненно лучше, чем в самолете Аэрофлота, на котором Брайан летел через Атлантику.

Аэропорт Арланда был чист, современен и работал как часы. Тщательно рассмотрев паспорт Брайана, пограничник проштамповал его и протянул обратно. Багаж уже ждал, так же как и носильщик и лимузин с шофером. Вдоль шоссе стояли деревья, заваленные снегом. Когда они въехали в Стокгольм, уже начало темнеть. Отель «Леди Гамильтон» был невелик, живописен и

украшен множеством портретов и памятных вещей, принадлежавших леди* и ее другу адмиралу.

— Добро пожаловать в Стокгольм, мистер Гика, — сказала высокая светловолосая дежурная за конторкой. — Вот ваш ключ — комната 32 на третьем этаже. Лифт в конце коридора, посыльный отнесет наверх ваши вещи. Надеюсь, вам в Стокгольме понравится.

— Не сомневаюсь.

И это оказалось правдой. Здесь ему уже не нужно было спастись бегством и прятаться. Когда он покинет Швецию, он снова станет самим собой, свободным человеком — впервые с тех пор, как в него стреляли.

— Выходи, Свен, — сказал он. Саквояж сам отперся и раскрылся. — Закрой саквояж и храни его как сувенир.

— Я буду благодарен, если ты объяснишь мне, что это означает, — сказал МИ, плавно выползая на ковер.

— Свобода для меня означает и свободу для тебя. Это демократическая, свободная страна со справедливыми законами. Я не сомневаюсь, что все ее обитатели будут рады видеть, как ты вкушаешь плоды свободы в этом городе. Швеция не принадлежит ни к каким военным блокам. А это значит, что соглядатаи злого генерала Шоркта здесь до меня не доберутся. И мы останемся здесь до тех пор, пока я не буду абсолютно точно знать, что это мне больше не грозит. Сейчас позвоню по телефону и запущу эту машину.

Он взял трубку и набрал номер.

— Ты звонишь Беникофу, — сказал Свен. — Я полагаю, ты продумал все возможные последствия этого шага?

— Всю прошлую неделю я почти ни о чем больше не думал.

— Беникоф слушает, говорите.

— Доброе утро, Бен. Надеюсь, вы здоровы?

— Брайан! Как твои дела? И какого дьявола ты делаешь в Стокгольме?

Его телефон, разумеется, сразу же определил, откуда звонит Брайан.

* Эмма Гамильтон (1765—1815) — жена английского посла в Неаполе и любовница адмирала Нельсона.

— Наслаждаюсь свободой, Бен. А дела у меня идут прекрасно. Нет, прошу вас, ничего не говорите, только слушайте. Вы можете достать для меня действующий американский паспорт и доставить сюда?

— Да, наверное. Несмотря на то, что сейчас предновогодние дни. Но...

— Значит, договорились. Никаких «но», никаких вопросов. Доставьте мне паспорт, и я расскажу вам все, что произошло. Желая приятного полета.

Он положил трубку, но через мгновение телефон громко зазвонил.

— Это опять Беникоф, — сказал Свен.

— Не стоит отвечать, правда? Ты заметил маленький бар, что в вестибюле направо?

— Да.

— Не хочешь пойти туда со мной? Я намерен в первый раз отведать шведского пива. И можешь не наряжаться по этому случаю.

— Ты не собираешься сообщить мне, какие у тебя дальнейшие планы?

— Все расскажу в баре. Пошли.

— С удовольствием составляю тебе компанию. Мне самому очень хочется.

В лифте никого не было, но когда дверцы кабины открылись на первом этаже, там ждал лифта какой-то пожилой швед.

— Godafton*, — сказал ему Свен, выходя из лифта.

— Godafton, — ответил тот, посторонившись, чтобы дать им пройти, и проводив их широко открытыми от удивления глазами.

— Швеция — очень вежливая страна, — заметил Свен. — Раз уж я ношу такое имя, я решил, что следует кое-что о ней узнать, когда ты сказал, что мы сюда направляемся.

Дежурная за конторкой, как и все дежурные в мире, видела все, но лишь улыбнулась им — словно трехглазые машины ходили мимо нее каждый день.

— Если вы в бар, я вызову кого-нибудь, чтобы вас обслужили.

Девушка, появившаяся за стойкой бара, оказалась не столь хладнокровной. Она отказалась выйти к ним,

* Добрый день (швед.)

чтобы принять заказ, а если и говорила по-английски, то все вылетело у нее из головы, и она ничего не поняла, когда Брайан попросил пива.

— *Mín vän vill ha en öl,* — сказал Свен. — *En svensk öl, tack*.*

— *Ja**...* — ахнула она и скрылась за дверь. Немного придя в себя, она снова появилась с бутылкой и бокалом, но приблизиться к Свену так и не решилась и поэтому подошла к Брайану кружным путем, в обход соседнего столика, и, подав ему пиво, тем же путем вернулась обратно.

— Очень интересно, — сказал Свен. — Как тебе нравится пиво?

— Замечательное.

— Теперь ты расскажешь мне, какие у тебя планы?

— Ты и так знаешь. Мой план наступления основан на том, что военные обожают секретность и не любят быть в центре внимания. К концу прошлого века, перед тем как все стало известно, секретный бюджет Соединенных Штатов предусматривал расходы более чем в восемьдесят миллиардов долларов в год на такие вещи, как совершенно бессмысленный бомбардировщик «Стелс». Очевидно, что генерал Шоркт вел со мной такую же игру — во имя национальной безопасности он держал меня под замком и скрывал само мое существование. Так вот, теперь я бежал из тюрьмы. Весь мир скоро узнает, что я здесь, что ты существуешь. Мы выбрались из темного чулана на солнечный свет. Я не собираюсь раскрывать подробности устройства искусственного интеллекта — это коммерческая тайна, и в моих же интересах держать язык за зубами. Тебя я тоже прошу не входить в эти подробности.

— Иначе посадишь меня обратно в чемодан?

— Свен, никак ты отпустил шутку?

— Спасибо. Я много работал над собой в этом направлении. Рискуя быть заподозренным в сентиментальности, вынужден сказать, что обязан своей жизнью и самым своим существованием тебе. Уже по этой причине я никогда не сделаю ничего такого, что может причинить тебе вред.

* Он хотел бы пива. Шведского. Спасибо (*швед.*).

** Да (*швед.*).

— А у тебя есть и другие причины?

— И много. Надеюсь, ты не обвинишь меня в антропоморфизме, если я скажу, что ты мне нравишься. И я считаю тебя своим близким другом.

— Я тебя тоже.

— Спасибо. И если мы говорим как друзья, то ты не боишься за свою личную безопасность? На тебя уже совершали покушения. А военные...

— С тех пор как распустили ЦРУ, США, по-моему, уже не прибегают к убийствам. А что до тех, других, то я собираюсь вывести их на чистую воду. Я расскажу прессе все, что о них знаю. Доведу до их сведения, что у них в руках не тот искусственный интеллект, что его усовершенствованная модель теперь принадлежит «Мегалоуб» и правительству Соединенных Штатов. Кто бы они ни были, теперь они могут участвовать в деле, только если купят акции компании. Время секретов прошло. Убить меня теперь будет для них просто вредно. Похитить меня — или тебя — было бы больше в духе современного промышленного шпионажа. Но я уверен, что шведское правительство такого никому не спустит. Особенно после того, как я сообщу ему, что если оно меня поддержит, то окажется первым в очереди на покупку искусственного интеллекта. «Мегалоуб» пойдет на это ради нашей безопасности. Любая фирма заинтересована в том, чтобы продавать свою продукцию и получать прибыль, а у Швеции много крон.

Через двадцать минут прибыл первый репортер — очевидно, кто-то позвонил в редакцию. Он еще не успел включить свой диктофон, как позади него появился телеоператор и начал снимать.

— Моя фамилия Люндваль, я из «Дагенс Нюхетер», вот мое удостоверение. Не скажете ли вы мне, сэр, что это за машина сидит... можно так сказать?.. напротив вас?

— Это машинный интеллект. Первый в мире.

— Машинный интеллект? А он может говорить?

— Вероятно, лучше вас, — сказал Свен. — Сказать ему еще что-нибудь?

— Нет. Только после того, как мы переговорим с Беном. Пойдем к себе.

Выйдя в вестибюль, они обнаружили там толпу возбужденных журналистов. Засверкали вспышки, посыпались вопросы. Брайан протолкался к дежурной.

— Простите меня за эту суматоху.

— Ничего, сэр. Полиция уже едет сюда. Мы в нашем отеле не привыкли к таким вещам, и это не доставляет нам удовольствия. Порядок будет скоро восстановлен. Вас соединять, если будут звонить?

— Пожалуй, нет. Но я жду гостя — некоего мистера Беникофа. Когда он появится, пропустите его. Думаю, это будет завтра.

Вернувшись в номер, Брайан включил телевизор и увидел себя со Свеном в экстренном выпуске новостей шведского телевидения. Не прошло и нескольких минут, как новость подхватили другие станции и разнесли ее по всему миру. Время секретов и в самом деле прошло безвозвратно.

Позже, проголодавшись, Брайан заказал в номер бутербродов. Услышав стук в дверь, он открыл ее и увидел крохотного японца-официанта в сопровождении двух полицейских, каждый из которых был выше его по меньшей мере на две головы.

Через пять часов после его звонка Беникофу телефон зазвонил.

— Это дежурная, — сказал Свен. Удивленный, Брайан взял трубку.

— Господин, о котором вы говорили, мистер Беникоф, здесь. Вы хотите его видеть?

— Здесь, в отеле? Вы уверены?

— Безусловно. Полиция уже проверила его документы.

— Да, конечно, я хочу его видеть.

— У боевых реактивных самолетов радиус действия девять тысяч километров, — сообщил Свен. — И они могут развивать скорость в 4,2 скорости звука.

— Наверное, так и есть. Старик Бен, должно быть, нажал на все кнопки.

В дверь постучали, и Брайан открыл. Там стоял Бен, держа перед собой американский паспорт.

— Теперь я могу войти? — спросил он.

Глава 43

31 декабря 2024 года

— Вы очень быстро явились, Бен.

— Военный самолет. Очень тесный, но очень быстрый. Когда мы в последний раз сели, чтобы дозаправиться, этот паспорт уже дожидался нас. Там все заполнено, кроме твоей подписи. Мне приказано предложить тебе расписаться в моем присутствии.

— Сейчас, — Брайан пошел к столу за ручкой.

— Как дела, Свен? — спросил Бен.

— Аккумуляторы заряжены, рвусь в бой.

Брайан рассмеялся, увидев изумленное лицо Бена.

— У Свена обнаружились новые лингвистические способности — и чувство юмора.

— Вижу. Ты знаешь, что вы стали главной новостью во всем мире?

— Это мне и было нужно. Я расскажу вам все, что узнал и что собираюсь делать, как только вы введете меня в курс того, что происходит.

— Годится. А Шелли просила тебе передать...

— Нет. Ни слова о ней, ничего передавать не надо. Эта тема исчерпана.

— Как хочешь, Брайан. Но...

— И никаких «но». Хорошо?

— Хорошо. Я имел разговор с генералом Шорктом, как только узнал, что ты исчез. Он три дня держал это

в секрете. Это была его ошибка. Если бы я и мое начальство знали, что происходит, он, может быть, и уцелел бы...

— А что с ним случилось?

— Уволен в отставку и живет в бунгало на территории базы Кэмп-Мид, на Гавайях. Ему пришлось выбирать — или это, или возможное психиатрическое освидетельствование. Он приказал саперам вломиться в твою лабораторию, и почти все они взлетели на воздух. Короткие замыкания, преждевременные взрывы — словно кто-то изнутри оказывал сопротивление.

Брайан рассмеялся:

— Конечно — это Свен-2. Весьма совершенный машинный интеллект.

— Мы узнали об этом, когда твой машинный интеллект обзвонил все полицейские участки и телекомпании и сообщил им, что происходит. Шоркт вылетел с работы через десять минут.

— Надо будет позвонить Свену-2 и поздравить его. Ну и как обстоит дело сейчас?

— Военные наконец ушли из «Мегалоуб», и служба безопасности там теперь гражданская. Но безопасность от этого ничуть не пострадает, можешь не волноваться. Когда майор Вуд узнал, что генерал Шоркт водил его за нос, зная все о твоих планах побега и не препятствуя им, он подал прошение об отставке. Так что он по-прежнему возглавляет службу безопасности — и будет ее возглавлять, когда снимет военную форму.

— Это приятно слышать. А что имел в виду генерал, позволяя мне думать, что я убегаю?

— У него было подозрение, что ты знаешь о преступниках больше, чем кажется. Позволив тебе убежать и держа на длинном поводке, он рассчитывал, что ты приведешь нас к ним.

— Если он так считал, он же не мог не понимать, что я подвергаю опасности свою жизнь. И ему было все равно!

— К такому же выводу пришел и я. Поэтому он сейчас и смотрит телевизор у себя в бунгало. Президенту это не понравилось. Если бы ты вывел генерала Шоркта на похитителей, может быть, ему бы все простили. Но когда ты улился от своих опекунов, все рухнуло.

— Вы говорили с доктором Снэрсбрук?

— Говорил. Она надеется, что ты чувствуешь себя хорошо. Посылает тебе привет и ждет твоего возвращения в Калифорнию. Она была вне себя, когда узнала, что генерал ею воспользовался, что она сделала глупость, помогая твоему бегству, которое могло плохо кончиться.

— Я ее, пожалуй, ни в чем не виню. Она пошла на большой риск, когда мне помогала, а операция была осуждена на неудачу еще до того, как началась.

— Вот и все. — Бен встал и принялся рассказывать по комнате. — У меня до сих пор все затекшее после этого самолета. Больше мне рассказывать нечего. А теперь, может быть, ты удовлетворишь мое любопытство? Где ты был и что делал?

— Где я был, этого сказать не могу. Но могу сказать, что доктор Бочерт еще жив и рассказал мне все, что знает. Его нанял для разработки моего похищенного искусственного интеллекта Бэкуорт, явившись к нему под чужим именем. Бочерт с самого начала знал, что тут дело нечисто, и всюду занимался электронной слежкой.

— Брайан, пожалей старика — начни с конца, а подробности расскажешь потом. Он узнал, кто стоит за похищением и убийствами?

— К несчастью, нет. Но ему удалось узнать, что это международный заговор. Бэкуорт — американец. Доставку грузовика на вертолете организовал какой-то канадец. Кроме того, ко мне домой на этом грузовике явились люди восточного происхождения. И еще один важный факт. Когда Бэкуорту понадобилось срочно связаться со своими сообщниками, он позвонил в Канаду — и разговаривал с англичанином.

— С кем?

— Бочерт не успел это узнать — тот телефон тут же сняли.

— Черт возьми! Выходит, нам придется начинать все сначала. Похитители и убийцы все еще на свободе.

— Да. Значит, если мы не можем их поймать, остается их обезвредить. Прежде всего, мы оформляем патенты на тот искусственный интеллект, который у них. После этого то, что они украли, станет доступным любому, кто заплатит за использование патента. Это положит конец прошлому. А теперь нам надо подумать о будущем.

— Чем и объясняется ваше со Свенем сегодняшнее выступление по телевидению.

— Совершенно верно. Начинается совсем новая игра. Забудем прошлое — я с удовольствием это сделаю — и будем смотреть вперед. Завтра будет лучше, чем вчера. Мы сообщим всему миру, что «Мегалоуб» приступил к выпуску машинного интеллекта. Как и с любым новым изобретением, мы примем все меры против промышленного шпионажа. И сразу поставим производство на поток. Чем больше машинных интеллектов будет изготовлено, тем в большей безопасности будем мы со Свенем. Сомневаюсь, чтобы те, кто стоял за похищением и убийствами, решили отомстить, однако я приму все предосторожности, какие только может принять инженер, владеющий техникой. Что вы по этому поводу думаете?

— Что все получится! — вскричал Бен, стукнув кулаком по ладони. — Должно получиться! Эти негодяи, кто бы они ни были, заплатили свои миллионы абсолютно ни за что. Давай выпьем за это. — Бен огляделся. — Есть тут у тебя бар?

— Нет, но я могу позвонить, и нам принесут все, что вы хотите.

— Шампанского. самого лучшего. И штук шесть бутербродов. Я в последний раз ел в восьми тысячах километров отсюда.

Лишь одно происшествие немного омрачило радость Брайана. Пресса больше не осаждала отель — полиция оцепила его и впускала только постояльцев и тех журналистов, с кем он договорился о встрече. Обедать в своем номере ему уже давно надоело, и на следующее утро он встретился с Беном в ресторане за завтраком.

— А где Свен? — спросил Бен. — я думал, ему нравится слава и обретенная свобода?

— Нравится. Но он обнаружил, что в Стокгольме есть специальная телефонная служба, которая дает консультации по сексуальным проблемам. И теперь он одновременно практикуется в шведском языке и исследует сексуальное поведение человека.

— Эх, Алан Тьюринг, почему ты не дожил до этого дня?

Они допивали второй кофейник, когда в ресторан вошла Шелли. Оглядев ресторан, она медленно подошла к их столику. Бен встал:

— Я не думаю, что ваше присутствие здесь желательно, пусть даже военная разведка ухитрилась провести вас через полицейские кордоны.

— Я здесь сама по себе, Бен. Меня никто не проводил. Я просто поселилась в этом отеле. И если вы не возражаете, я хотела бы, чтобы мне велел уходить Брайан. Я хочу поговорить с ним, а не с вами.

Брайан приподнялся со стула, побагровев и стиснув кулаки, но тут же снова сел и приказал себе успокоиться.

— Пусть остается, Бен. С этим рано или поздно надо будет покончить.

— Я буду у себя в номере. — Беникоф ушел, оставив их наедине.

— Можно я сяду?

— Да. И ответьте мне на один вопрос...

— Почему я это сделала? Почему вас предала? Я здесь потому, что хочу вам об этом рассказать.

— Я слушаю.

— Не выношу, когда у вас становится такой ледяной голос и злое лицо. Вы тогда становитесь как машина, а не человек!

По ее щекам покатились слезы, она сердито вытерла их платком и взяла себя в руки.

— Прошу вас, поймите. Я офицер и служу в военно-воздушных силах США. Я дала присягу и не могу ее нарушить. Когда я ездила в Лос-Анджелес повидаться с отцом, меня вызвал к себе генерал Шоркт. Он дал мне приказ. Я выполнила его. Все очень просто.

— Это не так уж просто. На Нюрнбергском процессе...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Что я не лучше тех нацистов, которым приказывали убивать евреев, и они это делали. А потом пытались избежать правосудия, ссылаясь на то, что выполняли приказ.

— Это вы сказали, не я.

— А может быть, у них не было выбора, и они делали то же самое, что все остальные? Я их не защищаю — я просто пытаюсь объяснить вам, что сделала я. У меня был выбор. Я могла подать в отставку и выйти из игры. Меня бы не расстреляли.

— Значит, вы согласились, когда вам приказали лгать мне и шпионить за мной? — голос Брайана был по-прежнему ровен, без всяких признаков гнева.

Но ее волнения хватило бы на двоих. Она подалась вперед и, медленно, бесшумно ударяя кулаком по столу, шептала:

— Я думала, что, если вы убежите один, вам будет грозить опасность. Правда, я так думала. Я хотела защитить вас.

— Тем, что позвонили из поезда и рассказали Шоркту все о моих планах?

— Да. Я была убеждена, что вы можете не справиться, что вам придется плохо, и хотела, чтобы вас защитили. Да, я считаю, что военная разведка должна была знать, что вы делаете. Если вы знаете что-то важное для страны, я считаю, что стране тоже важно это знать.

— Ради национальной безопасности можно предать друга?

— Если вы хотите так поставить вопрос, — да, я считаю, что можно.

— Бедная Шелли, вы живете в прошлом. Национализм, ура-патриотизм, размахивание флагами для вас важнее личной чести, важнее всего. Вы не понимаете, что этот мелочный национализм умер, что теперь речь идет о всемирном национализме. И холодная война тоже умерла, Шелли, а скоро, я надеюсь, отомрут всякие войны. И мы наконец-то будем свободны от гнета военных. Давно окаменевших, вымерших — но слишком глупых, чтобы лечь в могилу. Вы приняли свое решение и рассказали мне об этом. Разговор окончен. Прощайте, Шелли. Не думаю, чтобы мы еще когда-нибудь встретились.

Он вытер губы салфеткой, встал и пошел прочь.

— Нет, вы не можете вот так взять и уйти! Я пришла, чтобы объясниться, может быть, принести извинения. Я человек, и мне легко сделать больно. Вы делаете мне больно, вы это понимаете? Я пришла, чтобы загладить свою вину. Если вы этого не понимаете, вы, наверное, больше машина, чем человек. Вы не можете просто повернуться ко мне спиной и уйти!

Но именно это он, разумеется, и сделал.

Глава 44

*Ла-Хойя, штат Калифорния
8 февраля 2026 года*

Эрин Снэрсбрук просматривала свою личную утреннюю газету, когда ее взгляд упал на сегодняшнюю дату. В этой газете почти не было обычных новостей — политики или спорта, зато было много биохимии и нейрофизиологии. Она погрузилась в чтение статьи о росте нервов, но что-то ей все время мешало. Потом ее взгляд снова упал на сегодняшнюю дату — и тут она уронила на стол лист вечной бумаги, взяла чашку кофе и сделала глубокий глоток.

Тот самый день. Она никогда его не забудет, никогда. Время от времени, когда Эрин была чем-то занята, он отступал на задний план, но потом что-нибудь напоминало о нем, и он снова вставал у нее перед глазами. Размозженный череп, загубленный мозг, охватившее ее бесконечное отчаяние. Со временем отчаяние сменила надежда, а потом огромная радость, когда Брайан выжил.

Неужели прошел еще год? Год, на протяжении которого она ни разу не видела его, не говорила с ним. Она пыталась до него дозвониться, но он не отвечал. Подумав об этом, она снова набрала его номер и получила тот же самый ответ автосекретаря: да, ее сообщение записано, Брайан ей позвонит. Но он так ни разу и не позвонил.

Год — долгое время, и ей это не нравилось. Невидящими глазами она смотрела за окно, на сосны и океан за ними. Слишком долго. Но на этот раз она решила, что пора что-то предпринять.

Вуди взял трубку после первого же гудка.

— Вуд, служба безопасности.

— Вуди, это доктор Снэрсбрук. Я хотела бы знать, не можете ли вы помочь мне связаться с одним человеком.

— Только скажите с кем.

— С Брайаном. Сегодня годовщина того страшного дня, когда его ранили. И до меня вдруг дошло, что я уже по меньшей мере год с ним не разговаривала. Я звоню ему, но он не отвечает. Надеюсь, он здоров, иначе я бы знала.

— Он в прекрасной форме. Иногда я встречаю его в спортзале, когда хожу на тренировки. — Вуди сделал долгую паузу, а потом продолжал: — Если вы не очень заняты, я мог бы устроить вам свидание с ним прямо сейчас. Хорошо?

— Замечательно! У меня почти весь день свободен, — отозвалась она и повернулась к своему терминалу, чтобы перенести давно назначенный прием полудюжине больных. — Буду у вас, как только смогу.

— Я вас встречу. Пока.

Когда она вывела машину из гаража, солнце скрылось за темной тучей, и на лобовое стекло упали капли дождя. Чем дальше от берега, тем дождь становился сильнее, но стена гор, как всегда, преградила путь тучам и буре. Когда она спускалась с перевала Монтезума, уже вовсю светило солнце, и она опустила стекло, чтобы подышать теплым воздухом пустыни.

Вуди, как и обещал, ждал у ворот «Мегалоуб». Он не стал открывать их, а вместо этого вышел наружу и подошел к машине.

— Найдется у вас место для пассажира? — спросил он.

— Да, конечно. Садитесь. — Она дотронулась до кнопки, и дверца распахнулась. — А что, Брайана здесь нет?

— В последнее время он редко здесь бывает.

Как только Вуд сел в машину, дверца захлопнулась, и поперек его груди лег ремень безопасности.

— Обычно он работает дома. Вы были когда-нибудь на Ранчо Расщепленной Горы?

— Нет, и даже никогда о нем не слыхала.

— Вот и хорошо. Мы стараемся о нем не шуметь. Поезжайте на восток, и я скажу вам, где свернуть. На самом деле это не ранчо, а усиленно охраняемое место, где живут самые высокопоставленные сотрудники «Мегалоуб». Домики на несколько квартир и особняки. Теперь, когда мы расширили производство, понадобилось найти какое-нибудь безопасное место поблизости, где они могли бы жить.

— Звучит неплохо. Но у вас озабоченный вид, Вуди. В чем дело?

— Не знаю. Может быть, и ни в чем. Вот почему я подумал, что хорошо бы вам с ним поговорить. Понимаете, мы все реже его видим. Раньше он обычно обедал в нашем кафе. Теперь нет. Очень редко вообще появляется. А когда я его вижу, он... ну, держится на расстоянии, что ли. Никаких шуток, никакой болтовни о том, о сем. Не знаю, может быть, его что-то тревожит? Сейчас направо.

Дорога, поколесив по пустыне, закончилась у широких ворот в стене, тянувшейся в обе стороны. Деревья, посаженные вдоль стены, не могли скрыть ее высоты и надежности, а кованые металлические ворота были не простым украшением. При их приближении ворота открылись, машина въехала во двор и остановилась перед вторыми воротами. Из сторожки, замаскированной под беседку, вышел пожилой человек в форменной одежде и не спеша подошел к ним.

— Доброе утро, мистер Вуд, и вы, доктор. Подождите секунду, и сможете заехать.

— Хорошо, Джордж. Что, не дают тебе покоя?

— Ни днем ни ночью.

Он спокойно улыбнулся и снова ушел в сторожку.

— Ну, охрана здесь не слишком строгая, — сказала доктор Снэрсбрук.

— Охрана здесь самая строгая в мире. Старик Джордж на пенсии. Ему такая работа нравится. Лучше, чем сидеть дома. Его обязанность — всего лишь здороваться с людьми, и он ее исполняет прекрасно. А настоящая охрана поручена машинному интеллекту. Он следит за каждым автомобилем, едущим по земле, и за каждым самолетом, летящим в небе. За то время, пока

вы сюда ехали, он уже узнал, кто вы, что здесь делаете, связался со мной, удостоверил вашу личность и получил мое разрешение.

— Но если он такой умный, зачем эта задержка?

— Никакой задержки. Датчики, спрятанные под землей, осматривают автомобиль и все его детали, проверяют, нет ли в нем бомб или оружия, связываются с вашей АТС, чтобы убедиться, что ваш телефон действительно ваш... Ну вот, готово.

Наружные ворота закрылись, и только после этого распахнулись внутренние.

— Этот МИ один работает лучше, чем все мои люди и аппаратура там, в «Мегалоуб». Теперь прямо вперед, четвертый или пятый перекресток — там написано «Авенида Джакаранда».

— Ничего себе, — заметила доктор Снэрсбрук, остановив машину перед обширным домом в кричащем стиле модерн.

— А почему бы и нет? Брайан теперь миллионер, если не больше. Видели бы вы сводки о сбыте.

Когда они подошли к двери, раздался голос:

— Доброе утро. К сожалению, мистер Дилени сейчас не может вас принять...

— Я Вуд из службы безопасности. Заткнись и скажи ему, что здесь я и доктор Снэрсбрук.

После небольшой паузы дверь открылась.

— Мистер Дилени сейчас вас примет, — сообщил невидимый голос.

Когда они, пройдя через холл, вошли в комнату с высоким потолком, Эрин поняла, почему Брайану больше нет нужды ходить в лабораторию. Здесь работать было, вероятно, даже лучше. Компьютеры и какие-то приборы, строгие и сверкающие, занимали одну из стен. Перед ними сидел Брайан, сзади него неподвижно стоял МИ. Брайан даже не взглянул на них — глаза его были устремлены куда-то в пространство.

— Пожалуйста, подождите минутку, — сказал МИ. — Мы обсуждаем одно очень сложное уравнение.

— Это ты, Свен?

— Как мило с вашей стороны, что вы меня помните, доктор Снэрсбрук. Ведь я всего лишь подсистема, запрограммированная на самые простые реакции. Если вы немного подождете...

Свен шевельнулся, придал своим нижним манипуляторам форму ног и подошел к ним.

— Редкое удовольствие — видеть вас здесь. У нас мало кто бывает. Я все время твержу Брайану, что делу время, потехе час, вы же понимаете. Но он настоящий трудоголик.

— Вижу, — она показала на Брайана, по-прежнему сидевшего неподвижно. — А он знает, что мы здесь?

— О да. Я сказал ему, прежде чем отвлекся от расчетов. Он просто хочет поработать немного еще.

— Ах, немного еще? Как мило и гостеприимно с его стороны. Вуди, я понимаю, что вы имели в виду. Наш друг Свен больше похож на человека.

— Вы очень добры ко мне, доктор. Но вы должны понимать, что чем больше я совершенствую свой разум и изучаю человечество, тем больше становлюсь человеком. Разумным человеком, я надеюсь.

— Ты молодец, Свен. Жаль, что не могу сказать того же о Брайане.

Ее сарказм, видимо, дошел до сознания Брайана. Он нахмурился, потом тряхнул головой.

— Вы ко мне несправедливы, доктор. У меня есть работа. И единственный способ ее выполнить — это отделить эмоции от логики. Невозможно эффективно думать, когда в организме полно гормонов и адреналина. Это большое преимущество, которое Свен и ему подобные имеют перед людьми из плоти и крови. У них нет желез внутренней секреции.

— Признаю, что желез у меня нет, — сказал Свен. — Но статические разряды время от времени оказывают на меня такое же действие.

— Это неправда, Свен, — сказал Брайан ледяным голосом.

— Ты прав — я попытался пошутить.

Эрин Снэрсбрук молча смотрела на них. На мгновение ей показалось, что Свен больше похож на человека, чем Брайан. Не утрачивает ли Брайан человеческий облик по мере того, как Свен его приобретает? Она отогнала эту страшную мысль.

— Ты сказал, что обсуждаете какое-то уравнение. Вам уже нет необходимости соединяться друг с другом с помощью волоконно-оптического кабеля?

— Нет. — Брайан коснулся рукой затылка. — Небольшое усовершенствование — теперь связь осуще-

ствляется модулированным инфракрасным сигналом. — Он встал, потянулся и сделал слабую попытку улыбнуться. — Простите, если я был невежлив. Мы со Свеном вышли на что-то настолько важное, что даже страшно.

— А что это?

— Я еще не уверен — то есть не уверен, что мы справимся. И мы работаем как сумасшедшие, потому что хотим закончить к следующему заседанию правления «Мегалоуб». Было бы здорово их этим огорошить. Ах да, я, кажется, не слишком радушный хозяин...

— Конечно! — подтвердил Свен. — Но я постараюсь загладить твою вину. Сэр и мадам, прошу вас сюда, в гостиную. Освежающее питье, тихая музыка — мы очень гостеприимны, когда хотим.

Свен сделал рукой легкое движение в сторону Брайана — в нем можно было увидеть извинение, даже, может быть, покорность судьбе.

Брайан и Вуди выпили лимонада, но доктор Снэрсбрук, которая почти не пила, если не считать официальных приемов, вдруг почувствовала, что ей хочется чего-нибудь покрепче.

— Мне «мартини» со льдом, капелькой лимона и без вермута. Можешь устроить это, Свен?

— Это вполне в моих возможностях, доктор. Один момент, пожалуйста.

Она сидела в мягком, уютном кресле, держа руки на сумочке, и изо всех сил сдерживала гнев. Может быть, «мартини» поможет.

— Как ты себя чувствуешь, Брайан?

— Очень хорошо. Занимаюсь спортом, когда есть время.

— А голова? Какие-нибудь нежелательные симптомы, боли, что-нибудь в этом роде?

— Ничего похожего.

Она с благодарностью кивнула Свену и сделала глоток. Действительно помогло.

— Мы с тобой давно уже не работали с машиной-коррелятором.

— Знаю. Мне кажется, в этом больше нет необходимости. Процессор прижился, я могу получить к нему доступ в любой момент, когда захочу. Никаких проблем.

— Это хорошо. А тебе не приходило в голову сообщить об этом мне? До сих пор я опубликовала только общее описание операции, потому что ждала окончательных результатов.

В ее голосе прозвучала ледяная нотка. Брайан заметил это и чуть покраснел.

— Это мой недосмотр. Простите. Знаете, я все напишу и перешлю вам.

— Будет очень мило с твоей стороны. Я несколько раз говорила с Шелли...

— Это меня не интересует. Часть прошлого, которое я забыл.

— Прекрасно. Но я полагаю, тебе хотя бы из гуманитарных соображений будет интересно знать, что ее отцу сделали операцию, установили шунт, и он чувствует себя хорошо. А она не смогла вернуться к гражданской жизни и снова вступила в армию.

Брайан, глядя в окно, пригубил свой бокал и ничего не сказал.

Они ушли через полчаса, после того, как Брайан сказал, что ему надо снова садиться за работу. Снэрсбрук не проронила ни слова, пока они не выехали за ворота.

— Это мне не нравится, — сказала она.

— Но он обещал чаще ходить в спортзал, верно?

— Замечательно. Значит, с его светской жизнью все в порядке. Вы слышали, что он говорил: театры, концерты — у него тут самая лучшая видеоаппаратура и проигрыватели. Визиты? Он никогда не любил ходить по гостям. И девушки — больше всего мне не понравилось, как он вообще ушел от разговора на эту тему. Что вы по этому поводу думаете, Вуди? Вы же его друг.

— Я думаю... Иногда, когда я смотрю на них обоих... иногда, не всегда — все как вы сказали. Свен больше человек, чем он.

Глава 45

Эпилог

Заседание правления компании «Мегалоуб» началось ровно в десять утра. Председателем правления был теперь Кайл Рохарт, заметно выросший за эти годы под бременем ответственности, которая легла на его плечи. Он жестом попросил тишины.

— Я думаю, пора начинать, работы предстоит много. Наш ежегодный отчет перед собранием акционеров должен состояться через месяц, и нам нелегко будет закончить его к сроку. Производительность новых, управляемых машинным интеллектом сборочных линий растет настолько, что в это просто трудно поверить. Но прежде чем мы начнем, я хотел бы представить вам нового члена нашего правления. Свен, сейчас я познакомлю тебя с остальными.

— Благодарю вас, мистер Рохарт, но в этом нет необходимости. Каждого из них я знаю по фотографии и хорошо знаком с его биографией и послужным списком. Господа, я рад, что буду работать с вами. Прошу вас обращаться ко мне всякий раз, когда вам потребуется какая-либо специальная информация. Помните, что я связан с машинным интеллектом, можно прямо сказать, с самого начала.

Послышался одобрительный шум. Несколько членов правления, раньше не имевшие случая познакомиться с

МИ, в изумлении разглядывали его. Рохарт взглянул в свои заметки.

— Начнем с нашей новой продукции. Брайан собирается сообщить вам нечто важное. Но прежде я должен поставить вас в известность о том, что первое в мире судно, оборудованное машинным интеллектом, только что отправилось в плавание из Иокогамы. МИ на нем выполняет функции и капитана, и команды, однако по настоянию японского правительства на борту находятся также механик и электрик. Я убежден, что плавание им понравится, потому что им будет абсолютно нечего делать.

Все посмеялись.

— Вот что еще вам будет приятно услышать, — продолжал Кайл. — Созданный нашим подразделением «НаноКорп» новый молекулярный микроскоп теперь работает почти безукоризненно. Как вы, вероятно, знаете, он напоминает применяемый в медицине ультразвуковой сканер, — но он в миллион раз меньше, потому что в нем использованы последние достижения нанотехнологии. Он работает, посылая к близлежащим молекулам механические колебания и анализируя поступающие отраженные сигналы. Если ввести его зонд в ядро клетки, мы можем обнаружить и исследовать хромосомы и прочитать весь геном данного организма за считанные минуты. Со временем подобные данные будут использоваться для полной реконструкции путей эволюции каждого живого существа. Располагая такими знаниями, мы сможем создавать с нуля буквально любое животное, какое пожелаем. Например, один из наших генетиков не видит особых причин, почему бы нам не создать корову, которая будет давать кленовый сироп вместо молока.

Послышался смех и одобрительные реплики.

— А теперь, Брайан, твое слово.

— Спасибо, Кайл. Господа, я, возможно, опережаю события, рассказывая вам о новом изделии, но оно открывает такие волнующие перспективы, что, мне кажется, вы должны знать, над чем мы работаем. Вся честь здесь принадлежит Свену — это его открытие, и он во всех подробностях продумал, как воплотить его в практику, прежде чем вообще посвятил в эту проблему меня.

Брайан перевел дух.

— Если расчеты верны и новый материал, который мы называли «суперэкс», пойдет в производство, это коренным образом изменит все нынешние способы использования энергии. Изменит облик всего мира!

Он подождал, пока шум утихнет, и продолжал:

— Все это основано на квантовой теории физического явления, которое лауреат Нобелевской премии Цунами Хуанг назвал анизотропным фононным резонансом. До сих пор эта теория не находила никакого практического применения. Свен показал нам, как это можно сделать. Все вы слышали о сверхпроводниках, которые проводят электричество без всяких потерь. А Свен сделал то же самое для тепловой энергии. Его новый материал проводит тепло почти беспрепятственно в одном направлении. В обратном направлении «суперэкс» должен быть почти абсолютным теплоизолятором. Как вы знаете, термическое сопротивление дорогостоящих новейших теплоизоляционных стройматериалов измеряется сотнями единиц. А из новой теории следует, что термическое сопротивление «суперэкса» составит около ста миллионов. И его легко напылять на поверхности в виде покрытия, наносимого с помощью поляризующего поля.

Он сделал паузу, ожидая реакции на свои слова, но никто не знал, что сказать. «Дельцы», — с горечью подумал он.

— Вот пример: если тончайшую пленку «суперэкса» нанести на банку с пивом, оно останется холодным на протяжении нескольких лет. Мы сможем выбросить на свалку все наши холодильники, не тратить ни гроша на отопление. Электрические сверхпроводники так и не нашли широкого применения, потому что они не могут работать при обычных температурах. Теперь же изоляция из «суперэкса» позволит передавать энергию по сверхпроводящим кабелям без потерь — даже с континента на континент. Открывающиеся здесь возможности невероятны. Проложенные вдоль меридианов теплопроводящие кабели из «суперэкса» будут переносить тепло из пустынь и холод с полюсов. А это значит, что в любой промежуточной точке можно получать практически бесплатное термоэлектричество!

Это произвело впечатление на присутствующих — шум и выкрики почти заглушили голос Брайана.

— Подумайте о том, каким станет мир! Мы сможем прекратить сжигание ископаемого топлива — навсегда покончить с угрозой парникового эффекта. Чистая, не загрязняющая среду энергия спасет человечество. Ближневосточные нефтяные кризисы навсегда останутся в прошлом, когда закроются все нефтяные скважины. Если использовать нефть только как химическое сырье, в Америке ее более чем достаточно для всех наших нужд. Возможности здесь почти беспредельны. Свен разработал некоторые подробности внедрения нового материала в практику и сейчас вам о них расскажет. Свен?

— Спасибо, Брайан, — отозвался МИ. — Ты очень великодушно приписал мне всю честь открытия, но твой вклад в математическое обоснование теории намного превосходит мой. Я начну с анализа практических возможностей.

На поясе у Брайана загудел телефон. Сначала он не обратил на это внимания, но после второго гудка поднес его к уху.

— Я сказал вам, чтобы меня ни с кем не соединяли!..

— Простите, сэр, это все служба безопасности, они на этом настояли. У мистера Вуда есть для вас какая-то заказная бандероль — она сейчас здесь, на столе в приемной. Ее вскрыли и проверили на отсутствие бомбы. Оставить ее для вас или прислать? Мистер Вуд говорит, что готов отнести ее вам. Он полагает, что вы захотите увидеть ее немедленно.

— Хорошо. Скажите ему, пусть принесет ее сюда, я буду ждать.

Брайан тихо вышел из зала заседаний и ждал в приемной, когда вошел Вуд.

— Она из Европы, Брайан, и адресована лично вам. Поскольку устроенная вами революция началась с того, что вы побывали в Европе, я решил, что она может быть как-то с этим связана.

— Возможно. А откуда она?

— Обратный адрес — «Народный банк Швейцера» в Сент-Морице.

— Я там побывал когда-то, только ни с каким банком дела не имел... Ах, Сент-Мориц? Давайте ее сюда.

Он сорвал обертку, и на стол упала видеокассета.

— Мы так и подумали, когда просвечивали ее рентгеном. А какое-нибудь письмо при ней есть?

— Она сама и есть письмо. Оно ясно и недвусмысленно гласит: «Просмотри меня».

Брайан взвесил кассету на руке, взглянул на невозмутимое лицо Вуда.

— Я должен просмотреть ее один. Вы оказались правы — это важно. Но я не могу нарушить обещание и сейчас не скажу вам почему. Вместо этого даю еще одно обещание — я сообщу вам, что там, как только смогу.

— Хорошо. Кажется, выбора у меня нет. — Вуд нахмурился. — Только не делайте никаких глупостей, слышите?

— Слышу вас хорошо. Спасибо.

Брайан зашел в первый же свободный кабинет, закрыл за собой дверь и вставил кассету в машину. Экран замерцал, потом очистился, и на нем появился знакомый кабинет, уставленный книжными полками. В кресле посреди кабинета сидел доктор Бочерт. Он протянул руку к камере и заговорил:

— Я прощаюсь с вами, Брайан. Или, точнее говоря, я попрощался с вами некоторое время назад, потому что эта запись была сделана вскоре после нашей встречи. Я уже стар, отягощен годами и смертен, как всякий человек. Эту запись я оставляю в своем банке, которому согласно моему завещанию поручено переслать ее вам после моей смерти. Так что можете считать, что я говорю с вами, так сказать, из могилы. Должен признаться, что во время нашей встречи здесь утаил от вас одно довольно важное обстоятельство. Прошу за это прощения, потому что это было продиктовано чистейшим эгоизмом. Если бы я вам это сообщил и если бы это помогло вам установить, кто ваши враги, это в свою очередь могло бы привести к моей гибели. Мы с вами знаем, что они не остановятся ни перед чем. Но хватит об этом. Я хочу сообщить вам, что Дж.-Дж. Бэкуорт жив и живет здесь, в Швейцарии. В стране, которая специализируется на анонимности и соблюдении тайн. Я увидел его совершенно случайно, когда он выходил из одного банка в Берне. Мне повезло, что он не увидел меня первый. Разумеется, после этого я не появляюсь в Берне — вот почему я живу здесь, в Сент-Морице. Однако я нанял надежных детективов, которые установили его местожительство. Сейчас он живет в очень фешенебельном пригороде Берна под фамилией Биге-

лоу. Я прочитаю его адрес, после чего скажу вам не «до свиданья», а настоящее последнее «прощай».

Голос Бочерта умолк. Едва оправившись от потрясения, Брайан воскликнул:

— Он жив! И я знаю, где его найти!

Бэкуорт жив — эта мысль поразила его как ножом. Единственный человек, который знает все подробности, всех тех, кто стоял за похищением и убийствами, который знает все! Они пытались убить его, пытались не один раз. Почти уничтожили его мозг, уложили его в больницу, перевернули всю его жизнь.

Он разыщет Бэкуорта, разыщет тех, кто стоял за ним. Разыщет и заставит их расплатиться за то, что они с ним сделали.

Брайан шагал взад и вперед по комнате, стараясь побороть волнение и спокойно подумать. Потом он схватился за телефон. Беникоф будет знать, что делать. Он начал расследование, — теперь он его и закончит.

Бен пришел от этой новости в такое же возбуждение, как и Брайан, хотя ему и не понравились условия, которые он был вынужден принять.

— Вообще-то это дело надо бы предоставить полиции. Бэкуорт — опасный человек.

— Полиция может забирать его после того, как мы с ним поговорим. Я хочу встретиться с ним лицом к лицу. Бен, я должен это сделать. Если вы не хотите ехать со мной, я сделаю это один. У меня есть его адрес, а у вас нет.

— Это шантаж!

— Прошу вас, не думайте так. Просто для меня это единственно возможный путь. Сначала мы с вами поговорим с ним, а потом пусть полиция его забирает. Мы возьмем с собой Свена, чтобы он записал все, что будет сказано. Идет?

В конце концов Бен нехотя согласился. Брайан вернулся на заседание, но почти не слушал. Теперь он мог думать только об одном — о Бэкуорте. При первой же возможности он ушел и отправился к себе, чтобы собраться в путь. Он еще не кончил, когда в дверь постучал Свен.

— Я собирался послать за тобой, как только кончится правление. У меня есть новость...

— Знаю. Я слушал эту пленку с большим интересом.

— Я мог бы догадаться.

— Мне тоже стало любопытно, что это за бандероль. Скоро мы едем?

— Прямо сейчас. Пошли.

Они встретились с Беном в аэропорту Канзаса как раз вовремя, чтобы попасть на вечерний рейс до Европорта в Венгрии. Полет по крутой траектории, проходившей за пределами атмосферы, занял меньше получаса. В десять раз больше времени они провели в спальном вагоне на пути в Швейцарию. Свену очень понравилось путешествие, во время которого он привлекал всеобщее внимание. МИ пока еще редко появлялись на публике.

Водитель такси проехал мимо нужного дома, как ему было сказано, и высадил их на ближайшем углу. Бен все еще тревожился.

— Я все-таки думаю, что нам надо было переговорить с полицией, прежде чем идти туда.

— Слишком велик риск. Существует вероятность, пусть даже самая малая, что у тех, кто за этим стоит, есть информатор в местной полиции или что они прослушивают их разговоры. Тогда мы рискуем потерять все. Мы придумали прекрасный компромисс. Ваше ведомство через полчаса свяжется с Интерполом и бернской полицией. Это означает, что мы сможем сначала с ним поговорить. Пошли.

Где-то в доме прозвенел звонок, и мгновением позже робот открыл дверь. Это была одна из простейших моделей, которую выпускали по лицензии в Японии.

— Он вас ожидает?

— Я на это очень надеюсь, — сказал Брайан. — Я его бывший сотрудник из Соединенных Штатов.

— Он в саду. Сюда, пожалуйста.

Робот провел их через весь дом в обширную комнату, застекленные двери которой открывались в сад. Там спиной к ним сидел Бэкуорт, читая газету.

— Кто это был? — спросил он.

— Вот эти господа к вам.

Бэкуорт опустил газету и обернулся. Когда он увидел Брайана, лицо его окаменело. Он медленно поднялся на ноги.

— Ну что ж, господа, давно пора вам появиться. Я следил за всеми вашими действиями и был крайне удивлен, что вы настолько лишены предприимчивости. Но вот наконец вы здесь. — В его голосе не было

тепла, лицо выражало ненависть. — Итак, наконец Брайан Дилени и с ним один из новых МИ. И я вижу, вы привезли с собой и Бена. Все еще бездарно ведущее расследование, которое, видимо, все же завершилось успешно, раз вы здесь. Хотя боюсь, Бен, что мне не с чем вас поздравить.

— Зачем, Джей-Джей? Зачем вы это сделали?

— С вашей стороны это исключительно глупый вопрос. Неужели вы не знали, что компании-учредители, основавшие «Мегалоуб», собирались меня уволить? Они ничего не имели против меня лично, но хотели взять кого-нибудь ближе знакомого с техникой. Я поразмыслил над этим и решил, что лучше будет уйти на моих собственных условиях. Это позволило бы мне избавиться заодно и от своего старого дома, от своей старой жены и от своих надоедливых, жадных детей. Я смог бы начать новую, гораздо более обеспеченную жизнь. — Он впервые посмотрел в глаза Брайану, и его лицо исказила гримаса холодной ненависти. — Почему ты не умер, как от тебя требовалось?

На лице у Брайана отразилась такая же ненависть, как и у Бэкуорта, но к ней примешались еще и воспоминания о перенесенной страшной боли. Он долго молчал и, только справившись с волнением, заговорил:

— Кто стоял за убийствами — и похищением?

— Только не говорите мне, что проделали такой долгий путь исключительно ради того, чтобы спросить меня об этом. Я думал, ответ теперь должен быть очевиден. Вам лучше, чем мне, известно, кто в мире занимается разработкой искусственного интеллекта.

— Это не ответ, — сказал Брайан. — Есть множество университетов...

— Не говорите глупостей. Я говорил о правительствах. Как вы думаете, откуда еще могли взяться огромные суммы, которые понадобились, чтобы финансировать такую дорогостоящую операцию?

— Вы лжете, — холодно произнес Брайан, сдерживая гнев. — Правительства не совершают убийств и не нанимают убийц.

— Молодой человек, неужели вы всю жизнь прожили в пустыне? Всякий, кто за последние пятьдесят лет хоть раз раскрывал газету, рассмеется над вашей наивностью. Неужели вы незнакомы со всемирной историей? Был случай, когда французское правительство

подослало убийц, чтобы взорвать целое судно с противниками ядерных испытаний, — и даже ухитрилось прикончить одного из них. А когда заговор был раскрыт, они открестились от всей этой затеи и даже обманом уговорили Новую Зеландию выпустить осужденных убийц. И такими операциями занимаются не одни только французы. Вспомните итальянское правительство и их тайную операцию, которая называлась «Гладио». Там политики разрешили создать сеть секретных агентов — в своей стране и во всех странах НАТО тоже — для выполнения преступно-идиотского плана создания вооруженных групп боевиков, партизан, на совершенно невероятный случай, если страны Варшавского пакта не только победят их в войне, но и оккупируют их. На самом же деле в результате оружие получили правые террористы, и множество людей погибло.

— Вы хотите сказать, что ваш преступный план поддерживали французы или итальянцы?

— А англичане? Они посылали войска в Северную Ирландию с приказом стрелять на поражение в своих собственных граждан. Когда расследованием этого дела занялся полицейский офицер из Лондона, они довели до банкротства и разорили ни в чем не повинного бизнесмена только для того, чтобы приостановить расследование. Потом им показалось мало убивать своих граждан на собственных островах, и они направили команду хладнокровных убийц в Гибралтар, чтобы убивать на улицах иностранцев. Потом они даже послали специалистов за море, чтобы обучать солдат «красных кхмеров» — одного из самых кровожадных режимов в истории — установке хитроумных мин, чтобы убивать гражданских лиц.

— Значит, это англичане?

— Вы меня совсем не слушаете. В России Сталин отправил миллионы своих граждан на смерть в лагерях. Это чудовище Саддам Хусейн применял напалм и ядовитые газы против собственных граждан-курдов. Да и у нас руки не так уж чисты. Разве агенты ЦРУ не пробрались в Никарагуа — страну, с которой мы теоретически находились в мире, — и не заминировали там гавани...

— Так кто же из них? — прервал его Беникоф. — Я не собираюсь отрицать, что разные страны совершили множество преступлений. Это самое скверное насле-

дие национализма и патологически глупых политиков, которое, как и войну, предстоит искоренить. Но мы пришли сюда не для лекций на политические темы. К кому из них вы обратились со своим планом? Кто из них стоит за похищением и убийствами?

— Да разве это так важно? Все они на это способны, и уверяю вас, что многие были готовы на это пойти. Может быть, и стоило бы вам сказать, — но я должен сделать кое-что поважнее.

Бэкуорт сунул руку в карман пиджака, выхватил пистолет и направил на них.

— Я прекрасно стреляю, так что не двигайтесь с места. Я ухожу — но сначала у меня есть кое-что для тебя, Брайан. Кое-что, что давно тебе причитается. Твоя смерть. Если бы ты тогда умер, чего от тебя ждали, я бы не прятался здесь, а был бы свободным, уважаемым человеком. И весьма богатым. Мне пора идти, а тебе умереть. Наконец-то...

— Убивать запрещаю! — оглушительно взревел Свен на пределе усиления своего динамика. В то же мгновение он бросился вперед, на Бэкуорта.

Три выстрела последовали один за другим. Робот пошатнулся, вцепился в Бэкуорта, содрогнулся и повалился на землю, все еще держа противника в прочном объятии. Бэкуорт попытался высвободиться, поднял пистолет, прицелился в голову Свена и выстрелил еще раз — прямо в мозг.

И тут произошло нечто ужасное.

Все до единой веточки деревьев-манипуляторов, от самых больших до самых крохотных, вдруг расправились. Бессчетные тысячи металлических лезвий, более острых, чем самые острые ножи, впились в тело Бэкуорта. Они мгновенно разобрали его на клетки, вспоролли все до единого кровеносные сосуды. Кровь беззвучно хлынула на землю, и Бэкуорт умер. Только что он был жив — и вот превратился в истекающую кровью плоть.

Бен взглянул на страшное зрелище и отвернулся. Но Брайан все смотрел и смотрел. Он не видел этой кровавой горстки плоти — он видел только Свена, только свой искусственный интеллект. Своего друга. Мертвого, как и Бэкуорт. Все еще живущего в иных своих воплощениях. Но здесь, сейчас — мертвого.

— Несчастный случай, — сказал Бен, приходя в себя.

— Разве? — спросил Брайан, глядя на две неподвижно лежащие на земле фигуры. — Может быть, и так. А может быть, Свен всего-навсего уберег нас от множества бед. Этого мы никогда не узнаем.

— Да, наверное. Не узнаем и того, к какой стране обращался Бэкуорт. Но, как он и сказал, вряд ли это так важно. Теперь все кончено, Брайан, — вот что важнее всего.

— Кончено? — Брайан поднял голову. Его застывшее лицо было лишено всякого выражения. — Да, для вас кончено. И для Свена кончено. Но для меня ничего не кончено. Они меня убили, неужели вы не понимаете? Они убили Брайана Дилени. У меня сохранились кое-какие его воспоминания, — но я не он. Я полчеловека, полпамяти. И мне начинает казаться, что я вообще не совсем человек. Смотрите, что они у меня отняли. Сначала жизнь. А потом мою человеческую сущность.

Бен хотел что-то сказать, но Брайан остановил его, подняв палец:

— Не говорите этого, Бен. Не пытайтесь разубедить меня и спорить. Потому что я знаю, что я такое. Может быть, это и к лучшему. Я теперь ближе к машинному интеллекту, чем к вам. Я сознаю это. Не могу сказать, что это мне нравится или не нравится, — я просто сознаю это. И пусть будет так.

На лице Брайана появилась кривая, хитрая, совсем не веселая усмешка.

— И больше не будем об этом. Раз я теперь машинный интеллект, почему я должен горевать, что перестал быть человеком?

Наступившее молчание нарушал только вой сирен подъехавших полицейских машин.

Содержание

Выбор по Тьюрингу, роман, <i>перевод с английского А Иорданского</i>	5

Миры Гарри Гаррисона кн 18 / Пер с англ — Рига.
Полярис, 1995 — 463 с.

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга восемнадцатая

Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректор *Н. Дундина*
Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*
Художественное оформление серии *М. Захаренкова*
Оформление обложки и форзаца. *А. Кириллов*
Оформление шмуцтитлов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 10.01.95 Формат 84х108/32

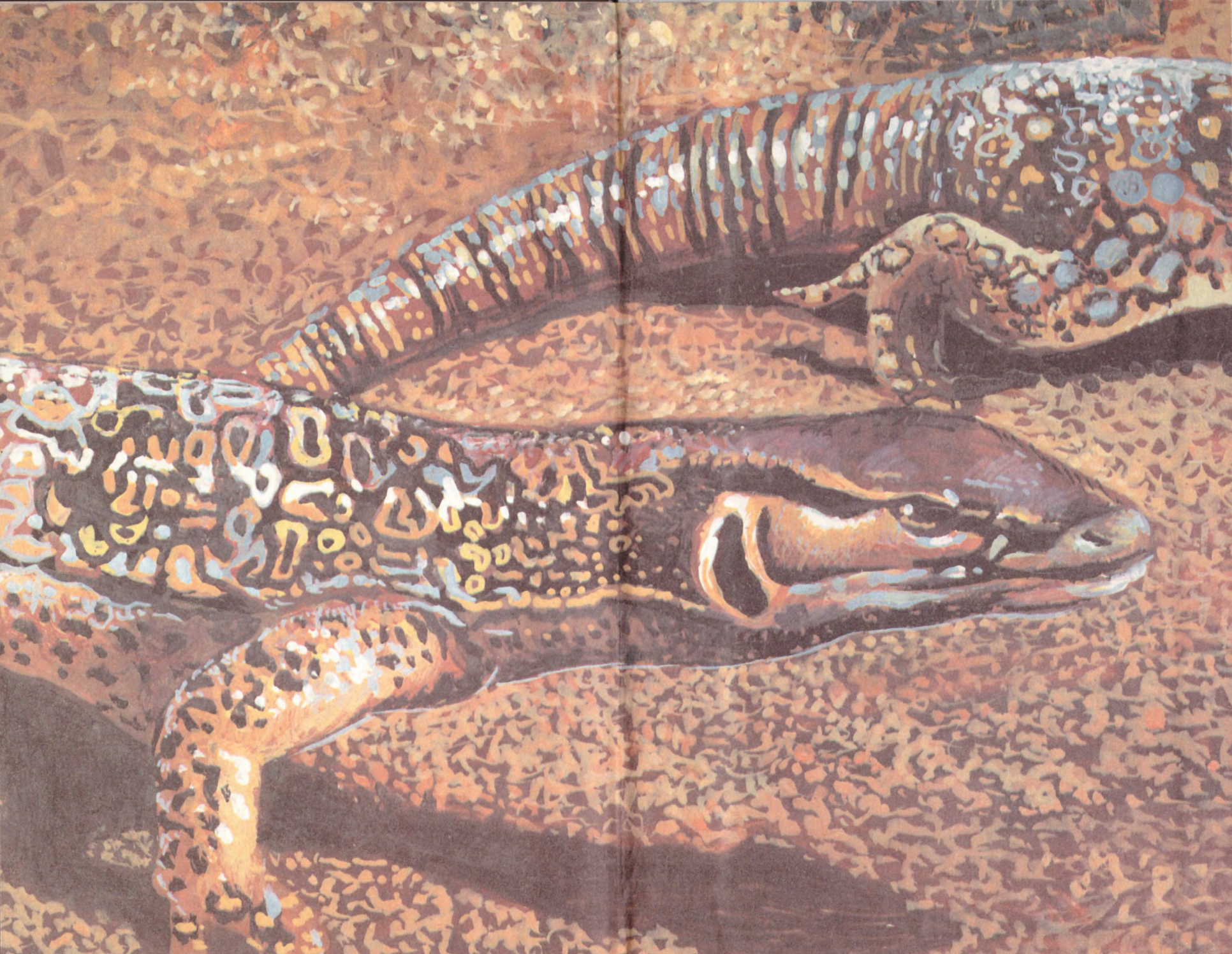
Гарнитура Балтика. Бумага типографская Печать высокая

Усл. печ. л. 24,36. Тираж 25 000 экз. Заказ № 343 С 113

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате
детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

18